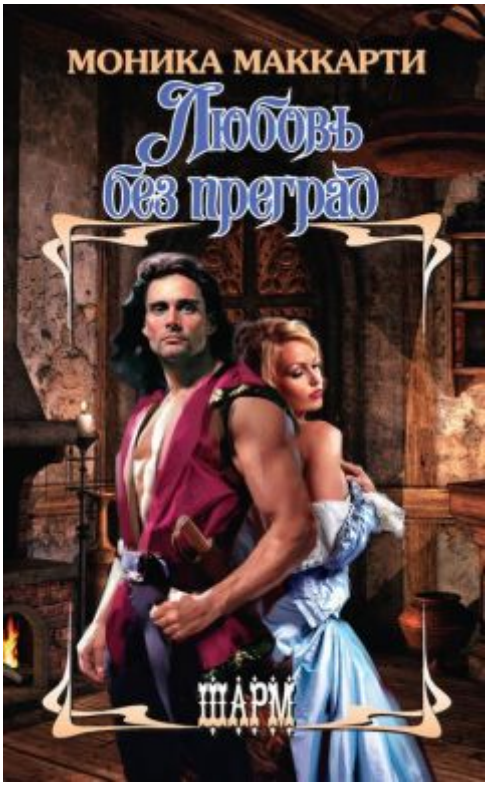

"Моника Маккарти - Любовь без преград"

Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
Topreading.ru

Моника Маккарти

Любовь без преград

Monica McCarty

The Hunter

© Monica McCarty, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Хайлендская гвардия

Тормод Маклауд по прозвищу Вождь — военачальник и искусный фехтовальщик.

Эрик Максорли по прозвищу Ястреб — мореплаватель и прекрасный пловец.

Лахлан Макруайри по прозвищу Змей — хитрец, способный незаметно приблизиться и нанести смертельный удар.

Артур Кэмпбелл по прозвищу Странник — разведчик, способный хорошо ориентироваться на местности.

Грегор Макгрегор по прозвищу Стрела — меткий стрелок из лука.

Магнус Маккей по прозвищу Святой — воин, способный выживать в любых условиях, изготовитель оружия.

Кеннет Сазерленд по прозвищу Лед — подрывник, специалист широкого профиля.

Йен Маклин по прозвищу Гарпун — стратег в области «пиратских» приемов ведения войны.

Юэн Ламонт по прозвищу Охотник — следопыт и специалист по поиску людей.

Роберт Бойд по прозвищу Налетчик — физически сильный воин, мастер рукопашного боя.

Алекс Сетон по прозвищу Дракон — воин, блестяще владеющий кинжалом в ближнем бою.

А также **Хелен Маккей по прозвищу Ангел** (урожденная Сазерленд) — целительница.

Предисловие

1310 год от Рождества Христова

Topreading.ru

Четыре года назад попытка Роберта Брюса занять трон шотландского королевства потерпела неудачу, он оказался вне закона и был вынужден бежать из страны. Однако с помощью секретной армии, состоящей из элитных воинов и известной как Хайлендская гвардия, Брюсу удалось отвоевать свое королевство к северу от реки Тей.

Тем не менее война на границе с Англией продолжалась, и большинство шотландских крепостей было занято английскими солдатами.

После короткой передышки в боевых действиях перемирие было нарушено англичанами, когда Эдвард II двинул свои войска против мятежных шотландцев. Брюс применил новую «пиратскую» тактику ведения боевых действий, совершая внезапные набеги на отряды английских солдат. При этом он отказывался принимать открытый бой и в конце концов вынудил короля Эдварда и его людей отступить на зиму в пограничные районы.

Однако война на этом не закончилась. Теперь на помощь Брюсу пришла не только Хайлендская гвардия, но и церковь. Поддержку ему оказывали такие люди, как епископ собора Святого Андрея Уильям Ламбертон, который организовал шпионскую сеть, привлекая в качестве курьеров для передачи секретной информации Брюсу монахов и монашек, что однажды спасло шотландскому королю жизнь.

Пролог

Замок Дандоналд, графство Эйршир, Шотландия, конец июня 1297 года

Финли Ламонт опять явился в замок пьяным. Его сын, Юэн Ламонт, сидевший в дальнем углу большого зала вместе с другими молодыми воинами, старался не замечать своего отца. Однако громкий взрыв хохота и навязчивый гул голосов, доносившийся со стороны стола, за которым сидел Финли, вызвали у Юэна желание слиться со стенами замка.

— Это твой отец? — спросил один из сквайров графа Монтейта. — Неудивительно, что ты отмалчиваешься, когда речь заходит о твоей семье. Его вид достаточно говорит о вас обоих.

Молодые воины вокруг засмеялись. Юэн хотел провалиться сквозь землю от стыда, однако заставил себя улыбнуться в ответ на эту насмешку и постарался вести себя так, словно все это нисколько его не трогает. Он уже не мальчик, а настоящий мужчина семнадцати лет. Он не мог позволить себе спрятаться где-нибудь, как делал это в детстве каждый раз, когда отец напивался и вел себя непристойным образом.

Однако отсутствие у отца самоконтроля и дисциплины грозило разрушить планы Юэна. Обстановка на этом собрании была чрезвычайно напряженной и могла в любой момент разразиться скандалом, подобно тому, как куча сухих листьев вблизи костра готова вспыхнуть от случайно попавшей искры.

Хотя влиятельные лорды, тайно собравшиеся здесь, состояли в родственной связи — все они были отпрысками Уолтера Стюарта, третьего верховного правителя Шотландии, — они никогда не встречались лицом к лицу. Они явились сюда, чтобы решить, могут ли они отбросить старые разногласия и вместе противостоять англичанам. Появление Финли в зале усилило напряженность, хотя атмосфера и без того была достаточно накалена.

Но, как и Юэн, Финли Ламонт являлся человеком сэра Джеймса Стюарта и как один из боевых командиров имел право присутствовать. Финли был отличным воином, проблема заключалась в том, что он обладал необузданным нравом и потому заслужил прозвище — Дикий Финли.

Он был решителен в бою, остер в споре и мгновенно отвечал на оскорбления. Закон и правила никогда не сдерживали его. Он поступал так, как хотел, независимо от времени и места. Тридцать лет назад, увидев на местной ярмарке женщину, ставшую впоследствии матерью Юэна, он решил завладеть ею, что и сделал. Для него было не важно, что она обручена с Малколмом Ламонтом, его кузеном и главой клана. Не беспокоило Финли и то, что его выбор мог дорого обойтись ему и всему клану.

За год Финли нисколько не изменился, если не считать потерю пальца. В то время, когда Юэн находился на границе Англии и Шотландии на службе у сэра Джеймса Стюарта, пятого верховного правителя Шотландии, его отец напился и поспорил с одним из родственников, что уберет руку со стола быстрее, чем тот успеет опустить свой клинок. Отсутствие верхней фаланги среднего пальца свидетельствовало о том, что Финли проиграл спор.

Безрассудный, скорее дикий, чем цивилизованный, отец Юэна постоянно оказывался участником злоключений. Он предпочитал словам меч и кулаки, — как правило, вместе с виски. Драки и пьянство были для него развлечением, которое никогда ему не надоедало. Еще одной его страстью было заключение пари. Финли Ламонт принимал любой вызов, каким бы безумным и опасным он ни был. Последний раз, когда Юэн был дома, его отец поспорил, что сможет одолеть стаю волков голыми руками. Он сделал это и выиграл пари, хотя серьезно пострадал, когда один из волков вцепился зубами ему в ногу.

Вместо того чтобы вернуться в замок Ротсей для продолжения обучения этой зимой, как было задумано, Юэн остался в Ардламонте, взяв на себя обязанности главы клана, пока его отец восстанавливался. Прошло шесть месяцев, прежде чем Юэн смог вернуться ко двору сэра Джеймса. Он с нетерпением ждал этого возвращения. Юэн хорошо усвоил наставления сэра Джеймса, одно из которых касалось важности исполнения своего долга. Он не сомневался, что ничего подобного не стоит ждать от отца. Долг, ответственность — эти понятия не были знакомы Финли Ламонту. Он был готов пожертвовать чем угодно ради свободы делать все, что вздумается. Сначала он покинул сэра Джеймса, чтобы избавиться от неприятностей, а теперь, похоже, намеревался оставить и Юэна.

Однако Юэн не собирался задерживаться в Ардламонте. Он не считался с желанием отца. Он рассчитывал получить место в свите Стюарта и надеялся, что ему удастся склонить мужчин в этой комнате присоединиться к мятежам, начавшимся в прошлом месяце под руководством человека по имени Уильям Уоллес.

Король Англии Эдвард приказал шотландским лордам явиться седьмого июля в город Эрвин. Вопрос заключался в следующем: преодолеют ли они пять миль до Эрвина, чтобы покориться англичанам или же чтобы вступить с ними в бой.

Сэр Уильям Дуглас уже присоединился к Уоллесу и старался уговорить своих родственников, Стюарта, Монтейта и Роберта Брюса, молодого графа Каррика, последовать его примеру. Сэр Джеймс был склонен примкнуть к тем, кто готов сражаться. Были еще и другие, кого необходимо было убедить присоединиться к восставшим под руководством человека, который, даже не будучи рыцарем, готов противостоять самому могущественному королю в христианском мире.

В случае удачи Юэн через несколько дней отправится на свою первую битву. Он ждал этого с

нетерпением. Как и все собравшиеся за столом молодые воины, он мечтал о славе, надеясь отличиться на поле боя.

Раздавшийся голос отца заставил Юэна похолодеть.

— Когда все это закончится, мой замок будет самой величественной крепостью во всем чертовом Ковале — при всем уважении, Стюарт.

«О Боже, только не это». На этот раз Юэна бросило в жар.

— Где ты собираешься взять золото? — насмешливо спросил один из мужчин. — Из-под своей подушки?

Все знали, что деньги у Финли не задерживались, поскольку тот питал слабость к азартным играм. Не было секретом и то, что его бесславный замок стоял недостроенным в течение шестнадцати лет, с тех пор как мать Юэна умерла при вторых родах, а Юэну едва исполнился год.

Терпение Юэна иссякло. Он не мог больше слушать отца и, отодвинув скамью от стола, встал.

— Ты куда? — спросил его один из друзей. — Скоро начнется обед. Вот-вот прибудут посланцы сэра Джеймса с виски по такому случаю.

— Не беспокойся, Робби, — сказал другой парень. — Ты же знаешь Ламонта. Он безразличен к развлечениям. Он предпочитает чистить доспехи сэра Джеймса, или точить свой клинок, или часами разглядывать землю в поисках каких-то следов.

Этот парень был прав. Однако Юэн привык к насмешкам друзей по поводу его серьезного отношения к своим обязанностям, поэтому они нисколько его не трогали.

— А ты вообще не способен увидеть что-либо на земле, Том, — сказал Робби. — Насколько я слышал, ты не можешь даже поймать рыбу в бочке.

Все засмеялись, а Юэн, воспользовавшись случаем, удалился.

Когда он вышел из зала, в лицо ему ударил порыв холодного влажного воздуха. Почти весь день шел дождь, и хотя еще не стемнело, небеса выглядели почти черными, а на фоне возвышалась новая внушительная каменная цитадель замка. Подобно замку Ротсей на острове Бьют в Ковале, замок Дандоналд в графстве Эйршир был одной из наиболее впечатляющих крепостей в Шотландии, что говорило о влиятельности Стюартов в королевстве.

Двинувшись по двору замка, Юэн сначала зашел в оружейную, чтобы проверить доспехи и оружие сэра Джеймса, затем направился к конюшне и убедился, что его любимая лошадь в полном порядке. Он дал ей пучок сена и присел, как и говорил Том, чтобы разглядывать землю.

Он играл в эту игру с детских лет, когда ему хотелось побыть одному. Он хотел узнать, сколько следов он способен обнаружить и удастся ли ему найти какие-нибудь предметы, которые можно подобрать. В конюшне ему нравилось различать следы тех или иных лошадей.

— Что ты там нашел?

Юэн повернулся и с удивлением увидел в дверном проеме сэра Джеймса. Позади его силуэта

чернело небо. Высокий и стройный, с темно-рыжими волосами с легкой проседью, потомственный верховный правитель Шотландии, он выглядел воплощением благородства и власти. Он был настоящим рыцарем и, как все рыцари, превосходно владел мечом, однако главным его достоинством было умение руководить. Другие воины без колебаний шли за ним в бою и готовы были отдать свою жизнь под его началом.

Юэн мгновенно вскочил на ноги. Давно ли сэр Джеймс здесь?

— Прошу прощения, милорд. Вы искали меня? Собрание закончилось? Что решили?

В ответ тот покачал головой и, усевшись на тюк, жестом пригласил Юэна сесть рядом.

— Боюсь, ничего не решили. Я устал от пререканий и вышел подышать свежим воздухом. Полагаю, ты сделал то же самое?

Юэн кивнул и сосредоточился на длинном стебле сухой травы, стараясь скрыть от сэра Джеймса свое смущение.

— Ты ищешь какие-то следы? — спросил сэр Джеймс.

Юэн снова кивнул и указал на следы копыт на земле.

— Я стараюсь определить характерные особенности отпечатков.

— Я слышал, вчера ты превзошел всех моих рыцарей в соревновании по определению следов. Молодец, мой мальчик. Так держать, и скоро ты станешь лучшим следопытом в Шотландии.

Похвала сэра Джеймса много значила для Юэна. Преисполненный чувством гордости, он не знал, что ответить. В отличие от Финли ему трудно было найти подходящие слова.

Повисло молчание.

— Ты совсем не такой, как твой отец, сынок, — сказал сэр Джеймс.

«Сынок». О, если бы это было так! В отличие от Финли сэр Джеймс был достойным, сдержанным и благоразумным.

— Я ненавижу его, — яростно выпалил Юэн и тут же устыдился своей детской горячности.

Одним из достоинств сэра Джеймса было то, что он никогда не позволял себе унижать кого-либо из своих подопечных, независимо от возраста. Он отнесся со вниманием к тому, что сказал Юэн.

— Хотел бы я, чтобы ты знал своего отца в дни его молодости. Он был совсем другим человеком до того, как умерла твоя мать и им завладело пьянство.

Юэн яростно сжал челюсти.

— Вы имеете в виду, когда он насильно увел мою мать у главы клана?

Сэр Джеймс нахмурился.

— Кто сказал тебе это?

Topreading.ru

Юэн пожал плечами.

— Все так говорят. И мой отец тоже. Это всем известно.

— У твоего отца много грехов, но этот не входит в их число. Твоя мать ушла с ним добровольно.

Юэн потрясенно смотрел на собеседника. Сэр Джеймс как никто другой знал правду, ведь мать Юэна была его кузиной и именно к нему они обратились за помощью, когда отцу за его безрассудный поступок грозила расправа со стороны Малколма Ламонта.

— Так вот почему вы им помогли, — сказал Юэн. Внезапно к нему пришло озарение. Юэн раньше не мог понять, почему сэр Джеймс решил помочь отцу и спасти его от краха, после того как тот похитил невесту главы клана.

— Были и другие причины, — сказал сэр Джеймс. — Одна из них — меч твоего отца. Он был — и до сих пор остается — одним из лучших воинов Шотландии. Надеюсь, ты тоже станешь таким. Кроме того, я хотел, чтобы твоя мать была счастлива.

— Так вот почему вы им помогли, — сказал Юэн. Внезапно к нему пришло озарение. Юэн раньше не мог понять, почему сэр Джеймс решил помочь отцу и спасти его от краха, после того как тот похитил невесту главы клана.

— Были и другие причины, — сказал сэр Джеймс. — Одна из них — меч твоего отца. Он был — и до сих пор остается — одним из лучших воинов Шотландии. Надеюсь, ты тоже станешь таким. Кроме того, я хотел, чтобы твоя мать была счастлива.

Возможно, похищение невесты — не самый тяжкий грех по сравнению с другими проступками Финли. Он нисколько не изменился после своего безрассудного предательского шага, заставившего его покинуть клан.

— Вам не следовало позволять ему приходить сюда, — сказал Юэн. — И Малколму тоже.

Малколм Ламонт больше не был главой клана. Поведение Финли привело к тому, что люди отказались от своего предводителя. Они присоединились к клану Стюарта.

— Иного выбора не было. Малколм — человек моего кузена Монтейта, а твой отец служит мне. Твой отец поклялся, что не нарушит перемирия, несмотря на давление со стороны Малколма. Известно, что между моими родственниками существуют разногласия помимо старой вражды между твоим отцом и Малколмом.

Едва ли Юэн имел право задавать своему господину подобные вопросы, тем не менее он не удержался и спросил:

— И вы верите ему?

Сэр Джеймс кивнул.

— Да, верю. — Он встал. — Однако пойдем, нам следует вернуться в зал. Думаю, обед подошел к концу.

Так и было, но не по той причине, какую они предполагали. Они вышли в дождливую тьму и услышали громкий шум со стороны цитадели. Сначала это были подбадривающие возгласы, потом испуганные вздохи, затем последовала зловещая тишина.

— Это еще что такое? — спросил сэр Джеймс.

У Юэна возникло нехорошее предчувствие.

К цитадели устремилась группа людей. Судя по выражению их лиц, произошло что-то непредвиденное.

— Что случилось? — спросил сэр Джеймс первого из бежавших.

Юэн узнал одного из людей Каррика.

— Бывший глава Ламонтов заявил, что никто не сможет забраться на скалы во время дождя. Дикий Финли поспорил с ним на двадцать фунтов, что сможет сделать это. Он достиг вершины, но поскользнулся на пути вниз и упал со скал.

Юэн похолодел.

Сэр Джеймс выругался. Финли обещал не вступать ни в какие драки, но споры не подвергались запрету. Трудно было сдержаться, когда разгоряченные гости вокруг начали делать ставки.

— Он мертв? — спросил сэр Джеймс.

— Еще нет, — ответил мужчина.

Спустя несколько секунд появились люди Финли, они несли тело своего предводителя.

В первый момент Юэн отказывался верить, что отец покалечился серьезнее, чем раньше. Однако когда отца положили на стол в помещении за деревянной перегородкой в большом зале, Юэн понял, что это конец. Безрассудное желание отца найти смерть осуществилось.

Юэн стоял в дальнем углу комнаты, когда сначала люди Финли, а затем сэр Джеймс прощались с отцом.

Юэн почувствовал жжение в глазах и ненавидел себя за эту слабость. Он сердито потер их тыльной стороной ладони. Финли не заслуживал его сострадания и преданности.

Тем не менее он был его отцом. Пусть несдержанным, безответственным и дерзким, но все-таки отцом.

Чувство вины за сказанные слова теснило грудь Юэна. На самом деле он вовсе не ненавидел отца. Просто он хотел, чтобы тот был другим.

Юэн стоял в углу, пока сэр Джеймс не позвал его.

— Твой отец хочет что-то сказать тебе.

Юэн медленно приблизился к столу. Огромный воин выглядел так, словно его раздавило между двух скал. Его тело было страшно изуродовано. Повсюду была кровь. Юэн не мог поверить, что отец все еще жив.

Он почувствовал, как сжалось его горло. Его охватило чувство гнева и разочарования от этой чудовищной потери.

— Ты станешь хорошим главой клана, мой мальчик, — тихо сказал отец. Его глубокий гулкий

голос теперь звучал хрипло и слабо. — Бог знает, возможно, лучшим, чем был я.

Юэн ничего не ответил. Что мог он сказать? Он вытер слезы рукой, все еще злясь на себя.

— Сэр Джеймс считает тебя способным воином. Он поможет тебе. Следуй его наставлениям и никогда не забывай, что он для нас сделал.

Разве мог он забыть? Юэн и его отец во многом не соглашались друг с другом, но в том, что касалось сэра Джеймса, их мнение было единым: всем своим положением они были обязаны ему.

Голос Финли становился все слабее и слабее. Даже чувствуя, что его время уходит, он не мог найти правильные слова. Он никогда не знал, как выразить свои чувства.

— Самое лучшее, что я сделал в своей жизни, — это похищение твоей матери.

— Почему ты так говоришь? — возмутился Юэн. — Почему ты говоришь, что похитил ее, хотя не делал этого? Она ушла с тобой добровольно.

Финли смог ответить лишь слабой улыбкой одним уголком губ, так как другая сторона его лица была искалечена ударом о скалы.

— Я не знаю, что она нашла во мне. — Юэн тоже не мог этого понять. — Думаю, единственный безответственный поступок, который она совершила в своей жизни, — это любовь к такому варвару, как я. — Он закашлялся, и голос его совсем ослабел, когда легкие наполнились кровью. — Она гордилась бы тобой. Ты мог бы стать таким же жестоким и неразумным, как я, но ты больше похож на нее. Она так переживала, решившись ослушаться своего отца.

Юэн очень мало знал о своей матери. Отец редко упоминал о ней. Теперь, когда время неумолимо уходило, ему внезапно захотелось узнать о ней больше.

Однако было слишком поздно. Его отец умирал. Внезапно в глазах его появился дикий блеск, и последним усилием он сжал руку Юэна.

— Обещай мне, что закончишь начатое мной дело ради нее, сынок. — Юэн напрягся. Он хотел притвориться, что не понимает, о чем идет речь, однако не мог скрыть правду перед лицом смерти. — Обещай мне, — повторил отец.

Юэну следовало отказаться. Каждый раз, когда он возвращался домой и видел кучу камней недостроенного замка, ему хотелось сгореть от стыда. Все это было напоминанием о неправильном поведении отца. Юэн не хотел уподобляться ему.

Однако он невольно кивнул в знак согласия. В отличие от отца верность своему слову и чувство долга были для него не пустым звуком.

Спустя мгновение Финли Ламонт испустил дух.

Со смертью отца время службы Юэна у сэра Джеймса подошло к концу. Юэн вернулся в Ардламонт, чтобы похоронить отца и приступить к своим обязанностям в качестве вождя клана.

Сэр Джеймс сказал, что надо быть терпеливым, совершенствовать свое воинское мастерство и готовиться к новым битвам. Когда придет время, он позовет его.

Сэр Джеймс сказал, что надо быть терпеливым, совершенствовать свое воинское мастерство и готовиться к новым битвам. Когда придет время, он позовет его.

Спустя восемь лет, когда Роберт Брюс выдвинул свои притязания на трон и собрал элитных воинов для своей секретной армии, Юэн стал лучшим следопытом в Шотландии и был готов ответить на призыв.

Глава 1

Монастырь Колдингхем близ Берик-апон-Твид, Английский пограничный район, середина апреля 1310 года

Юэн не умел держать язык за зубами, что часто создавало ему проблемы.

— Вы послали туда женщину? Какого черта вы это сделали?

Уильям Ламбертон, епископ монастыря Святого Андрея, был зол, и лицо его покраснело от гнева. Юэн знал, что слова его не являлись богохульством, однако предполагали далеко не утонченную критику.

Эрик Максорли — вождь одного из кланов в западной Шотландии, бесстрашный мореплаватель, потомок викингов — бросил на Юэна укоризненный взгляд.

— Ламонт хотел сказать, — начал Максорли, пытаясь успокоить влиятельного прелата, — что, учитывая неослабное наблюдение англичан за местными церквями, девушка подвергается опасности.

Максорли умел не только плавать в опасных водах, но и сглаживать острые ситуации. А Юэн, казалось, попадал в них постоянно. Но это нисколько его не беспокоило. Он был воином и привык к трудностям.

Ламбертон сурово посмотрел на него и обратился к Максорли, игнорируя Юэна:

— Сестра Дженна вполне способна позаботиться о себе.

Она была женщиной и к тому же монахиней. Как Ламбертон мог полагать, что это невинное создание способно защитить себя от английских рыцарей, склонных видеть в каждом представителе монастыря тайного курьера?

Церковь обеспечивала связь между шотландцами, когда Брюс начал борьбу за трон. И когда вновь возникла угроза войны, англичане постарались прервать эту связь. Любой человек в монашеском облачении, будь то мужчина или женщина, пересекающий границу Шотландии, являлся объектом повышенного внимания со стороны английских патрулей. Даже паломники подпадали под подозрение.

Должно быть, угадав направление его мыслей, Лахлан Макруайри решил вмешаться, прежде чем Юэн успел открыть рот и окончательно испортить отношения с Ламбертоном.

— Полагаю, вы знали о нашем приезде?

Худощавый, ничем не примечательный на вид епископ выглядел слабым, особенно в сравнении с четырьмя внушительными воинами, которые заняли значительную часть пространства в маленькой ризнице монастыря, однако именно Ламбертон способствовал тому, чтобы Роберт Брюс занял место на троне. Епископ выпрямился во весь свой рост, который был на полфута меньше роста гвардейцев, и презрительно посмотрел на более пугающего среди воинов — Макруайри по прозвищу Змей.

— Я договаривался о встрече в новолуние. Это было неделю назад.

— Мы вынуждены были задержаться, — сказал Макруайри без дальнейших объяснений.

Епископ не стал интересоваться подробностями, вероятно, полагая, что речь идет о секретной миссии Хайлендской гвардии — элитной группы воинов, собранных Брюсом для особых целей, ведь каждый воин был лучшим из лучших в своем деле.

— Я не мог больше ждать. Необходимо было, чтобы король получил сообщение как можно быстрее.

Хотя они находились на территории Англии, речь шла не об английском короле Эдварде, а о шотландском короле Роберте Брюсе. За помощь Брюсу Ламбертона на два года заключили в тюрьму в Англии, затем освободили и отправили в епархию графства Дарем еще на два года. Хотя недавно епископу разрешили переехать в Шотландию, он остался в Англии под надзором английских властей. Так было нужно Брюсу. Епископ был главным источником информации, передаваемой в Шотландию через сеть церквей, мужских и женских монастырей.

— Куда она пошла? — спросил Маклин, впервые подав голос.

— В аббатство Мелроз, в направлении Келсо. Она направилась туда неделю назад, присоединившись к группе паломников, ищущих излечения в Визорнском аббатстве. Даже если англичане остановят паломников, они отпустят Дженну, услышав ее акцент. В чем можно заподозрить итальянскую монахиню? Вероятно, сейчас она уже на пути назад.

Четыре представителя Хайлендской гвардии обменялись взглядами. Если сообщение такое важное, как сказал епископ, необходимо убедиться, что оно передано адресату.

Максорли, командовавший группой в данной операции, посмотрел на Юэна.

— Найди ее.

Юэн кивнул, нисколько не удивившись, что такое задание поручено ему. Он был лучшим в поисках. Он не был искусным мореплавателем и не умел вести трудные переговоры, как Максорли, но зато он был отличным следопытом. Он мог найти почти все и выследить любого. Максорли любил говаривать, что Юэн способен отыскать даже призрак в снежную бурю. Поиски маленькой монахини не составят для него особого труда.

Сестра Дженна привыкла к появлению патрулей, поэтому не встревожилась, когда увидела четырех английских солдат, остановивших паломников на окраине города. Ее не впервые допрашивали англичане, объезжавшие с дозором эти места, и она была уверена, что переговоры пройдут успешно.

Однако Дженна опасалась за свою спутницу. Зачем только она позволила сестре Маргарите

отправиться с ней? Дженна хорошо знала, что нельзя никого привлекать к своей миссии. Неужели урока, который она получила четыре года назад, было мало?

Но юная монахиня с болезненной внешностью и большими темными глазами, в которых читались одиночество и тоска по дому, сумела убедить Дженну взять ее с собой. В последние девять дней путешествия из Берик-апон-Твид Дженна особенно пристально наблюдала за девушкой, которая клятвенно уверяла ее, что не голодна и нисколько не устала. Однако с того момента, как они покинули Берик, у девушки, которой по оценке Дженны было около восемнадцати лет, уже однажды случился сильный приступ кашля. Сестра Маргарита страдала от болезни, которую греки называли астмой. Болезнь легких заставила ее покинуть дом в Кале и отправиться в дальнее странствие в надежде излечиться с помощью мощей Святого Ниниана в Визорнском аббатстве.

Путешествие Дженны подошло к концу в Мелрозе, и когда утром пришло время расстаться с Маргаритой, она неожиданно для себя почувствовала ком в горле. Маргарита смотрела на нее такими выразительными карими глазами, умоляя Дженну позволить ей пройти с ней еще хотя бы часть пути. И да простит ее Бог, Дженна уступила.

— Но только до Склона висельников, — сказала она, имея в виду подножье небольшого холма с крестом, на котором церковники обычно распинали преступников. Что может грозить девушке средь бела дня?

Как оказалось — многое.

Маргарита испуганно вскрикнула, когда солдаты окружили их, и Дженна бросила на нее успокаивающий взгляд. «Все будет хорошо, — говорил ее взор. — Позволь мне управиться с ними».

Дженна повернулась к коренастому солдату с рыжеватой бородой, которого она сочла главным. Он сидел на лошади, и за спиной его ярко светило солнце, так что Дженне пришлось сощуриться. Ей была видна только часть его грубого лица под стальным шлемом, и выражение его было далеко не дружественным.

Девушка заговорила сначала на итальянском, простонародном языке, который был явно непонятен солдату, затем перешла на французский с сильным акцентом, которым пользовалась в разговоре с сестрой Маргаритой и который был более распространен в этих местах. Глядя прямо в глаза солдату, она одарила его самой почтительной улыбкой.

— Мы не несем никаких сообщений, — сказала она. — Мы только гости в вашей стране. Так сказать… и… па… — Она притворилась, что подыскивает правильное слово.

Солдат молча смотрел на нее. Боже, этот человек ужасно глуп, даже для солдата! Последние несколько лет ей не раз приходилось играть подобную роль. Отступив на шаг назад, она указала на паломников и на медную брошь с изображением святого Иакова, которой был заколот ее плащ.

— Паломники? — подсказал он любезно.

— Да, паломники! — Дженна улыбнулась ему, словно он был самым прекрасным мужчиной в мире.

Возможно, он и был глуп, но избавиться от него было не так уж и легко. Он окинул пристальным взглядом сначала Дженну, затем Маргариту. Дженна почувствовала, как сердце

ее учащенно забилось, когда она заметила в его взгляде подозрение.

— А вы почему молчите, сестра? Как вы оказались на этой дороге? — спросил он Маргариту.

Дженна попыталась ответить за нее, но он ее перебил:

— Я хочу услышать ответ от этой девушки. Как иначе я могу убедиться, что вы действительно иностранки, как утверждаете? — Он заговорил по-английски с одним из своих спутников, и Дженна постаралась ничем не выдать, что понимает английский язык. Маргарита тоже не подала виду.

— Посмотри на эту грудь, — сказал он, указывая на Маргариту. — Держу пари, она составляет половину всего ее веса.

Маргарита испуганно посмотрела на Дженну, и та ободряюще кивнула, радуясь, что девушка не среагировала на эти слова. И все-таки Дженну охватило волнение.

— Мы как раз прощаемся, месье, — пояснила Маргарита на родном французском языке.

Глаза англичанина сверкнули.

— Прощаетесь? Я думал, вы совершаете паломничество?

Опасаясь, что Маргарита может невольно обнаружить истинную цель их путешествия, Дженна снова прервала ее:

— Я направлялась в Мелроз, а сестра Маргарита ищет исцеления святыми мощами в Визорнском аббатстве.

Солдат сузил глаза, глядя на монашенку и оценивая ее бледное худощавое лицо. Впервые Дженна была рада тому, что болезненное состояние Маргариты отражалось на ее внешности.

— Вот как? — медленно произнес англичанин. — Я не знал, что аббатство Мелроз — привлекательная цель для паломников.

— Возможно, оно не столь популярно, как Визорнское или Айонское, но достаточно популярно среди тех, кто чтит Богородицу, — сказала Дженна, благоговейно крестясь.

Мужчина нахмурился. Мелроз, как и все христианские аббатства, был посвящен Деве Марии.

— И вы путешествуете в одиночестве? Это довольно необычно.

Этот солдат напоминал Дженне пса, который когда-то у нее жил. Если тот вцепится в кость, то ни за что не отпустит ее. Надо найти какой-то способ, чтобы солдат отстал от них. Но сначала необходимо убедиться, что Маргарите ничего не угрожает.

— В моей стране в этом нет ничего необычного. Только приспешник Сатаны способен причинить вред невесте Христа. — Она с простодушным видом сделала паузу, позволяя ему обдумать сказанное. Лицо его помрачнело, и Дженна продолжила: — В нескольких милях отсюда мы встретили группу паломников, направлявшихся в Драйбургское аббатство. Я надеюсь присоединиться к ним в оставшейся части путешествия. Может быть, вы будете столь любезны и покажете мне дорогу? — Не дожидаясь его ответа, она подтолкнула Маргариту. Девушка была рада уйти, прежде чем солдат сообразит, что происходит. — До свидания, сестра. Счастливого пути, — громко сказала Дженна, затем добавила шепотом на ухо: — Уходи

быстрее… пожалуйста…

Девушка открыла рот, чтобы возразить, но Дженна сжала ее плечи, пресекая возражения.

Маргарита посмотрела на Дженну долгим озабоченным взглядом, однако сделала так, как та просила, и двинулась прочь. Она попыталась проскользнуть между двумя лошадьми, но командир остановил ее:

— Постой, сестра. Мы еще не закончили допрос. Верно, ребята?

Заметив, как солдаты многозначительно переглянулись, Дженна встревожилась. Они явно испытывали удовольствие от этой сцены, и было ясно, что им приходилось не раз иметь дело с паломниками. Возможно, эти люди причастны к исчезновению группы монашек в прошлом году?

Дженна огляделась вокруг, ища помощи. День только начался, было утро. Конечно, рано или поздно кто-то должен появиться на этой дороге. Однако, хотя позади располагалась деревня, густые кроны деревьев заслоняли путь, так что никто не мог их увидеть. И даже если бы кто-то увидел, что бы он сделал? Только отчаянный смельчак способен противостоять четырем крепким английским солдатам.

Нет, ей придется справляться самой. Она пыталась воззвать к тщеславию главного, но это не сработало. Не подействовало и обращение к его благородству, которое явно отсутствовало. Это был жестокий грубиян, которому нравилось измываться над слабыми и беззащитными людьми, но, к счастью, она не из таких. Однако ему явно стало не по себе, когда Дженна напомнила ему о своем священном статусе, и она решила сосредоточиться на этом.

Она бросила быстрый взгляд на Маргариту и перепугалась. Господи, помоги. О боже, от испуга у девушки начался приступ! Хотя во время путешествия такое случалось только раз, Дженна тут же поняла, что это астма.

Времени на разговоры с солдатом не было. Она бросилась к девушке и обняла ее, подхватив под руки. Она шептала ей утешительные слова, стараясь успокоить, и, глядя на командира, сказала:

— Видите, что вы сделали! Вы расстроили ее и тем самым вызвали приступ!

Однако, казалось, эти слова не произвели на мужчину никакого эффекта.

— Это пройдет, — сказал командир. — Заберите их, — приказал он своим людям по-английски, полагая, что девушки не поймут его.

Прежде чем Дженна успела среагировать, их обеих потащили в глубь леса. Ее попытки обмануть патруль оказались бесполезными. Маргарита неистово вцепилась в нее и испустила отчаянный крик, когда солдатам удалось наконец разъединить их.

Прежде чем Дженна успела среагировать, их обеих потащили в глубь леса. Ее попытки обмануть патруль оказались бесполезными. Маргарита неистово вцепилась в нее и испустила отчаянный крик, когда солдатам удалось наконец разъединить их.

Дженна старалась сохранять спокойствие, хотя сердце ее бешено колотилось.

— Не беспокойся, сестра, — сказала она доверительно, — все скоро разрешится. Я уверена, эти

добропорядочные христиане не причинят нам вреда.

Лгать грешно, но Дженна полагала, что в некоторых случаях ложь простительна. Необязательно было понимать слова солдат, чтобы догадаться, что они замышляли. Но, к несчастью, она понимала каждое их слово и услышала леденящие кровь подробности.

— Та, что старая, — красивее, — сказал командир, снова обращаясь к своим людям на английском языке. — Но лучше начать с больной, пока она не сдохла. Я хочу поиметь этих девок.

Дженна заставила себя не реагировать на его слова, однако ее охватили гнев и в то же время страх, когда она услышала, как прозаично они обсуждали изнасилование и смерть ее подруги. Нельзя допустить, чтобы такое случилось. К тому же двадцать семь лет — зрелый возраст и вовсе не старость!

Дело было плохо, но Дженна не раз оказывалась в трудной ситуации. Правда, сейчас все выглядело гораздо опасней, но еще не безнадежно.

Солдаты уводили их все дальше и дальше в лес, чтобы никто не мог им помешать. Брюс контролировал север Шотландии, но в пограничных районах господствовали и наводили страх англичане. Они действовали безнаказанно, за исключением случаев внезапного нападения или засады со стороны людей Брюса. Дженна считала англичан бандитами, наделенными властью. Но скоро Брюс заставит их убраться в Англию. Она всеми силами старалась сделать так, чтобы это произошло как можно скорее.

Они вышли на небольшую поляну среди деревьев, и мужчины резко вытолкнули их в центр. Обе женщины споткнулись, и Дженна едва не упала на колени. Маргарита оказалась не столь удачливой, и Дженна с ужасом наблюдала, как девушка начала задыхаться. Казалось, она не могла оторвать руки и колени от земли, словно ей это не под силу.

— Я вижу, она уже приняла нужную позу, — усмехнулся один из солдат.

Дженна шептала молитву по-латыни, склонив голову так, чтобы мужчины не видели, как ее щеки покраснели от гнева. Она была невинной, но не раз видела, как спариваются животные, чтобы понять значение этих слов. По-видимому, эти мужчины ничем не отличались от зверей.

Командир впился взглядом в приподнятый зад Маргариты. Когда его рука скользнула под кольчугу, чтобы распустить пояс, Дженна поняла, что должна действовать незамедлительно.

Она встала между ними, стараясь отвлечь его внимание от грязного намерения или, по крайней мере, переключить его на себя.

— Моя сестра больна, сэр. Может быть, вы скажете, что ищете. Думаю, я смогу разъяснить это недоразумение, чтобы мы все могли продолжить исполнение своего долга. Наш долг перед Богом, — напомнила она, — и ваш перед вашим королем.

Ясно, что он забыл первоначальную цель, ради которой остановил их.

— Меня интересуют донесения, — сказал он, нетерпеливо поглядывая на Маргариту позади Дженны. — Они доставляются мятежникам на север с помощью церковников… и женщин, — добавил он. — Однако предательские действия не удастся больше прятать под ризой. Нам известно, что многие сведения передаются через аббатство Мелроз. Король Эдвард намерен пресечь это.

— А, — сказала Дженна, словно внезапно осознав, о чем идет речь. — Теперь я понимаю причину ваших подозрений, сэр. Вы, конечно, правы, остановив нас, но, как я уже говорила вам, ни сестра Маргарита, ни я не несем никаких сообщений. — Она достала кожаный мешочек со своими принадлежностями и подала его ему для проверки. Затем, наклонившись, она протянула руку к маленькой сумочке Маргариты, стараясь не обращать внимания на затрудненное дыхание подруги. С утешением следовало подождать. Развязав сумочку, она протянула ее ему. Он, едва взглянув внутрь, бросил ее назад.

— Вот видите, — сказала Дженна. — Нам нечего прятать. Теперь, когда мы доказали вам свою невиновность, у вас нет причины задерживать нас.

Она заметила, что он явно разозлился. Но чем дольше она задерживала его, тем больше у него было времени одуматься и отказаться от своих дурных намерений. Казалось, он заколебался, когда один из мужчин предположил:

— Что, если они прячут донесения в каком-то другом месте, командир?

Дженна притворилась, что не поняла его, но по спине ее пробежал холодок, когда губы вожака расплылись в медленной улыбке. Он протянул руку и сорвал с ее головы покрывало. Она вскрикнула, когда заколки выскочили и ее волосы упали на спину тяжелой шелковистой массой. Она пыталась прикрыть голову руками, но напрасно.

Она заскрежетала зубами, услышав, какую реакцию вызвала эта картина. Ее длинные золотистые волосы были единственным предметом ее гордости, единственной связью с прошлым. Джанет Мара больше нет, и глупо вспоминать о том, кем она была когда-то. Однако Дженна не смогла отрезать волосы, как это делало большинство монашек. И теперь этот предмет гордости мог дорого ей обойтись.

Вожак присвистнул.

— Вы только посмотрите, парни, — сказал он по-английски. — Мы нашли настоящую красавицу. Интересно, что еще прячет эта девица под своим одеянием?

Несмотря на всю свою выдержку, Дженна невольно вздрогнула от этих слов, понимая, что он имеет в виду. К счастью, он был слишком поражен своим открытием, чтобы заметить ее реакцию. Он нагнул Дженну, положил свои руки в перчатках ей на шею и разорвал грубую шерстяную материю от лопаток до талии.

Маргарита пронзительно вскрикнула.

Дженна тоже закричала и попыталась вырваться. Но англичанин был слишком силен. Он сорвал с нее плащ и стянул разорванное платье с плеч. Ее наготу прикрывала только тонкая рубашка — слишком хорошая для монашки. Это была еще одна привилегия, но он не обратил на это внимания. После еще нескольких рывков и этот покров исчез. Теперь с ее обнаженных плеч свисали лишь клочья шерстяной и льняной материи. Дженна попыталась прикрыться руками, но он убрал их.

Глаза вожака потемнели от вожделения, и его взгляд остановился на ее обнаженных грудях.

Сердце Дженны замерло от ужаса. На какое-то мгновение ее уверенность поколебалась.

— Что у нее на спине, командир? — спросил один из мужчин позади нее. Дженна хотела поблагодарить этого солдата. Его слова, его напоминание избавило ее от страха, и она обрела

прежнюю уверенность в себе. Она и Маргарита смогут выпутаться из этой переделки.

Дженна повернулась к нему, не заботясь о том, чтобы прикрыться.

— Это отметки о моем посвящении в монашенки. Вы никогда не видели следов от кнута?

Мужчины вздрогнули. Дженна знала, что они увидели ужасные розоватые морщинистые полосы на бледной коже спины. Но эти отметины были получены не при посвящении. Шрамы служили напоминанием о дне, который она никогда не забудет. Она никогда не забудет мужчину, который был для нее как отец и смерть которого была на ее совести. Эти шрамы сделали ее сильнее и определили ее цель в жизни.

— Я никогда прежде не видел у женщины таких шрамов.

— А я не женщина, — резко сказала Дженна. Он был моложе остальных и не таким грубым, как его командир. — Я монахиня, Христова невеста. — Она надеялась, что и на этот раз ее ложь не зачтется ей грехом. Дженна стянула ниже оставшуюся разорванную одежду и медленно повернулась так, чтобы каждый мужчина мог видеть ее спину. — Если вы причините нам вред, гореть вам в аду. Господь накажет вас за ваши грехи.

Молодой солдат побледнел.

Дженна посмотрела на вожака; в ее сверкающих глазах отражалась неистовая убежденность и вызов.

— Наша невинность предназначена Богу. Если вы отнимете ее, вас ждет страшное наказание. — Командир отступил назад, и Дженна поняла, что победила. Она шагнула к нему, неумолимая и обнаженная. — Вы будете гореть в адском пламени за ваш грех. Ваши чресла сморщатся и почернеют, уменьшатся до размера изюминок, и вы никогда больше не познаете женщину. Вы будете прокляты навечно.

Юэн и Маклин приближались к аббатству со стороны Эйлдон-Хилла через Олд-форест, когда внезапно услышали женский крик. Не зная, чего ждать, они спешились и осторожно приблизились, скрываясь за деревьями.

Юэн первый услышал голос Дженны и бросил взгляд на своего напарника. Маклин тоже все слышал. Его губы сурово сжались, и он кивнул. Женщина говорила по-французски, но с итальянским акцентом.

Кажется, они нашли свою монахиню. Юэн пристально посмотрел сквозь деревья, чтобы убедиться в этом, и ошеломленно замер от того, что увидел.

Проклятье! Губы Юэна пересохли и сердце сжалось, когда он узрел полуобнаженную женщину с ниспадающей гривой блестящих золотистых волос. Внезапно в нем вспыхнуло вожделение при виде обнаженного тела. Он видел немало женских грудей, но эти…

Ничего более прекрасного ему не приходилось встречать. Они были не слишком большими, но обладали превосходной формой в сочетании с тонкой талией и плоским животом. Даже не прикасаясь к ним, можно было понять, насколько они упругие и округлые, с бархатистой молочно-белой кожей без изъянов.

Topreading.ru

Ему ужасно захотелось прикоснуться к ним. Захотелось провести руками по этим нежным холмикам и уткнуться головой в ложбинку между ними. Захотелось ласкать большими пальцами эти изящные розовые соски, пока они не затвердеют, затем водить языком вокруг них, взять их в рот и сосать.

О боже!

Юэн нахмурился, увидев шрамы на ее спине. Они немного смутили его, но все его внимание было приковано к ее совершенной груди.

По-видимому, заинтересовавшись, чем Юэн так увлечен, Маклин подался вперед, чтобы тоже разглядеть представившуюся сцену.

Его глухое, резкое проклятие вывело Юэна из временного оцепенения.

О боже, это монашка!

Казалось, английские солдаты тоже были потрясены. Юэн заметил похотливое выражение на лицах мужчин, явно говорившее об их намерении, и его охватил гнев. Изнасилование монашки являлось особенно тяжким грехом.

Юэн слегка толкнул локтем Маклина, который, похоже, тоже был шокирован, и оба они приготовились к атаке. Обычно Юэн предпочитал пику — оружие пехотинца, — но так как они передвигались верхом на лошадях, он взял с собой меч, который теперь достал из ножен на спине.

Он ждал подходящего момента, в то время как Дженна продолжала свое наступление. Юэн замер. Это было великолепное зрелище. Женщина вела себя чрезвычайно храбро, и ему хотелось сложить меч и аплодировать. Пусть она была монашкой, но у нее сердце валькирии — воинственной девы древних скандинавов. В каждом ее пылком слове чувствовались властность и убежденность, когда она защищала свое праведное целомудрие.

Юэн поморщился, вспомнив о своих недавних мыслях. Вожделение, которое он испытал, окончательно исчезло, когда он услышал перечень ужасов, которые ожидают тех, кто прикоснется к монашкам. Усыхание чресел до изюминок? Юэн содрогнулся и поправил одежду. Для монашки эта женщина обладала слишком буйной фантазией.

Но не грешно ли наделять монашку такими грудями?

Почувствовав, что пора действовать, Юэн и Маклин с воинственным кличем гвардейцев на гэльском языке: «Airson an Leómhann» — выскочили на поляну.

Глава 2

Дженна — поняла, что победила, когда командир отвел свой взгляд. Он больше не смотрел на ее груди. Казалось, он решил вообще не смотреть на нее.

Но едва она осознала свою победу, как из-за деревьев выскочили двое мужчин.

Сначала от их воинственного крика по ее спине пробежал холодок. Хотя Дженна давно не слышала родной речи, она сразу поняла гэльские слова: «За льва». Этот клич был незнаком ей, и она не могла сразу определить, какому клану он принадлежал. Но эти люди явно были

шотландцами — и, значит, друзьями.

Дженна закусила губу. По крайней мере, она надеялась, что это друзья.

Впрочем, увидев, как легко эти двое расправились с английскими солдатами, она засомневалась. Она не хотела вновь оказаться в опасной ситуации. А поведение этих мужчин ничего хорошего не предвещало.

Последние несколько лет она мало общалась со своими одноземцами и забыла, какими здоровыми и устрашающими они были. Высокие, широкоплечие, с крепкой мускулатурой, шотландцы выглядели крупными, грубыми и диковатыми, так как рождались и мужали в суровых условиях. Они были превосходными воинами, унаследовавшими страсть к военному искусству от предков, которые сражались со скандинавскими захватчиками, вторгавшимися на их земли.

Дженна содрогнулась. Эти двое были именно такими, но, похоже, убийство было для них привычным делом. Она съежилась и отвернулась, когда один из мужчин поднес свой меч к горлу молодого английского солдата. Она была не в силах терпеть кровопролития, даже если оно было оправданно.

Когда Дженна подняла свой плащ, набросила его на плечи, чтобы прикрыть наготу, и помогла Маргарите подняться на ноги, сражение уже закончилось. Четыре окровавленных англичанина лежали на траве.

Опасность миновала. И тут, заметив направлявшегося к ним мужчину, Дженна, утешавшая плачущую Маргариту, изменила свое мнение. Она ощутила странную дрожь, когда взгляд воина встретился с ее взглядом. Она открыла рот и почувствовала, как сердце ее замерло, а затем учащенно забилось.

Она могла разглядеть лишь небольшую часть его лица под шлемом. Боже, неужели шотландцы все еще носят такое? При этом можно было различить скрытую на добрую четверть челюсть, которая выглядела крепкой и внушительной, как и вся фигура воина.

Весь его облик казался угрожающим, от зловещего шлема до пыльных, окровавленных черных доспехов и кожи с металлическими заклепками и многочисленного оружия на поясе мускулистой фигуры. Дженне показалось, что она уже где-то все это видела. Тем не менее, глядя в его серо-голубые глаза, она не чувствовала угрозы. По крайней мере, для нее. Хотя мертвые солдаты позади него были бы с ней не согласны.

Она, наконец, выдохнула воздух, который неосознанно задержала.

Этот мужчина был обычным шотландским воином. Возможно, немного превосходившим остальных, но не таким, чтобы она не могла управиться с ним. В течение последних нескольких лет ей приходилось встречаться с сотнями воинов, и она всегда побеждала.

И все-таки что-то в нем беспокоило Дженну. Возможно, что-то в его взгляде, когда он шел к ней с непроницаемым выражением лица. Она хорошо разбиралась в людях и могла легко составить мнение о них, но этот мужчина казался непостижимым.

Как много он успел увидеть? Судя по тому, как он смотрел на ее плащ, когда подошел и остановился перед ней, она подозревала, что увидел достаточно. Ее щеки окрасились румянцем. Внезапно почувствовав, что он обладает преимуществом над ней, она решила: чем быстрее все это закончится, тем лучше.

Дженна отпустила Маргариту, встала на колени, взяла руку мужчины в кожаной перчатке и затараторила слова благодарности на французском языке, перемежая их молитвами на итальянском. К счастью, как большинство обычных шотландцев (а его внешность не предполагала иного), он не говорил ни по-итальянски, ни по-французски, и потому переговоры обещали быть недолгими.

Если удастся, она прольет пару слез, хотя ее актерские способности не безграничны. Взгляд почтительной благодарности, который она хорошо усвоила, вполне мог подействовать на него должным образом, но когда мужчина посмотрел на ее волосы и нахмурился, она вспомнила, что ее голова не прикрыта. В таком виде она чувствовала себя… беззащитной. Прошло немало времени с тех пор, как Дженна чувствовала себя женщиной в глазах мужчин, и сейчас у нее возникло странное ощущение уязвимости. Она долго притворялась монашенкой и почти забыла, что на самом деле таковой не является. По крайней мере пока.

Не прерывая свою речь и не давая незнакомцу вставить слово, Дженна поднялась с колен и еще раз поблагодарила его, прежде чем отпустить его руку. Она подняла с земли свое упавшее покрывало и накинула его на голову, затем взяла за руку сестру Маргариту и двинулась прочь. Она должна проводить ее в аббатство, чтобы быть уверенной, что с юной монахиней все в порядке, и потом как можно скорее покинуть эту местность, на этот раз в одиночестве.

Однако ее злоключения на этом, видимо, не кончились.

— Сестра Дженна, — сказал шотландец с хорошим нормандским произношением. — Мы еще не закончили разговор.

Дженна пробормотала проклятие, понимая, что эта встреча не закончится так быстро, как она надеялась.

И откуда он узнал ее имя?

Что, черт возьми, происходит? Неужели это жеманное создание, которое минуту назад лепетало что-то, держа его руку в перчатке, было той самой воинственной девой, которая храбро защищала себя и свою компаньонку от четырех английских солдат?

Размышляя над этим, Юэн обнаружил, что девушка собирается уйти. Остановив ее, он готов был поклясться, что слышал, как она выругалась сквозь зубы, прежде чем повернулась к нему.

— Вы говорите по-французски? — спросила Дженна.

Хотя женщина произнесла это с улыбкой на лице, Юэн подозревал, что она едва ли рада задержаться.

Он кивнул, оставив ее вопрос без ответа.

— Откуда вам известно мое имя?

Мужчина снова не счел нужным ответить. Он посмотрел на юную монашку: ее всхлипы начали затихать, и казалось, она немного успокоилась.

— Эта девушка больна? — резко спросил Юэн.

— Сестра Маргарита страдает болезнью легких, — ответила сестра Дженна почтительным, услужливым тоном, который усвоила в роли монашки. От Юэна не ускользнуло то, как она заботливо заслоняла собой молодую женщину от возможной угрозы, какую он мог представлять. Его восхитило ее поведение, несмотря на всю его бессмысленность.

Юная монашка достаточно пришла в себя, чтобы пояснить.

— У меня астма, — сказала она дрожащим голосом. — Сейчас я чувствую себя намного лучше, но если бы сестра Дженна не остановила их… — Она умолкла, и глаза ее снова наполнились слезами.

Ее пылкая защитница бросила на Юэна укоризненный взгляд, в котором на мгновение проскользнул ее воинственный нрав, скрывавшийся под маской почтительности. Юэн был рад, что она накинула плащ и прикрыла голову покрывалом, однако воспоминание о том, что под ним скрывалось, приводило его в смятение.

— Вы расстроили ее. Как видите, она нездорова, и я должна проводить ее в аббатство. Я благодарю вас за помощь и надеюсь, вы не станете задерживать нас дольше. К тому же не думаю, что вы хотите оказаться здесь, когда этих людей найдут. В этих местах полно английских солдат.

Ясно, что девушка старалась избавиться от него. Юэн понимал, что она руководствовалась не заботой о его благополучии. Неужели она полагала, что может испугать его англичанами? Он едва не рассмеялся.

— Я буду иметь это в виду, — сухо сказал он. — Однако вы никуда не пойдете.

Маклин прикрыл тела убитых и подошел к Юэну.

— Господи, Охотник, — тихо сказал он на гэльском языке. — Почему бы тебе просто не объяснить им все, вместо того чтобы приказывать?

Маклин мало чем отличался от Юэна в том, что касалось поведения и общения с людьми, так что его критическое замечание было скорее ироничным.

— Меня зовут Йен Маклин, а это Юэн Ламонт, — сказал Маклин на ломаном французском. В отличие от Юэна он плохо владел иностранными языками. Обычно в операциях шотландской гвардии они пользовались военными прозвищами, но сейчас, когда монашки могли видеть их лица, безопаснее было пользоваться клановыми именами. — Нас послали вас разыскать, — добавил он.

Юэн заметил быстрый обеспокоенный взгляд, который Дженна бросила в его сторону при упоминании его клана. Ему, к сожалению, часто приходилось ловить на себе такой взгляд среди сторонников Брюса. Так же, как имена Макдугал, Комин и Макдауэлл, имя Ламонта не вызывало доверия.

Давняя вражда между двумя ветвями Ламонтов не закончилась со смертью Финли в Дандоналде. Кузен Юэна Джон, бывший вождь клана Ламонтов, вместе с кланом Макдугала предпочел борьбу против Брюса. Когда Макдугала изгнали из Шотландии после битвы на перевале Брэндер, его кузен оказался в изгнании вместе с ним, и большинство поместий лэрдов было конфисковано в пользу Короны, включая важнейшие замок Данун и Каррик.

Давняя вражда между двумя ветвями Ламонтов не закончилась со смертью Финли в

Дандоналде. Кузен Юэна Джон, бывший вождь клана Ламонтов, вместе с кланом Макдугала предпочел борьбу против Брюса. Когда Макдугала изгнали из Шотландии после битвы на перевале Брэндер, его кузен оказался в изгнании вместе с ним, и большинство поместий лэрдов было конфисковано в пользу Короны, включая важнейшие замок Данун и Каррик.

Юэн всегда держался в стороне от мятежного кузена и своего отца. Его удивило, что какая-то итальянская монашка была в курсе клановой политики.

— Кто вас… — Она замолчала, очевидно, вспомнив о своей спутнице. — Понятно, — медленно добавила она.

Дженна поняла, что это, должно быть, Ламбертон направил их за ней.

— Учитывая важность вашей миссии — я имею в виду паломничество, — добавил Маклин, — ваше руководство озаботилось тем, чтобы ничто не помешало вам. Оно хотело быть уверенным, что вы благополучно достигли пункта назначения. Как вы уже убедились, в настоящее время у церкви много врагов.

Юэн не знал, что Маклин способен так умело выражаться, придавая словам двойное значение, особенно на языке, на котором он не говорил свободно. Однако было ясно, что сестра Дженна поняла, что он хотел сказать: они здесь для того, чтобы убедиться, что послание для Брюса будет доставлено.

Пока Маклин говорил, Юэн внимательно наблюдал за ней и не упустил момент, когда в ее глазах промелькнуло нечто похожее на раздражение. Он отметил ее голубые как море глаза. Очень красивые, ясные, с зеленоватым оттенком. И у какой другой монашки увидишь такие длинные, пушистые ресницы?

Однако раздражение, которое он заметил, быстро сменилось благочестивым выражением лица.

— Боюсь, ваше путешествие не имело смысла. Я достигла пункта назначения два дня назад без каких-либо преград. Сегодня утром я двинулась назад в Берик. Сестра Маргарита просто сопровождала меня до холма, где мы собирались распрощаться.

— Вы собирались продолжить путь одна? — спросил Юэн.

Он не пытался скрыть недоверие в своем голосе. Дженна повернулась к нему с невозмутимым лицом, однако он мог поклясться, что в ее зеленовато-голубых глазах промелькнули искры. Как она хороша, черт возьми! Не слишком стара и не слишком молода. Он полагал, что ей лет двадцать пять. Другая девушка тоже была хорошенькой, но болезненной и беспомощной, как утверждала Дженна. И выглядела она почти как ребенок.

— Я надеялась присоединиться к другой группе паломников в Драйбургском аббатстве в нескольких милях отсюда. Мы в своем служении Богу преодолевали долгий путь. Я часто ходила в далекие края, чтобы продать на рынке нашу вышивку. Большинство людей, которых я встречала на своем пути, не такие, как эти солдаты.

— Однако бывают и такие, — заметил Юэн.

Она пожала плечами, не выказывая беспокойства, которое испытывала на самом деле. Даже после того, что случилось, она словно не сознавала всей опасности положения, в котором оказалась. Это только укрепляло убеждение Юэна, что женщинам не место на войне, и тем более монашкам, выступавшим в роли курьеров. Женщины слишком слабы, слишком

доверчивы, слишком невинны, чтобы участвовать в этом опасном деле. Как могла она надеяться, что сумеет защитить себя от вооруженного рыцаря?

И хотя он восхищался ее храбростью и силой духа, следующую группу солдат, которую она может встретить, ей не удастся так легко урезонить своими угрозами. О чем только думал Ламбертон? Добропорядочный епископ отправил хорошенькую овечку на убой, не думая об угрожающей ей опасности. И без всякой защиты, черт побери!

Юэну следовало бы радоваться, что она исполнила свою миссию и теперь возвращается назад. Однако не для того он вступал в Хайлендскую гвардию, чтобы сопровождать хорошеньких монашек, которым невдомек, что война — это не их стихия.

Поскольку Юэн оставался единственным Ламонтом, избежавшим изгнания, именно ему предстояло восстановить доброе имя своего клана и заявить права на земли, утерянные его кузеном, а также убедить всех, что одно из самых крупных поместий в Шотландии не растворилось в тумане, как поместья Макдугала и Комина. Для этого он должен смиренно делать свое дело и ничем не огорчать Брюса. Когда война закончится, он будет вознагражден землей и деньгами.

Это простая задача. И нет нужды усложнять ее новыми обстоятельствами, связанными с появлением хорошеньких итальянских монашек.

Однако он не мог просто бросить Дженну здесь, предоставив ей самой заботиться о себе. Особенно после того, что он увидел.

Дженна меж тем настаивала на своем:

— Таких, как эти солдаты, немного. Хотя, думаю, даже они поняли неправомерность своих действий. — Осознав, что, должно быть, это прозвучало несколько бестактно, она добавила: — Хотя, конечно, мы благодарны вам за помощь. Вы были великолепны! Ваше владение мечом впечатляет.

Пусть в сказанном в равной степени сочетались женская лесть и искренность, Юэн, много времени проводивший в обществе Маклина, научился распознавать в словах оттенки сарказма.

Вероятно, заметив его скепсис, она добавила:

— Я действительно не знаю, что бы мы делали, если бы вы не подоспели вовремя.

Если бы он не видел, как она вела себя с солдатами, то, вероятно, проявляемая ею кротость и беспомощность могли бы обмануть его. Он сузил глаза. К чему весь этот спектакль? В какую игру она играет?

Дженна улыбнулась мужчинам. При этом Юэна привела в смятение маленькая родинка в виде сердечка над ее верхней губой. Черт побери, такую же родинку он уже однажды видел!

— Мы глубоко признательны вам. Сестра Маргарита и я будем молиться за вас обоих. Прощайте, — сказала Дженна.

О боже! Юэн нахмурился и внезапно впал в задумчивость. Как, черт возьми, ей удалось столь сильно завладеть его чувствами? Дженна двинулась вперед, и воины неосознанно последовали за ней. Они подошли к самой дороге.

Юэн чувствовал себя подобно Одиссею, завороженному сиренами.

— Не так быстро, сестра. — Он не мог отпустить ее одну. Письмо Брюсу мог бы передать Маклин, а сам он доставил бы посыльную в сохранности назад к Ламбертону. А потом побеседовал бы с епископом об использовании монашек в качестве курьеров. — Можете прощаться сколько угодно, но вы пойдете со мной.

Дженна старалась не показывать своего замешательства. Прошло много времени с тех пор, как ею пытался командовать мужчина. С тех пор как Дункан… Ее сердце болезненно сжалось при мысли о брате. Трудно поверить, что его больше нет в живых. Ее высокий, крепкий, на вид несокрушимый брат был убит людьми Макдауэлла в Лох-Райане вскоре после ее исчезновения.

Дженна молча повернулась и встретилась взглядом с Юэном, которого Маклин представил как Ламонта. Странно: она думала, что этот клан выступал вместе с Макдауэллом против Брюса и был изгнан в Ирландию. Насколько она помнила, клан Ламонтов размещался в Ковале, близ Аргайла в западной Шотландии. Считалось, что их имя происходило от скандинавского «логмор», или «хранитель закона».

Юэн отвечал не так, как она ожидала, и это приводило ее в легкое замешательство. Кроме того, он смотрел на нее тяжелым, напряженным, обезоруживающим взглядом, словно знал все ее тайны. Вспомнив о своих шрамах, она подумала, что и у него, должно быть, есть такие. Ей хотелось узнать о нем больше.

С другой стороны, чем скорее она избавится от него, тем лучше.

Притворившись смиренной, каковой на самом деле не была, она одарила его спокойной, ясной, понимающей улыбкой, с легким оттенком загадочности и почтительности, характерной для монашек. Как посмеялась бы Мэри, увидев, какое действие производит такое выражение лица! Сердце Дженны сжалось, и она отбросила эту мысль. Сейчас Мэри в безопасности. Дженна очень жалела, что не могла повидаться с сестрой и сообщить, что с ней все в порядке. Она надеялась, что скоро все-таки встретится с ней. Война не может длиться вечно, не так ли?

— Я не понимаю, к чему все это. Кажется, я объяснила, что необходимости искать меня не было. — Она уже доставила это чертово сообщение по назначению. Зачем епископ послал этих людей? Ламбертон никогда прежде не выражал недоверия к ней. Она не нуждалась в сопровождении, он только помешал ее планам. — В чем причина?

Ее улыбка не произвела на него должного эффекта. Выражение его лица оставалось непроницаемым под стальным шлемом, скрывавшим лоб и нос. Дженна нахмурилась. Она вынуждена была признать, что в ней проснулось любопытство — ей хотелось увидеть его лицо полностью. У него были красивые губы и подбородок…

Она резко прервала свои размышления, поразившись, что вдруг на нее нашло.

— Я верну вас в Берик. О подруге не беспокойтесь. Маклин сопроводит ее в аббатство. Он позаботится также о том, чтобы все прибыло по назначению.

Этот мужчина был не столь искусен в выражении скрытых смыслов, как его друг, но она поняла, что он хочет сказать. По-видимому, Маклин должен передать сообщение, которое она оставила в аббатстве, непосредственно Брюсу.

— Вы очень любезны. Я ценю ваше галантное предложение, но в этом нет необходимости. Почему бы вам не отправиться в аббатство, чтобы вы и ваш друг могли убедиться, что все надежно доставлено?

Она собралась было уйти, но он остановил ее глубоким мелодичным голосом, который, несмотря на резкость слов, казалось, проник в самую душу, омыв ее теплой волной.

— Это не предложение, сестра.

Этот мужчина подобен скале — такой же холодный и непоколебимый! Дженна почувствовала раздражение, но тут же справилась с ним. Ее улыбка на этот раз была слегка вымученной.

— Нет необходимости…

— Есть. — Он махнул своему спутнику, и Маклин подошел к нему. — Проводи девушку до аббатства и позаботься, чтобы наш друг получил сообщение, — добавил он на гэльском языке. — А я займусь нашей маленькой благочестивой воительницей.

Хорошо, что она прекрасно умела изображать непонимание. Тем не менее его комментарий вызвал у нее вспышку гнева. Подумать только, маленькая благочестивая воительница! Он считает ее ребенком, играющим в какую-то игру.

— Сестра, — сказал Маклин, протягивая руку Маргарите. Девушка посмотрела на Дженну, затем на Маклина. Дженна сжала ее руку, не желая отпускать подругу. Однако она понимала: Маргарите необходимо вернуться и позаботиться о своих легких с помощью подслащенной медом настойки ракитника, которую она всякий раз принимала от приступов. Переубедить этого мужчину было невозможно, поэтому Дженна должна отпустить девушку.

— Хорошо, — сказала она. — Иди с ним. Я скоро вновь буду с тобой.

— Попрощайся, сестра, — сказал Ламонт позади нее.

Дженна бросила на него пристальный взгляд, затем повернулась к Маргарите и ободряюще пожала ее руку.

— Береги себя, дорогая.

Сестра Маргарита с сомнением посмотрела на Ламонта, затем опять на Дженну.

— Ты уверена? Я не хочу расставаться с тобой…

— Конечно, уверена. Этот мужчина не причинит мне вреда. — Она надеялась, что это не станет третьей ложью за прошедший час. — Не беспокойся обо мне. Обещай, что немного отдохнешь, прежде чем продолжишь путешествие.

Девушка кивнула.

Дженна закусила губу.

— Вероятно, будет лучше, если ты никому не расскажешь о том, что здесь произошло. Я не хочу подвергать опасности воинов, которые помогли нам.

Маргарита снова кивнула, и, крепко обняв, Дженна отпустила ее. Она наблюдала, как Маклин повел девушку среди деревьев. Они почти скрылись из виду, когда Ламонт крикнул что-то

своему другу на гэльском языке.

Дженна поняла это как «Гарпун, лучше смерть, чем плен». Но что означало слово «Гарпун»?

Маклин кивнул и повторил эту фразу, добавив то, что она поняла как «Охотник». Странно…

— Что вы сказали ему?

— Не важно.

— И все же вы предпочли сказать это на языке, которого я не понимаю.

Он пожал плечами. Дженна отметила про себя, что у него было при этом такое же выражение лица, как у ее брата и отца, когда они готовились к чему-то очень важному. Он ответил ей после продолжительного молчания:

— Да.

Этот мужчина научился ловко уходить от ответа.

— Я о вашем друге, — сказала она. — Ему грозит опасность?

Ламонт пожал плечами.

— Он будет осторожен. Он умеет быть незаметным.

Дженна не могла представить, как можно не заметить этих двоих. Они были такими крупными, что явно выделялись среди остальных людей. Стоя рядом с ним, она не могла не заметить разницы в росте. Он был почти на фут выше ее, а плечи почти вдвое шире. В доспехах и с оружием он казался весьма грузным мужчиной. Не толстым, но слишком мускулистым на ее вкус. Его телосложение подчеркивало женскую уязвимость, о которой Дженна старалась не думать. Однако она не могла отделаться от этой мысли, находясь рядом с ним, и потому еще больше хотела избавиться от него.

Дженна заметила, что ему нравилась прямота, и решила действовать в соответствии с этим.

— Почему вы настаиваете на сопровождении меня в Берик? Это поручение моего руководителя?

— Нет.

— Тогда почему вы поступаете так?

— Очевидно, потому, что находиться здесь небезопасно.

— И вы полагаете, что с вами я буду в безопасности? Вы ошибаетесь. Англичане скорее остановят на дороге воина, чем группу паломников. С ними я буду в большей безопасности.

— Тогда почему вы поступаете так?

— Очевидно, потому, что находиться здесь небезопасно.

— И вы полагаете, что с вами я буду в безопасности? Вы ошибаетесь. Англичане скорее остановят на дороге воина, чем группу паломников. С ними я буду в большей безопасности.

Topreading.ru

— В таком случае мы не будем двигаться по дороге.

— Вы собираетесь долететь до Берика по воздуху? — Эти колкие слова сорвались с ее языка, прежде чем она смогла сдержаться.

Он улыбнулся, и она почувствовала странное возбуждение, отозвавшееся в ее груди. Она осознала, как он красив. Это была порочная красота. Ей необязательно видеть все его лицо, чтобы почувствовать это. Достаточно было его слегка перекошенной улыбки. Дженна ощутила странную дрожь и затем тепло, словно кто-то укрыл ее толстым пледом.

— Нет, — сказал он. — Мы будем скрываться среди деревьев и держаться подальше от больших дорог.

Он подошел к ней ближе, и она уловила слабый запах кожи и сосны, который при других обстоятельствах могла бы назвать неприятным. Но вместо этого она вдруг почувствовала непреодолимое желание вдыхать его. Дженна едва сдержалась, удивляясь тому, что с ней происходит. Она никогда не считала себя женщиной, которая легко поддается обаянию мужчин, — даже когда была моложе.

Ей пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть на него.

— Что, если мы заблудимся?

Из его губ вырвался резкий звук, похожий на смех.

— Мы не заблудимся.

Он посмотрел вниз, и их взгляды встретились. У нее перехватило дыхание. Меж ними возникло нечто незримое, горячее и напряженное. Что-то, от чего она ощутила покалывание кожи под плащом. Дженна вдруг ясно осознала свою наготу под шерстяной материей.

Словно угадав ее мысли, он остановил взгляд на ее груди. Странное тепло охватило ее, дышать стало еще труднее. Достаточно было тихого звука, чтобы возникшая между ними связь прервалась. Он отвел взгляд, и лицо его омрачилось.

Он сделал шаг назад, и она постаралась скрыть свое кратковременное замешательство, однако голос ее прозвучал необычно хрипло.

— Боюсь, это невозможно. Вы можете проводить меня до Драйбурга, если настаиваете, хотя мне не подобает путешествовать вдвоем с мужчиной. — А им предстояло провести по крайней мере одну ночь вместе.

Он скривил губы.

— В этом нет ничего предосудительного. Вы монахиня, и со мной ваша непорочность будет в безопасности.

Что-то в его улыбке и в том, как он сказал это, задело Дженну. Может быть, она неправильно восприняла то, что произошло? Неужели он дал ей понять, что она нисколько его не привлекает? Пусть она не стремилась ему понравиться, ее тщеславия хватило на то, чтобы эти слова затронули ее самолюбие.

Ей необходимо переодеться в новую рубашку и привести себя в порядок. Она была уверена, что

Topreading.ru

тогда почувствует себя прежней. Особенно после того, как избавится от Ламонта.

— Я не хотела подвергнуть сомнению вашу честь. Ведь вы порядочный человек, не так ли?

— В большинстве случаев.

Дженна нахмурилась. Не такого ответа она ожидала.

— И как порядочный человек вы не станете принуждать женщину к поступкам, противоречащим ее желаниям?

Для рыцаря в данном случае был только один ответ, но Ламонт ответил иначе:

— Полагаю, это зависит от обстоятельств, потому что в данном случае я намерен прибегнуть к принуждению по отношению к вам. Поэтому, пока я схожу за своей лошадью, вы переоденьтесь и мы двинемся в путь.

Не дожидаясь ее ответа, он повернулся и оставил ее, онемевшую. Она далеко не сразу вновь обрела дар речи.

Похоже, ей не удастся так легко избавиться от него, как она надеялась. Впрочем, возможно, она вообще от него не избавится.

Глава 3

Что-то в выражении лица девушки вызвало у Юэна желание рассмеяться, едва он отошел от нее. Он готов был поспорить, что эта маленькая монашка нечасто слышала слово «нет». Однако когда он вернулся, ему уже было не до смеха. Поведение этой монашки вызвало у него раздражение.

Он пристально посмотрел на нее сверху вниз, сидя верхом на лошади и протягивая ей руку.

— Дайте мне руку.

Она покачала головой, при этом ужасная черная головная накидка вернулась на прежнее место, скрывая золотистую россыпь волос. Но Юэн помнил об этой красоте, и если как следует приглядеться — что он и делал, — то можно было увидеть отдельные золотистые пряди, на висках выбившиеся из-под накидки. Впрочем, их мягкость явно противоречила упрямо сжатым губам.

— Благодарю вас за ваше любезное предложение, однако я предпочитаю идти пешком.

Он обращался к ней с просьбой уже в третий раз, хотя было достаточно и двух. Юэн крепко сжал челюсти, но это не помогло сдержать резкость его слов. Его терпение иссякло.

— Это не любезность и не предложение, и мне наплевать на то, что вы предпочитаете. Вы сядете на эту лошадь добровольно, или я силой заставлю вас сделать это, но будьте уверены: так или иначе вы поедете со мной.

Глаза Дженны слегка расширились, но, к чести девушки, она не дрогнула под его пристальным взглядом.

Topreading.ru

— Вы выражаетесь неподобающе.

И это говорит женщина, которая только что угрожала английским солдатам лишить их половых органов?

— Уж как умею.

Юэн никогда не отличался любезностью в разговоре с дамами. Он вообще был грубым мужчиной. Это Максорли умел быть привлекательным, но Юэн — воин, а не трубадур. У него не было ни времени, ни склонности очаровывать кого бы то ни было. Его простая речь могла быть порой обескураживающей и даже грубой, но достаточно действенной. В сражении и других смертельно опасных ситуациях, в которых оказывалась Хайлендская гвардия, главными были ясность и краткость слов. Утонченности и нежности не было места. Кроме того, тот способ общения с женщинами, который доставлял ему удовольствие, не требовал долгих разговоров.

Внезапно его мысли вернулись к тому, о чем думать не следовало бы. Его взгляд на мгновение остановился на женской груди, прежде чем он резко отвернулся.

Боже, надо прекратить думать об этом! «Она монашка, — напомнил он себе. — Она принадлежит Богу».

Однако он подозревал, что, вероятно, пройдет немало времени, прежде чем он забудет вид прекрасного женского тела, скрытого под монашеской рясой.

Юэн сжал челюсти.

— Ну, что будем делать, сестра?

После длительной паузы она громко фыркнула и подала ему руку. По-видимому, сестра Дженна решила не испытывать дольше его терпение. Это было разумное решение. Она быстро усвоила, что в его словах не было пустых угроз: он делал то, что говорил.

Юэн легко поднял ее, усадил перед собой, и они двинулись вперед. По его оценке, они должны прибыть в Берик к следующему вечеру. Им предстояло преодолеть путь примерно в сорок миль, однако передвижение вдвоем на лошади по пересеченной местности, избегая дорог, требовало вдвое больше времени.

Юэн легко поднял ее, усадил перед собой, и они двинулись вперед. По его оценке, они должны прибыть в Берик к следующему вечеру. Им предстояло преодолеть путь примерно в сорок миль, однако передвижение вдвоем на лошади по пересеченной местности, избегая дорог, требовало вдвое больше времени.

Юэну приходилось много раз пересекать границу за последние два года, когда он участвовал в опасных операциях Хайлендской гвардии по нападению на английские гарнизоны, размещавшиеся в замках, поэтому он хорошо знал местность. Ему знакомы были эти леса, он знал каждую тропинку среди деревьев, каждый склон холмов, каждый уголок природы, где можно оставаться незаметным.

Скорее инстинктивно, чем из-за реальной угрозы преследования, он старался по возможности не оставлять следов, однако из-за недавних весенних гроз это было почти невозможно. Тем не менее приближающийся дождь мог смыть эти следы. За то время, что он предоставил лошади для отдыха, пока он вновь «убеждал» сестру Дженну ехать с ним, на небе появились темные

тучи, подул ветер, заставивший трепетать листву, и воздух стал заметно холоднее.

Однако приближение грозы не изменило его решения двинуться в путь. В конце концов Юэн усадил монашку перед собой и, обвив ее талию руками, чтобы взять поводья, внезапно осознал, что слишком поспешил, когда отказал ей в просьбе идти пешком. Когда он ощутил ее тело, ему чертовски трудно было помнить, что она монашка.

Надо сказать, что он никогда не держал в объятиях монашку и давно не ощущал такого приятного запаха колокольчиков, исходившего от нее. Это был знакомый запах цветов, покрывавших склон холма близ его дома в Ардламонте. Нежный цветочный аромат возбуждал его чувства, дразнил и заставлял прижимать ее к себе плотнее.

Проклятье, надо что-то делать! Может быть, произнести наиболее подходящую молитву: «Господи, не введи нас в искушение и избавь от дьявольского наваждения».

Он с трудом подавил стон, забыв о молитве, когда она снова прижалась к нему.

Боже, какая она приятная! И его тело среагировало.

Он пытался сохранять некоторое расстояние между ними, но движения лошади по неровной местности лишали его этой возможности. С каждым стуком копыт ее ягодицы касались его паха и спина прижималась к его груди. К тому же ее груди, которые он не мог забыть, бились упругой мягкостью о его руки.

Ни молитвы, ни мысленные запреты не могли предотвратить ответную реакцию его тела на этот интимный контакт. Его мужское естество сделалось твердым, но, к счастью, благодаря толстой коже его доспехов женщина едва ли могла почувствовать упирающуюся в нее плоть.

Одному Богу известно, что каждый раз, когда ее мягкие округлые ягодицы прикасались к нему, Юэн готов был немедленно овладеть ею. Он думал об этом, воображая, как его руки обхватывают ее бедра и он опускается и поднимается над ней в чувственном ритме, сводящем его с ума от вожделения. Он так разгорячился и отвлекся, что едва не пропустил поворот, который искал.

Юэн выругался, злясь на самого себя. Контроль и самодисциплина никогда не были для него проблемой, особенно в отношении женщин, общение с которыми не было ограничено. За последнее время почти каждый член Хайлендской гвардии женился на красивой женщине, и Юэн тоже не раз мог оценить женскую красоту, поддавшись приступу похоти.

Черт побери, Кристина Маклауд была одной из самых красивых женщин, какую он когда-либо видел, с соблазнительным, гибким телом, которое ему очень нравилось, — в отличие от маленькой худощавой монашки, — однако он никогда не имел непристойных мыслей в отношении нее.

Конечно, присутствие лучшего фехтовальщика, который следил за каждым мужчиной на сотню ярдов вокруг нее, служило действенным устрашающим фактором.

Юэн почувствовал движение в седле, когда Дженна обернулась к нему.

— Что-то не так? — спросила она.

Даже медленное погружение в ад, вероятно, не столь мучительно, как ощущение ее мягких округлых ягодиц, прижимающихся к его напряженной плоти. Юэн стиснул зубы.

— Нет, почему вы спрашиваете?

— Потому что вы выругались.

Он сузил глаза.

— Я думал, вы не понимаете нашего языка.

— Я действительно не понимаю. Однако нет необходимости знать гэльский язык, чтобы понять, что произнесенное вами слово я не хотела бы слышать.

Его губы скривились в усмешке. Она права. Иногда тон говорит о многом.

— Все в порядке.

— Я подумала, что вы, должно быть, сбились с пути. Вы уверены, что знаете, куда нам следует двигаться?

На этот раз Юэн не удержался от откровенной улыбки, поскольку она не представляла, каким смешным был ее вопрос. Юэн был лучшим следопытом в Шотландии и не мог заблудиться. Он заслужил свою славу, уделяя внимание каждой мельчайшей детали окружающей местности. И эта слава привела его к Брюсу, в команду элитных воинов.

— Не беспокойтесь, я знаю, куда следует двигаться. Мы не заблудимся.

Между ее бровей залегла небольшая складка. Дженна, несомненно, уловила насмешку в его голосе, но не поняла, чем она вызвана.

— Вы слишком самоуверенны.

— Да, я такой.

— Кажется, дождь собирается, и надвигается туман…

— Все будет хорошо.

Она повернула голову и пристально посмотрела на Юэна. Их лица оказались так близко друг от друга, что он не смог удержаться и оценивающе посмотрел на нее.

Дженна действительно была очень хороша собой — для монашки, напомнил он себе. Черты ее лица были простыми, но классическими. Широко посаженные миндалевидные глаза украшали изящно изогнутые брови. У нее были высокие скулы, небольшой прямой нос и подбородок с крошечной впадинкой. Необычными были лишь невероятно длинные ресницы, зеленовато-голубые глаза и чувственный изгиб губ. Они казались слишком розовыми, слишком сочными и чертовски искушающими. Особенно его смущало экстравагантное пятнышко над верхней губой.

Юэн снова перевел взгляд на дорогу перед собой, куда смотреть было гораздо безопасней.

Он почувствовал облегчение, когда Дженна тоже повернулась, но потом она слегка задрожала и прижалась к нему спиной. Он едва не застонал, и его голос прозвучал чуть более хрипло, чем обычно.

— Вам холодно?

— Немного.

Держа поводья одной рукой, другой он потянулся назад и достал накидку из скатки на седле.

— Вот, возьмите, — сказал он.

Улыбка, которой она одарила его, была почти по-детски обаятельной и безмятежной, отчего сердце Юэна замерло на мгновение.

— Благодарю. — Она завернулась в накидку и удовлетворенно вздохнула, снова прижавшись к Юэну спиной.

По крайней мере одному из них удобно. Он почувствовал, что следующие двадцать четыре часа будут для него самыми тяжелыми в жизни.

От накидки исходил такой же запах, как от этого мужчины — приятный и теплый, с оттенком свежести. А мягкие голубые и серые тона материи напоминали ей его глаза. Она назвала бы их цвет скорее голубовато-стальным, с преобладанием стального.

В сущности, он был довольно хорош собой, начиная от глаз и заканчивая упрямым характером, твердыми доспехами на груди и сильными руками, которые так легко подняли Дженну с земли. Она никогда в жизни не ощущала такой силы. Ее охватила странная дрожь, когда он поднял ее, и внутри возникло неясное ощущение.

Как ни странно, это ощущение не покинуло Дженну ни на миг в присутствии спутника. К тому же она чувствовала прилив тепла к щекам. Дженна надеялась, что это не признак болезни.

Хотя он был чрезвычайно суровым мужчиной, следовало признать, что ехать на лошади с ним было удивительно спокойно. И даже приятно. Может быть, она зря беспокоилась? Гораздо удобнее ехать в тепле и под защитой его крупного тела, особенно учитывая, что погода становилась все более угрожающей. Дул холодный ветер, а этот человек излучал тепло, подобно огню. Она содрогнулась и плотнее укуталась в накидку, когда внезапно сильный порыв ветра налетел из-за деревьев.

Ей показалось, что мужчина издал стон страдания, но когда она взглянула на него через плечо, он смотрел на дорогу, упрямо выставив вперед тяжелый подбородок.

Дженна редко подчинялась чужой воле, однако в данном случае была вынуждена смиренно уступить, особенно притом, что эта уступка оказалась ей выгодна. Впрочем, она надеялась, что шотландец не помешает ее планам. Когда придет время, она найдет способ убедить его сделать краткую остановку в Роксборо, что нетрудно осуществить, ведь они движутся в том направлении. А пока нет причины отказываться от удобства, и надо постараться приятно провести оставшееся время. По крайней мере, пока не начался дождь.

Этот воин вызывал у нее любопытство. Она не была уверена в своих ощущениях, но он явно не такой, как мужчины, каких она встречала прежде. Ее первое впечатление не изменилось за короткое время их путешествия. Он оставался непроницаемым, и это странным образом интриговало ее.

— Вы не слишком разговорчивы, верно?

Он бросил на нее косой взгляд из-под своего устрашающего шлема, который, наверное, никогда не снимал, и сухо сказал:

— Я не думал, что вы заметили это.

Она засмеялась.

— Вы полагаете, что я говорю слишком много.

— Я полагаю, что вы намерены говорить, пока не добьетесь своего.

Дженна удивленно приподняла брови. Его замечание было довольно проницательным. Она действительно не привыкла слышать слово «нет». Мэри часто говорила, что Дженна подобна огромному валуну, катящемуся вниз по склону холма, и убереги Господь того, кто оказывался на ее пути, когда она пыталась добиться своего.

По-видимому, этот мужчина был прочной стеной, вставшей на ее пути. Она сдержала улыбку от этого неподходящего сравнения.

— Как видите, это не всегда приносит успех, — сказала Дженна.

Ее слова вызвали у него улыбку. По крайней мере один уголок его губ слегка приподнялся, и это, учитывая обычно непроницаемое выражение его лица, вполне можно было назвать улыбкой.

— А в большинстве случаев?

Она неопределенно пожала плечами.

— Скажем так: это не раз оказывалось полезным.

Его лицо помрачнело.

— Сегодня вам чертовски повезло.

Дженна подозревала, что ей не понравится то, что он скажет, и все-таки не удержалась и спросила:

— Что вы имеете в виду?

— Я хочу сказать: то, что вы делаете, — чрезвычайно опасно. Вам повезло, что в данном случае удалось избежать неприятностей, но поверьте, сестра, не все мужчины столь впечатлительны, чтобы ими можно было манипулировать. Женщинам не место на войне, даже в качестве курьеров. Я намерен при первой возможности поговорить об этом с епископом.

Возможно, завязать с ним разговор было не лучшей идеей. Дженна была так возмущена, что не сразу пришла в себя. Как он смеет указывать ей, что делать, а чего не делать! Она сменила имя, но по-прежнему оставалась дочерью графа. Ее сестра была первой женой Роберта Брюса. Дженна, более чем кто-либо, имела право помогать королю в его борьбе. Кроме того, у нее имелись личные причины, которые не касались Ламонта.

Она гордилась тем, что делала. Она хорошо выполняла данные ей поручения, несмотря на то, что являлась женщиной!

— Я, как и вы, служу нашему королю. Ему нужна помощь каждого, будь то мужчина или женщина, если он намерен победить Эдварда. То, что делаете вы, ведь тоже опасно, не так ли?

Topreading.ru

Он ничего не сказал, явно испытывая раздражение.

Дженнна восприняла его молчание как согласие.

— И вы избрали борьбу за то, во что верите. Почему я не могу сделать такой же выбор?

— Женщине не место на войне.

Разве это ответ? Дженна постаралась взять себя в руки, однако в голосе ее прозвучали резкие нотки.

— А где, по-вашему, место женщине?

— Там, где нет опасности. Женщина должна заниматься домашним хозяйством и следить за детьми.

— Такое место едва ли подходит мне, — холодно сказала Дженна. Затем продолжила после паузы: — А как же ваша жена? Она довольствуется тем, что остается дома, и спокойно наблюдает, как вы уезжаете сражаться?

— Я не женат.

— Подумать только, — пробормотала Дженна чуть слышно, но, судя по тому, как он сузил глаза, эти слова не ускользнули от его слуха.

Впрочем, ее это не беспокоило. Она знала, что большинство мужчин относилось к традиционной роли женщин так же, как он. Вероятно, этим объяснялось то, почему она предпочла монашескую одежду! Однако все было бы иначе, если бы одна из двух ее помолвок закончилась браком. Но сейчас Дженна была свободна и не желала оказаться в зависимом положении, чтобы с ней обращались как с безмозглой невольницей. Именно такая судьба ожидала женщину в браке. Боже, разве она недостаточно насмотрелась на это в прошлом?

Дженна подняла подбородок и встретилась взглядом со своим спутником.

— Не все женщины желают, чтобы их опекали и защищали. Некоторые могут сами позаботиться о себе.

— Даже самый острый язык не сравнится с клинком.

Дженна покраснела и, прежде чем успела хорошо подумать, протянула руку и достала из ножен клинок, спрятанный в сапоге. Она приставила его к внутренней стороне бедра мужчины.

— Я в одинаковой степени владею и тем, и другим.

Джанет — то есть Дженна — еще долго будет с удовлетворением вспоминать, какое выражение приняло его лицо при этом.

Рука девушки быстро скользнула вниз, и Юэн не понял, что она вознамерилась сделать, пока не почувствовал прикосновение клинка к своему бедру. Как и большинство членов Хайлендской гвардии, он не носил кольчугу для защиты ног, так как она была слишком тяжелой, и пятидюймовое лезвие уткнулось прямо в то место, где при достаточном

проникновении могло бы убить его. Он понимал, что это не случайное совпадение. Эта девица знала одно из нескольких мест, где он был уязвим.

Рука девушки быстро скользнула вниз, и Юэн не понял, что она вознамерилась сделать, пока не почувствовал прикосновение клинка к своему бедру. Как и большинство членов Хайлендской гвардии, он не носил кольчугу для защиты ног, так как она была слишком тяжелой, и пятидюймовое лезвие уткнулось прямо в то место, где при достаточном проникновении могло бы убить его. Он понимал, что это не случайное совпадение. Эта девица знала одно из нескольких мест, где он был уязвим.

Боже! Достаточно одного резкого движения кинжала, и он был бы мертв — или кастрирован. Его не привлекало ни то, ни другое.

Хотя все его внимание было сосредоточено на клинке, Юэн тем не менее мучительно сознавал положение другой ее руки. Приняв более удобное положение для действия клинком, она положила свою левую руку на верхнюю часть его правого бедра. И так близко к самой чувствительной части его тела, что он едва не сошел с ума.

Продолжая следить за ее правой рукой с клинком, Юэн не мог не думать о ее левой руке и о том, какое приятное ощущение он мог бы испытать, если бы она передвинула руку на несколько дюймов выше и обхватила его плоть. Впрочем, он не думал, что способен возбудиться с ножом в нескольких дюймах от его чресел. Сейчас он испытывал совсем другое чувство.

Медленно — очень медленно, так чтобы ее рука не дрогнула, он остановил лошадь. Внешне он оставался спокойным, однако сердце его бешено колотилось. Он не отрывал взгляда от ее глаз, но и она не отводила их. Эта девушка выглядела хладнокровной и спокойной, как любой гвардеец, и Юэн не сомневался, что она без колебаний воспользуется кинжалом, если потребуется.

Неужели она простая монашка? Он замер, когда Дженна чуть сильнее надавила на клинок и кончик слегка погрузился в кожу одежды. По-видимому, перед ним была жестокая особа, которая умела владеть оружием.

— Вы добились своей цели, — сказал он.

Она вздернула изящную бровь. Как и ресницы, ее брови были густыми и темными. Они явно контрастировали с ее светлыми волосами и бледной кожей…

Юэн яростно остановил свои размышления. Он опять думал о ней. Отмечать различные детали — часть его работы, однако ему не следовало заниматься этим в отношении этой женщины.

«У нее кинжал», — напомнил он себе.

— Значит, говорите, я добилась своего? — сказала она. — А мне кажется, что нет. Мужчины, подобные вам, уважают в других только те качества, которые находят в себе. В вашем случае — это грубая физическая сила, которой у вас в избытке. — Она насмешливо улыбнулась и посмотрела на него так, что могла бы воспламенить его кровь, если бы не добавила: — Но, как видите, не всегда бывает достаточно одной только физической силы.

Юэн обладал способностью распознавать различные языки и сейчас снова уловил в ее речи какой-то акцент. Раньше он не выделялся так сильно, как сейчас, когда она злилась. Учитывая сложившиеся обстоятельства, он полагал, что будет безопасней попросить ее оставить свое

притворство и перестать играть роль кроткой и послушной монахини.

Не отрывая от нее взгляда, он протянул руку и сжал ее запястье. Юэн почувствовал, словно по телу его от этого прикосновения пробежал ток. Мягкость ее кожи и тонкость костей ошеломили его, однако он почувствовал твердую решимость в ее хватке. Он медленно отвел ее руку с кинжалом в сторону и только тогда вздохнул свободно.

Но отпускать ее руку он не спешил. Теперь девушка почти полностью повернулась в седле лицом к нему, глядя на него сверкающими глазами. Ее грудь неистово вздымалась. Проклятие! Он не должен думать о ее груди, потому что, несмотря на черную шерстяную одежду, покрывавшую девушку, он помнил каждый дюйм ее соблазнительного обнаженного тела и в нем пробуждалось греховное желание коснуться этих грудей.

Он сосредоточился на положении ее второй руки. Возможно, ему следовало бы отстранить ее, ведь теперь клинок находился на безопасном расстоянии и Юэн отчетливо ощущал мягкое прикосновение женской руки вблизи того места, где ему хотелось бы почувствовать ее.

Словно прочитав его мысли, девушка покраснела и убрала руку с его бедра, в то же время крепко сжимая нож в оборонительной позе. Юэн знал многих воинов, которые тайно носили кинжал — обычно под доспехами, — но женщину с таким оружием встретил впервые.

Он явно недооценил ее, потому что она была женщиной и к тому же монашкой.

Юэн не мог припомнить, чтобы в последнее время кому-нибудь удавалось поднести к нему клинок так близко. Вероятно, это мог сделать только Змей. Лахлан Макруайри заслужил такое военное прозвище за свою способность нанести бесшумный смертельный удар. Однажды на учениях он незаметно подкрался к Юэну и приставил кинжал к его горлу.

Очевидно, эта женщина тоже тренировалась управляться с ножом. Однако, несмотря на то, что тамплиеры допустили прием в свои ряды монашек, едва ли она овладела этим искусством в монастыре.

— Где, черт возьми, вы научились владеть ножом?

Она пристально посмотрела на него.

— У своей невестки.

Юэн нахмурился: такого ответа он не ожидал. Значит, еще одна женщина умела обращаться с кинжалом.

— У вас необычная семья. Или в Италии девочек с детства обучают владению оружием, как шитью?

Он внимательно наблюдал за ней и заметил что-то, промелькнувшее в ее глазах. Казалось, она отбросила какие-то мысли, и затем губы ее изогнулись в улыбке.

— Это была шутка, месье?

К своему удивлению, он понял, что его слова действительно прозвучали как шутка. Обычно он подшучивал над Маклином или Маккеем, но никогда не шутил с женщинами. Он даже не помнил, когда в последний раз вел такую длительную беседу с женщиной. Он вообще не разговаривал ни с кем так долго.

Юэн посмотрел на нее, стараясь осознать происходящее, когда она сделала быстрое движение головой в сторону своей руки.

— Если вы отпустите мое запястье, я положу нож на место.

Он отпустил ее руку и внимательно проследил, как она медленно убирает кинжал в сапог. Он уловил блеск орнамента на рукоятке и остановил ее.

— Могу я взглянуть на него?

Она заколебалась на мгновение, затем протянула ему кинжал. Юэн посмотрел на замысловатый орнамент на роговой рукоятке с чувством, что когда-то видел нечто похожее прежде. Хотя рукоятка была выполнена в скандинавском стиле, он подозревал, что прекрасное лезвие сделано в Германии. Вероятно, это был большой, предназначенный для еды нож, созданный для важной персоны, который послужил превосходным оружием для женщины.

— Где вы достали его?

— На свадьбе своей сестры. — Она протянула руку, и он вернул ей нож. Он был уверен, что заметил, как расслабились ее плечи, едва она сунула нож в ножны в сапоге, которые, по-видимому, были сделаны специально для нее. — Ее семья — скандинавы.

Это было убедительное объяснение, и все же что-то беспокоило Юэна. Он был уверен, что видел этот нож прежде.

— Как ее имя?

Дженна засмеялась.

— Думаю, вам она едва ли знакома. Многих ли итальянок вы знаете? — Она сделала выжидательную паузу и, когда Юэн не ответил, продолжила: — Ее семья прибыла в мою деревню много лет назад. Этот нож перешел от ее деда к ее отцу.

— А она отдала его вам?

— Да.

— Должно быть, она вас очень уважала. Это особенный нож.

Тень печали промелькнула на лице Дженны.

— Да, я тоже уважала ее.

— Вы скучаете по ней?

— Скучаю.

— Но вы скоро вернетесь домой?

Он хотел поднять ей настроение, но похоже, его слова произвели обратный эффект. Она равнодушно пожала плечами, но он понял, что жест был притворным.

— Возможно, когда закончится война.

— Но это не ваша война. Почему вы занялись проблемами страны, а не своими собственными?

— У меня есть свои причины на это. — Она повернулась лицом вперед. — Мы двинемся дальше? Нам надо поспешить, если мы надеемся прибыть в Роксборо до дождя.

Юэн кивнул и щелкнул поводьями, подгоняя лошадь. Девушка права: они ехали слишком медленно. Однако она ошибалась относительно направления их движения.

— Мы не едем в Роксборо. Мы будем держаться северной стороны реки Твид на пути в Берик. Так будет безопасней.

Она резко повернула к нему голову.

— Нет! Нам не надо ехать туда. Мы должны непременно заехать в Роксборо!

Глава 4

Юэн Ламонт явно оказывал на Дженну дурное влияние. По-видимому, чувство меры изменило ей, и она выбалтывала все, что было у нее на уме. Во-первых, она, не подумав, упомянула о своей невестке, затем едва не накликала беду, когда речь зашла о кинжале, и к тому же проявила несдержанность, узнав о его намерении пересечь реку.

Теперь Дженна ясно видела в его голубовато-стальных глазах вопросы. Ей не следовало приставлять к нему кинжал, но этот мужчина задел ее гордость, и она хотела доказать ему, что способна сама постоять за себя. Вместо этого она только вызвала у него подозрения. Монашки, как и большинство женщин, как правило, не владеют оружием. Однако ее невестка не похожа на большинство женщин.

Кристина Макруайри, леди Эйлз, являлась наследницей одного из крупнейших поместий в западной Шотландии и обладала достаточной силой, чтобы заставить считаться с ней, — к великому разочарованию ее брата. Кристина научилась защищаться от своего пользующегося дурной репутацией брата, Лахлана Макруайри.

Она продемонстрировала свое умение владеть кинжалом, когда один из людей Дункана под действием вина попытался применить силу к Джанет. Возможно, он преуспел бы в своем намерении, если бы Кристина не подоспела к ней на помощь. Удар кинжалом в заднюю часть ноги оставил нападавшего мужчину хромым на всю жизнь, однако это было пустяком по сравнению с наказанием, которое потребовал ее брат Дункан для этого человека. Джанет содрогнулась, вспомнив жестокую порку, свидетельницей которой она стала.

Во многих отношениях Дункан был бы лучшим вождем клана, чем ее старший брат Гартнет. Дункан, как Юэн Ламонт, обладал твердой волей и занимал прочное положение, необходимое для лидера, чего ее старший брат был лишен. Однако оба ее брата погибли, и заботы о графстве легли на юные плечи ее восьмилетнего племянника Дональда, который находился под властью короля Эдварда.

Война лишила Джанет большинства родных. Она узнала о смерти Дункана в Лох-Райане только по возвращении в Англию в прошлом году. Из влиятельного семейства Мара остались только она, Мэри и Дональд.

Меньше всего ей хотелось, чтобы Ламонт догадался о ее истинной личности. Если станет

известно, что Джанет Мара жива, это не только подвергнет риску успех ее дела, но и поставит под угрозу ее безопасность. Король Англии Эдвард уже добрался до ее сестры-близнеца и будет рад сделать то же самое с ней.

Нет, пусть лучше Джанет Мара остается мертвой, каковой ее считали с тех пор, когда некий рыбак и его сын выловили будто бы ее тело из реки после крайне неудачной попытки тайно вывезти сестру из Англии три с половиной года назад.

Неужели она верила, что сможет просто так отправиться в Англию и незаметно увести Мэри прямо из-под носа Эдварда? К сожалению, именно так она и думала. Она не хотела слушать предупреждения Дункана, что это только ухудшит положение сестры. Она не хотела ждать подходящего случая и не желала слышать никаких возражений.

Поэтому она обратилась к своей невестке Кристине, убедила ее предоставить ей на время нескольких воинов и отправилась за своей сестрой. Однако *все* пошло не так. Люди Кристины были обнаружены, а Мэри, ее сын от первого брака Дэвид, Джанет и их верный слуга Калеб были схвачены после непродолжительного сражения. Джанет никогда не забудет, как Калеб упал, сраженный стрелой на мосту. Она попыталась помочь ему, но внезапно весь мир рухнул с невероятным грохотом, какого она никогда прежде не слышала.

Джанет плохо помнила, что произошло. Весь мост был охвачен пламенем. Она очнулась на следующий день в монастыре в окружении монашек и решила, что умерла и отправилась на небеса. Это успокоило ее, ведь иначе ее отцу и брату грозила бы опасность.

Первое время она была будто не в себе, раненная и не в силах вспомнить что-либо, поэтому, когда монахини сочли ее одной из них (что неудивительно, учитывая ее одеяние в то время), она не стала возражать. Спустя пару дней к ней вернулась память, однако к тому времени настоятельница монастыря, куда рыбаки доставили Джанет, уже узнала в новой «сестре» шотландку, которую разыскивали англичане.

Позднее Джанет выяснила, что Калеб, человек, который был ей роднее отца, погиб вместе с людьми Кристины, Мэри едва избежала тюремного заключения, а Дэвида снова отняли у матери.

И все из-за нее.

Настоятельница подвергалась большому риску, скрывая Джанет, и потому тайно переправила ее из Англии в Италию с группой паломников, где она могла выздороветь в безопасности. Возможно, такое отношение настоятельницы объяснялось тем, что ее муж, до того как она приняла духовный сан, был одним из тысяч убитых королем Англии Эдвардом во время бойни в Берике десять лет назад.

К тому времени когда Джанет покинула Италию, у нее уже созрел план стать курьером шотландцев, и тогда появилась «сестра Дженна». Только три человека знали, кем она была на самом деле: настоятельница монастыря, епископ собора Святого Андрея и позже — когда Ламбертон был вынужден рассказать ему лично — Роберт Брюс. Даже ее сестра-близнец Мэри не знала, что она осталась жива.

Так было безопаснее для них обеих. Джанет и так причинила немалый вред сестре и не хотела снова подвергать Мэри опасности, если откроется, что Джанет Мара жива и стала предательницей Англии.

Шрамы, полученные в ту ужасную ночь, не вызывали у нее стыда, хотя она не могла сказать

того же о своих поступках, приведших к ним. Однако теперь она не была той импульсивной девицей, которая полагала, что знает, что лучше для окружающих ее людей, и не принимала отрицательных ответов на свои просьбы.

Джанет закусила губу. Возможно, она не изменилась, но, по крайней мере, теперь не намерена вовлекать других в свои проблемы. В большинстве случаев. Отступление от этого принципа в отношении сестры Маргариты привело к ужасным последствиям. Джанет знала, что лучше действовать одной. Казалось, фортуна была немилостивой к тем, кто был рядом с ней. Это явилось одной из причин, побудившей ее принять образ монахини.

Хотя Юэн Ламонт казался человеком, заслуживающим доверия, она не хотела, чтобы он узнал, кто она на самом деле. Она выполняла очень важное дело.

Он не разделял ее убеждений. Его убеждения относительно места женщин раздражало Джанет. Если бы ей посчастливилось встретить мужчину, который считал бы ее равной, она не задумываясь оставила бы свое намерение действительно принять монашеский сан и вышла бы за него замуж! Однако найти такого человека казалось невозможным. Даже ее грозной невестке не всегда удавалось отстоять свои права. Она до сих пор то и дело становилась свидетельницей ужасных ссор Кристины и Дункана, которые потом исчезали в своей спальне на несколько часов.

Нет, Джанет не жалела, что выбрала именно такую судьбу. Замужество означало неволю и постоянные раздоры, и она радовалась, что избежала этих своеобразных оков.

Но почему же эти мысли пришли ей в голову именно сейчас? Ее главной задачей было посещение Роксборо. А этот властный шотландец вмешался в ее планы.

Джанет смущало, как он пристально и молчаливо изучал ее, не отрывая от нее своих стальных глаз. Она поняла, что ее поведение многое ему открыло. Она постаралась на этот раз спокойно объяснить свою озабоченность.

— Англичане внимательно наблюдают за мостами. Попытка пересечь реку будет небезопасной.

Она не смогла сдержать охватившую ее легкую дрожь. С той памятной ночи она ненавидела мосты.

— Мы не пойдем через мост. Я знаю место, где мы сможем перейти реку так, что англичане не заметят нас. — Он по-прежнему не отрывал от нее глаз. — Почему вы так стремитесь в Роксборо?

Джанет снова прокляла свою несдержанность. Она намеревалась, когда придет подходящий момент, мягко убедить его сделать короткую остановку в Роксборо. Но она не предполагала, что путь их будет лежать в другом направлении.

Зная его мнение о ее занятии, она решила не упоминать о нем и сделала вид, что слегка смущена.

— В деревне есть торговец, с которым я хочу повидаться.

— С какой целью?

Джанет развязала завязки на большом кожаном мешке, который все еще держала на плечах, и извлекла маленький сверток.

— Вот для этого. — Она поднесла сверток к его носу, и Юэн ощутил запах ароматных приправ.

— Что это?

— Запеченные в меде каштаны и прочие специи. Они мне очень нравятся, и я обещала принести еще для других монахинь.

Она постаралась выдержать его пристальный взгляд, но он, казалось, разоблачил ее обман.

— Вы уверены, что это не очередное поручение епископа?

Джанет надеялась, что жар, подступивший к ее щекам, не отразится на лице.

— Вам никто не говорил, что вы слишком подозревающи?

— А вам никто не говорил, что монахиням не пристало лгать?

Она гордо приподняла подбородок.

— Это не ложь. Я действительно люблю каштаны.

— В таком случае вы могли бы попросить епископа привезти их вам, когда он отправится по своим делам. Мы не поедем в Роксборо. В той местности полно англичан. Если вы не заметили, мы находимся в состоянии войны с ними.

Джанет разозлилась, услышав в его голосе покровительственную издевку, однако не хотела открывать причину своего затруднительного положения. Он и так относится к ней с подозрением, и одному Богу известно, что она наговорит ему, если он опять выведет ее из себя.

Поэтому она решила помолчать и дождаться подходящего момента. Она не собиралась отступать. Епископ получил сообщение от важного источника в замке и просил Джанет установить с ним контакт. Он не доверял никому другому. Теперь она должна найти способ убедить упрямого шотландца (слишком упрямого, исходя из ее опыта) изменить свое решение. Она понимала, что лучше сделать это прежде, чем он найдет место переправы.

Что-то не так, подумал Юэн. Девушка ведет себя слишком спокойно. И слишком легко отступила от своих требований. Он готов был поспорить на половину своего месячного жалованья, что она что-то задумала. Черт побери, он поставил бы все деньги, если бы такой спор состоялся. Однако он не был похож на своего отца и берег каждую заработанную монету, чтобы закончить строительство этого проклятого замка.

Он надеялся, что у этой девушки больше нет припрятанных кинжалов. Теперь, когда начался дождь, ему необходимо сосредоточить все свое внимание на тропинке среди деревьев. Скользкая грязь и неровная почва затрудняли движение, а опустившийся густой туман мешал ориентироваться. К тому же чем сильнее был дождь, тем плотнее девушка прижималась к его груди, что не способствовало его сосредоточенности. Его естество, наверное, посинело от постоянного трения о ее ягодицы в течение бог знает скольких часов.

Она сильно дрожала, и это было естественно. Для апрельского дня было довольно холодно, почти как зимой.

— Пожалуйста, может быть, мы остановимся и переждем грозу?

Юэн почувствовал угрызения совести. Они ехали в течение нескольких часов. Помимо того, что девушка промокла и замерзла, она, несомненно, очень устала.

— Отдохнем, как только переправимся через реку.

— И когда это будет?

— Скоро.

Джанет взглянула на него через плечо. Она накрыла накидкой голову, однако вода все-таки струилась по ее бледному лицу. Ее ресницы намокли и слиплись, и казалось, будто она плачет. Юэн снова испытал чувство вины. Ведь она всего лишь девушка. Женщины вообще нежные создания — это надо помнить, особенно в ее случае. Что заставляло ее участвовать в таком опасном деле?

— Я думала, вы знаете…

Он резко прервал ее.

— Я точно знаю, где мы находимся. — Брод был уже близко. Он не мог пропустить его. Правда, из-за дождя местность казалась неузнаваемой. Но он не заблудился.

— Я думала, вы знаете…

Он резко прервал ее.

— Я точно знаю, где мы находимся. — Брод был уже близко. Он не мог пропустить его. Правда, из-за дождя местность казалась неузнаваемой. Но он не заблудился.

— Я подумала, что в тумане трудно…

— Мы не заблудились, черт возьми.

Она удивленно раскрыла рот и слегка отстранилась от него, почувствовав его раздражение.

— Я не хотела подвергнуть сомнению ваши способности ориентироваться на местности. Конечно, мы не заблудились. — Он испытал некоторое удовлетворение, пока она не разрушила его, добавив: — Если вы так говорите, то так оно и есть.

От чувства вины не осталось и следа. Юэн снова разозлился, оглядываясь вокруг в поисках признаков того, что тропа, которую он выбрал, ведет в правильном направлении. Женщины монашеского сана не должны быть такими докучливыми. Куда подевались кротость и умиротворенность этой монашки?

Юэн пробирался сквозь деревья и кусты еще около получаса. Дождь усилился и ветер, казалось, дул прямо с Северного моря, пробирая до костей.

Наконец он увидел среди деревьев просвет, который искал.

— Вот это место, — сказал он так, словно сомнения ни на мгновение не посещали его.

Юэн направил лошадь к берегу реки, однако перед его взором предстало то, чего он не ожидал.

* * *

Джанет побледнела скорее от страха, чем от холода.

— Не думаете же вы, что мы будем переправляться через реку здесь!

У нее не было необходимости притворяться, ее охватил настоящий ужас. Она посмотрела на реку Твид шириной около двадцати футов и ощутила подступившую к горлу тошноту. Обычно медленно текущие воды вздулись после недавних гроз и теперь неслись с бешеной скоростью, вздымаясь волнами от ветра.

Эти волны почти достигали больших бревен, переброшенных через реку и образующих своеобразный мост. Как долго эти бревна смогут устоять под натиском реки?

Джанет покачала головой, чувствуя, как от страха сжимается сердце.

— Я не смогу.

— Эта переправа выдержит, — сказал Юэн мягким тоном, каким не разговаривал с ней прежде.

Он спешился и протянул ей руку, чтобы помочь спуститься. Она подала ему руку и наклонилась вперед, а он обхватил ее за талию, чтобы осторожно опустить на землю. У Джанет внезапно перехватило дыхание. Прежде ей много раз помогали спуститься с лошади, но никогда она так явственно не ощущала прикосновение мужских рук к ее телу.

И никогда прежде ей не хотелось глубоко вдыхать исходивший от этого мужчины запах кожи, дождя и леса и чего-то теплого и характерного только для него.

Их взгляды на мгновение встретились, и Джанет поняла, что он чувствует то же самое. Он отвел глаза и отпустил ее так резко, что она с трудом устояла на ногах.

Смущенная своими ощущениями, испытывая замешательство, она избегала его взгляда, когда он привязывал лошадь к ближайшему дереву, намереваясь обследовать «мост». Джанет наблюдала, как он пнул ногой несколько бревен, чтобы убедиться в их прочности, и проверил сапогом, насколько скользок размокший берег. Как обычно, выражение его лица оставалось непроницаемым. Губы его были сурово сжаты, но она не могла сказать, было ли в этой суровости что-то необычное.

Он повернулся туда, где она ждала под кроной большого дерева.

— Похоже, все хорошо. Сначала я переправлю лошадь, а потом вернусь за вами.

Джанет глубоко вздохнула, и сердце ее неистово забилось. Она посмотрела на него и покачала головой.

— Я не могу. Я ненавижу мосты. Пожалуйста, может быть, мы пойдем другим путем?

Он ободряюще улыбнулся ей.

— Эта переправа не так плоха, как кажется. Вам не о чем беспокоиться. Я не допущу, чтобы с вами что-то случилось.

Джанет поверила и двинулась за ним к берегу. Но то, что она увидела в следующий момент,

заставило ее отказаться от своего решения. Огромная волна захлестнула бревна с такой силой, что вся переправа затрещала.

Юэн повел вперед лошадь, которая, казалось, была напугана не меньше.

Джанет остановила его.

— Пожалуйста, не надо. Течение слишком сильное. Бревна намокли и стали скользкими. Здесь запросто можно упасть в воду, а я не умею плавать. Неужели нельзя переждать до утра? Может быть, к тому времени дождь прекратится и вода спадет?

Словно в подтверждение ее слов еще одна высокая волна обрушилась на переправу, подняв в воздух столб брызг.

Джанет повернулась к своему спутнику.

— Пожалуйста, — умоляюще сказала она, глядя ему в глаза.

Он пристально посмотрел на нее.

— Вы действительно боитесь?

В его голосе прозвучали странные нотки. Охваченная паникой Джанет уловила легкую хрипотцу, и в душе ее затеплилась надежда.

Она кивнула, и лицо ее оказалось в нескольких дюймах от его лица. У нее перехватило дыхание. Только сейчас она поняла, что сделала. Рукавами она обхватила его предплечья и прижалась к нему всем телом близко-близко: грудь к груди и бедра к бедрам. Она ощущала твердость его груди и ног. А также еще чего-то, отчего у нее пересохло во рту и внутри все сжалось.

О Боже.

Джанет была потрясена и испугана внезапным осознанием. Она раскрыла рот, но голос замер в ее горле, когда их глаза встретились.

Господи, помоги! Несмотря на дождь и холод, она почувствовала жар во всем теле.

Даже если бы она не ощущала доказательства его желания, она могла догадаться по его глазам. Он явно желал ее, и казалось, что она ощущает силу этого желания кончиками пальцев, трепещет от незнакомого чувства. Ее сердце билось учащенно, дыхание сделалось отрывистым и неровным, а тело словно отяжелело.

Она не могла двигаться. Ею овладело какое-то непонятное чувство, которому она не могла противостоять. Не могла — и не хотела.

Когда его взгляд устремился к ее губам, Джанет поняла, что он собирается сделать. И была готова позволить ему это, даже если им обоим это казалось безумием.

Он сжал челюсти и отвернулся.

Она опустила руки и отступила на шаг назад, словно ребенок, которого повариха застала за попыткой стащить кусок пирога и сбежать с места преступления.

Джанет не понимала, что на нее нашло. Она никогда прежде не прикасалась к мужчине так откровенно, не говоря уже о соблазнении.

Его голос прозвучал более резко, чем обычно.

— Здесь неподалеку в Траусе есть постоялый двор, где можно остановиться на ночь.

Джанет вздохнула с облегчением.

— Благодарю.

Остановка в Траусе! Она внезапно поняла, что это значит. Ей не только удалось избежать переправы через реку, но, вероятно, ей удастся добраться до Роксборо. Траус находился недалеко от этого графства.

Юэн не первый раз смотрел на нее напряженным взглядом, и она опасалась, что он догадался о ее намерении.

— Мы не можем появиться там в таком виде. Монашка и воин, путешествующие вдвоем, вызовут много толков.

Поскольку на этот раз он согласился с ней, она не стала напоминать ему о том, что раньше говорила то же самое, когда он настаивал на сопровождении ее.

— Что вы предлагаете?

— Я сниму часть своих доспехов, а вы — свой головной покров и белый наплечник.

Ее глаза расширились, когда она поняла, что он задумал.

— Вы хотите, чтобы мы сделали вид, будто женаты?

Почему эта идея пугает ее больше, чем мысль о роли монашки? Если бы она задумалась о своих грехах, то поняла бы, что последний — не такой уж тяжелый.

— У вас есть другие предложения?

— Неужели нет других мест, где мы могли бы укрыться? Например, в какой-нибудь пещере? В заброшенной хижине? Или в шалаше?

— Есть, но на другой стороне реки. — Он указал на переправу, которую в очередной раз захлестнула волна. — Выбирайте.

Выбор был очевиден. Не было причин сомневаться, но она колебалась. Почему мысль о том, чтобы притвориться его женой, пугала ее не меньше, чем переправа через реку по бревнам?

— Я предпочитаю постоялый двор.

Он коротко кивнул.

— Я оставлю вас на минуту, чтобы вы могли привести себя в порядок и снять облачение. — Он указал на деревянный крест на ее шее, который она носила с той памятной ночи, когда пыталась освободить свою сестру. — Спрячьте его.

Topreading.ru

Джанет была благодарна Ламонту за то, что он предоставил ей возможность уединиться. Она удовлетворила свою самую настоятельную потребность, затем быстро сняла головной покров и наплечник, что нелегко было сделать, потому что дождь сильно намочил материю. Она постаралась не думать о том, что если бы Юэн не настоял на сопровождении, она сейчас была бы в теплом и сухом аббатстве. Завершив приготовления, она снова завернулась в накидку и уложила снятые вещи в мешок. Без прежнего одеяния она почувствовала себя уязвимой.

Но что ей угрожало?

Джанет спрятала крест под простым черным платьем, когда Юэн вернулся, и поняла, какая угроза нависла над ней.

О Боже.

Внутри у нее все сжалось. Он снял свой устрашающий шлем, и она впервые увидела его лицо полностью.

Она ошибалась. Он не просто красив. Он потрясающе красив. Темноволосый, голубоглазый, с правильными чертами лица, он выглядел так, что в ней проснулся и дал о себе знать первобытный женский инстинкт. А эти губы… этот подбородок… эти глаза.

У нее вырвался вздох восхищения, чего не случалось даже в юные годы при виде красивых мужчин.

Его волосы ниспадали мокрыми прядями на лоб, скулы и подбородок покрывала небольшая щетина, по лицу стекали капли дождя, и это только усиливало его суровую привлекательность. Сердце ее замерло.

В следующий момент Джанет охватил ужас от осознания того, что с ней происходит. Она поняла, почему чувствовала себя так скованно в его присутствии с самого начала.

«Боже милостивый, неужели я увлечена им!»

Словно у зайца, который видит охотника, у Джанет возникло инстинктивное желание убежать. Впрочем, можно все же убедить его отказаться от ночевки на постоялом дворе. Но тут она подумала: неужели перейти по бревнам через реку менее опасно, чем провести с ним ночь?..

Глава 5

Когда хозяйка постоялого двора открыла дверь в комнату, Юэн понял, какую огромную ошибку совершил, позволив девушке уговорить его не переправляться через реку.

Он окинул взглядом помещение на втором этаже, что заняло у него пару секунд, ведь комната была ненамного больше единственной кровати, расположенной у дальней стены. Помимо маленького стола и деревянного табурета другая мебель отсутствовала. Здесь было очень тесно.

Юэн был потрясен, и сердце его тревожно забилось. Ни в коем случае нельзя оставаться вдвоем с этой девушкой в такой тесноте!

Он собирался попросить другую комнату — размером побольше, — когда полная, на вид почтенная хозяйка повернулась к нему с гордой улыбкой.

— Это наша самая большая комната и, по-моему, самая лучшая. Из этого окна вы можете видеть весь двор, — бодро сообщила она, указывая на ставни над кроватью. — Крыша надежная, и у вас будет сухо. Правда, мы не можем разжечь огонь из-за соломенной крыши, но вам будет уютно и тепло от очага в нижнем холле, и если вы дадите мне свои мокрые вещи, я повешу их у огня внизу. К утру они высохнут.

Ни он, ни сестра Дженна, казалось, не знали, что сказать. Он-то часто страдал от недостатка слов, а вот для красноречивой монашки это, судя по всему, был редкий случай.

Хозяйка положила на кровать стопку постельного белья, которое захватила с собой. Затем повернулась к сестре Дженне и сказала, подмигнув и многозначительно посмотрев на кровать:

— Если вам потребуется еще одно одеяло, дайте мне знать. Впрочем, ваш муж бравый паренек, и с ним вам и так будет тепло.

Сестра Дженна, казалось, побледнела еще сильнее, и глаза ее расширились до такой степени, что Юэн рассмеялся бы, если бы не испытывал то же, что она. Назвать это чувство опасением было бы преуменьшением. Эта комната представлялась теперь камерой пыток.

Юэн готов был поблагодарить хозяйку и выйти, однако такое поведение могло привлечь излишнее внимание, чего он старался избегать. До сих пор все шло хорошо, и они оставались неприметными. Он не хотел необдуманным поступком подвергать риску себя и девушку.

Кроме того, он сознавал, что сестра Дженна права: попытка переправы через реку во время грозы чрезвычайно опасна. Они оба замерзли и промокли до костей. Он мог бы соорудить временное укрытие, однако это была бы долгая и мучительная дождливая ночь. Теперь его ждала не менее мучительная ночь, но по другой причине. По крайней мере, девушка будет в тепле и сухости. Он не мог больше смотреть, как она дрожит, — это вызывало у него какое-то странное чувство. Нужно было что-то сделать, чтобы она перестала дрожать.

Мрачно признав, что он испытывает жалость к своей охваченной ужасом «жене», которая, казалось, впервые в жизни лишилась дара речи, он ответил за нее.

— Комната годится, — произнес Юэн с обычной краткостью. Он говорил по-английски — на языке, на котором говорили обычные люди в пограничных городах. Он был удивлен, обнаружив, что сестра Дженна так же хорошо говорит на этом языке, хотя и с заметным акцентом. До сих пор она не удосужилась сообщить ему об этом. Эта девушка полна сюрпризов.

Он понял, что сказал что-то не то, когда лицо пожилой женщины вытянулось. Однако сестра Дженна поспешила исправить его оплошность.

— Это превосходное убежище от дождя, — сказала она хозяйке с благодарной улыбкой. — Я уверена, нам будет очень удобно. — Она восторженно вздохнула, чем нанесла Юэну удар в запретное место. — Скажите, это пуховая подушка?

Хозяйка просияла.

— Конечно, миледи.

— Как чудесно! Я усну, едва моя голова коснется пуха. Правда, подозреваю, что мой… — Юэн надеялся, что только он заметил ее незначительное колебание, — …мой муж поднимет меня ни свет ни заря, поскольку нам предстоит долгий путь.

Окончательно смягчившись, хозяйка похлопала сестру по руке, словно та была юной девочкой.

— Куда вы, говорите, направляетесь?

— Мы ничего об этом не говорили, — сказал Юэн.

Сестра Дженна бросила на него укоризненный взгляд и, повернувшись к хозяйке, закатила глаза, словно извиняясь за его дурные манеры.

— Моя мать очень больна, — сказала она, понизив голос. — Я надеюсь, мы прибудем в Лондон вовремя.

— Бедное дитя, — сказала женщина, снова похлопав Дженну по руке. — Значит, вы едете в Лондон? Но ведь вы…

— Фламандка, мадам, — вставила Дженна. Они решили соблюдать осторожность на случай, если кто-нибудь разыскивает итальянскую монашку. — Мой отец торговец.

Юэн должен был признать, что она прекрасно держалась. Для монашки эта девушка лгала очень умело. Он сам почти поверил ей.

— Как вы познакомились с мужем?

Юэн был вынужден стоять у двери еще около десяти минут, пока Дженна потчевала хозяйку историей об их случайной встрече на рынке в Берике, до того как «Брюс создал все эти неприятности, взойдя на трон». Юэн едва ли думал, что похож на ухажера, оставлявшего полевые цветы у порога невесты в течение двух недель. Однако хозяйка была очарована этой романтической историей, и он покраснел, чувствуя себя глупцом (чего, несомненно, добивалась дерзкая девчонка) под ее одобрительным взглядом.

Ламонт счел, что сестра Дженна вела себя вполне естественно и как нельзя лучше сумела развеять всякие подозрения. В конце концов, пообещав прислать им еду, женщина оставила «супругов» одних.

Как только дверь за ней закрылась, все его тревоги вернулись к нему с новой силой. Комната показалась еще теснее. Внезапно наступившая тишина поразила его, и он подумал, что лучше бы сестра Дженна задержала хозяйку, чтобы отдалить этот момент.

Пытаясь прервать неловкую паузу, Юэн сделал два шага к столу и положил на него кожаный мешок, который снял с седла. Стянув с себя накидку, он повернулся лицом к Дженне. Она отошла на шаг от кровати к противоположной стене комнаты, как можно дальше от него.

Юэн выругался сквозь зубы, увидев настороженность на ее бледном лице. Она смотрела на него, как ягненок на волка. И хуже всего то, что он знал — ее страх ничем не оправдан. Но, видимо, она помнила, как близок он был к тому, чтобы поцеловать ее ранее.

О чем он только думал? Ведь она монашка! Он не считал себя особенно благочестивым, но церковь была частью его жизни, как для любого человека в христианском мире. Он считал постыдным вожделение к женщине, какую с детства воспринимал как святую и возвышенную.

Прикосновение к этой девушке во время путешествия пробудило в нем животные потребности, однако безнравственное поведение по отношению к ней могло повредить делу Брюса, а также его собственному делу. Брюс нуждался в поддержке со стороны церкви, чтобы победить в

своей войне, а Юэн нуждался в Брюсе, чтобы его клан мог выжить. Он мог представить себе реакцию Ламбертона, если станет известно, что он лишил девственности одну из его помазанниц.

Впрочем, она явно не собиралась облегчать ему задачу. Эта девушка вела себя не как монахини, каких он встречал, — но и не как обычная женщина, коли на то пошло. И ему было бы легче справиться с собой, если бы он не был уверен, что она испытывает к нему то же самое.

Он угрюмо сжал губы, когда заметил, что она дрожит. Она сняла капюшон, и теперь ее золотистые локоны, прилипшие к голове, начали подсыхать. «О, эти волосы!» Он почувствовал напряжение в чреслах и мысленно выругался.

— Вам следует поступить так, как сказала эта женщина. Снимите мокрую одежду, пока не простудились. — Когда хозяйка ушла, он снова заговорил по-французски.

Широко раскрыв глаза, она покачала головой.

— Я в порядке. Здесь достаточно тепло. Одежда скоро высохнет.

— Не говорите глупостей. Я повернусь к вам спиной, пока вы будете переодеваться; ваша стыдливость не пострадает.

На ее щеках появились два ярких пятна. Очевидно, ее задел его тон.

— Меня беспокоит не стыдливость. Дело в том, что я взяла с собой только два платья, одно из которых, если помните, порвал солдат.

Юэн развязал свой мешок и достал запасную рубашку.

— Вы можете надеть это. — Предвосхищая ее отказ, ведь ткань была совсем прозрачная, он добавил: — И завернитесь в плед, который хозяйка принесла для постели.

Она подумала пару минут, прежде чем желание согреться не возобладало.

— Хорошо. Только не поворачивайтесь, пока я не скажу.

— Обещайте мне то же самое. Я тоже хочу переодеться.

Он заметил промелькнувшую на ее губах улыбку.

— Вам следовало воспользоваться своим обаянием и быть более любезным с хозяйкой. Если придут англичане, она непременно выдаст вас из-за вашего нелестного комментария относительно этой комнаты. А также из-за того, что вы не сказали ей о цели нашего путешествия. Вы только вызываете подозрения, отказываясь отвечать на вопросы.

Обаяние? Он никогда не отличался способностью общаться с женщинами. Другое дело сестра Дженна. С ней он чувствовал себя легко. Он разговаривал с ней почти как с одним из гвардейцев, и его резкость и грубоватость, казалось, не беспокоили ее.

— На вас тоже распространяется наша договоренность, сестра? Надеюсь, вы не будете подсматривать? Могу я вам доверять?

Она покраснела.

Topreading.ru

— Конечно.

Юэн пристально посмотрел на нее. Она не отвела взгляда, однако Юэн чувствовал, что она что-то скрывает. И он намерен узнать, что именно.

— Переодевайтесь, — сказал он резко и повернулся к ней спиной.

Он много раз раздевался при женщине, но никогда прежде это не было такой мукой. Хотя они стояли на расстоянии пяти футов друг от друга, он готов был поклясться, что чувствовал каждое ее движение. Юэн быстро снял мокрую одежду и заменил ее чистой туникой и штанами.

Затем он принялся ждать. Казалось, прошло слишком много времени, и он, не выдержав, попытался повернуть голову…

— Вы подглядываете?

Он быстро отвернулся.

— Вы еще не закончили?

— Еще немного.

Спустя несколько минут, полагая, что она уже переоделась, Юэн снова взглянул через плечо и успел увидеть ее стройную спину, прежде чем рубашка прикрыла ее.

Он быстро отвернулся.

— Вы еще не закончили?

— Еще немного.

Спустя несколько минут, полагая, что она уже переоделась, Юэн снова взглянул через плечо и успел увидеть ее стройную спину, прежде чем рубашка прикрыла ее.

Юэн едва сдержал стон. Его снова охватило вожделение, и вернулось болезненное чувство. Этого следовало ожидать. Он сам виноват.

Теперь перед его мысленным взором снова возникли превосходной формы молочно-белые груди и гладкие, округлые женские ягодицы. Казалось, в этой камере пыток стало еще теснее.

Впрочем, ее кожа не везде была гладкой. Он нахмурился, вспомнив о замеченных шрамах. Она объясняла это наказанием в виде порки кнутом? Вряд ли. Эти шрамы были больше похожи на ожоги.

У него было много вопросов к этой девушке.

— Можете повернуться, — сказала она.

— Откуда у вас шрамы на спине? — спросил он с суровым выражением лица.

Джанет инстинктивно напряглась. Но не от стыда — хотя этот вопрос всегда вызывал у нее это

чувство. Она знала, что, пусть шрамы отчасти и сгладились, они имели неприглядный вид. Однако она не стеснялась их. Они служили ей напоминанием о цели ее жизни. Она не могла забыть то, что произошло на мосту в ту ночь. Да, что этот эпизод стал для нее хорошим уроком и определил ее дальнейшую судьбу.

Должно быть, она уже привыкла к резкости Юэна, потому что ни его вопрос, ни нахальное вмешательство в личную жизнь не удивили ее. Ему повезло, что она не была застенчивой девушкой.

Внезапно Джанет замерла, и глаза ее сузились. Почему он заговорил о шрамах?

— Вы все-таки подглядывали!

Он пожал плечами, не пытаясь оправдываться.

— Это вышло случайно. Вы слишком долго возились со своей одеждой.

— Вы считаете это достаточным предлогом?

— Да, если хотите.

Джанет закипела от злости.

— Вам не о чем беспокоиться, — сказал он. — В вас нет ничего такого, чего бы я не видел сотни раз.

Если он пытался успокоить ее таким образом, то его попытка провалилась. Ее глаза гневно расширились.

— Сотни раз?

Он пожал плечами, и его безразличие почему-то разозлило ее еще больше. Джанет не волновало, со сколькими женщинами он имел дело, и то, что она ничем не отличалась от них. Ее раздражало, с какой небрежностью он заявлял об этом.

— Как приятно слышать, что у вас было столько возможностей для сравнения.

— Вы не ответили на мой вопрос. Откуда у вас эти шрамы? Я знаю, что они не от кнута, как вы рассказывали сегодня солдатам.

— Вы и шрамы могли сравнить сотни раз?

Ламонт улыбнулся: очевидно, ее раздражение забавляло его.

— Даже больше.

— Вы воевали несколько лет?

— Да. А теперь расскажите мне о своих шрамах.

Джанет сжала губы. Он был таким же настойчивым, как Дункан. С ним ей тоже никогда не удавалось сменить тему. Он был чрезвычайно упрямым, когда расспрашивал ее о каких-то личных делах или трудностях. Юэн Ламонт напоминал ей брата и в других чертах. Однако чувства, которые он пробудил в ней, были явно не сестринскими.

Topreading.ru

Видимо, он не успокоится, пока не получит ответа, и Джанет решила рассказать ему правду. Ну, хотя бы отчасти.

— Я была на мосту, когда в него ударила молния. Я не помню точно, что произошло, но все было в огне. Я получила удар по спине щепками досок. Сестры удалили их, но некоторые вонзились глубоко.

Он смотрел на нее так, словно знал, что она чего-то недоговаривает. Но ничего больше рассказывать ему Джанет не собиралась. Как она оказалась на мосту — не его дело.

— Так вот почему вы не хотели переправляться через реку. Когда это случилось?

Теперь пришла ее очередь небрежно пожать плечами.

— Некоторое время назад. — Надеясь закрыть эту тему, Джанет добавила: — Я не люблю вспоминать об этом.

— У вас нет причины стыдиться этих шрамов. Они являются признаком вашей силы. Вы смогли выжить.

Джанет разозлилась.

— Я знаю. Эти шрамы не причиняют мне боли, но служат напоминанием.

На этот раз он понял намек и решил сменить тему, хотя, к сожалению, другая тема была не лучше прежней.

— У вас необычный акцент. Откуда вы родом?

Джанет надеялась, что он не заметил, как ее плечи слегка напряглись, — впрочем, она уже догадалась, что от его взгляда никто не ускользает.

— Мой отец был торговцем, — сказала она, повторяя ту же историю, которую рассказывала хозяйке постоялого двора. — Он много путешествовал.

— Поэтому вы говорите на многих языках?

— Да. — Однако языки давались ей нелегко. Они всегда вселяли в нее ужас. Решив, что разговор о ней затянулся, Джанет спросила: — А что вы скажете о себе? Мне нечасто встречались шотландцы, так свободно разговаривающие по-французски и не являющихся дворянами… — Она умолкла и покраснела.

— И вы решили, что я не отношусь к их числу?

— Я не хотела вас обидеть.

— Вы меня не обидели. Я воспитывался с местным дворянином и прошел некоторое обучение. Языки давались мне нелегко. — Джанет вскинула брови, и он рассмеялся. — В отличие от вас.

Она покачала головой.

— Хуже всего латынь.

Эти слова вырвались у нее, прежде чем она смогла сдержаться. Она надеялась, что он

пропустит их мимо ушей, но, разумеется, эта надежда была напрасной.

— Я думал, будучи в тесных отношениях с итальянцами, легче освоить итальянский язык.

— Для большинства людей так и есть, — сказала Джанет. Она притворно зевнула. — Если не возражаете, я, пожалуй, лягу в постель. Я очень устала.

Разговор с ним опасен. В его присутствии она не раз забывала, что представлялась монашкой, или, по крайней мере, вскоре планировала стать ею. В какие-то минуты Джанет чувствовала такой уют и спокойствие, словно они на самом деле были мужем и женой и такая близость казалась естественной.

Но внезапно Джанет вновь испытала неловкость от их уединения. Она явственно воспринимала его как мужчину. И как бы она ни притворялась монашкой, ее тело невольно реагировало на присутствие такого красивого мужественного воина. В его присутствии она как никогда прежде ощущала себя женщиной.

Джанет плотнее запахнула плед на своих плечах, хотя в комнате неожиданно стало слишком тепло. Просто воздух нагрелся, не так ли? Однако она не могла объяснить прилив тепла в тех местах своего тела, где никогда не ощущала его прежде. Казалось, повсюду вспыхивали предупреждающие сигналы. Она должна держаться подальше от этого мужчины.

Должно быть, он тоже почувствовал возникшую напряженность, потому что внезапно решил выйти из комнаты.

— Если вы дадите мне свою одежду, я отнесу ее вниз хозяйке, чтобы та повесила ее посушить у огня. Вам не обязательно оставлять свечу зажженной; я найду нужную дверь, когда вернусь.

Джанет закусила губу, испытывая желание спросить, через сколько он вернется, но удержалась, чтобы не вызвать подозрений. Потому что она решила, что ее уже не будет в этой комнате, когда он проснется.

В отличие от отца, который любил выпить, Юэн не испытывал особой страсти к виски, но иногда ценил притупляющий эффект крепкого напитка. Последнее время он пил довольно много, после того как один из его друзей-гвардейцев Уильям Гордон был убит в битве в Гэллоуэе. Это произошло до того, как Юэн и Маклин наконец оказались в безопасном месте, пережив бойню при Лох-Райане, в результате которой люди Брюса попали в руки Макдауэлла.

Но в этот вечер не боль от потери друзей привела его к спиртному. Это была боль другого рода — чувственная боль. Зная, что не уснет всю ночь, Юэн решил провести время за бутылкой виски, желая охладить свой пыл. Он испытал соблазн, когда появилась другая возможность укротить свою чувственность с помощью миловидной служанки, однако кокетливые прикосновения и бесстыдные взгляды девицы не возымели своего действия.

К тому времени, когда Юэн вернулся в комнату, он был уже достаточно пьян, а источник его беспокойства крепко спал, укрывшись одеялами. Он бросил свою накидку на пол и рухнул на нее с затуманенным сознанием, даже не заметив, каким жестким было его ложе.

Однако и во сне мечты о спутнице не оставили его. В своих беспокойных грезах он видел ее высокие груди и округлые ягодицы. Он представлял, как прикасается к ней, как обхватывает ладонями упругие груди, как ласкает руками ее обнаженную нежную плоть. Его тело пылало,

кровь бурлила, нос чувствовал возбуждающий запах женщины. Эти ощущения были такими явственными, что он проснулся. По крайней мере, так ему показалось. И когда он открыл глаза, его рука держала ее запястье, и над ним неясно вырисовывалось ее лицо с широко раскрытыми, полными ужаса глазами.

Затем он понял, что все это ему снится, потому что он чувствовал нежное поглаживание волос и слышал тихие, убаюкивающие звуки ее голоса. Его тело расслабилось. Прежнее напряжение в конечностях исчезло благодаря успокаивающим прикосновениям. Как хорошо. Юэн не помнил, как в детстве мать убаюкивала его, но подозревал, что это было так же приятно, как сейчас. Последнее, что он почувствовал, — это нежное прикосновение женских губ к его щеке.

Юэн проснулся в холодной комнате с первыми лучами зари, проникавшими сквозь трещины в ставнях. Эти лучи, подобно кинжалам, пронзали его отяжелевшую голову. Он закрыл глаза, прислушиваясь к мирным звукам… тишины. Абсолютной тишины.

Охотник снова резко открыл глаза. Не обращая внимания на головную боль, он устремил свой взгляд на спавшую рядом женщину. Точнее, туда, где должна была спать женщина. Однако, еще не успев вскочить на ноги и откинуть свернутый плед, Юэн все понял.

Это был не сон. Его так называемая «жена» исчезла.

Глава 6

Сердце Джанет замирало от волнения, пока она не оказалась на полпути к Роксборо.

Когда ей удалось вновь убаюкать Юэна, она забрала свои вещи внизу и проскользнула мимо спящих обитателей постоялого двора в холодный полумрак утра, уже не так волнуясь. Перед этим, когда она попыталась перелезть через Юэна, а он открыл глаза и схватил ее за запястье, она думала, что сердце ее выскочит из груди.

Проснулся ли он или пребывал в полусне, она не знала, и в какой-то момент ей показалось, что он хочет притянуть ее к себе. Сознание того, как сильно она желала его, вызвало у нее панику. Надо было что-то делать.

Джанет не задумываясь протянула руку и погладила Ламонта по голове, стараясь успокоить его так, как делала это в юные годы с Мэри, когда сестру посещали ночные кошмары. Однако прикосновение к этому мужчине было совсем не похоже на прикосновение к сестре.

Даже спешно двигаясь через лес по дороге, соединявшей Траус с Роксборо, Джанет все еще ощущала шелковистость его густых волос, скользящих между ее пальцев. Неужели мужчина — особенно солдат, который, казалось, был рожден на поле боя — мог иметь такие мягкие волосы? Темные блестящие волны скользили между ее пальцев, подобно нежнейшему шелку. Она все еще чувствовала твердость мышц его спины и рук, когда старалась успокоить его и заставить снова уснуть. Но больше всего ей запомнилось ощущение его бороды, когда она прикоснулась губами к щетинистой щеке.

Что заставило ее поцеловать его? Джанет до сих пор не могла поверить, что осмелилась сделать это. Она шептала успокаивающие слова ему на ухо, и его щека была такой близкой и такой притягательной…

От него исходил запах виски и леса, и его кожа была такой приятной: загорелой и свежей, с

привкусом пряностей. Джанет охватило странное чувство. Ее пульс участился, она ощутила внезапный прилив крови внизу живота и легкое покалывание кожи, ее конечности отяжелели, и груди набухли. Соски напряглись, и она вдруг испытала непреодолимое желание прижаться всем телом к его телу.

В какой-то момент ей захотелось прильнуть к нему в темноте, почувствовать, как он обнимает ее и делает то, что мужчина обычно делает с женщиной. Она много об этом слышала, но до настоящего момента у нее не было желания испытать это на себе.

Ни один мужчина прежде не вызывал у нее таких чувств. Джанет была смущена, обескуражена и испугана в одно и то же время.

Джанет ускорила шаг, как можно быстрее удаляясь в направлении Роксборо к тому будущему, которое ждало ее. В этом будущем не было места чувственным мыслям и увлечению мужчиной. Она останется монашкой, Бога ради!

Именно этого она хотела, разве нет? Джанет ощутила легкое теснение в груди, но не придала этому значения. Конечно, она останется монашкой. Носить головную накидку — единственно возможный выбор для нее. Как иначе она могла продолжать делать то, что делала? В качестве монашки она имела определенную свободу. И цель. Ей нравилось работать на Ламбертона, и она гордилась тем, что помогала Роберту.

Какой у нее был выбор? Для благородной женщины существовало два варианта: замужество или принятие монашеского сана. И Джанет поняла, что замужество не для нее. Она была ранее дважды помолвлена, и оба раза помолвка закончилась гибелью ее женихов. Война погубила много молодых благородных шотландцев, и для Джанет это послужило знамением, что выйти замуж ей не суждено.

Она была счастлива, а исходя из ее жизненного опыта, счастье и замужество — несовместимы. Ее отец обращался с ее матерью как с невольницей, девичья влюбленность сестры Мэри в графа Атолла обернулась для нее страданием, а Дункан и Кристина постоянно ссорились.

Но почему Джанет задумалась о браке? Даже если бы она захотела выйти замуж, то уж точно не за обычного солдата. Хотя едва ли его можно было назвать обычным. Джанет нахмурилась. Она была дочерью графа Мара, бывшей невесткой короля и тетей его единственного наследника. Выбор мужа не являлся ее правом. Это был бы политический брак при посредничестве Роберта.

Но почему Джанет задумалась о браке? Даже если бы она захотела выйти замуж, то уж точно не за обычного солдата. Хотя едва ли его можно было назвать обычным. Джанет нахмурилась. Она была дочерью графа Мара, бывшей невесткой короля и тетей его единственного наследника. Выбор мужа не являлся ее правом. Это был бы политический брак при посредничестве Роберта.

По многим причинам этот грубый шотландец с шелковистыми волосами и привлекательным лицом был не для нее.

Теперь Джанет почти бежала, тяжело дыша, и, несмотря на прохладу туманного утра, на лбу ее выступил пот. Ей казалось, что она движется достаточно быстро. Она полагала, что опережает Юэна по крайней мере на час и у нее в запасе еще много времени. Даже если он попытается догнать ее, она успеет добраться пешком до Роксборо, до которого оставалось около мили. Для надежности она свернет с дороги, как только приблизится к городу, и двинется к замку окружным путем через лес.

Джанет подумала, что могла бы воспользоваться лошадью, но не хотела рисковать, разбудив конюхов. Но сейчас она думала, что, возможно, этот риск был бы оправдан. Слишком поздно. Джанет услышала стук копыт и испуганно огляделась вокруг, как лиса в поисках какого-нибудь укрытия. Однако охотник уже оказался рядом, прежде чем дичь успела нырнуть в нору или в ее случае — в густой кустарник.

Ее сердце неистово билось, но Джанет надеялась, что сможет казаться строгой и спокойной, когда повернулась к Юэну лицом.

— Как вы меня нашли?

Он не удостоил ее ответа. Его лицо, опять наполовину скрытое шлемом, представляло собой холодную гневную маску. Он спрыгнул с лошади и грубо схватил Джанет за руку.

— Глупая девчонка. Вы хотите, чтобы вас убили?

Она бы съежилась от страха, учитывая преимущество шестифутового, мускулистого, разгневанного мужчины, орущего на нее, если бы он не вызвал у нее ответный гнев.

— Если кто и поступает глупо, так это вы, преследуя меня! Я уже говорила, что не нуждаюсь в эскорте. Я не просила вас сопровождать меня, и я не нуждаюсь в разрешении уйти без вас.

— Черта с два!

Джанет почувствовала легкую дрожь от страха, когда он зарычал и с силой притянул ее к себе. Но в следующий момент она подумала, что это не страх, а нечто иное, когда ее сердце замерло и по телу разлилось тепло. Она уже стала привыкать к такой реакции на его прикосновение.

Боже милостивый, ей ужасно нравился исходивший от него запах. Его волосы пахли ветром, тело — лесом, а одежда — кожей.

Его лицо склонилось к ее лицу, и Джанет затаила дыхание, желая, чтобы шлем скрыл его голубовато-стальные глаза, которые сверкали гораздо опасней, чем меч, который Юэн снова закрепил за спиной.

— Вы не подумали о том, что внезапное исчезновение моей «жены» из постели на заре могло вызвать подозрения?

Джанет закусила губу, стараясь сдержать жар, подступавший к щекам. Да, она не подумала об этом. У нее в мыслях было только одно — убраться оттуда поскорее.

— Я уверена, вы придумали бы что-нибудь, чтобы удовлетворить любопытство хозяйки.

— Не все умеют так убедительно лгать, как вы.

На этот раз ей не удалось сдержать нахлынувший жар. Юэн не знал и половины того, что она испытала. Джанет решительно задрала подбородок.

— Даже если бы хозяйка проявила любопытство, я уверена, это не имело бы никакого значения.

— Вы так думаете? А я не уверен, что группа английских солдат, которые, как я заметил, приближалась к постоялому двору, согласилась бы с вами. Однако будем надеяться, что моего объяснения хозяйке достаточно.

Английские солдаты? Джанет почувствовала угрызения совести.

— Что вы сказали ей?

— Сказал, что вы отправились в местную церковь помолиться за выздоровление вашей матери, прежде чем мы продолжим путешествие.

Джанет облегченно вздохнула и одобрительно кивнула.

— Это хороший предлог. — Она удивилась, что он додумался до этого.

Юэн сузил глаза, словно прочитав ее мысли.

— Возможно, хозяйка поверила мне, но англичане едва ли купились бы и последовали бы за нами в церковь.

— Если бы они действительно искали нас, сочтя причастными к тому, что произошло в лесу. Однако у них нет причины нас подозревать. Скорее всего, это просто группа англичан, вышедшая на разведку из замка. — Джанет высвободила свою руку из его хватки и отступила на шаг. Это все его вина. Если бы он не настоял на сопровождении, она не испытывала бы такой растерянности и желания сбежать. — Я сожалею, что покинула вас, ничего не сказав хозяйке, однако есть нечто, что я должна сделать в Роксборо, а вы намеревались мне помешать.

Она заметила вспыхнувший огонь в его глазах и поняла, что совершила ошибку. Воспринял ли он ее слова как вызов или дело было в чем-то другом, Джанет не знала. В следующее мгновение Юэн снял свой шлем, притянул ее к себе и крепко обнял, не оставляя сомнений в своем намерении.

На этот раз Джанет явственно ощутила странное возбуждение. Казалось, по всему телу разлилось тепло. Она не могла двигаться. Не могла оттолкнуть его.

Впрочем, она не хотела его отталкивать.

— Да, я не хотел отпускать вас, черт побери, — сказал он, и его губы слились с ее губами.

Вот что бывает, когда теряешь контроль. Юэн не знал, что заставило его заключить эту девушку в свои объятия, но в тот момент, когда его губы соприкоснулись с ее губами, он уже не мог ни о чем думать.

Ее губы были такими нежными и приятными на вкус, что он невольно застонал. Кровь забурлила в жилах, заставляя его действовать быстро и резко, как хищник поглощает свою добычу, наслаждаясь ее сладостью и теплом. Однако какое-то более сильное чувство заставило его усмирить свое первобытное желание.

Девушка была невинна, и внезапно это приобрело первостепенное значение. Несмотря на жгучее желание, он не хотел испугать ее. Поэтому он ослабил свое объятие и напор, поцеловав ее нежно, ласково, благоговейно.

Юэн не мог припомнить, чтобы ему приходилось добиваться расположения девушки поцелуями, но сейчас он делал именно это. Своими искусными ласками он старался дать ей

понять, чего хотел от нее.

Он почувствовал, что постепенно она оправилась от потрясения и ее тело расслабилось. Ему хотелось громко кричать, выражая свое мужское удовлетворение, но он ограничился лишь тихим рычанием.

Неожиданно она теснее прижалась к нему с тихим стоном, отчего его мужская плоть напряглась и он едва не отказался от своих добрых намерений.

«Не торопись, — мысленно сказал он себе. — Ты должен быть сдержанным. Это не похоже на то, что ты делал сотни раз прежде».

Он усмехнулся над своим преувеличением, вспомнив реакцию Дженны. Странно, но тогда такая ее реакция казалась больше похожей на ревность, чем на религиозное порицание. И сейчас он понял, что с этой девушкой нельзя вести себя так, как с другими. Целуя ее, он испытывал какое-то новое чувство, и это ему не нравилось, хотя ощущение было чертовски приятным.

Он усмехнулся над своим преувеличением, вспомнив реакцию Дженны. Странно, но тогда такая ее реакция казалась больше похожей на ревность, чем на религиозное порицание. И сейчас он понял, что с этой девушкой нельзя вести себя так, как с другими. Целуя ее, он испытывал какое-то новое чувство, и это ему не нравилось, хотя ощущение было чертовски приятным.

«Главное — не торопиться».

Однако поведение Дженны не способствовало сдержанности. Ее пальцы впились в его плечи, и она сжимала их все сильнее и сильнее, отчего Юэн испытывал нарастающее удовольствие.

Он приложил ладонь к ее лицу, поглаживая большим пальцем изгиб щеки и чувствуя, как сжимается его грудь с каждым прикосновением. Ее губы были мягкими, как бархат, дыхание — сладостным, как мед, и она пахла… о Боже, она пахла колокольчиками, растущими на солнечной поляне. Ему хотелось слиться с ней и позволить этому аромату поглотить его.

Его пальцы скользнули вокруг ее шеи и погрузились в шелковистую мягкость волнистых волос. На ней был плащ с капюшоном, но капюшон откинулся назад, открывая великолепную золотистую гриву распущенных волос, которые она не успела уложить из-за поспешного бегства.

Юэн не хотел сейчас думать об этом. Выследить и догнать Дженну не составляло особого труда. Сейчас он мог думать лишь о том, какими невероятно сладостными были на вкус ее губы, как приятно ощущать ее груди, упирающиеся в его грудь, и ее бедра, прижимающиеся к его паху. Он ощущал шелковистость ее волос, сжимая их пальцами на затылке. Как долго он сможет выдержать прикосновение ее губ, когда все его существо жаждало погрузить свой язык в глубину ее рта?

Он застонал, предвкушая ощущение ее языка, сплетающегося с его языком. Должно быть, это невероятно приятно…

Сердце его бешено колотилось. Он не мог ждать дольше.

Юэн снова прильнул губами к ее губам и заставил их раскрыться. Глаза ее удивленно расширились, и из груди вырвался тихий стон, когда его язык проник в сладостную глубину ее

рта.

О Боже, какое невероятно приятное ощущение! Даже лучше, чем он предполагал. Оно еще более горячее, очаровательное и возбуждающее.

Он прижал ее к себе плотнее, чувствуя, как ее тело льнет к его телу, в то время как его язык погружался все глубже и глубже в ее рот. При этом он испытывал такое острое наслаждение, что не способен был оторваться от нее.

Юэн чувствовал, как ее сердце бьется у его груди, чувствовал ее дрожь. И затем обнаружил, что ее тело также охвачено страстью, которая вспыхнула между ними неукротимым огнем. Он никогда не испытывал ничего подобного. Но особенно его потрясло ощущение, когда ее язык впервые соприкоснулся с его языком. Он ощутил такой мощный прилив тепла в паху, что у него едва не подогнулись колени.

Она была девственницей, но в ее ответной реакции и в тех чувствах, которые она возбуждала в нем, не было невинности. Забыв о том, что не надо спешить, Юэн прижал ее спиной к дереву, обвил одну ее ногу вокруг своей талии и дал волю безумной страсти: их языки скользили и сталкивались в дикой пляске. Его чресла пульсировали, упираясь между ее ног. Он не мог противостоять своему желанию и начал покачиваться так, чтобы ее тело терлось об него.

Им овладел первобытный инстинкт, и он больше не мог ни о чем думать. Он страстно целовал ее, его руки блуждали по ее телу. Он обхватил ее груди, а затем ягодицы, прижимая ее плотнее к себе.

«О Боже, неужели это произойдет прямо здесь?» Юэн стиснул зубы, его мышцы напряглись. Он не мог больше сдерживать желания войти в нее.

Юэн принялся целовать ее в шею, и она выгнулась и застонала, прижимаясь к нему. Его охватил дьявольский жар, трудно было дышать, а ее тихие стоны сводили его с ума. Он чувствовал, как трепещет ее тело, сдаваясь, и понял, что она уже принадлежит ему.

«Она моя». Эта мысль пронзила все его существо. Юэн заглянул в лицо Джанет. Оно раскраснелось, губы припухли, и глаза были полузакрыты от страсти. Юэн никогда не видел ничего более прекрасного.

Что-то странное шевельнулось в его душе. Он никогда прежде не испытывал такого чувства. Это было больше, чем вожделение; больше, чем стремление к обладанию. Оно было мягче, нежнее, значительнее.

Но затем его взгляд устремился ниже, и все его желание, вся страсть и все странные чувства исчезли в один миг. На ее груди, к которой он только что прикасался, висел деревянный крест.

Его охватил стыд, который подступил к горлу горьким тошнотворным комом.

Что он делает, черт возьми? Боже мой, ведь она монашка! Безмерность его греха ошеломила Юэна.

Он отпустил Дженну так внезапно, что она пошатнулась, и ему пришлось подхватить ее, чтобы она не упала на землю.

Topreading.ru

В какой-то момент Джанет приблизилась к воротам рая, за которыми открывалось море света, но затем погрузилась в темноту, стараясь удержаться от падения на холодную твердую землю реальности.

Резкое исчезновение самых невероятных ощущений, каких она никогда прежде не испытывала, оставило ее в состоянии замешательства и острого настоятельного желания. Когда руки, которые так крепко обнимали ее, неожиданно снова сомкнулись на ее талии, она со стоном облегчения ухватилась за него, как за спасательный трос.

«Не останавливайся, — хотелось ей сказать. — Пожалуйста, не останавливайся. Это так прекрасно».

Но затем она заглянула в его глаза: их холодность, подобно ледяной воде, вернула ее к действительности.

Она резко отступила от него, но не могла оторвать взгляда от его глаз. Почему он так смотрит на нее? Что она сделала?

И затем Джанет поняла. Они смотрели друг на друга невидящим взглядом с молчаливым ужасом. Она была потрясена тем, как легко уступила ему, а он явно испытывал стыд и чувство вины за то, что сделал. Или точнее за то, что собирался сделать.

Если бы она действительно была монашкой, то, что он делал с ней, было бы смертным грехом, и, судя по выражению его лица, осознание этого потрясло его. Видя, какие муки он испытывает, Джанет почувствовала угрызения совести.

Ей хотелось рассказать ему правду — и в какой-то момент она едва не сделала это, — но затем здравомыслие вернулось к ней. Сейчас только ее одеяние разделяло их. Если бы она мысленно сняла его, то потом могла бы снять и в действительности.

После этого поцелуя Джанет не доверяла себе. Она никогда не представляла…

Никогда не думала…

Никогда не сознавала, что это может быть так!

Она не предполагала, что способна на такое безумие. Разумеется, это безумие — ощущать его губы, соприкосновение языка с его языком и жар его рук на своем теле. Все это лишало ее способности мыслить и заставляло забыть о главном.

Джанет не хотела, чтобы что-то помешало ее работе на Брюса и Ламбертона, и чувствовала, что Юэн представлял угрозу ее делу.

Ее взгляд устремился к его губам, которые часто сжимались в зловещую тонкую линию, но на самом деле были мягкими и нежными, когда он этого хотел. Она не ожидала, что такой грубый, неотесанный воин способен целовать с таким умением и нежностью.

Очевидно, упомянутые им «сотни женщин» способствовали приобретению опыта в этом деле.

Почему при этой мысли сердце сжалось в ее груди?

Ей безразлично, с кем он был раньше, сказала она себе. Просто ей не нравились сюрпризы, особенно такие удивительные. В его поцелуе явно чувствовался большой опыт.

Матерь Божья! Ведь она едва не позволила ему лишить ее невинности! Она едва не отдалась ему после искусного поцелуя и нескольких возбуждающих ласк.

Ее щеки пылали. Ну, может быть, больше, чем нескольких. Джанет с трудом заставила себя не смотреть на нижнюю часть его тела, вспоминая невероятное ощущение твердости его мужского естества, упирающегося ей между ног. Она хотела почувствовать его еще ближе. Хотела — о Боже — ощутить его внутри себя. Это желание оказалось таким сильным, что она готова была пренебречь своей честью, нравственностью и целомудрием. Она была воспитана как леди и никогда не позволяла своим женихам даже невинного поцелуя, а этот мужчина одним прикосновением своих губ превратил ее в распутницу.

Напряженное молчание продолжалось, пока Ламонт не заговорил.

— Этого не следовало делать.

Впервые они пришли к согласию.

Его взор погас, и Джанет снова увидела перед собой сурового, непреклонного воина.

— Надеюсь, вы примите мои извинения, хотя… — он сделал паузу, — вы ужасно разозлили меня.

Джанет была ошеломлена.

— Вы считаете, это моя вина, что я пренебрегла вашим требованием и вела себя недостаточно кротко?

Он сузил глаза, уловив сарказм в ее словах.

— Кротость и послушание могли бы напомнить мне, что вы благочестивая монашка. А ваше поведение не соответствует поведению женщины в таком одеянии.

— У вас были «сотни» женщин, с которыми вы сравниваете меня?

Он напрягся, и его взгляд стал жестким и пронизывающим, как стальной клинок.

— Что случилось с вашим акцентом?

Джанет надеялась, что побледнела не так сильно, как это ей показалось.

— О чем вы? — спросила она по-итальянски с французским акцентом, стараясь не переусердствовать.

Однако Юэн повел себя как охотник, поймавший зайца в силки и не собиравшийся отпускать его. Он взял Джанет за локоть.

— Что вы скрываете от меня, сестра? Кто вы на самом деле, черт возьми?!

Джанет охватил страх, когда его проницательные голубовато-стальные глаза устремились на нее. Она почувствовала себя разоблаченной, и ей захотелось бежать, но бежать было некуда. Ее сердце неистово забилось в груди, когда она поняла, что стена, которую она воздвигла между ними, угрожает исчезнуть. Она хотела, чтобы он отпустил ее.

— Я состою на службе у епископа собора Святого Андрея и всего лишь невинная девушка,

которую вы почти соблазнили. Это все, что вам следует знать. Не пытайтесь оправдываться и извиняться за свое поведение.

Ее слова ошеломили Ламонта. Он отпустил ее руку и отступил на шаг.

— Вы правы.

Джанет почувствовала угрызения совести, снова увидев выражение стыда на его лице. Ей захотелось погладить его по щеке и утешить. Однако она решительно прижала руку к своему бедру. «Так будет лучше», — сказала она себе.

— Моему поведению нет оправданий. Вы имеете полное право осуждать меня. Будьте уверены, я исповедуюсь в своих грехах при первой возможности. — Его губы снова сомкнулись в жесткую линию, которую теперь она странным образом сочла привлекательной. Он посмотрел на нее умоляющим взглядом, который, как она подозревала, был ему несвойственен и не соответствовал суровому выражению его лица.

Юэн поднес руку к голове, словно хотел пригладить волосы, затем быстро опустил ее.

— Послушайте, мы можем попытаться забыть все это и сделать вид, что ничего не было? Я не хочу никаких осложнений, когда мы прибудем в Берик.

Лучшего она и не желала. Однако Джанет подозревала, что забыть то, что произошло между ними, будет невозможно. Даже сейчас, глядя на него, она испытывала жар в крови и такие новые для нее чувства, как страсть, желание… вожделение. Она, словно Пандора, открыла крышку ящика и теперь не знала, как снова спрятать в него свои чувства. Однажды выпущенные на волю, смогут ли они вернуться назад?

Но она должна держать себя в руках.

Юэн упомянул о «проблемах». Очевидно, он опасался, что она расскажет Ламбертону о том, что произошло. Джанет уже хотела уверить его, что скорее провалится сквозь землю, чем сообщит кому-то о случившемся, но затем остановилась, вспомнив, что он упомянул также Берик. Ей претила мысль воспользоваться его слабым местом, но в данном случае шантаж оправдан. Она должна выполнить свою работу.

Джанет кивнула.

— Если вы хотите покаяться, то это лучше всего сделать в Роксборо. Там есть небольшая церковь, куда вы можете пойти, пока я завершу свое дело в замке.

— Мы не поедем в Роксборо. Мы скоро будем в Берике.

— Но мне туда не надо. Кроме того, если я вернусь в Берик и не привезу подслащенные орехи, епископ может поинтересоваться, почему я не сделала этого, и мне придется рассказать ему о подробностях моего путешествия. — Они оба знали, что речь идет не об орехах. — Роксборо находится не более чем в полумиле отсюда. Пожалуйста, я буду очень осторожна, и нет причины полагать, что там нам угрожает опасность. Я делала это «сотни» раз.

Ее мягкое поддразнивание и попытка снять возникшее между ними напряжение вызвали у Юэна легкую улыбку, хотя ему было не до шуток. Он понимал, что она пытается использовать

его чувство вины в своих целях, но он был слишком зол на себя и испытывал угрызения совести, чтобы найти в себе силы противостоять ей. Или, может быть, у него просто не было убедительных доводов в пользу своего решения. К тому же он все еще никак не мог прийти в себя после того, что произошло. Как мог он потерять контроль и как единственный поцелуй мог превратиться в нечто гораздо большее?

Как мог он забыться подобным образом? Его отец всегда получал то, что хотел. А Юэн был дисциплинированным солдатом — до этого момента.

Он понял, что мог бы легко овладеть ею. Она отвечала на его ласки с такой откровенностью и страстностью, что можно было легко забыть о ее неприкасаемости.

Но виноват не только Юэн. Дженна не хотела признавать это, но она явно желала его не меньше, чем он ее.

Но виноват не только Юэн. Дженна не хотела признавать это, но она явно желала его не меньше, чем он ее.

— Пожалуйста, — повторила она. — Это займет у меня не более часа, а потом мы сможем продолжить наше путешествие.

Он пристально посмотрел на ее бледное лицо с правильными чертами, с большими зеленовато-голубыми глазами, с припухшими от поцелуев губами и почувствовал, как что-то шевельнулось у него в груди.

Юэн готов бы уступить ей, черт бы ее побрал. Они поедут в Роксборо. Он виноват перед ней, напомнил он себе. Но это не значит, что он сделает все, что она пожелает, когда она так смотрит на него.

— Мне кажется, вы выбрали не то призвание, сестра.

Она смущенно заморгала, глядя на него, и ее длинные пушистые ресницы затрепетали, подобно крыльям черной птицы. Она была чертовски красива, и Юэн ощутил боль в груди.

— Что вы имеете в виду?

— Вам следовало стать переговорщиком.

Он наблюдал, как на ее лице отразилось понимание того, что она одержала верх, и подумал, что ни утренний свет, ни солнечный блеск не могут сравниться с ее красотой.

— Благодарю, — сказала она.

Юэн на мгновение встретился с ее взглядом, затем отвернулся и сердито кивнул.

Чувство вины заставило его пойти на уступки, но он не допустит, чтобы Дженна снова манипулировала им. Он должен покончить с этой миссией и вернуться к военным делам, а также позаботиться о будущем своего клана. И главное — он должен как можно дальше держаться от этой сестры Дженны. По мнению Юэна, они не скоро доберутся до Берика.

Глава 7

Topreading.ru

Джанет была права. Добраться до Роксборо окольным путем оказалось несложно. Никто не заметил их и не поднял шума. Все завершилось благополучно для них обоих.

Она проскользнула в замок и обратно, наладив связь с новым источником информации об изменениях в военном положении, и вернулась к Юэну в церковь менее чем через час. Важность этого контакта нельзя было переоценить, и Джанет была главным звеном в этой цепочке передачи сведений.

Пусть она победила, заставив Ламонта согласиться с ней, однако ее победа обернулась лишь холодностью и отчужденностью в их отношениях.

Они проехали оставшийся путь от Роксборо до Берика на реке Твид почти в полном молчании. Прежняя легкость в беседе исчезла. Раньше его можно было бы назвать почти болтливым по сравнению с тем, какие лаконичные и грубоватые ответы срывались с его языка теперь. Джанет чувствовала его напряжение и тоже не могла расслабиться. После нескольких часов совместного путешествия верхом на лошади все тело ее ныло от попытки сохранять дистанцию между ними. Удобство, когда она могла облокотиться о его грудь, осталось воспоминанием.

Во время кратких остановок, чтобы накормить и напоить лошадь, Ламонт едва смотрел на нее.

Их отношения резко изменились, и Джанет знала, в чем причина. Она чувствовала себя виноватой, но не знала, как объяснить ему свое поведение. При этом она понимала, что так будет лучше. Она делала свою работу, а он — свою. Если рассказать ему всю правду, это только усложнит дело.

Но каждый раз, когда она смотрела на его суровое, холодное лицо, сердце ее сжималось. Ей хотелось протянуть руки и обнять его, покончив с той отчужденностью, на которую он обрек себя. Но к чему это приведет?

Джанет снова и снова убеждала себя, что поступила правильно, но это не могло успокоить растущую тревогу. А когда они остановились у ворот Монастыря Колдингхем, Джанет почувствовала, как внутри нее зарождается паника.

— Мы здесь для того, чтобы навестить епископа, — сказал Юэн монаху, который отозвался на звонок колокольчика. — Скажите ему, что прибыла сестра Дженна и ее сопровождающий.

Он спешился и помог ей спуститься на землю, пока они ждали возвращения монаха.

Было еще не совсем темно, и Джанет отчетливо видела жесткую линию его плотно сжатых челюстей. Она закусила нижнюю губу и принялась теребить складки платья.

— Юэн, я…

Он резко повернулся к ней, на лице его сохранялась маска безразличия.

— Да?

Ее сердце учащенно забилось, пока она искала подходящие слова.

— Я… благодарю вас.

За что благодарила его, она не знала. Джанет не желала ни его защиты, ни его общества. Она была против, но он предоставил ей и то, и другое — и за это стоило поблагодарить, не так ли?

Ламонт кивнул, и она увидела промелькнувшую на мгновение теплоту в его глазах. Что он хотел сказать ей, осталось неизвестным, так как монах вернулся и открыл калитку, чтобы пропустить их к епископу.

Их провели через двор в небольшой отдельный домик, примыкавший к монастырю. Поскольку внутри было темно, монах зажег несколько свечей, прежде чем снова оставил их одних.

В ожидании епископа Джанет внезапно задумалась: что Юэн собирается ему рассказать? Ламбертон будет рад услышать, что она установила связь в Роксборо, однако едва ли будет доволен, узнав, что случилось с ней и с английскими солдатами вблизи Мелроза. Неизвестно, как эта история прозвучала бы из уст Юэна.

— Я была бы вам чрезвычайно признательна, если бы вы позволили мне самой рассказать епископу о том, что произошло в лесу.

Он резко вскинул брови, и она поняла, как легко он угадывал ее мысли.

— Догадываюсь, какой это будет рассказ.

Джанет стиснула зубы. Несмотря на перемену в их отношениях, ему тем не менее легко было ее разозлить.

— Может быть, в таком случае вы сами расскажете ему обо всем?

Его голубовато-серые глаза потемнели.

— Думаю, вы уже однажды воспользовались этим козырем, сестра.

Джанет почувствовала прилив тепла к щекам, понимая, что он прав.

— Я не понимаю, зачем вы все так усложняете. Я не собираюсь рассказывать то, о чем не следует говорить.

— Да, однако я представляю, как вы расскажете ему о том, что так тревожило меня. Я подозреваю, что вы могли бы описать даже Армагеддон как простой ярмарочный день.

Джанет поджала губы.

— Вы преувеличиваете мои способности. Уверяю вас, епископ понимает, какая существует опасность.

— А вы понимаете? — Его взгляд встретился с ее взглядом. — Обещайте, что вы уступите войну мужчинам и оставите ее, и тогда я позволю вам рассказать о вашем путешествии так, как вы хотите.

Джанет с трудом удержалась от резкого возражения, хотя внутри вся кипела от гнева. Все ранее смущающие ее чувства исчезли. «Уступить войну мужчинам». Юэн Ламонт считал женщин не более чем беспомощными, глупыми созданиями, которые нуждались в сильном мужчине, способном защитить их. Хотя он, конечно, отвечал высоким требованиям, она не хотела иметь дело с человеком, который рассуждал таким образом. Физической привлекательности недостаточно, какой бы действенной она ни была. Джанет должна благодарить его за то, что он напомнил ей об этом.

— Решайте быстрее, — сказал он. — Епископ уже идет.

Она ничего не слышала, однако спустя несколько мгновений нахмурилась, отчетливо различив приближающиеся шаги.

— Хорошо, я согласна, — сказала она, нисколько не чувствуя себя виноватой в том, что солгала. Она согласна с тем, что мужчины должны сражаться, но это не означает, что она не будет продолжать делать то, что делала до сих пор.

Юэн подозрительно сузил глаза, видимо, не поверив ей, но от дальнейших расспросов ее уберегло появление епископа.

Ламбертон приветливо улыбнулся ей, но улыбка исчезла с его лица, когда он увидел Юэна. Джанет не нуждалась в особой проницательности, чтобы заметить, что епископ был недоволен им.

— Мы ожидали вашего возвращения гораздо раньше, — сказал он Юэну. — Ваши друзья искали вас.

Джанет почувствовала, что Юэн мгновенно встревожился. Казалось, все мышцы его тела напряглись. Она отогнала от себя мысль о том, как приятно было ощущать их твердость…

Она вздрогнула. Боже мой, он превратил ее в распутную девицу!

— Когда я должен присоединиться к ним? — спросил он.

— Немедленно. — Ламбертон протянул ему послание, которое Юэн тотчас развернул и прочитал.

Джанет удивленно вскинула брови. В дополнение к беглому владению несколькими языками этот простой солдат к тому же умел читать.

Не успела она обратиться к нему с вопросом, как он повернулся к ней и быстро поклонился.

— Миледи.

О Боже, он уходит. Возможно, она никогда больше его не увидит. Но ведь этого она и хотела, не так ли?

— Месье, — чуть слышно произнесла она и поклонилась в ответ.

Он колебался, словно хотел что-то сказать, но, как и она, не находил нужных слов. Наконец он произнес совсем не то, чего она ждала:

— Помните о вашем обещании.

Когда дверь со стуком закрылась за ним, Джанет подумала: тем лучше. Упрямый, относящийся свысока к женщинам как к слабым созданиям мужчина не для нее. Она уже достаточно натерпелась такого отношения со стороны своего отца и братьев. В последние несколько лет она убедилась в том, что давно знала: ей гораздо лучше быть одной.

Юэн ни на мгновение не поверил ей. Хотя он и не собирался рассказывать Ламбертону о том, что произошло в лесу, тем не менее свое критическое мнение относительно использования монашек в качестве курьеров он решил выразить Брюсу.

Но этот разговор подождет. Послание, которое он получил, было от Ястреба. По-видимому, Сазерленд нуждался в помощи, и им необходимо было как можно скорее вывезти его и его жену из Англии. Юэн отправился на побережье севернее замка Берик и присоединился к своим соратникам-гвардейцам, когда они двигались в направлении Хантливуда, где Мэри Мара, жена Сазерленда, томилась с надеждой на спасение.

Когда друзья прибыли в назначенное место, оказалось, что Сазерленд не нуждался в них. Их «новобранец» показал себя достойным своего места в гвардии. Сначала он взорвал мост с помощью пороха, чтобы освободить свою жену, а потом положил два десятка англичан, чтобы освободиться самому.

Путешествие назад в замок Данстаффнэйдж на судне Ястреба заняло около суток. У жены Сазерленда по прибытии на корабль начались родовые схватки, и Юэн не скоро забудет ее болезненные крики.

Проклятие. Не зря мужчин не допускают к роженицам. Слышать, как страдает женщина, и быть не в силах помочь ей — это не каждый мужчина может выдержать.

Сазерленд, известный своим пылким нравом, удивил всех, оставаясь самым спокойным мужчиной на корабле. Юэн подумал, что если бы эта рожавшая женщина была его женой, то он, наверное, не выдержал бы и прыгнул за борт.

Когда перед его мысленным взором возник образ сестры Дженны, он постарался как можно скорее избавиться от него. Юэн знал, что когда-нибудь женится, но впервые серьезно подумал об этом. Он уловил иронию судьбы в том, что источником этих размышлений явилась монашка.

К счастью, наследник Сазерленда повременил со своим появлением на свет до благополучного прибытия в Данстаффнэйдж, и сестра Сазерленда Хелен, которая была целительницей в Хайлендской гвардии, смогла принять роды. По общим отзывам, мать и дитя чувствовали себя хорошо, но даже спустя два дня Сазерленд — или Лед, как его прозвали после того ужасного путешествия — выглядел ошеломленным, как человек, который участвовал в долгой жестокой битве и чудом остался жив.

Но Сазерленд не только принес в замок нового ребенка, вызвав тем самым всеобщий переполох, но и сумел добыть важные сведения о военных планах Эдварда, когда к концу месяца закончится перемирие. На горизонте снова замаячила война с Англией, и каждый член Хайлендской гвардии жаждал вернуться к своей работе, чтобы укрепить правление короля Брюса и нанести серьезное поражение англичанам.

Тем не менее Юэн не забывал о сестре Дженне (черт знает почему) и о своем намерении поговорить с Брюсом о возрастающей опасности для монашек, исполнявших роль курьеров. Обычно Юэн предпочитал оставаться в тени, но ради этой цели готов был сделать исключение.

Через два дня после их возвращения он вошел в главный зал, где уже царило оживление в связи с предстоящим обедом, и двинулся к помосту, намереваясь просить о личной встрече с королем в отдельном помещении.

Юэн обогнул ряд опирающихся на козлы столов в восточной части зала, лавируя между служанками с большими блюдами с едой. При этом он взглянул в сторону головного стола и увидел женщину, сидевшую рядом с королем.

Он замер и ощутил странную дрожь, пробежавшую по спине и распространившуюся по всему телу. Голова женщины склонилась к королю, и ее густые золотистые волосы напомнили ему

другие переливающиеся пряди: от светло-серебристых до темно-золотистых. Он никогда не видел ничего подобного, пока не встретил сестру Дженну.

Бросив быстрый взгляд на мужчину, сидевшего по другую сторону от нее, Юэн понял, что это Мэри Мара, жена Сазерленда, которая впервые появилась в обществе после рождения ребенка. И он впервые мог рассмотреть ее при свете. На корабле он старался держаться как можно дальше от нее.

Когда он подошел ближе, его сердце странно забилось, словно в предчувствии чего-то важного.

Юэн был в десяти футах от нее, когда она подняла голову и взглянула на него. Он замер, словно окаменев.

О Боже! Краска сошла с его лица. Это была она, сестра Дженна. Значит, она жена Сазерленда? Он ощутил боль в груди, словно его пронзили кинжалом.

Не может быть. Слегка оправившись от потрясения, он понял, что это другая женщина. Жена Сазерленда была беременной несколько дней назад, а Дженна нет. Он бы заметил, подумал Юэн, стиснув челюсти, ведь его руки блуждали по всему ее телу.

Не может быть. Слегка оправившись от потрясения, он понял, что это другая женщина. Жена Сазерленда была беременной несколько дней назад, а Дженна нет. Он бы заметил, подумал Юэн, стиснув челюсти, ведь его руки блуждали по всему ее телу.

Внимательно рассмотрев улыбающееся лицо женщины, когда та отвечала что-то Брюсу, Юэн отметил несколько отличий. Лицо Мэри Мара было полнее, линии вокруг рта и глаз — чуть глубже и волосы — на несколько дюймов длиннее. У нее были такие же необычные, зеленовато-голубые глаза, как у сестры Дженны, но глаза Мэри отличались большей голубизной, тогда как у сестры Дженны преобладал зеленый цвет.

У них обеих была светлая кожа, хотя на лице сестры Дженны было чуть больше веснушек и не было пятнышка над верхней губой. Одинаковыми были тонкие носы, высокие скулы, густые темные ресницы и полные розовые губы. Даже изящно изогнутые брови были похожи, черт возьми.

Как могло случиться, что эти двое?..

Внезапно его осенило. У Мэри Мара есть сестра-близнец. Всем известна история о том, как девушка пропала несколько лет назад после опрометчивой и неудачной попытки вызволить свою сестру из лап короля Эдварда. Предполагали, что она погибла. Однако это предположение, по-видимому, оказалось ошибочным.

Случай на мосту! Ну конечно. Девушка исчезла, когда рухнул мост. Сестра Дженна рассказывала ему об этом случае, но тогда он не мог связать два этих обстоятельства.

Его губы сомкнулись в суровую линию, когда он осознал важность своего открытия. Эта маленькая монашка лгала ему. Сестра Дженна вовсе не итальянка. Она Джанет Мара, пропавшая сестра Мэри и, как он понял, бывшая невестка Роберта Брюса. Первая жена Брюса, Изабел, тоже была ее сестрой. Юэн сжал кулаки, и его охватил гнев.

Внезапно он вспомнил те противоречия, которые заметил ранее. Акцент в речи сестры Дженны то появлялся, то исчезал, когда она злилась. И во время встречи с английскими солдатами он обратил внимание на слишком хорошую для монашки нижнюю рубашку.

Кроме того, у нее был кинжал.

Черт возьми, теперь он вспомнил! У Змея был похожий кинжал.

Джанет упоминала о Кристине Эйлз, одной из самых влиятельных женщин Шотландии и единокровной сестре Лахлана Макруайри. Кристина состояла в браке с Дунканом Мара. Юэн хорошо знал брата Джанет и считал его своим другом. Он сражался рядом с этим неистовым воином и видел, как тот, обезглавленный, пал от рук одного из людей Макдауэлла в битве при Лох-Райане.

Знал ли Брюс, что Джанет жива? Юэн намеревался выяснить это. Он приблизился к помосту на несколько шагов. Хотя его внимание было сосредоточено на короле, он заметил хмурое выражение лица нового члена Хайлендской гвардии и подозревал, что от Сазерленда не ускользнула реакция Юэна при виде его жены. Однако с ним он поговорит позже.

Король взглянул на Юэна, когда тот приблизился, и сдвинул брови, заметив мрачное выражение его лица.

— Что-то случилось?

— Мне необходимо с вами поговорить, — резко произнес Юэн и тут же, вспомнив, с кем он говорит, добавил: — Сэр.

— Я еще не закончил обед.

— Это очень важно, — сухо сказал Юэн, хотя и так было ясно, что его визит к королю не случаен. Можно было сосчитать по пальцам одной руки, сколько раз он обращался к королю с просьбой. Он никогда не высовывался, просто делал свою работу и старался избегать конфликтов. Это его отец вечно создавал неприятности. Юэн подумал, что это еще одна причина избегать встречи с сестрой Дженной. От нее можно ждать только плохого.

Брюс мрачно посмотрел на него.

— Хорошо.

Тор Маклауд, предводитель Хайлендской гвардии, должно быть, наблюдал за ними с другого конца стола. Когда король встал, тот тоже поднялся.

— Я хотел бы поговорить наедине, — сказал Юэн.

Брюс, не скрывая своего раздражения, махнул рукой суровому командиру.

Юэн последовал за королем в небольшую комнату, расположенную сразу за главным залом, и ждал, пока король займет свое место в кресле, похожем на трон. Правитель Макдугал лишился как трона, так и замка в пользу Брюса после поражения в решающей битве на перевале Брэндер два года назад.

— Ну, что у тебя за дело, не терпящее отлагательств, Охотник?

Король предпочитал обращаться к нему по военному прозвищу, даже когда не было угрозы раскрытия его подлинной личности. Имя Ламонт было почти таким же объектом частого поношения, как имена Комин, Макдугал или Макдауэлл.

Юэн не стал понапрасну тратить время.

— Известно ли Мэри Мара, что ее сестра жива и работает в качестве курьера на Ламбертона?

Судя по спокойствию короля, Брюс об этом знал.

— Леди Джанет пропала больше трех лет назад. Как можешь ты быть уверен, что она жива?

Юэн оперся ладонями о стол и подался вперед.

— Потому что я провел с ней два дня, сопровождая ее в Берик, после того как она едва не была изнасилована английскими солдатами неподалеку от аббатства Мелроз.

Выражение лица короля лишь слегка исказилось при слове «изнасилована». Хотя Роберт Брюс был истым мужчиной, как и все его отборные воины, он понимал, что проявление эмоций не поможет достижению его цели — вырвать корону из рук английского короля Эдварда. Только тот, кто хорошо знал его, как Юэн, мог заметить скрытую реакцию. Брюс быстро обуздал свое беспокойство и праздно забарабанил пальцами по столу.

— Почему ты полагаешь, что это была Джанет? Она так представилась?

Потому что он до сих пор видел ее лицо в своих снах, чувствовал ладонью округлость ее по-детски мягкой щеки, ощущал вкус ее нежных губ.

Юэн разозлился, оттого что должен объяснять Брюсу, как он узнал, что это была Джанет, однако придержал свой язык — правда, не совсем.

— Вы хорошо знаете, что она скрывает свою истинную личность под именем сестры Дженны и притворяется итальянкой. Какого черта вы позволяете бывшей невестке подвергаться такой опасности?!

Глаза Брюса потемнели.

— Осторожней, Охотник. Я привык к твоей грубой манере разговаривать, однако не забывай — я твой король. Мне безразлично, что ты хороший следопыт и что Стюарт верил в тебя; постарайся быть сдержаннее, когда разговариваешь со мной, или поищи применение своим способностям в другой армии.

Это резкое замечание охладило пыл Юэна. Как мог он так забыться!

Разозлить короля — не лучший способ добиться, чтобы клан Ламонтов восстановил свою былую славу. Благоразумие взяло верх, и Юэн, не без труда, сумел обуздать свой гнев.

— Прошу прощения, сэр.

Брюс пристально посмотрел на него тяжелым взглядом, продолжая грозно барабанить пальцами по столу. Будь на месте Юэна кто-то другой, он немедленно удалился бы, Юэн же продолжал стоять совершенно спокойно, пока король размышлял, принять ли его извинение, и, судя по всему, взвешивал, как много можно ему рассказать.

— Встретив мою бывшую невестку, ты, вероятно, решил, что я не в курсе дела. Идея, с которой она пришла ко мне, целиком принадлежала ей. Я узнал о том, что она выжила, и о роли, которую она играет в ситуации с Ламбертоном, около года назад, когда она вернулась из Италии, где нашла убежище после неудачной попытки спасти свою сестру.

Так вот почему сестра Дженна знала итальянский язык.

Брюс покачал головой.

— Ты должен восхищаться девушкой, которая не утратила мужества и отправилась за своей сестрой в такое время. Шотландцев повсюду преследовали, укрыться было негде. Эдвард правил железной рукой: у него повсюду были свои глаза и уши. Даже Атолл не осмелился встретиться со своей женой перед побегом на север, а Джанет вместе с несколькими мужчинами из клана своей невестки Кристины Макруайри отправилась в плавание и, обогнув половину Шотландии, прибыла в Англию, чтобы увести сестру прямо из-под носа Эдварда. — Он криво усмехнулся. — И ей это почти удалось.

В голосе Брюса прозвучало одобрение ее поступка. Однако история, вызвавшая восхищение у короля, лишь еще больше разгневала Юэна. Значит, девушка не представляла себе, какая опасность ей грозит. Он должен многое сообщить королю, и тот непременно согласится с ним.

— Расскажи, что случилось, — сказал Брюс.

Юэн кратко изложил историю о том, как он и Маклин обнаружили двух монашек в окружении английских солдат и как «сестра Дженна» защитила свою юную подопечную, предотвратив насилие своими угрозами. Он поведал о том, как Маклин отправился проследить, чтобы послание дошло до Брюса (так оно и было), и как Юэн настоял на сопровождении Джанет по пути назад к Ламбертону.

Лицо короля, помрачневшее, когда Юэн описывал нападение англичан, наконец просветлело, и он криво улыбнулся.

— Уверен, она едва ли была рада твоему присутствию. Джанет с юных лет была своевольной девушкой и никогда не любила подчиняться чьим-то указаниям. Полагаю, ее стремление к независимости лишь возросло за прошедшие годы. Удивительно, что она не пыталась отделаться от тебя.

— Она пыталась.

Король удивленно приподнял бровь.

— И ты не поддался ее красноречию? — Он засмеялся. — Хотел бы я на это посмотреть. После смерти отца девушка некоторое время жила со мной и Изабел. Я неоднократно пытался наказать ее за озорство, но каждый раз все заканчивалось тем, что у меня возникало чувство, словно я заслуживаю отправки в ближайший монастырь для покаяния.

Юэна не интересовали воспоминания о проступках Джанет в юные годы, куда больше ему хотелось узнать о ее выходках сейчас.

— Англичане постоянно патрулируют границу, пытаясь перекрыть связь через церковь. Опасность для курьеров нарастает, при этом женщины особенно уязвимы.

Помня о своей недавней оплошности, Юэн проявил осторожность в выражениях, стараясь, чтобы его слова не были восприняты как критика. Однако Брюс услышал в них прежнее осуждение.

— Мы не сможем победить в войне без поддержки со стороны церкви — как монахов, так и монашек. Они понимают, чем рискуют, когда соглашаются выполнять свою миссию. И я не хочу отказываться от помощи только потому, что она исходит от женщины. А Джанет — женщина, которой я могу всецело доверять.

Юэн сжал губы, чтобы удержаться от возражений. Он не понимал, что могло быть настолько важным, чтобы подвергать ее жизнь опасности.

— Ты забыл, что сделала для меня Белла? — спросил Брюс, имея в виду жену Макруайри, бывшую графиню Бьюкен, которая несколько лет страдала в английской тюрьме за участие в коронации короля. При этом часть срока она провела в клетке. — Или как из-за меня мучились мои жена, дочь и сестры?

— Я, конечно, помню об этом, — сказал Юэн. — Женщинам не место в тюрьме или в клетке. Наш долг…

Он остановился, прежде чем обидные слова сорвались у него с языка, но было поздно.

— Наш долг защитить их, — резко закончил за него король.

Юэн поморщился. Проклятие, он опять вмешался не в свое дело! Король страдал от того, что случилось с его женщинами, и винил себя в том, что уготовил им такую судьбу. И Юэну не стоило напоминать ему об этом.

— Это не всегда возможно, — тихо сказал король. Он сделал паузу, затем откашлялся и продолжил более твердым голосом: — Твои страхи относительно моей бывшей невестки небезосновательны, однако тебе не стоит беспокоиться. Я уже начал приготовления к ее возвращению в общество, и она вернется, как только я найду ей замену, что будет нелегко.

Юэн не стал скрывать своего облегчения.

— Я рад слышать это, сэр.

— Сазерленд несколько усложнил эту задачу своими хлопотами относительно своей жены, возобновив интерес англичан к упомянутой девушке. — Он пожал плечами. — Джанет должна понимать, какая опасность ей грозит.

Эти слова прозвучали не слишком убедительно.

— Леди Мэри не знает, что Джанет жива? — спросил Юэн.

Брюс покачал головой.

— Мы решили, что будет безопаснее для всех держать это в секрете. До недавнего времени я не был уверен в надежности Мэри. Она провела в Англии довольно много времени.

— Я уверен, она будет очень рада.

— Она будет в ярости, — сухо возразил Брюс. Он засмеялся. — Но я надеюсь смягчить ее свадебными заботами.

Юэн нахмурился.

— Свадебными заботами? Я думал, Сазерленд и Мэри уже женаты.

— Так и есть. Я говорю о свадьбе ее сестры.

— Но Джанет… — Юэн все понял, не успев договорить. Он смотрел на Брюса с таким выражением лица, словно получил сильнейший удар под дых. Или, может быть, чуть ниже.

Брюс улыбнулся.

— Она еще не приняла постриг.

Юэн почувствовал, как внутри нарастает гнев. Казалось, все его тело сотрясалось от ярости.

— Значит, она только *притворяется* монашкой?

Он был готов убить ее или целовать, пока она не попросит прощения за то мучение, которое причинила ему. Он не знал, что предпочесть. Но, так или иначе, эта чрезвычайно соблазнительная мнимая монашка должна поплатиться.

Брюс пристально смотрел на него хмурым взглядом, но Юэн был слишком зол, чтобы скрыть свою реакцию.

— Это началось как невинная затея, — пояснил король, — но оказалось лучшим способом защиты. Кто бы мог вообразить, что Джанет Мара предстанет в образе итальянской монашки?

«Действительно, кто?» — раздраженно подумал Юэн, чувствуя, что голова его вот-вот лопнет. За сколько он сумеет добраться до Берика? Вероятно, за несколько часов. Однако «сестра Дженна» не говорила, каким путем намеревается двигаться оттуда.

— Ламбертон сказал, что девушка намерена действительно стать монашкой, но когда она узнает, какого мужа я для нее выбрал, уверен — она изменит свое решение.

— Ламбертон сказал, что девушка намерена действительно стать монашкой, но когда она узнает, какого мужа я для нее выбрал, уверен — она изменит свое решение.

Юэн думал, что, узнав от обмане, он перестанет чувствовать себя виноватым и будет упиваться мыслью о ее поцелуях. Но он ошибся.

«Она выйдет замуж?» Все его существо противилось этой мысли.

— Кто же должен стать ее мужем? — спросил он ровным голосом.

Король посмотрел на него странным взглядом.

— Молодой Уолтер.

Юэна словно ударило молнией.

— Стюарт?

Король кивнул.

Это был сюзерен Юэна и сын человека, перед которым он был в долгу. Дверь, которая на мгновение приоткрылась, с треском захлопнулась. Если Юэн питал какие-то надежды относительно Джанет Мара, то известие о том, что она предназначена Уолтеру Стюарту, воздвигло в его сознании стену, которая была прочнее любой преграды. Юэн был обязан Джеймсу Стюарту всем, что имел: своим домом, землей, образованием, местом в гвардии Брюса, — и отныне лояльность Юэна должна распространиться на его сына. Более того, его надежда на восстановление доброго имени клана, которую он связывал с Брюсом, теперь следует возложить на Стюартов.

Он не намерен рисковать всем, чего добился, ради женщины, особенно той, которая почти все время выводила его из себя. И не важно, как сильно она воспламеняла его кровь. Не важно, что она была первой женщиной, с которой он разговаривал без чувства скованности. Не важно, что каждый раз, закрывая глаза, он видел ее лицо.

Неожиданно в голову ему закралась нелепая мысль: что, если убедить Стюарта уступить ему? Черт возьми, можно даже утверждать, что Юэн окажет ему таким образом услугу. Джанет, вероятно, лет на шесть старше восемнадцатилетнего Уолтера и гораздо умнее. Она безоговорочно подчинит себе этого мальчишку.

Однако Юэн затоптал искру надежды, прежде чем она могла превратиться в пламя. Как можно быть таким глупым, черт возьми? Она бывшая невестка короля. Дочь, сестра и тетя графа. А он всего лишь глава клана с небольшим участком земли в Ковале, который выглядел жалким по сравнению с владением Стюарта или даже с владением кузена, до того как земли Ламонтов были отчуждены.

Даже если бы он захотел жениться на Джанет Мара, она была не для него.

Однако будущее покажет, так ли это.

Глава 8

Роксборо, шотландский пограничный район, осень 1310 года

По спине у Джанет пробежал легкий холодок. Она с тревогой обернулась, но не заметила ничего подозрительного. Никто не обращал на нее внимания. Должно быть, это все из-за погоды.

Стоял жаркий осенний день, и солнце безжалостно нагревало ее черное одеяние из плотной шерсти, пока она высматривала в толпе, высыпавшей на главную улицу в базарный день, группу женщин из замка. Дамы запаздывали, но такое случалось и раньше, так что не стоило беспокоиться.

Во время ожидания Джанет коротко отвечала на вопросы сельчан, которые останавливались и интересовались ее товарами. Как удобно притворяться, что она говорит только по-итальянски или по-французски. Она улыбалась другим монашкам и монахам, которые привезли свои товары на рынок, и прислушивалась к разговорам деревенских жителей, делая вид, что не понимает их речь.

Обычно говорили о войне. Но с тех пор как Эдвард ввел свои войска в северные земли Шотландии прошлой весной, подобные разговоры стали реже.

— Еще один обоз с продовольствием пропал, — сказал один из торговцев в палатке позади Джанет.

Она насторожилась.

— Опять происки призраков Брюса? — спросил другой торговец благоговейным шепотом.

— Да, — ответил первый. — Они появляются, словно духи Валгаллы, из тумана, огнем и мечом

уничтожают все на своем пути и снова исчезают во тьме. Это какая-то магия, — прошептал он. — Откуда они узнают, где находятся люди короля Эдварда?

Истории о таинственных воинах — «призраках Брюса» — распространялись в приграничных районах подобно пожару. Эти воины представали то дьяволами, то героями в зависимости от того, на чьей стороне был тот или иной человек. Но даже среди врагов многие испытывали благоговейный страх и восхищение, когда говорили о деяниях «призраков». Подобно легендам, эти истории приукрашивались при каждом пересказе. Но даже если бы эти воины совершили хотя бы четверть приписываемых им подвигов, то и тогда они выглядели бы впечатляющими.

Простые люди считали их призраками, но военачальники короля Эдварда знали точно, что это всего лишь шотландские воины. За сообщение о местонахождении «секретной армии Брюса» были назначены награды. Однако нелегко поймать тех, чьи истинные личности держатся в тайне.

Кроме одной. Джанет до сих пор не могла поверить, что имеющий сомнительную репутацию Лахлан Макруайри — брат ее невестки — являлся одним из немногочисленных приближенных Роберта. Джанет встречалась с ним лишь однажды, на свадьбе Дункана, до того как Лахлан был обвинен в убийстве своей жены. Но и одной встречи было вполне достаточно. Этот огромный, с неприятной внешностью воин с черными волосами и отвратительным характером внушал ей страх. С тех пор как Джон Макдугал, лорд Лорн, выдал англичанам истинную личность Змея, за голову Лахлана была назначена почти такая же высокая цена, как за голову Брюса.

Джанет нравились эти истории о «призраках» как никому другому, однако ее интересовало, кто на самом деле стоит за этими мифами.

— Сколько их было? — спросил другой торговец. Джанет не обернулась, но по голосу догадалась, что это был молодой парень.

— Четверо против двух десятков английских солдат. — Джанет, казалось, почувствовала, как торговец постарше покачал головой.

— Как может король Эдвард предвидеть нападения, когда приходится иметь дело с колдовством?

Джанет сдержала улыбку. Это не колдовство, а ее сообщения способствовали внезапным нападениям. Однако она не могла никому сказать об этом. В последние несколько месяцев она стала посредником в передаче наиболее важной и секретной информации от осведомителя во вражеском лагере. Лишь немногие знали истинную личность этого осведомителя. Разумеется, Роберт держал в строжайшей тайне свой источник информации. Должно быть, это была женщина, которой он мог всецело доверять. Такая, как его бывшая невестка.

В первую субботу каждого месяца сестра Дженна доставляла вышивки от сестер женского монастыря Маунт-Кармел, расположенного за пределами Берика, для продажи на рынке здесь, в Роксборо, одном из ключевых пунктов на границе. Прекрасно вышитые изделия нравились дамам из замка, и они всегда с радостью встречались с итальянской монашкой. Если Джанет случайно находила сложенный кусочек пергамента в одной из сумок, которые женщины рассматривали (или, как сегодня, сама оставляла там клочок пергамента, чтобы его взяла одна из дам), она знала, что скоро разнесется молва о новом появлении «призраков Брюса».

— Это несправедливо, — продолжил пожилой торговец. — Брюс — рыцарь, и тем не менее он скрывается в лесах и сельской местности как трусливая мышь, а совершать набеги на наших

доблестных солдат посылает своих таинственных разбойников. Эдвард будет вынужден вернуться в Англию к зиме, поскольку не сможет противостоять предателю.

Джанет еще могла допустить сравнение с мышью — тогда как Эдварду отводилась роль кота, — но предателем Роберт Брюс не был. Она понимала то, чего не могли понять эти мужчины: сражение может быть выиграно путем различных уловок так же, как и с помощью оружия, но с меньшим риском.

Зачем Роберту принимать сражение? Он ничего не добьется, встретившись сейчас с Эдвардом на поле боя. Внезапные, молниеносные атаки из зарослей вереска тревожили и подрывали боевой дух врага. Возможно, это выглядело не «по-рыцарски», но такие набеги приносили необходимые победы. Когда Роберт будет готов, он примет сражение против могущественной армии англичан со своими рыцарями в доспехах и на боевых конях.

Но пока он будет продолжать действовать скрытно.

Джанет вздохнула, почувствовав, как волна тоски и решимости захлестнула ее. Если бы только она могла надеяться, что война скоро закончится, но она знала — этому не бывать. Шотландии, ее сестре и всем остальным членам ее семьи придется еще немного подождать.

Разговоры вокруг Джанет продолжались, но ее интерес к ним начал ослабевать, по мере того как солнце приближалось к зениту. О Боже, такая жара, словно еще середина лета, а не осени! Она то и дело прикладывала влажный платок ко лбу, испытывая желание сорвать с себя проклятое покрывало и платье.

Это ощущение озадачило Джанет. Казалось, она испытывала все большее неудобство в одеянии монашки, которое так долго позволяло ей оставаться незаметной.

Она сжала губы, понимая, кто на самом деле виноват в том, как она себя чувствует. До того как Юэн Ламонт ворвался в ее жизнь и нарушил покой своим невероятно нежным, возбуждающим поцелуем, она едва замечала свое монашеское одеяние. Но теперь — каждое утро, умывшись, она одевалась с чувством, что поступает против своей воли. Ей претило притворяться монашкой, тогда как ею овладевают ужасно греховные мысли и мечты. И ее намерение принять постриг теперь казалось ошибочным. Это никогда не было ее призванием, но казалось практичным решением, дающим возможность продолжать делать то, что она считала необходимым.

Единственный способ решения проблемы — послать к черту этого Юэна Ламонта!

Это казалось нелепым, но все минувшие месяцы Джанет продолжала думать о человеке, которого, вероятно, никогда больше не увидит, и который, должно быть, уже забыл о ней. Он совершенно ей не подходит. Он считает, что в современном мире женщине отведено только одно место — в стенах замка.

Почему она не может перестать думать о нем? Почему то короткое время, которое они провели вместе, оставило неизгладимый след в ее памяти? И почему она чувствует себя виноватой в том, что лгала ему?

Впрочем, ложь в такое сложное время вполне оправданна. Джанет должна думать о сегодняшнем дне. Ее роль в деле Роберта важнее ее мечтаний. Король нуждался в ней.

Все к лучшему. Джанет рада, что Юэн никогда к ней не вернется. Действительно рада. Он лишь сбивает ее с пути.

Второй раз за это утро Джанет почувствовала холодок по спине и обернулась. Она окинула взглядом толпу сельских жителей, присмотрелась к солдату, который стоял в середине, но, казалось, ничего примечательного не увидела.

Наверное, долгое ожидание сделало ее слишком нервной. К счастью, еще раз взглянув на замок на холме, она увидела около десяти дам, спускающихся к деревне. Их можно было легко узнать по ярким, пышным нарядам и украшениям. Они выделялись подобно бриллиантам среди унылой серости.

Джанет была не в силах подавить охватившее ее чувство тоски. Когда-то она выглядела так же, как эти дамы. Девочкой она доводила отца почти до безумия своим пристрастием к самым модным нарядам из Франции и Англии.

А сейчас…

Она посмотрела на свое черное домотканое платье, похожее на мешок. Ее сердце сжалась. Разве грешно желать снова выглядеть красивой?

Джанет сжала губы, мысленно упрекнув себя в глупости. Она знала, кого следует винить в том, что ее посещают такие мысли.

Дамы из замка были в двух прилавках от нее, когда она почувствовала чье-то присутствие рядом с собой.

— Не оборачивайтесь, — прошептал мужской голос по-французски. — За вами следят.

Джанет выглядела невозмутимой, хотя внутри у нее все похолодело, несмотря на жаркий день. Она бросила взгляд на того, кто ее предупредил, и узнала одного из монахов монастыря Святого Петра, расположенного через реку от замка. Они часто встречались прежде на рынке, и именно он помог ей открыть прилавок среди других монастырских лавочек. Однако она никогда не обращала особого внимания на внешне невзрачного молодого человека.

Может быть, он нарочно старался оставаться неприметным. Монах Том был среднего роста и телосложения, с прямыми стриженными темно-русыми волосами вокруг выбритой макушки, с карими глазами и заурядными чертами лица. Его нельзя было назвать ни красивым, ни безобразным. Ничего выдающегося. Вероятно, он был безупречным шпионом или курьером — она надеялась, для Брюса.

Монах отошел так же быстро, как приблизился. Если кто-то действительно наблюдал за ней, то могло показаться, что он прошел мимо, лишь мельком взглянув на ее прилавок.

Однако этот короткий миг заставил сердце Джанет учащенно биться. Был ли он другом или врагом, она не могла упустить возможность встретиться с осведомителем, несмотря на присутствие этого монаха поблизости.

Ее тревога усилилась, когда она увидела, что дамы из замка уже подошли к соседнему прилавку.

Джанет попыталась поймать глазами взгляд источника, но одна из женщин загородила ту, которую она ждала. Если кто-то за ней наблюдает, надо каким-то образом заставить женщин пройти мимо.

Внезапно ей в голову пришла спасительная мысль.

— О Боже! — отчаянно закричала она по-французски и принялась рыться среди вещей, разложенных на прилавке.

— В чем дело, сестра Дженна? — спросила одна из монахинь за соседним прилавком также по-французски.

— Пропала дамская сумочка, сделанная преподобной матушкой, — сказала она, заламывая руки. — Я не могу найти ее. Должно быть, кто-то ее украл, когда я отвлеклась.

Она говорила достаточно громко, чтобы все слышали, и слово «украл» произвело желаемый эффект: поднялась суматоха. Несколько монахов и монахинь у соседних прилавков поспешили к ней на помощь.

— О Боже! — отчаянно закричала она по-французски и принялась рыться среди вещей, разложенных на прилавке.

— В чем дело, сестра Дженна? — спросила одна из монахинь за соседним прилавком также по-французски.

— Пропала дамская сумочка, сделанная преподобной матушкой, — сказала она, заламывая руки. — Я не могу найти ее. Должно быть, кто-то ее украл, когда я отвлеклась.

Она говорила достаточно громко, чтобы все слышали, и слово «украл» произвело желаемый эффект: поднялась суматоха. Несколько монахов и монахинь у соседних прилавков поспешили к ней на помощь.

— Как она выглядит? — спросила сестра Уинифред.

— На ней вышитый золотом образ Девы Марии, — ответила Джанет, говоря о несуществующей вещи.

— Когда вы заметили пропажу? — спросила другая, незнакомая монахиня по-английски.

Джанет притворилась, что не поняла ее, и сестра Уинифред, знавшая, что она итальянка (или, по крайней мере, притворяется таковой), перевела ей слова незнакомки на французский язык.

Джанет покачала головой, надеясь, что ее глаза выглядят так, словно они полны слез.

— Я не знаю.

— Надо кого-то послать за комендантом замка, — сердито сказал один из монахов.

Джанет взглянула на дам и вздохнула с облегчением, увидев, что они спешно удаляются от нее. Очевидно, та, с которой должна была состояться встреча, поняла, что произошло что-то непредвиденное.

Она покачала головой, когда монах снова заговорил.

— Впрочем, бесполезно искать. Я не видел, кто взял сумочку. Уверен, сейчас вор уже далеко.

— В чем дело?

Прежде чем Джанет повернулась на этот голос, она почувствовала, как по спине побежали мурашки, и поняла: без сомнений, это тот, кто за ней наблюдал. Он был одет в рясу священника, включая красиво вышитый головной покров, что говорило о его важном статусе, но никакого благочестия в этом мужчине не чувствовалось. Казалось, от него исходила опасность и враждебность. На мгновение Джанет почувствовала себя так, словно была преследуемым тамплиером под взглядом инквизитора.

Когда он заговорил по-французски, она не могла сделать вид, что не понимает его.

— У меня пропала сумочка, святой отец. Похоже, кто-то ее украл.

— Вот как, — сказал он осторожно и сузил глаза. — А как случилось, что вор исчез с вашей сумочкой и никто его не заметил?

Джанет с невинным видом удивленно расширила глаза.

— Прекрасный вопрос, святой отец. Мне следует поспрашивать людей вокруг. Кстати, вы ничего не заметили?

— Нет, конечно.

— Я подумала, раз уж вы наблюдали…

— О чем вы говорите? Я вовсе не наблюдал за вами!

Джанет смущенно заморгала, надеясь, что не переигрывает.

— Говорите, не наблюдали? А мне показалось, что вы стояли и смотрели в мою сторону. — Она указала на то место, где почувствовала, что кто-то наблюдает за ней.

— Вы ошиблись.

— Это плохо. Я надеялась, что вы заметили что-нибудь подозрительное.

— Это невозможно, потому что здесь не на что было смотреть.

Джанет склонила голову.

— А говорите, что не следили.

Лицо его покраснело.

— Я ни за кем не следил.

— О, простите! Должно быть, я неправильно вас поняла. — Она пожала плечами. — Мой французский язык недостаточно хорош.

— Откуда вы родом?

— Сестра Дженна родом из Италии, отец Саймон, — пришла ей на помощь сестра Уинифред. — А к нам она прибыла из монастыря Святой Марии, расположенного в Колдстриме.

Его глаза вспыхнули.

Topreading.ru

— Это в Берике на реке Твид, не так ли? — сказал он на чистом итальянском языке.

Джанет кивнула и мысленно выругалась. Ее сердце забилось еще сильнее. Она достаточно бегло говорила по-итальянски и надеялась, что не допустила никаких ошибок.

— Да, отец. Но скоро я вернусь в Италию.

Она полагала, что это действительно случится очень скоро. «Сестра Дженна», похоже, выполняла свое последнее задание. Скоро она снова изменит свое имя.

— Преподобная матушка будет очень недовольна мной. Эта сумочка стоила очень дорого. — Она в отчаянии сжала ладони.

Сестра Уинифред подошла ее утешить.

Джанет надеялась, что на этом все кончится, однако следующие слова этого мужчины заставили ее похолодеть.

— Могу я взглянуть на письмо, которое вы достали из сумки на поясе и спрятали под наплечник?

Замок Данстаффнэйдж, Шотландия, поздняя осень 1310 года

— Что значит, вы не знаете, где она, черт возьми?!

Сазерленд сердито посмотрел на Юэна и вмешался, прежде чем король, к которому был обращен этот вопрос, смог ответить. Тем самым он, несомненно, уберег Ламонта от суровой королевской отповеди.

— Джанет не показывалась в течение недели после дня архангела Михаила, — сказал он. — Она осталась для выполнения задания в Роксборо и пока не вернулась.

Если Сазерленд хотел таким образом успокоить Юэна, то лишь еще больше разозлил его.

— Ее отправили в октябре? Черт возьми, значит, это было несколько недель назад. Почему за ней до сих пор никого не послали?

Юэн, по-видимому, забыл, что не должен злить короля.

— Я тоже хотела бы это знать, — добавила Мэри, подходя и становясь рядом с ним перед столом напротив короля. Если кто и был разгневан больше, чем Юэн, так это сестра-близнец Джанет. С того момента, когда Мэри Мара узнала, что ее сестра жива (вскоре после того как это обнаружил Юэн), она не давала проходу королю, настаивая, чтобы тот вернул Джанет в замок. — Кажется, вы говорили, что Джанет должна завершить кое-какие дела и потом вернется домой?

Если Роберт Брюс имел в своей жизни какую-то слабость, то это были женщины. Судя по сокрушенному выражению его лица и усилиям, которые он прикладывал, чтобы успокоить чрезвычайно расстроенную женщину, он, несомненно, очень любил свою бывшую невестку. Он мог наказать Юэна за его необдуманные слова, но хорошенькая бывшая графиня Атолл и

нынешняя графиня Сазерленд имела значительные привилегии и свободу действий.

— Мы не тревожились за ее судьбу до недавнего времени. — Король помолчал. — Однако для Джанет не характерна задержка на две недели свыше ожидаемого срока.

Юэн понял, что что-то пропустил.

— Но разве у нее не было возможности известить вас о своей задержке? — спросила Мэри.

Брюс явно чувствовал себя неловко. Он даже слегка заерзал в своем кресле.

— Мы не можем постоянно поддерживать связь со всеми нашими людьми.

— Вы хотите сказать, что предоставили ее самой себе без какой-либо защиты? — упрекнула его Мэри со слезами на глазах. — И Джанет не какие-то «люди», а моя сестра.

Брюс, казалось, вздрогнул. Поскольку Мэри высказывала все, что следует, королю, Юэн не видел причины вмешиваться. Он просто стоял в стороне, сложив руки на груди, и наблюдал, как выкручивается король.

Брюс, казалось, вздрогнул. Поскольку Мэри высказывала все, что следует, королю, Юэн не видел причины вмешиваться. Он просто стоял в стороне, сложив руки на груди, и наблюдал, как выкручивается король.

Сазерленд взял свою жену под руку и попытался успокоить ее.

— Конечно, Джанет твоя сестра, дорогая, — мягко произнес он.

Не так давно проявление любви заставило бы Юэна также испытывать неловкость, но за прошедшие несколько недель, после того как он и Сазерленд вернулись в Данстаффнэйдж, а король Эдвард отступил в Англию на зиму, он привык к этому. Он удивительным образом сблизился с новобрачной Сазерленда. Та необычная легкость, которую он испытывал, общаясь с Джанет, по-видимому, распространилась и на ее сестру. Он действительно чувствовал себя легко в присутствии леди Мэри. Несмотря на внешнюю схожесть сестер, жена Сазерленда не вызывала у него волнения в крови и не возбуждала, как молодого парня во время римских оргий.

Узнав о том, что он провел некоторое время с ее сестрой, Мэри расспрашивала его о том, что он помнил. Юэн был уверен, что каждая подробность, касавшаяся Джанет Мара, была свежа в его памяти даже после прошедших нескольких месяцев. Ее сестра способствовала воскрешению этих воспоминаний.

— Я уверен, что ничего плохого не случилось, — сказал король, но это прозвучало так, словно он старался убедить в этом самого себя не меньше, чем остальных. — Вам не следует беспокоиться, Мэри. Я пошлю за ней самого лучшего следопыта. Охотник найдет ее.

Несмотря на все попытки, сохранить имена воинов Хайлендской гвардии от женщин было невозможно. Что касалось женатых мужчин, только жена Маклина не знала о роли ее мужа в секретной королевской армии. Юэну было известно, что Маклин не виделся со своей женой в течение нескольких лет. Если он не был разведен с ней формально, то фактически так оно и было.

Юэн испытывал искушение отказаться от нового поручения. Если бы он был умнее, то,

вероятно, так и сделал бы. Но он не мог противостоять умоляющему взгляду Мэри. В какой-то момент она вдруг так живо напомнила ему свою сестру, что грудь его болезненно сжалась.

— Вы согласны?

Он кивнул.

— Я отправлюсь в путь, едва будет готово мое снаряжение.

— Хорошо. Я поеду с вами, — сказала Мэри.

Все четверо мужчин, присутствовавших в комнате, замолчали, выражая различную степень тревоги. Казалось, на лице Брюса застыло выражение «о нет», у Сазерленда — «только через мой труп», а командир гвардии как бы говорил, обращаясь к Сазерленду: «вы должны что-нибудь сделать». Юэн полагал, что выражение его лица отражало смесь чувств всех троих.

Сазерленд первым предпринял попытку урезонить свою жену.

— Послушай, Мэри, ты знаешь, как опасно для тебя путешествие в Англию. Я уверен, король позволит мне сопровождать Охотника…

— Перестань отговаривать меня! Путешествие в Англию опасно для тебя не меньше, чем для меня. Даже больше, так как Фелтон оправится и будет искать крови — твоей крови. Кроме того, путешествующие вместе мужчина и женщина будут привлекать меньше внимания, чем двое мужчин.

Сазерленд так плотно сжал челюсти, что Юэн удивился, как он мог еще говорить.

— Если ты думаешь, что я позволю тебе путешествовать вдвоем с Охотником…

Мэри пренебрежительно махнула рукой.

— В таком случае отправляйся с нами.

По-видимому, в характере этой девушки было больше от сестры, чем полагал Юэн. Она способна хитрым образом заставить мужа уступить ей, однако Юэн не поддастся на такие уловки.

— В одиночку я смогу двигаться быстрее, миледи. С вами мне будет труднее выполнять свою работу.

Грубоватое, прозаичное обоснование (в отличие от беспокойства по поводу ее нежных чувств) сработало гораздо эффективнее. Решительность Мэри сменилась покорностью.

— Я не подумала об этом. Я не хочу быть обузой.

— Тогда позвольте мне сделать все самому. Вы можете доверять мне, я не допущу, чтобы с вашей сестрой что-то случилось.

Мэри кивнула. Сазерленд и Брюс посмотрели на Юэна так, словно он сотворил чудо.

В конце концов было решено, что Сазерленд и Маккей будут прикрывать Юэна и Маклина на случай, если они встретят английских патрульных. В войне, возможно, наступил временный перерыв, пока Эдвард решил отступить на зиму в Берик, но охота на «мятежников» — в

особенности на «призраков Брюса» — не прекращалась. За последние несколько месяцев борьбы их репутация неуловимых воинов значительно возросла. Их внезапные налеты, благодаря которым они прославились, были непредсказуемыми и вызывали панику у англичан. Куда бы они ни направлялись, хайлендские гвардейцы «волшебным» образом узнавали, где искать их.

Конечно, здесь не было никакого волшебства: все объяснялось хорошо организованной разведкой. Кто бы ни был осведомителем Брюса (король отказывался открывать его имя), он никогда не ошибался. Некоторые гвардейцы полагали, что таким осведомителем мог быть кто-нибудь из высших чинов в команде Эдварда. Наиболее вероятным считался Ральф де Монтимер, который был женат на свояченице английского короля. Юэну было безразлично, кто это, пока информация продолжала поступать.

В течение следующих нескольких месяцев, пока Эдвард отдыхал и старался поднять дух своего ослабевшего войска, главное сражение откладывалось, но продолжались локальные стычки на границе. Поговаривали о мире, поскольку Брюс должен принять участие в переговорах в Селкеркке перед Рождеством, однако граница оставалась зоной военных действий, и путешествие в английский пограничный район вблизи английских крепостей было особенно опасным, учитывая охоту на «призраков».

Хотя Хайлендская гвардия состояла из лучших воинов, они не были непобедимыми — или невидимыми, коли на то пошло, пусть Юэн делал все возможное, чтобы они стали такими. Это новое задание казалось довольно рискованным, и Юэн был рад дополнительным силам на случай, если они привлекут нежелательное внимание.

Было решено выступить на рассвете. Сазерленд вывел свою жену из комнаты и обменялся взглядом с Юэном. Тот понимающе кивнул. Юэн собирался поговорить с ним позже, когда Мэри не будет поблизости. Сазерленд, как и Юэн, чувствовал, что король что-то недоговаривает.

— О чем вы умалчиваете? — спросил Юэн, как только дверь за супругами закрылась.

Лицо Брюса помрачнело, и у Юэна возникло нехорошее предчувствие. Если бы он не знал себя достаточно хорошо, то мог бы подумать, что охватившее его тревожное чувство — это страх.

— Один из наших курьеров — монах — был найден несколько недель назад мертвым.

Юэн почувствовал, как сердце его упало. Проклятие, это все-таки страх!

Юэн почувствовал, как сердце его упало. Проклятие, это все-таки страх!

— Какую связь он имел с Джанет? — с трудом произнес Юэн.

— Очень небольшую. Но этот монах был нашим главным связующим звеном, когда Джанет работала там.

Юэн надеялся, что его раздражение осталось незамеченным. Король знал, что он думал о «работе» Джанет. Девушка не бросила это дело.

— Почему она оказалась в Роксборо?

Брюс, по-видимому, размышлял, как много можно ему рассказать.

— Она торговала там вышивкой и обменивалась посланиями с кем-то в замке. Монах помог ей занять место на рынке.

— Есть вероятность, что ее разоблачили?

— Возможно, но наш человек в замке в безопасности.

— Может быть, он предал ее?

Брюс холодно взглянул на него и покачал головой.

— Нет.

— Как вы можете быть уверены в этом?

— Я уверен. Это все, что тебе следует знать.

— Но смерть монаха вас беспокоит.

Брюс кивнул.

— Мне кажется, это не случайное стечение обстоятельств.

Юэн согласился. Но это еще не повод предполагать, что с Джанет что-то случилось. Он должен обладать ясным сознанием, готовясь к предстоящим поискам.

— Найди ее, — сказал Брюс, — и доставь домой.

Юэн кивнул.

— Будет сделано.

Король смерил его продолжительным взглядом.

— Надеюсь, это задание не вызовет у тебя трудностей?

Юэн напрягся.

— Почему оно должно вызвать трудности?

— Мои бывшие невестки отличаются красотой, как ты мог заметить. Хочу напомнить: Джанет предназначена другому, если, конечно, она не примет постриг по-настоящему.

Юэн сжал челюсти.

— Я знаю это, сэр. — И ему не надо об этом напоминать, черт возьми. Очевидно, Брюс почувствовал что-то раньше и недвусмысленным образом дал ему понять, что он должен держаться от нее подальше. Но Юэн не нуждался в разъяснениях.

— Хорошо, — сказал король и слегка склонил голову в знак окончания разговора.

Юэн повернулся к двери, но резкий смех Брюса его остановил.

— Когда найдешь ее, не говори, что я приготовил для нее мужа, иначе она снова исчезнет.

Topreading.ru

Напоминание о ее обручении заставило Юэна заскрежетать зубами. Тем не менее он сумел улыбнуться, поскольку, казалось, король ожидал от него именно такой реакции.

Он найдет Джанет и доставит ее к нареченному. Однако едва ли это доставит ему удовольствие.

Глава 9

Монастырь Резерфорд, шотландский пограничный район, 1 декабря 1310 года

Ссылка, на которую Джанет обрекла себя, была ей не по душе. Чрезмерная осторожность противоречила ее натуре, особенно когда приходится перевоплощаться из итальянской «сестры Дженны» в «новообращенную Элеонору», английскую вдову из Камберленда. Она не могла изменить внешность, но поменяла имя, национальность и даже цвет головного покрова.

«Это ненадолго», — говорила она себе. Монах Том обещал прийти за ней, когда ей не будет грозить опасность.

Но что же его задерживает?

Деревья еще были покрыты густой листвой и трава по-прежнему зеленела, когда он доставил ее к монахиням в монастырь Резерфорд, расположенный в нескольких милях к западу от Роксборо, после столкновения с отцом Саймоном.

Джанет должна признать, что в ту минуту она поддалась панике. Понимая, что бессмысленно отрицать наличие у нее письма, которое священник заметил, она достала сложенный кусочек пергамента из-под своего наплечника.

— Это? — Она улыбнулась. — Это не письмо, а просто список.

Священник сузил глаза.

— Какой список?

Это была ее идея использовать список вещей в качестве кода, содержащего сообщения о количестве войск и припасов. И теперь она была рада, что придумала это. Священник развернул листок и принялся изучать его, когда она сказала:

— Как видите, это список вещей для моего следующего путешествия.

Джанет надеялась, что ее сердце стучит не так громко, как отдается в ее ушах, и молила Бога, чтобы священник не спросил, куда она собирается двинуться, так как понятия не имела о содержимом письма.

— Зачем монашенка из Берика направляется в Карлайл? Я думал, вы собираетесь вернуться в Италию.

Джанет облегченно вздохнула. Значит, Карлайл!

— Дело в том, что в следующем месяце ярмарка состоится в Карлайле. Наши вышивки

пользуются большим спросом, и преодолеть несколько миль во имя Господа нашего не так уж трудно, не правда ли?

Он не удостоил ее ответа.

— Жилетки, сумки — почему в этом списке только два вида товаров?

Под этими названиями были закодированы воины и лошади. А число обозначало, сколько затребовал король для англичан в Карлайле.

Джанет пожала плечами, как будто была озадачена его вопросом.

— Это вещи, в которых я особенно нуждаюсь. — Ее губы задрожали, и на глазах выступили слезы. — Потеря сумки для подаяний грозит мне суровым наказанием. Преподобная матушка целых шесть месяцев работала над ней. Там такая изысканная вышивка. За нее дали бы хорошие деньги, которые помогла бы накормить несчастных…

— Вы не можете запомнить всего две вещи? — спросил он, прервав ее попытку уйти от темы.

— Я очень забывчивая, святой отец. Это ужасный недостаток. — Джанет склонила голову на мгновение, словно стыдясь своего признания. — Но сестры помогают мне справиться с ним. Теперь я составляю списки.

— Что-то не так, отец Саймон? Почему вы допрашиваете сестру Дженну? Она не сделала ничего плохого. Она всего лишь жертва преступления.

Джанет никогда не думала, что сестра Уинифред может быть такой грозной, какой предстала сейчас.

Отец Саймон презрительно фыркнул. Было ясно, что он и пожилая монахиня недолюбливали друг друга.

— Она ведет себя весьма подозрительно.

— Потому что у нее есть сложенный кусочек пергамента? — Она засмеялась, и лицо священника покраснело от злости. Он выглядел очень глупо и понимал это.

К счастью, тут прибыл комендант замка, за которым кто-то послал. Джанет протянула руку к отцу Саймону, и тот нехотя вернул ей список. Она понимала, что священник подозревает ее, но у него не было оснований для дальнейших расспросов. По крайней мере законных оснований.

Слава Богу, все обошлось. Джанет была близка к провалу, но в конечном счете вышла сухой из воды. Сначала она противилась предложению Тома покинуть на время Роксборо. Однако по его настоянию решила все же принять меры предосторожности.

Монах Том видел, что произошло, и перехватил Джанет, как только она покинула рынок. Он рассказал ей, что отец Саймон, священник, который допрашивал ее, старался заполучить сан епископа, охотясь на подозреваемых сторонников мятежа в среде духовенства. Этого священника церкви Святого Иоанна особенно ненавидели и боялись в Роксборо.

С помощью монаха Тома, а также группы монашек, которые могли отвлечь внимание, если за ней будет продолжаться слежка, Джанет покинула рынок, но не вернулась в монастырь Роксборо, где жила в это время. Вместо этого она сменила черный головной покров на белый и

отправилась в Резерфорд. Там «сестра Дженна» исчезла, и вместо нее появилась «новообращенная Элеонора». Она передала сообщение для Ламбертона, в котором говорила о своем новом имени и местонахождении. После этого Джанет погрузилась в долгое, томительное ожидание возвращения Тома.

Она использовала это время для чтения и молитв (в основном, чтобы Господь дал ей терпения) и баловала себя любимыми орешками, которые любезные монашки покупали для нее, когда выходили в город. Кроме того, Джанет думала, как доставить информатору в замке сообщение о том, что она больше не появится на рынке из страха снова столкнуться лицом к лицу с отцом Саймоном.

Прошел целый месяц, а монах так и не появился, но Джанет нашла способ выйти на связь, причем это оказалось гораздо легче, чем она предполагала.

Ее информатор сам пришел к ней.

Однажды, когда сестры отправились навестить больных и нуждающихся в богадельне Святой Магдалины, «Элеонора» присоединилась к ним. Эта богадельня, расположенная на Эбби-роуд, связывающей четыре больших монастыря в этих краях, служила не только пристанищем для путешественников, бедных и немощных людей, но и местом, где дамы из замка занимались благотворительностью. Когда настал день очередного святого, Джанет знала, что они отправятся раздавать подаяния больным и беднякам, которые нашли там приют.

Каждый день в течение следующих двух недель Джанет сопровождала монашек в богадельню. Как ни странно, она приобщилась к уходу за страждущими людьми. Когда некоторые сестры не решались посетить больничный барак и отдельные дома, где содержались прокаженные, Джанет сама вызывалась отнести им паек хлеба и, три раза в неделю, соленого мяса.

Наконец, в день Святого Андрея, который выпал на первую субботу рождественского поста, усилия Джанет были вознаграждены. Женщина-информатор была удивлена и испытала огромное облегчение, увидев ее. После того как они обменялись паролем, она рассказала, что готовится что-то очень важное, и надеялась получить больше информации ко дню Святого Дростана, через две недели.

На следующее утро Джанет бодрой походкой отправилась раздавать хлеб больным. Покинув последний дом, чтобы вернуться в богадельню в этот прохладный первый декабрьский день, она испытывала такое воодушевление и покой, что не сразу заметила тень позади. А когда обернулась, было уже поздно.

Страх сковал ее горло, не дав вырваться крику, который мог бы прозвучать до того, как мужская рука зажала ей рот, и мужчина потащил ее за один из домов. Она увидела зеленый рукав. Ее похититель был в одежде прокаженного!

Мужчина крепко прижимал ее к себе, не давая ей пошевелиться. Он сжимал ее подобно стальным тискам, холодным и цепким. Его тело было твердым, как каменная стена, хотя очень теплым, и пахло сосной и кожей. Когда он склонил голову, чтобы прошептать ей на ухо, ее сердце замерло — но не от страха, а от чего-то другого.

Нападавший не был прокаженным. Это был Юэн. Он вернулся!

— Кажется, вы забыли свое обещание избегать опасности, леди Джанет.

Она была счастлива, осознав, что это он, и поняла то, что он сказал на гэльском языке. Сердце

неистово забилось от охватившего ее волнения. Он знал ее имя. Ее настоящее имя.

И он не назвал ее сестрой.

Джанет ухаживает за прокаженными? О Боже! Похоже, эта девушка не способна избегать опасности. Как говорится, из огня да в полымя — это про нее. Прижимая Джанет к себе, Юэн чувствовал, как пылает его тело.

Он отпустил ее, как только они скрылись за самым дальним домом, и развернул ее лицом к себе. Внутри у него все сжалось. Он уже забыл, какая она красивая. Он наблюдал за ней лишь издалека и не был готов снова увидеть ее так близко. С яркими глазами и порозовевшими от холода щеками, леди Джанет Мара являла собой образец жизнерадостной и здоровой сельской жительницы. Он плотно сжал губы. Она выглядела гораздо здоровее той девушки, какую он предполагал увидеть. Той девушки, которая доставила ему столько хлопот и из-за которой он испытывал беспокойство (не страх, черт побери!).

Выполнение этого задания с самого начала сопровождалось многочисленными неприятностями. Как только он и трое его собратьев-гвардейцев покинули корабль на побережье Эйршира, они сразу столкнулись с английским патрулем в Дугласдейле. Как правило, патруль из дюжины воинов не мог доставить много хлопот четырем шотландским гвардейцам, но после нескольких месяцев сражений с армией Эдварда они были уставшими и помятыми. И Юэн не был исключением. Он еще не оправился после ранения в ногу, полученного во время поисков некоторых людей Брюса, которые участвовали в бою вблизи замка Резерфорд, и даже Ангел не смогла полностью вылечить его рану.

Ранения от стрел и пик, порезы от мечей, сломанные боевыми молотами и булавами кости — все это мешало им успешно противостоять патрулю. Иначе чем объяснить то, что одному из англичан удалось сбежать и спрятаться в стенах замка Дуглас, прежде чем Юэн, Маклин, Сазерленд и Маккей смогли схватить его?..

К сожалению, это столкновение привело к появлению слухов о «призраках Брюса», так что их присутствие перестало быть тайной. Бог знает, сколько английских солдат теперь их искали, так что нужно было соблюдать особую осторожность.

Тем не менее, несмотря на возросшую опасность, они прибыли в Роксборо, чтобы выяснить судьбу леди Джанет, и узнали от одного из священников о случае на рынке. С тех пор ее никто не видел. Казалось, девушка бесследно исчезла как раз в то время, когда было обнаружено тело убитого монаха.

Юэн никогда не забудет тот жуткий страх, который овладел им, когда их поиски показались ему бесплодными. В течение нескольких дней они прочесывали каждую дорогу, ведущую из Роксборо, надеясь найти хотя бы что-нибудь, — но только не тело.

Проклятие, почему она не послушалась его? Ей нельзя было оставаться здесь. Брюс должен был отозвать ее раньше. Юэну следовало настоять на этом. Однако он не хотел навлечь на себя гнев короля.

Он знал, что происходит с женщинами, которых уличали в помощи Брюсу. Не было и дня, чтобы перед его мысленным взором не возникали картины казни в деревне близ замка Лохмабен. Там были женщины и дети. Его сердце болезненно сжалось. Наверное, ему следовало действовать тогда иначе. Все это произошло вскоре после возвращения Брюса в Шотландию, и Юэн все еще был потрясен бедствием, которое обрушилось на них в Лох-Райане.

Они не сознавали опасность, которой подвергали деревенских жителей, ища у них поддержки. Но спустя несколько недель, когда вернулся один из членов Хайлендской гвардии, они узнали ужасную правду. За оказанную им помощь вся деревня была истреблена англичанами. Единственная выжившая девушка была брошена в колодец, где о ней на время забыли. Позже она стала подопечной Макгрегора: тот сжалился над несчастной сиротой и взял ее в свой дом.

Неужели с Джанет что-то случилось? Он почти потерял надежду найти ее — след уже давно остыл, — когда к нему неожиданно пришла спасительная мысль. Он вспомнил, что она очень любила эти проклятые орешки. Найти торговца не составило труда, оставалось лишь проследить за каждой монашкой, которая покупала у него орехи в последние несколько недель. В итоге поиск привел его в монастырь в Резерфорде.

Он никогда не забудет, какое облегчение испытал вчера, когда увидел, как Джанет выходит из монастыря с беспечной улыбкой на лице. Лишь потом, когда он выжидал случая для встречи с ней, его охватил гнев. Как могла она выглядеть такой счастливой и беззаботной, когда все так переживали из-за ее исчезновения!

Юэн уловил тревогу в глазах Джанет, когда она осознала то, что он сказал, но она тут же овладела собой.

Она окинула его долгим взглядом, отметив зеленый плащ и капюшон.

— Вы забыли захватить с собой чашу для подаяний и колокольчик, чтобы я могла слышать, как вы подходите.

Он сжал губы.

— У меня не было времени.

— Чтобы украсть их?

— Позаимствовать, — поправил Юэн, в свою очередь внимательно осматривая ее. Пока они были вынуждены маскироваться, ее одежда монашки была вполне подходящей.

— Не кажется ли вам, что вы немного староваты для новообращенной?

Джанет с шумом вдохнула, и ее глаза гневно вспыхнули.

— Я не старая! Просто я вдова.

Юэн удивленно приподнял бровь.

— Кто этот несчастный?

Она сузила глаза и, казалось, пыталась определить, что он имел в виду: «несчастный» — потому что умер или «несчастный» — потому что женился на ней.

Юэн не уточнил.

— Это англичанин. Он был солдатом и погиб во время войны. А вам никто не говорил, что неприлично напоминать женщине о ее возрасте? Мне двадцать семь лет, и я моложе вас. — Она закусила губу, и он почувствовал прилив тепла в паху. — Кстати, сколько вам лет?

Он нахмурился.

— Тридцать один. — Юэн на прошлой неделе отметил день своего ангела.

Джанет удовлетворенно кивнула.

— Что вы хотите? У вас есть сообщение для меня?

Юэн старался держать себя в руках, однако после недели поисков этой женщины, когда они прочесывали всю местность между Роксборо и Бериком, это было чрезвычайно трудно.

— Какое к черту сообщение! Где вы были все это время? Никто не видел и ничего не слышал о вас больше месяца.

Он не знал, чего ожидать. Может быть, он полагал, что найдет ее в гораздо большей опасности? И рассчитывал на благодарность с ее стороны, когда она его увидит?

Не слушая внутренний голос, предупреждавший его не прикасаться к ней, Юэн взял ее за предплечье и привлек к себе.

Стена, которую он воздвиг в своем сознании, стала значительно тоньше. Он должен был помнить, что она принадлежит Уолтеру Стюарту, однако не мог заставить себя забыть, как приятно держать ее в своих объятиях.

«Черт побери эту Джанет Мара».

— Вам не приходило в голову, что о вас тревожатся? — сердито спросил он.

Ее глаза расширились.

— Конечно, нет. Ведь я никуда не пропала.

Юэн сжал челюсти.

— Я вижу. Но было бы неплохо, если бы вы известили нас об этом.

— Разве никто не получил мое послание? Я отправила сообщение об изменении в моих планах нашему другу в Берике.

Юэн поморщился, догадавшись, кому она поручила передать сообщение.

— С местным монахом?

Она кивнула, и он, выругавшись, отпустил ее. Его гнев рассеялся. Это была не ее вина. На войне сообщения часто не доходят до адресата.

В глубине души он надеялся, что Джанет не спросит о причине нарушения связи, но она была достаточно умна и сразу догадалась.

— Что-то случилось? Что-нибудь произошло с монахом?

Он не стал пытаться смягчить удар. Может быть, теперь она поймет, какому риску подвергает себя.

— Его убили. Судя по всему, сначала его пытали, а потом бросили тело на дороге в Берик около месяца назад.

Джанет в ужасе отшатнулась.

— О нет! — Ее глаза наполнились слезами, и Юэн с трудом удержался от того, чтобы протянуть к ней руки и… что? Утешить? Проклятие! Он был ужасно зол на нее. Что с ним, черт возьми, происходит?

Юэн кивнул, давая ей возможность осознать сказанное им.

— Никто не знал, что с вами.

Она взглянула на него. Ее ресницы увлажнились от слез, а глаза блестели подобно морским водам под лучами солнца. Его сердце сжалось так сильно, что он отвел взгляд.

Наступила продолжительная тишина, и в конце концов Джанет сказала:

— Спасибо, что нашли меня. Я сожалею, что доставила всем столько неприятностей, однако, как видите, я в полной безопасности.

В безопасности? Эта девушка не будет в безопасности, пока ее не запрут в крепости… на Бьюте. Эта крепость принадлежит Уолтеру Стюарту, куда Джанет отправится после свадьбы.

«Это не твоя проблема». Однако эта мысль его не успокаивала. Юэн едва сдерживался.

— Мне кажется, у нас с вами разные представления о безопасности. Я слышал, в Роксборо вас едва не разоблачил один из священников Эдварда.

— Это вовсе не так. Он просто задал мне несколько вопросов, вот и все. — Когда Юэн сжал кулаки, чтобы снова не схватить ее, она нахмурилась. — Но как вы меня нашли? Я действовала очень осторожно.

Юэн не собирался рассказывать ей, скольких трудов ему это стоило.

— Из всего того, что вы мне рассказывали, только одно не было ложью.

Джанет побледнела и настороженно посмотрела на него, словно ожидала этого момента и приготовилась к нему. А он решил показать ей, насколько зол на нее.

Но не сделал этого. Лучше притвориться, будто ничего не случилось и все это не имеет никакого значения. Лучше притвориться, что он нисколько не беспокоится о ней. Так как что-то подсказывало Юэну: если он опять прикоснется к ней, если позволит вихрю эмоций овладеть им, Джанет вновь окажется в его объятиях, — такая мягкая, такая чувственная, с такими нежными губами, тающими от прикосновения.

Он не должен думать о том, как она приятна на вкус. Не надо вспоминать об этом. Она не должна оказывать на него такое влияние, он не допустит этого.

— Я имею в виду орехи, — сказал он, отступая назад, чтобы очистить мозги от ненужных мыслей. — Они действительно ваше любимое лакомство.

Он не должен думать о том, как она приятна на вкус. Не надо вспоминать об этом. Она не должна оказывать на него такое влияние, он не допустит этого.

— Я имею в виду орехи, — сказал он, отступая назад, чтобы очистить мозги от ненужных мыслей. — Они действительно ваше любимое лакомство.

Она заморгала, глядя на него, очевидно, удивленная тем, что он ограничился лишь этим высказыванием. Чего же она ждала? Что он начнет упрекать ее во лжи о ее истинной личности и в том, что заставила его поверить, что он едва не совершил в отношении нее тяжкий грех? Или что он будет зол на нее за то, что она не сдержала своего обещания избегать опасности? Ей действительно следовало прислушаться к его наставлениям.

У Джанет было озадаченное выражение лица, как будто она силилась понять его.

— Вы нашли меня через торговца?

Да, Юэн нашел ее, но сейчас он стремился избавиться от нее. Чем скорее, тем лучше, и об этом свидетельствовал жар, охвативший его тело. Он пожал плечами с показным равнодушием.

— Нам надо идти.

— Куда?

— Я верну вас домой, в Шотландию.

Она покачала головой.

— Я еще не все сделала. Есть нечто важное…

— Это не просьба, миледи.

Джанет снова напряглась и настороженно посмотрела на него. Казалось, он получал удовольствие от своей власти. Ему нравилось держать ее в напряжении и ждать, когда она подчинится его воле.

— Вы не можете приказывать мне…

— Это не мой приказ. Такова воля короля.

— Почему он отзывает меня?

— Я только выполняю приказы. Спросите у него самого. — Юэн не намерен рассказывать ей все. Меньше всего он хотел быть втянутым в их отношения.

Джанет закусила губу.

«Проклятие, перестань так делать!»

Когда она нахмурилась, он вдруг осознал, что произнес это вслух.

— Что перестать делать?

Общаясь с ней всего несколько минут, он уже потерял рассудок, и остальные части его существа тоже подпали под чары ее близости.

— Нам необходимо уйти.

Она опять покачала головой.

— Передайте Роберту, что я вернусь, как только смогу. Есть очень важное дело, которое я

должна завершить как можно скорее.

— Вы скажете ему об этом сами.

— Вы не понимаете, это очень важно. Я должна быть здесь, когда… — Джанет замолчала, засомневавшись, можно ли посвящать его в это. Она вызывающе приподняла подбородок. — Роберт поймет меня.

Юэн понял, что она не намерена отступать.

— Если вы так уверены, скажите ему об этом сами. Думаю, вы сможете обосновать свое решение.

Он знал, что ей нечего возразить на это.

Джанет сузила глаза, и Юэн подозревал, что она догадалась о его намерении.

— Да, я смогу. Но для этого потребуется много времени. Я же сказала вам, что должна сделать что-то очень важное. — Джанет положила руку на его предплечье, и он застыл. Она стояла так близко, что он чувствовал ее тепло. Горячая волна охватила все его существо. — Я не понимаю, что изменится от того, что я вернусь на пару недель позже. Пожалуйста, неужели вы не можете передать ему, что я вернусь, как только смогу?

Глядя в ее глаза, Юэн ощутил внутреннюю борьбу. Ее нежный, умоляющий взгляд, как стенобитное орудие, обрушил стену, которую он воздвиг в своем сознании. Он слегка наклонился, вдыхая ее аромат, и был готов уже уступить ей…

Вздрогнув, Юэн вернулся к действительности.

— Нет, — резко сказал он то ли ей, то ли себе самому. — Мы уезжаем немедленно.

Он видел, что она с трудом сдерживается, плотно сжав губы.

— Я знаю, что вы только выполняете свой долг, но уверена, если вы вернетесь…

— Не пытайтесь своими уловками изменить мое решение. Это не подействует.

— Почему вы такой упертый?!

Она выглядела такой разъяренной, что Юэн едва не рассмеялся. Опасаясь отчаянного сопротивления и желая избежать применения силы, он сказал:

— У нас есть корабль на побережье в Эйршире. Если король согласится, чтобы вы вернулись сюда, вы можете сделать это дней через десять.

Лицо ее приняло озадаченное выражение.

— Через десять дней? Вы уверены? Я должна вернуться сюда к Дню Святого Дростана.

Юэн пожал плечами. Это казалось вполне реальным, и он не собирался делиться с ней своими сомнениями. Если она поверила, что ей разрешат вернуться в Роксборо, то ему это только на руку. Как только он доставит ее в Данстаффнэйдж, она станет заботой Брюса. И Стюарта, — напомнил он себе, стиснув зубы до боли в челюсти.

«Теперь это им решать. Не высовывайся, занимайся своим делом и не гневи короля». Это то, что он должен делать. Все так просто, и Юэн не позволит Джанет усложнять его жизнь.

Она сузила глаза.

— Что вы скрываете от меня?

Юэн заскрежетал зубами.

— Послушайте, миледи, моя задача — доставить вас назад. И я намерен выполнить свою работу. И как я справлюсь с ней, зависит от вас. Наша поездка может сопровождаться трудностями или быть достаточно легкой — как пожелаете. Король дал вам прямое указание покинуть пограничный район и явиться к нему в Данстаффнэйдже. Отказ и неповиновение мне означают неповиновение королю.

— Элеонора! — раздался чей-то голос.

Джанет повернулась на крик и ахнула, затем снова повернулась к Юэну.

— Меня ищут.

Она двинулась в сторону звавшего, но Юэн схватил ее за руку.

— Так что мы будем делать, Элеонора?

Она раздраженно сжала губы.

— Какой выбор вы оставляете мне? Я поеду с вами, но я не могу исчезнуть, не сказав никому ни слова. Дайте мне час, а потом приходите за мной в монастырь. Я скажу, что вы мой брат и приехали, чтобы забрать меня домой в связи с крайней необходимостью.

Юэн кивнул. Они все равно не смогут уехать, пока не стемнеет.

— Я здесь, сестра! — крикнула она в ответ, выглянув из-за постройки.

— Джанет.

Она повернулась, ее большие зеленоватые глаза смотрели на него с ожиданием.

— Не вынуждайте меня прибегать к силе. — Юэн хотел просто предупредить ее, но его голос прозвучал как-то странно хрипло.

Их взгляды встретились на какое-то время, как будто Джанет ждала, что он скажет что-нибудь еще. Но он молчал.

В конце концов она попрощалась с ним коротким поклоном и ушла.

Глава 10

Джанет была в ярости. Уехать сейчас — это ошибка. Что, если ее отсутствие продлится слишком долго? Что если информатор придет на встречу с важным сообщением, а ее не окажется на месте?

Если бы Юэн послушался ее!.. Однако этот мужчина был глух к ее доводам. Она могла с таким же успехом пытаться уговорить каменного истукана. Любой бы вышел из себя.

Тем не менее Джанет думала о нем все эти месяцы. Должно быть, она лишилась разума.

Тем не менее Джанет думала о нем все эти месяцы. Должно быть, она лишилась разума.

В своих воспоминаниях — точнее, в своих фантазиях — Джанет представляла, каким безрассудным мог быть Юэн Ламонт. Но как могла она допустить мысль, что между ними возможны в будущем какие-то близкие отношения? Этот человек был совершенно непоколебимым, чрезвычайно упорным, суровым и несговорчивым. Какое значение имело то, что он способен своим поцелуем заставить ее позабыть обо всем на свете и был настолько красивым, что у нее подогнулись колени, когда она снова увидела его? Ей нет дела до того, кто совершенно невменяем и безразличен к ее пожеланиям.

Разговор с ним вызвал лишь чувство разочарования. И в то же время в душе ее что-то шевельнулось.

Сердце Джанет продолжало учащенно биться, когда она поднималась по холму к монастырю вместе с другими монашками.

Конечно, Ламонт появился здесь не потому, что испытывал к ней какие-то чувства. Как могла она быть такой глупой, обманывая себя нелепой надеждой? Единственной причиной, по которой Юэн прибыл сюда, был приказ короля вернуть ее. Он, скорее всего, уже забыл о том поцелуе. И, видимо, ему было безразлично то, что она обманула его. Джанет думала, что он придет в бешенство, узнав, что она солгала ему, представившись монашкой.

О Боже, с каких это пор она начала вести себя как томящаяся от любви юная девица? Этот человек не для нее. Для нее вообще нет подходящего человека. Джанет собиралась стать настоящей монашкой, не так ли? Конечно, собиралась. Как могла она позволить ему заставить ее хотя бы на минуту усомниться в своих планах?

— Что-то не так, Элеонора?

Джанет не сразу поняла, что к ней обращается Бет.

Она улыбнулась юной новообращенной, которая своими большими темными глазами напомнила ей сестру Маргариту.

— Нет, все в порядке. Почему ты спрашиваешь?

Девушка выглядела немного озадаченной.

— Вы бормотали что-то. — Она покраснела. — Мне показалось, что я слышала, как вы сказали: «упрямый олух».

Теперь Джанет ощутила прилив жара к щекам.

— Я думала о своем брате. Он скоро приедет забрать меня отсюда. Я получила печальные новости из дома и должна вернуться в Камберленд на несколько дней. Моя мать больна.

Бет выглядела такой расстроенной, что Джанет захотелось заключить ее в объятия, чтобы утешить. Ложь была необходимой спутницей ее работы, и Джанет преуспела в этом, однако с

недавних пор необходимость лгать тяготила ее.

— Какой ужас! — воскликнула девушка. — Могу я чем-то помочь?

Джанет хотела отрицательно покачать головой, затем подумала и сказала:

— Если кто-нибудь спросит обо мне в богадельне, надеюсь, ты скажешь, что я скоро вернусь?

Бет кивнула с серьезным видом.

— Больные будут скучать по вас. И я тоже буду скучать.

Джанет ощутила тяжесть в груди. Ей было жаль покидать юную новообращенную, как и сестру Маргариту. Правда, с сестрой Маргаритой пришлось расстаться, когда связь этой девушки с ней стала опасной. Джанет сожалела, что обратилась с просьбой к Бет, однако в случае длительной задержки информатор должен знать, что она обязательно вернется.

Настоятельница монастыря приняла ее историю о необходимости уехать без вопросов. Монах Том — ужасная весть о его гибели до сих пор угнетала Джанет — говорил ей, что настоятельница его друг. Что было известно ей, Джанет не знала, но подозревала, что пожилая монахиня догадывалась о многом.

Когда Юэн прибыл в назначенный час к воротам монастыря — слава Богу, в простой одежде сельского жителя, а не в ужасном плаще с капюшоном прокаженного, — она уже была готова к путешествию. Он проворчал что-то вместо приветствия, взял ее сумку и повел Джанет (точнее, сам он двинулся широким шагом, а она посеменила за ним) по тропинке туда, где оставил привязанных лошадей.

Джанет с удовлетворением отметила, что их ожидали две лошади. Меньше всего ей хотелось снова путешествовать с ним на одной.

Она старалась не вспоминать о его руках, обнимавших ее, о его твердой груди позади, о тепле и уюте, исходивших от его тела. Не хотелось вспоминать о тех нескольких днях, проведенных с ним, когда сердце ее трепетало.

Джанет заметила, что он украдкой окинул взглядом местность вокруг монастыря, прежде чем повернулся и помог ей сесть на лошадь. Но кроме нескольких монашек, работавших в саду, и молодого парня, удившего рыбу на реке, вокруг никого не было. Джанет знала, что он всегда был достаточно бдительным, но не замечала прежде такой необычной настороженности.

Несомненно, любой воин из армии Брюса держал ухо востро в пограничном районе, однако монастырь был расположен в тихой местности, по крайней мере в четверти мили от ближайшего жилья. У Ламонта не было причины тревожиться.

Она хотела сказать ему об этом, однако в тот момент, когда его руки обхватили ее талию, чтобы поднять на лошадь, она потеряла дар речи. Невозможно описать то чувство, которое охватило ее. Джанет остро ощутила прикосновение его пальцев к ее ребрам.

Боже милостивый, она забыла, каким сильным был Юэн. Он поднял ее как ребенка. Джанет ухватилась за его мускулистые предплечья и почувствовала, как по ее телу разливается жар, проникая в самые потаенные глубины.

О Боже, она вспомнила это ощущение. Джанет думала, что преувеличивает влияние этого

мужчины, но на самом деле оказалось, что нет. Достаточно было одного его прикосновения, чтобы она потеряла самообладание.

Однако, увидев каменное выражение его лица, Джанет почувствовала душевную боль. Очевидно, Ламонт не испытывал ничего подобного. Лицо его оставалось таким же мрачным, как и раньше, только губы были сжаты плотнее. Вокруг них пролегли тонкие белые полоски, и на скулах пульсировали жилки.

Он так резко усадил ее в седло, что Джанет невольно охнула и потерла бедро.

— Больно! — сказала она, но он не удосужился извиниться и посмотрел на нее так, словно она сама виновата. Джанет удивленно приподняла бровь. — Я вижу, вы усовершенствовали свои способности ухаживать за женщиной с тех пор, когда мы виделись последний раз.

В его глазах промелькнул такой яростный блеск, что Джанет невольно содрогнулась. Юэн коротко поклонился ей с притворным почтением.

— Простите, миледи. Я забыл, кому оказываю услуги.

Джанет закусила губу, сожалея, что своим сарказмом напомнила ему о своем обмане. По-видимому, на самом деле ее ложь задела его сильнее, чем казалось. Джанет ожидала, что сейчас он начнет кричать на нее, но он лишь резко отвернулся и сел на свою лошадь.

Джанет не очень разбиралась в лошадях, но даже она заметила, что эти лошади были предназначены для пахоты, а не для длительного путешествия. Они проехали несколько минут перед тем, как она спросила:

— Вы позаимствовали лошадей в том же месте, где добыли эту одежду?

Он резко взглянул на нее.

— Вы не оставили мне достаточно времени, чтобы подготовиться более основательно, миледи. Я решил, что одежда фермера лучше подойдет, чем плащ прокаженного или мои доспехи, чтобы забрать вас из монастыря.

Он все время добавлял — «миледи», и это раздражало Джанет.

— Перестаньте называть меня так.

Взгляд Ламонта на мгновение встретился с ее взглядом, и Джанет вздрогнула, увидев в его глазах гнев. Однако его голос был обманчиво ровным.

— Как вы предпочитаете, чтобы я называл вас? Сестра Дженна? Элеонора?

— Просто Джанет. Вы знаете, что это мое настоящее имя. Перестаньте притворяться, что забыли.

— О, я ничего не забыл.

Сделав это грозное предупреждение, от которого внутри у нее все сжалось, он отвернулся.

Они ехали молча некоторое время, и с каждой милей молчание становилось все напряженней. Почему он так поступает? Видимо, хочет помучить ее постоянной тревогой.

Юэн тоже испытывал напряжение, но по другой причине. Джанет заметила, что его настороженность возрастала по мере продвижения — на юг, как она внезапно поняла.

— Почему мы едем в этом направлении? Разве мы не должны удаляться от Англии?

Он оставил ее сарказм без внимания.

— Я должен убедиться, что никто не следует за нами.

— Зачем кому-то следовать за нами?

Джанет не удивилась тому, что он не ответил ей, потому что это случалось не один раз. Однако если он надеялся таким образом удержать ее от расспросов, то ничего не получится.

Казалось, он всячески старался запутать их следы. По крайней мере, она полагала, что он руководствовался именно этим, когда внезапно сходил с тропы на каменистую почву или петлял, перемещаясь то назад, то вперед по нескольку раз и меняя скорость и аллюр лошадей.

— Нас кто-то преследует? — спросила Джанет.

— Не думаю, но мы проедем еще несколько миль, прежде чем вернемся туда, где встретимся с остальными.

— С остальными?

— Не думаете же вы, что я приехал сюда один? Ваш бывший зять послал четверых самых лучших своих людей на поиски вас, включая вашего нового зятя.

— Мужа Мэри?

Она узнала от Ламбертона о бегстве Сазерленда из Англии и о том, что сестра благополучно вернулась в Шотландию. Единственным положительным моментом в том, что Юэн Ламонт принудил ее покинуть Роксборо, явилась возможность наконец увидеться с сестрой.

Однако вместе с волнением Джанет испытывала тревогу. Хотела ли Мэри также увидеться с ней? Джанет доставила своей сестре много страданий. Она провалила все дело, и это лишь ухудшило положение Мэри. Сестра лишь чудом избежала тюрьмы, а ее сына, Дейви, опять у нее забрали. Мэри была вправе винить ее.

Действительно ли она виновата?

Джанет считала, что да. Потому что из-за нее погиб старый слуга, который любил ее как отец, даже больше чем настоящий отец. Это он поднимал ее и утирал слезы, когда в детстве она обдирала колени. Это он научил ее езде на лошади и рассказывал ей всякие истории, держа у себя на руках. И что он получил взамен? Стрелу в спину.

Юэн, должно быть, наблюдал за выражением ее лица. Когда он заговорил, голос его прозвучал гораздо мягче, чем прежде.

— Да, Кеннета Сазерленда, наследника графа Сазерленда.

Джанет кивнула.

— Она… она счастлива?

Он тоже кивнул в ответ, и увидела, как на мгновение смягчился его взгляд.

— Да, она очень счастлива.

Она улыбнулась.

— Я рада. Мэри, как никто, заслуживает счастья.

У Юэна было такое лицо, как будто он хотел что-то сказать. Но когда он отвернулся, Джанет мысленно приказала себе не разочаровываться. Однако это не помогло.

Они проследовали по дороге на юг еще несколько миль, никого не встретив, прежде чем свернули с тропики вблизи небольшого озера, где остановились напоить лошадей. Отвыкнув от езды на лошади, Джанет была рада короткой передышке, чтобы размять ноги.

Она справила свои нужды и подошла к кромке воды. Это было небольшое озеро, не более мили в диаметре, но очень красивое, с деревьями по берегам, придававшими воде зеленоватые и коричневатые оттенки.

Начинало темнеть, и Джанет предположила, что, должно быть, прошло несколько часов после полудня. С приближением зимы дни становились короче. Скоро будет совсем темно, и придет время остановиться на ночлег.

Юэн подошел и встал рядом.

— Мы продолжим путь ночью, — сказал он, словно прочитав ее мысли.

— Это не опасно?

Его взгляд сделался жестким.

— Да, опасно. Но вас это не должно волновать.

Джанет была не в силах дальше это терпеть. Его не слишком утонченные колкости сводили ее с ума.

— Я знаю, что вы злитесь из-за того, что произошло ранее. Но почему бы вам не высказать все, что вы хотите, и покончить с этим?

Тогда, может быть, он перестанет вести себя как чужой человек. Как будто между ними ничего не было. И тогда, может быть, они могут… что?

Джанет не знала, что именно, но только так, как сейчас, продолжать общаться невозможно.

Однако гнев Юэна был сильнее, чем он ожидал. Каждый раз, когда он думал о том, что она делает — и что сделала, — его охватывало безумие.

— Злюсь? — повторил он. — Почему я должен злиться? Потому что вы позволили поцеловать вас, а потом заставили поверить, что я совершил страшный грех? Или потому что вы нарушили данное мне слово оставить дело, которым занимаетесь?

Джанет напряглась и поджала губы, как делала, когда испытывала что-то неприятное. Иными

словами, когда кто-то говорил ей то, чего она не хотела слышать.

— Я не обещала этого. Я говорила, что оставлю сражения воинам, — что и сделала.

Юэн с трудом сдерживался. Ни одна женщина не могла вывести его из себя так легко. Черт возьми, он даже не представлял, что у него такой вспыльчивый характер. Мышцы его рук напряглись и дрожали от усилия, которое он прикладывал, чтобы не схватить ее и не прижать к себе, заставив таким образом выслушать его.

— Не пытайтесь играть со мной, Джанет. Вы прекрасно знаете, что я имел в виду!

Несмотря на его резкое предупреждение, она небрежно пожала плечами и захлопала ресницами над своими большими, цвета морской волны, глазами, глядя на него с невинным видом.

— Разве я пытаюсь?

Юэн не сознавал, что двинулся на нее, пока она не вскрикнула и не сделала шаг назад, наткнувшись на дерево. Он навис над ней, охваченный опасными чувствами. Им овладели гнев, разочарование и какое-то непонятное, глубокое чувство. Что-то дикое, пробудившее первобытный инстинкт, унаследованный от предков. Это чувство породило желание прижать Джанет к дереву, сорвать с нее одежды и насиловать ее, пока она не поклянется, что никогда больше не будет подвергать себя опасности. Он почти чувствовал, как она дрожит, и ощущал мягкость ее грудей, прижатых к его груди. Чувствовал ее тепло и пробовал ее на вкус.

Боже, как он хотел ее. Сдержанность причиняла ему боль. Все тело его пылало и напряглось, охваченное желанием.

Как ей удалось довести его до такого состояния? Как смогла она обнажить его сущность до мельчайших подробностей? Он потерял контроль над собой, как…

«Как отец».

Внезапно Юэн похолодел.

Вместо того чтобы испугаться — как это сделала бы любая другая девушка, — эта выглядела еще более разгневанной. Распрямившись во весь свой рост, на добрый фут ниже, чем он, она встала вплотную к нему и начала тыкать своим тонким пальчиком ему в грудь, подчеркивая каждое слово.

— Вы не имеете права приказывать мне. То, что я делаю, вас не касается.

Повлияли ли на него ее слова или мысль об отце, Юэн не знал, однако его гнев угас так же быстро, как и вспыхнул. Юэн не имел ничего общего со своим отцом.

Его отец был безрассудным, распущенным, необузданным и безответственным человеком. Он не имел представления о долге и преданности.

Юэн знал точно, в чем состоит его долг и что его долг никак не связан с этой девушкой.

Он отступил назад.

— Вы правы.

Ему следовало поблагодарить ее за напоминание. Юэн не намерен был продолжать этот разговор, потому что тот не имел никакого значения. И она ничего для него не значила. Джанет Мара не для него.

И не важно, что никакая другая женщина не оказывала на него такого влияния, как эта. Не важно, что достаточно было одного взгляда на нее, чтобы все его существо воспылало таким страстным желанием, что у него перехватывало дыхание. Не важно, что она заставляла его злиться. Не важно, что она была первой женщиной, с которой он мог разговаривать, не опасаясь, что скажет что-нибудь не то.

И не важно, черт возьми, что она ему нравилась. Ну и что? Брак основан не на симпатиях или антипатиях. Он основан на долге, и люди ежедневно исполняют свой долг, пренебрегая личными желаниями.

Цивилизованные мужчины — ответственные мужчины — берут в жены женщину не потому, что просто хотят ее. Его отец женился под действием исключительно плотского желания, но Юэн не такой. Он не руководствуется страстью в отношении чего-либо и тем более в отношении женщины.

За исключением Джанет.

Он выругался. Это всего на несколько дней. Несколько дней Юэн может перетерпеть, включая возбуждение, доходящее до боли.

Его физический дискомфорт, возможно, стоило потерпеть ради того, чтобы наблюдать выражение ее лица. Его внезапное отступление явно встревожило Джанет.

Она заморгала, глядя на него.

— Я права?

Юэн кивнул.

— Да. Это действительно меня не касается. Однако вам следует помнить, что произошло с вашей сестрой на мосту, и быть более осторожной. — Она вздрогнула, и Юэн почувствовал, что его укол подействовал сильнее, чем он ожидал. Но, возможно, хоть это заставит ее задуматься. — А сейчас, если вы готовы, мы продолжим наше путешествие. — С этими словами он повернулся и отошел, прежде чем боль, отразившаяся в ее глазах, не заставила его сделать какую-нибудь глупость.

Ошеломленная напоминанием о сестре, Джанет наблюдала, как он уходит. Что произошло? Минуту назад он смотрел на нее с таким видом, словно не знал, то ли задушить ее, то ли поцеловать (она надеялась на последнее), а в следующий момент ушел, как если бы она нисколько не интересовала его.

Может быть, так оно и есть.

Осознание этого уязвило самолюбие Джанет. Почему он ведет себя так холодно и безразлично? Ведь казалось, его влекло к ней, когда он думал, что она монашка!

Что-то изменилось в их отношениях, и дело не в монашеской одежде. Она думала…

Topreading.ru

Что? Что Ламонт испытывает нежные чувства к ней? Что между ними установилась какая-то особая связь? Неужели из-за собственных чувств она увидела в нем то, чего не было на самом деле?

Джанет редко испытывала неуверенность в себе, но в присутствии Юэна Ламонта это происходило довольно часто. Как такой грубый, неотесанный солдат с ограниченными навыками общения (точнее сказать — «с ограниченным запасом слов, но не чувств») и с отвратительными манерами мог привести ее в такое неуравновешенное состояние? Она имела дело со множеством мужчин, хотя, надо признаться, не многие из них были такими крепкими, как каменная стена, и красивыми настолько, что у нее слабели колени.

Она не знала, чего хотела от него. Ясно, что он ей не пара. Он был слишком самоуверенным, слишком суровым и слишком похожим на ее братьев и отца в своем стремлении покровительствовать ей и ограничивать ее жизнь запретами. Однако Джанет не могла отрицать, что при виде его ее сердце начинало трепетать, словно она была тринадцатилетней девчонкой, которая впервые встретилась со своим прекрасным рыцарем. Она чувствовала себя глупой, краснела и испытывала головокружение в одно и то же время.

О Боже, она не могла даже дышать ровно! Стоило ему подойти к ней поближе, как сердце ее начинало неистово биться и дыхание становилось коротким и частым.

И Боже упаси от его прикосновений! Когда он касался ее, она таяла, превращаясь в безвольное существо, не способное здраво мыслить.

Джанет достаточно много лет, чтобы не вести себя подобным образом. Такого рода чувства присущи провинциальным, жаждущим любви, юным девицам, а не двадцатисемилетней женщине, которая к тому же представлялась монашкой.

Она действительно намеревалась стать таковой. Юэн заставил ее вспомнить, что она женщина. Женщина, которая уже не будет юной, но которая знала точно, что собирается делать, пока не появился он, смутив ее своей деловой, не допускающей возражений манерой поведения, своим суровым, красивым лицом, широкой грудью и внушительной мускулатурой. Но больше всего — проявлением неистовой страсти, которая показала, как далеко от монашества Джанет была на самом деле.

Вместо того чтобы вспоминать каждую подробность их поцелуя, которого нельзя было допускать, ей следовало сосредоточиться на своем деле. И вместо волнительного предвкушения провести с ним несколько дней во время путешествия на север ей следовало злиться на него за то, что он заставил ее покинуть пограничный район и снова вмешался в работу, которую она выполняла.

Должно быть, зима принесет временное затишье в сражениях, но война не кончилась. И у Джанет еще остались дела. Она должна вернуться в монастырь Святого Дростана. Джанет была уверена, что снова отправится в Роксборо, как только объяснит все Роберту и тот поймет, что нет никакой угрозы ее безопасности. Король нуждался в ней. В отличие от Юэна Роберт поймет необходимость ее присутствия в Роксборо.

Ей не нравилась необходимость покинуть монастырь. Джанет могла бы отказаться уезжать, если бы не была уверена, что этот упрямый грубиян перекинет ее через плечо, как варвар-викинг, и утащит туда, куда собирается.

Должно быть, зима принесет временное затишье в сражениях, но война не кончилась. И у Джанет еще остались дела. Она должна вернуться в монастырь Святого Дростана. Джанет

была уверена, что снова отправится в Роксборо, как только объяснит все Роберту и тот поймет, что нет никакой угрозы ее безопасности. Король нуждался в ней. В отличие от Юэна Роберт поймет необходимость ее присутствия в Роксборо.

Ей не нравилась необходимость покинуть монастырь. Джанет могла бы отказаться уезжать, если бы не была уверена, что этот упрямый грубиян перекинет ее через плечо, как варвар-викинг, и утащит туда, куда собирается.

Когда дело касается выполнения солдатского долга, Джанет была уверена, его ничто не остановит. Да, Юэн был настоящим солдатом. Он ни на что не жаловался, делал свою работу, следовал приказам и не задавал лишних вопросов. А также не допускал их, сердито подумала Джанет. Спорить с ним — все равно, что спорить с каменной стеной.

Однако она не понимала, почему это ее беспокоит. Ей хотелось думать, что это из-за его вмешательства в ее дело. Но Джанет знала, что не по этой причине ее сердце сжалось, когда Юэн покинул ее с таким видом, словно она ничего для него не значила. Казалось, между ними произошел разрыв.

Черт бы его побрал за то, что он напомнил ей о сестре! Он ничего не понял.

Джанет не знала, кем недовольна в большей степени — им или собой. Наверное, им, решила она, наблюдая, как он удаляется. И он ни разу не обернулся, чтобы посмотреть, следует ли она за ним.

Джанет сузила глаза и нахмурилась, когда заметила что-то неладное и двинулась туда, где Ламонт стоял с лошадьми.

— Что с вашей ногой?

Его плечи едва заметно напряглись, но это не ускользнуло от ее взгляда.

— Ничего.

Он без предупреждения обхватил Джанет, резко поднял ее и посадил на лошадь. Это произошло так стремительно, что она невольно заморгала, не понимая, как могла позволить так обойтись с собой.

Джанет стиснула зубы, внутренне протестуя против такого бесцеремонного обращения. Ей надоело постоянно сталкиваться с каменной стеной. Она намеревалась так или иначе заставить его изменить свое поведение.

— Вы опирались на левую ногу, взбираясь на камни. — Джанет заметила это, когда они двигались по валунам, окружавшим озеро. В отличие от обычной походки, он медлил между каждым шагом, чтобы подтянуть правую ногу.

И она вспомнила, что он садился на лошадь с другой стороны, а не как обычно, вставляя в стремя сначала левую ногу. Его движения были плавными, и ничто не указывало на то, что он испытывает боль, но Джанет подозревала, что ему приходится терпеть.

Юэн повернулся к ней лицом.

— Я же сказал, все в порядке.

Ее раздражение сменилось на какое-то иное чувство, когда она догадалась, в чем дело. Ее глаза расширились от страха.

— Вы ранены!

Он двинул свою лошадь вперед, словно почувствовав, что она готова протянуть к нему руку.

— Я получил стрелу в ногу несколько недель назад.

Джанет почувствовала, что краска сошла с ее лица в одно мгновение.

— Вы были ранены в сражении?

В течение последних месяцев она часто думала о нем, но не могла представить, что он лежит, испытывая мучительную боль. В ее воображении он представлялся ей таким большим, сильным и нерушимым, что она никогда не думала…

О Боже, что, если?..

Видя встревоженное выражение ее лица, он смягчился.

— Уверяю вас, это незначительное ранение.

Но Джанет не поверила ему. Стрела могла нанести более существенный урон, если бы проникла глубоко. И если человек, который извлек ее, не обладал нужным умением. Если рана не была обработана соответствующим образом. Если она начнет гноиться. Если у него поднимется жар…

Джанет посмотрела на его ногу. Ей показалось или действительно сбоку на его бедре, на коже одежды образовалось большое темное пятно?

Внутри у нее все сжалось.

— Рана до сих пор кровоточит?

— Нет.

Он солгал.

Прежде чем Джанет продолжила расспросы, Ламонт тронул поводья и направил свою лошадь вперед.

Забыв о своих страхах и снова разозлившись, она двинулась рядом с ним.

— Кто-то должен осмотреть вашу рану.

Он не удосужился повернуться и посмотреть на нее и только плотно сжал челюсти.

— Есть такой человек. Я обращусь к ней еще раз, когда мы вернемся.

«К ней?»

— Я могу осмотреть рану, если хотите. — В течение последних нескольких лет, представляясь монашкой, Джанет приобрела некоторый опыт ухода за больными.

Topreading.ru

Ламонт взглянул на нее.

— В этом нет необходимости.

— Но я ухаживала за больными…

— Хелен — не нянька. Она одна из лучших целительниц, каких я когда-либо встречал. Она могла бы стать лекарем, если бы захотела.

Если бы так случилось, то это было бы исключительным достижением. Джанет никогда не слышала о существовании женщин-лекарей. Она ощутила острую боль в груди. Нельзя было не заметить восхищения в голосе Юэна, когда тот говорил о способностях этой женщины. Джанет думала, что он, как ее отец и братья, не одобрял стремление женщины занять какое-то иное положение в обществе, кроме как быть женой и матерью, но, видимо, она ошибалась. Видимо, он не одобрял только ее стремления. И о ее достоинствах он никогда не упоминал.

В его голосе прозвучали какие-то особые оттенки, когда он произнес имя той женщины. Что это значит? Близость? Любовь?

— Должно быть, она довольно старая, если достигла такого совершенства.

Ламонт как-то странно посмотрел на нее.

— Хелен не старая. Она моложе вас.

Такой укол был больше похож на удар ножом. Как могла Джанет ранее восхищаться его грубоватой и откровенной манерой говорить? Неужели он считал ее старой? Конечно, она уже не девочка, но ей нравилось ее лицо зрелой женщины. Может быть, он заметил в нем то, чего не замечала она?

— Как вы смеете говорить о недостатках других людей?

Он посмотрел на нее, как на полоумную, что было недалеко от истины.

— У вас нет никаких изъянов.

— Речь не обо мне, — сказала она, чувствуя, что растущее внутри разочарование угрожает проявиться потоком слез. — Я говорю о целительнице. Целительницы всегда бывают старыми и морщинистыми, со сморщенными лицами.

Юэн запрокинул голову и расхохотался. Это было такое редкое и удивительное зрелище, что у Джанет перехватило дыхание. Ее грудь сжалась.

«О Боже».

Сейчас он выглядел совсем другим. Таким радостным и беззаботным. От его суровости и несгибаемости не осталось и следа. Он выглядел как мужчина, который способен похитить ее сердце без особого труда.

Затем Ламонт заговорил и разрушил это впечатление.

Затем Ламонт заговорил и разрушил это впечатление.

— Хелен — одна из самых красивых женщин, каких я когда-либо видел. Я обязательно скажу ей

об этом.

Он опять засмеялся, и Джанет захотелось вжаться в седло и вообще исчезнуть.

Она чувствовала себя глупой, и хуже того, — ревнивой и глупой. Хорошо еще, что он не догадывался об истинной причине ее глупых вопросов.

Джанет погрузилась в молчание, пытаясь разобраться в своих чувствах.

Юэн не только уважал Хелен за ее способности, но считал также красивой. И в этот момент, когда сердце ее болезненно сжалось и слезы жгли глаза, Джанет поняла, что ей хотелось, чтобы Юэн испытывал к ней такие же чувства. По какой-то причине для нее было важно, чтобы он так же уважал ее.

Он не мог быть таким равнодушным по отношению к ней. Этот мужчина заставлял ее думать о нем месяцами! И он, несомненно, думал о ней. Она докажет это. Но как?

У Джанет было достаточно времени, чтобы подумать об этом, пока они двигались на север по дороге, не меняя направление, через холмы и леса. Смеркалось, когда они, наконец, остановились среди густых деревьев вблизи, как она полагала, реки Твид, через которую они пытались перебраться прежде на своем пути в Берик. Она окинула взглядом окружающую обстановку в поисках моста или брода, но ничего такого не увидела.

Юэн спешился и подошел к ней.

— Мы отдохнем здесь, пока не стемнеет.

— Я думала, мы продолжим движение, чтобы встретиться с остальными людьми?

Ламонт слегка скривил губы.

— Мы уже прибыли на место. Они здесь.

Он свистнул, и спустя мгновение из тени, подобно привидениям, возникли три фигуры, огромные, грозные, одетые с головы до ног во все черное. Они скрывались всего в нескольких шагах от нее, но Джанет не заметила их. Казалось, они сливались с темнотой.

Джанет отступила на шаг назад, невольно ища защиты у Юэна. Он обнял ее за талию. Она прислонилась к нему, ощутив уютное тепло его сильного тела.

Страх исчез, и Джанет расслабилась.

Затем она улыбнулась, узнав Маклина. Она была рада вновь видеть воина, который когда-то отправился сопровождать Маргариту в монастырь Мелроз. Но не только это было причиной ее радости. Она была счастлива, оттого что ощутила прижимающуюся к ней сзади твердость.

Что бы там ни было, но Юэн Ламонт явно не равнодушен к ней. И он только что подтвердил это.

Глава 11

Юэн годами тренировался и научился управлять своими инстинктами, но в данном случае они

подвели его. Он невольно протянул руку к Джанет, когда понял, что она испугалась. Однако прижимавшаяся к нему спина, каждый изгиб которой он хорошо помнил, пробудила в нем другие инстинкты, весьма примитивные и мощные.

Он думал, что укротил зверя, сидевшего внутри, но тот снова заявил о себе. Кровь бурлила в его жилах, распространяя жар по всему телу и сосредоточиваясь в особенно чувствительном месте. Черт побери, все его существо содрогалось, как от удара боевого молота.

Юэн полагал, что она почувствовала это, потому что шерстяная одежда фермера не могла скрыть реакцию его тела, как и его кожаные доспехи.

Юэн заставил себя убрать руку с ее талии и отошел в сторону, после чего обрушил свое недовольство на своих друзей.

— Проклятие, снимите же, наконец, свои шлемы! Вы пугаете ее.

Маклин первым исполнил приказание и вышел из тени на тусклый свет. Он коротко поклонился.

— Миледи.

Джанет быстро пришла в себя. Манеры, грация и элегантность, подобающие дочери графа, моментально вернулись к ней, и Юэн удивился, как мог он сразу не распознать все это.

— Просто Джанет, — поправила она Маклина. — Боюсь, мы не были прежде представлены друг другу надлежащим образом.

Маклин улыбнулся, что было редкостью для его мрачной внешности.

— При сложившихся обстоятельствах это вполне понятно, леди Джанет.

От Юэна не ускользнула признательная улыбка Джанет, которой она одарила Маклина за понимание ее обмана.

Затем представились остальные. Сначала ей представили Маккея, затем Сазерленда, и Юэн чувствовал, как в нем нарастает раздражение с каждым вежливым словом. Безжалостные, более похожие на бандитов, чем на рыцарей, воины, вместе с которыми он сражался в течение многих месяцев, выражались как придворные льстецы из небылиц, которые распространяли барды.

«Надо обладать умением соблюдать правила вежливости», — вспомнил он упрек Джанет. Какая польза для шотландского воина от соблюдения этих правил?

Никакой. Однако Юэн никогда так остро не чувствовал отсутствия у него этого умения.

Сазерленд смотрел на Джанет так, словно не верил своим глазам. По какой-то причине у Юэна возникло желание врезать ему кулаком по зубам. Сестры отличались друг от друга. Неужели он не видит этого?

Джанет, казалось, забавлялась реакцией своего зятя. Или, может быть, пользовалась этим обстоятельством.

— Неужели мы так похожи?

— Прошу прощения, — сказал Сазерленд с улыбкой. — Вы действительно похожи. Просто поразительное сходство.

Он бросил на Юэна взгляд, словно предупреждая его.

— Они близнецы, — напомнил ему Юэн. Чего он ожидал, черт возьми?

— На самом деле мы были не очень похожи, когда я видела сестру последний раз, — сказала Джанет. Лицо ее помрачнело, видимо, оттого что воспоминание причинило ей боль.

Сазерленд покачал головой.

— Но сейчас сходство неоспоримо.

Казалось, этот гвардеец не перестанет любоваться Джанет, и это начинало выводить Юэна из себя.

— Они не слишком похожи. При свете ты увидишь, что у Джанет глаза зеленее. Ее волосы короче и темнее. К тому же у Джанет есть родинка над верхней губой, а у Мэри нет. Лицо у Мэри круглее, и она не такая стройная.

Юэн понял, что наговорил лишнего, когда лица всех четверых повернулись к нему. Лицо Джанет выглядело мрачным, а лица троих его друзей выражали разную степень удивления и озадаченности. Он никогда не проявлял малодушия, но в данный момент внезапно испытал желание забраться под какой-нибудь камень и спрятаться.

Сазерленд удивленно приподнял бровь.

— Ты так считаешь? — медленно произнес он.

Юэн знал, о чем подумал Сазерленд, но тот ошибался.

— Это моя работа — замечать различные детали, — напомнил Юэн друзьям.

Никто из мужчин не поверил ему, и только Джанет, казалось, не поняла, что все это значило. Она смотрела на него, качая головой.

— Вам лучше сделать так, чтобы моя сестра никогда не услышала ничего подобного. Я не думаю, что она оценит ваш комплимент относительно «круглого лица».

Юэн нахмурился, сбитый с толку. Что плохого в слове «круглый»?

Сазерленд пояснил:

— Женщины, недавно родившие ребенка, весьма чувствительны к оценке их веса.

— Она давно родила ребенка. Уильяму уже почти семь месяцев.

Раздался всеобщий вздох, и все четверо посмотрели на него с сожалением, по-видимому, потеряв надежду втолковать ему что-то.

— Давайте переодеваться, — сказал Маккей. — Как только стемнеет, я хочу как можно дальше убраться отсюда. — Огромный шотландец окинул взглядом деревья с такой же настороженностью, какую проявлял Юэн. — Мне что-то не нравится здесь.

То же самое испытывал Юэн. Возможно, это было связано с присутствием Джанет, которая заставляла его нервничать. Или причина была в другом.

Он кивнул и повернулся к ней.

— Вам тоже надо переодеться. Это белое головное покрывало словно сигнальный огонь в темноте.

— Действительно, — вмешался Сазерленд. — Ваша сестра позаботилась о вас и решила, что вам будет гораздо удобней в этой неприметной одежде. — Он достал сверток. — По крайней мере, пока мы не достигнем Шотландии.

Джанет улыбнулась и взяла сверток.

— Это очень любезно с ее стороны, впрочем, я не удивлена. Мэри всегда была очень предусмотрительной.

Сазерленд посмотрел на нее извиняющимся взглядом, который Юэн не сразу понял.

— Эта одежда принадлежит моему сквайру.

«Какого черта?» — подумал Юэн.

Джанет выглядела ошеломленной, как и он, оттого что ей предстояло одеться в мужское.

— Это предложил Макруайри, — сообщил Сазерленд, прежде чем Юэн смог возразить. — Он сказал, что такое переодевание помогло, когда он вывозил свою жену из Англии.

Лахлан Макруайри дважды провез Беллу Макдуф через английские рубежи.

— Это один из родственников Кристины? — спросила Джанет.

— Ее брат, — ответил Юэн.

Судя по тому, как расширились ее глаза, Юэн понял, что она встречалась со Змеем прежде.

— Это лишь временная необходимость, — сказал Сазерленд. — Мэри понимала, что вам едва ли понравится предстать перед королем в мужской одежде.

Джанет засмеялась.

— Моя сестра хорошо меня знает.

Юэн подозревал, что он единственный заметил волнение, смешанное с тоской, отразившееся на ее лице. Почему ее так тревожит встреча с сестрой? Он полагал, что они очень близки, поскольку Джанет рисковала жизнью ради Мэри. Но затем он вспомнил ее реакцию на его упрек. Может быть, она испытывала чувство вины? Возможно, это так беспокоило Джанет?

— Где я могу переодеться? — спросила она.

— Среди деревьев у реки есть старая хижина рыбака, — сказал Маклин, указывая направление. — Я провожу вас.

Черта с два! Юэн мог доверить напарнику свою жизнь, однако опасался, что тот не сможет

Topreading.ru

проявить выдержку, какую проявлял он в подобной ситуации.

— Я сам провожу, — сказал он тоном, не терпящим возражений. — К тому же мне тоже нужно надеть свои доспехи.

Юэн спрятал ранее свои вещи в широкой расселине между двумя скалами. Это место не могло служить укрытием, но отлично подошло для хранения оружия и доспехов, когда он отправился, чтобы забрать Джанет.

Он двинулся прочь, прежде чем кто-нибудь смог возразить, и с облегчением услышал позади себя ее шаги. Несмотря на чертовскую боль, Юэн старался идти ровно и опирался всем своим весом на правую ногу. Он и не замечал, что хромает на левую ногу, пока Джанет не указала ему на это.

Ощущение теплой крови на правом бедре говорило о том, что рана вновь открылась. Но Хелен позаботится о ней, когда они вернутся. Меньше всего ему хотелось, чтобы Джанет хлопотала над ним и, Боже упаси, прикасалась к нему.

Он улыбнулся, вспомнив о странном разговоре с Джанет о жене Маккея. Старая и с изъянами на лице? Почему она так о ней говорила?

Юэн остановился у старой хижины рыбака. Это было простое сооружение из плоских камней, даже не скрепленных известковым раствором. Оно покосилось на один бок, но тем не менее выглядело вполне прочным. Покрытая дерном крыша почти полностью разрушилась. Эта постройка не могла защитить Джанет от непогоды, но здесь она могла уединиться, чтобы переодеться.

— Хотите, я зажгу факел?

Она взглянула на небо и покачала головой.

— Мне хватит света, чтобы переодеться. Я постараюсь сделать это быстро. — Она вздрогнула. — Здесь слишком холодно, чтобы задерживаться. Такое ощущение, что скоро пойдет снег.

Юэн подозревал, что она права: следующие несколько дней будут очень тяжелыми. Но, по крайней мере, холод поможет ему контролировать себя.

Юэн коротко поклонился и двинулся прочь, когда Джанет остановила его.

— Подождите!

Он медленно, неохотно повернулся.

Она смущенно закусила губу. Даже при тусклом свете было заметно, как покраснели ее щеки.

— Я… — заикаясь, произнесла она. — Я не смогу сама расстегнуть платье.

Юэн замер, и все мышцы его тела напряглись. Он много раз мысленно представлял, как раздевает ее. Как ее платье медленно соскальзывает с плеч, обнажая дюйм за дюймом белую бархатистую кожу, открывая его взгляду ее высокие шелковистые груди, стройную спину и гладкие округлые ягодицы.

Он сжал кулаки. Господи, его невероятные фантазии становятся явью!

Вопреки своим мечтаниям Юэн не мог этого допустить.

— Я вам не служанка, черт побери.

Джанет удивленно приподняла тонкую бровь.

— Если вы полагаете, что не справитесь, я попрошу кого-нибудь другого. — Она закусила губу, по-видимому, размышляя. — Но как же выбрать, кто из этих мужчин самый искушенный по части расстегивания дамских платьев? — Она бесстыдно улыбнулась. — Они все довольно хороши собой, вы не находите?

Юэн так не считал. На его скуле дрожал мускул. Кровь клокотала в жилах. Если кто и должен прикоснуться к ней, так только он. Все трое его соратников были женаты — двое из них вполне счастливо. Но будь он проклят, если подвергнет их такому искушению. У этой девушки такое тело, что любой мужчина не мог устоять. По сути, он оказывает друзьям услугу, оберегая их от искушения и, таким образом, являя собой образец самоотверженности.

Он был зол на Джанет, но старался всеми силами сдержать свой гнев.

— Хорошо, я помогу.

Джанет взглянула на него с невинным выражением лица.

— Вы уверены, что справитесь?

Юэн сузил глаза. Даже сквозь пелену гнева он распознал, что девушка смеется над ним. Он встретился с ее вызывающим взглядом.

— Если помните, я говорил, что делал это прежде сотни раз.

Судя по тому, как она скривила губы, он попал в точку. Теперь злился не только он.

— Да, я помню.

Джанет не стала дожидаться, когда он откроет ей дверь. Она сама сделала это и вошла внутрь. Он последовал за ней.

В холодном воздухе ощущался запах плесени. Хижина представляла собой каркас с несколькими предметами внутри. Юэн увидел стол со сломанной ножкой, смахнул с него грязь и пыль и поправил опору, чтобы Джанет могла положить сверток с одеждой.

Несмотря на сырость и мрачность, Юэн сознавал, насколько интимной была обстановка. Они были одни в полумраке маленькой комнаты. Он даже слышал тихое дыхание Джанет и чувствовал слабый запах колокольчиков.

Надо как можно скорее выбираться отсюда.

— Что я должен делать? — резко спросил он.

Она не обратила внимания на его явное раздражение.

— Я полагала, вы с вашим опытом прекрасно знаете, что надо делать.

Девушка явно провоцировала его, но зачем? Юэн ничего не ответил, лишь бросил на нее

предупреждающий взгляд.

Словно не замечая его, Джанет начала вынимать заколки из своего головного убора. Сердце Юэна взволнованно забилось от предвкушения и страха в ожидании решающего момента. Он едва дышал, когда она сняла с волос последнюю заколку и, тряхнув головой, облегченно вздохнула, отчего по телу Юэна растекся жар, сосредоточившийся в паху.

— Боже, как хорошо! — воскликнула Джанет с глубоким вздохом.

Это было похоже на адские муки. Все тело Юэна дрожало, когда он старался подавить желание запустить пальцы в роскошную гриву золотистых волос, которые ниспадали на ее спину шелковистым покрывалом. Запах колокольчиков усилился, и Юэну захотелось склонить голову и зарыться лицом в эту манящую теплоту.

Он не сознавал, что у него вырвался стон, пока она не повернулась к нему.

— Что-то не так?

Мог ли он отвечать за себя, желая ее так сильно?

— Вам нельзя оставлять волосы в таком виде.

— Почему?

— У них неподходящий цвет.

Глаза ее расширились, и он понял, что задел ее.

— Что плохого в светлых волосах?

Они были не просто светлыми, а светло-русыми, с серебристыми и золотистыми прядями. Такой великолепный венец был достоин королевы.

Однако ей он едва ли скажет это.

— Они будут светиться в лунном свете так же, как ваш белый головной убор.

Лицо ее просветлело.

— Кажется, в свертке есть шапочка. Я могу спрятать волосы под нее.

Затем Джанет сняла свою накидку. Юэн стоял неподвижно, глядя в стену и твердя себе, что нельзя поддаваться искушению. Это не работало. Она скинула черную шерстяную накидку на пол к своим ногам, и Юэн вздрогнул.

То, что здесь происходило, было так похоже на его фантазии. Может быть, она решила помучить его? Представляла ли она, что делает с ним?

Несмотря на простодушное выражение ее лица, он подозревал, что она отдавала себе отчет в своих поступках. Какую игру она затеяла, черт побери?

Теперь пришла очередь наплечников. Они крепились на поясе веревками, и Джанет, развязав их, сняла через голову жесткий белый материал из натуральной шерсти.

Topreading.ru

Наконец, когда каждый мускул тела Юэна был напряжен до предела в попытке сдержать желание прикоснуться к ней рукой, она повернулась к нему спиной.

Затем, взглянув на него через плечо с более обольстительным видом, чем следовало бы невинной девушке, Джанет сказала:

— Если вы развяжете верхние шнурки, остальные я смогу развязать сама.

Юэн не знал, сможет ли спокойно это сделать. Он отчаянно желал ее и не был уверен, что остановится на верхних шнурках.

Во рту у него пересохло. Он стиснул челюсти. Долг, верность, дисциплина. «Решение за тобой». Его клан зависел от него.

Юэн попытался представить лицо Уолтера Стюарта, но видел только лицо Джанет: ее большие зеленовато-голубые глаза, тонкий нос и подбородок, изящные черты, теплые чувственные губы…

Он поднес дрожащие руки к ее спине. Ведь он элитный воин, черт возьми. Он в состоянии справиться. Он справлялся с более трудными и опасными задачами. «Надо только сосредоточиться. Сконцентрировать свое внимание на этих шнурках».

Юэн делал это раньше. Может быть, не сотни раз, как заявлял, но достаточно часто, и никогда прежде это не было так трудно. Казалось, пальцы его не слушались. Даже на заснеженных вершинах гор во время тренировок они не казались ему такими неуклюжими.

Он посмотрел на шнурки и опустил руки. Ее волосы закрывали место, где начинались завязки. Надо было откинуть волосы в сторону…

«Но это невозможно».

— Ваши волосы мне мешают, — с трудом произнес Юэн.

— О, извините. — Джанет склонила голову набок и, сдвинув густую массу в сторону, обнажила верх платья и молочно-белую шею. Несомненно, это было своеобразное приглашение. Как легко было бы наклониться и прижаться губами к нежной теплой коже…

«Возьми себя в руки, черт возьми!»

Юэн потянул один конец завязки наверху и распустил узел. Затем начал методично действовать таким же образом, спускаясь ниже по спине и стараясь не думать о том, что делает. Однако никогда в жизни он не сознавал так остро то, что делал сейчас.

Это какая-то нелепость. В развязывании шнурков на платье не было ничего особенно возбуждающего. Шелковая рубашка под облегающим платьем из натуральной шерсти скрывала обнаженную кожу, однако сейчас развязывание шнурков возбуждало его сильнее, чем когда-либо вид обнаженной женщины. Он твердил себе, что не думает о ее наготе.

«Это ложь».

Он отступил назад, чтобы избавиться от наваждения. Но мог ли он забыть ее великолепные груди? Ее стройную спину и плоский живот? Ее восхитительные бедра?

— Думаю, все, — глухо произнес Юэн, испытывая страстное вожделение.

— Благодарю. — Она улыбнулась. — Ни одна монашка в монастыре не справилась бы лучше.

По какой-то причине ему не понравилось сравнение с монашкой. Его взгляд встретился с ее взглядом.

— Все дело в опыте, помните?

Джанет хорошо помнила. И от этого его решительное сопротивление еще больше расстраивало ее. Она знала, что он испытывал те же чувства, что и она: возбуждение, тревогу и предвкушение. Меж ними чувствовалось взаимопонимание.

Она была не одинока в своем желании. Джанет знала это.

Джанет никогда не пыталась соблазнить мужчину, но что-то в Юэне заставило ее попробовать. Может быть, потому что ей в течение трех лет приходилось скрывать свою женственность. Отчасти ей хотелось проверить, была ли она все еще желанной. Она думала, что ее маленькая просьба помочь ей справиться с платьем пошатнет его сопротивление и докажет, что она ему не безразлична. Возможно, это был ее единственный шанс испытать страсть. Судьба снова свела его с ней, но Ламонт, казалось, решил забыть все, что было между ними.

Но почему? Его злило то, что она делала? Джанет решила спросить его напрямую.

Но почему? Его злило то, что она делала? Джанет решила спросить его напрямую.

— Почему вы так себя ведете?

— Как?

— Как будто между нами ничего не было.

— Может быть, потому, что связь с вами обрекает меня на вечные муки в адском огне?

Джанет закусила губу, почувствовав укол совести.

— Я сожалею, что лгала вам. Возможно, мне следовало рассказать вам, что на самом деле я не монашка, но страх меня остановил.

Ламонт был явно озадачен.

— Чего же вы боялись?

Она приподняла подбородок и решительно посмотрела ему в глаза.

— Я боялась, что если бы не монашеская одежда, защищавшая меня от вас…

Джанет не знала, как сказать ему, что опасалась отдать ему свою невинность.

— Я никогда бы не зашел так далеко.

У нее не было опыта в таких делах, тем не менее она засомневалась.

— Вы в этом уверены?

Topreading.ru

Он пристально посмотрел на нее, крепко сжав челюсти.

У нее защемило сердце. В полутьме черты его лица казались более резкими. Он выглядел жестким, грубым и недоступным и в то же время невероятно красивым.

Ламонт не стал спорить с ней, и она восприняла это как согласие.

Джанет сделала шаг к нему. Он напрягся, однако она не остановилась и положила руку ему на грудь. Их взгляды встретились.

— Вы простили меня?

Она чувствовала, как неистово бьется его сердце под ее ладонью. Казалось, она держала руку на крышке котла, в котором бурлила кипящая вода.

Джанет видела в его напряженном взгляде, что он желал ее. Она чувствовала, как напряглись его мышцы. Он хотел ее, но что-то его останавливало. В нем происходила внутренняя борьба.

И проиграла в этой борьбе она.

Ламонт взял за запястье ее руку и убрал со своей груди.

— Мне нечего прощать. Вы были правы. Монашеская одежда предохранила нас от совершения непоправимой ошибки. Это было бы катастрофой, Джанет. Я сожалею, если мой поцелуй смутил вашу душу, но он ничего не значил. Будет лучше, если вы забудете то, что было между нами. — Он посмотрел ей прямо в глаза. — Я уже забыл.

Она судорожно вздохнула, словно от удара в грудь, пораженная тем, как больно ей было слышать его откровенные слова. Прежде чем она пришла в себя и могла что-то ответить, он повернулся и ушел.

К тому времени, когда Джанет закончила переодеваться в одежду сквайра, она так разгорячилась, что даже не замечала холода.

Ошибка? Она захлопнула за собой дверь хижины. Вот, значит, как назвал он все то, что было между ними!

Джанет двинулась туда, где ожидали ее мужчины. Уже окончательно стемнело, но лунного света было достаточно, чтобы определить направление среди деревьев.

Он сказал, что уже все забыл? Хорошо, посмотрим, так ли это. Он увез ее из Роксборо, и теперь у нее есть два или три дня, чтобы доказать обратное.

Как это сделать, она пока не знала, но была уверена, что что-нибудь придумает.

Джанет казалось, что она быстро переоделась, однако четверо мужчин уже ждали ее, когда она выбралась из зарослей деревьев на небольшую поляну, где они собрались. Мужчины вывели из укрытия лошадей, среди которых была пара прекрасных крепких жеребцов на смену двум клячам Джанет и Юэна.

Хотя все четверо мужчин были одеты удивительно похожим и устрашающим образом — Юэн поменял фермерское облачение на черные кожаные доспехи и шлем — и выглядели необычно

высокими и крупными, она сразу узнала его среди остальных.

Когда она приблизилась, никто ничего не сказал. Все они, казалось, стояли спокойно, глядя на нее. Ее рука невольно потянулась к шерстяной шапочке. Хотя она заплела волосы в косы, прежде чем спрятать их внутрь, несколько непокорных локонов выбились на виски.

Но, видимо, внимание мужчин привлекли не волосы.

Может быть, одежда? Джанет нахмурилась и окинула взглядом свои черные кожаные штаны и своеобразный камзол. Она убедилась, что ее льняная рубашка полностью заправлена внутрь и все остальное в порядке. В общем, одежда сидела на ней хорошо. Возможно, штаны немного великоваты, но короткий камзол, казалось, был сшит на нее.

Она посмотрела на мужчин, но все они, кроме Юэна, отвернулись и сделали вид, что заняты своими лошадьми.

Игнорируя Юэна и его мрачный взгляд, который в другое время мог бы напугать ее, — Бог знает, что она сделала не так на этот раз, — Джанет отыскала свою сумку, которую оставила под деревом. Она наклонилась, чтобы положить в нее свою одежду и красивое платье, которое прислала ей Мэри.

Ей показалось, что Юэн издал какой-то глухой звук, но когда она обернулась, он тоже занялся своей лошадью.

Джанет поразило, насколько удобно чувствовать себя в штанах и как свободно можно двигаться, избавившись от тяжелых юбок. Однако было довольно холодно. У нее с собой была лишь накидка с капюшоном, и, поскольку она не выглядела женственной, Джанет дополнила ею свой наряд сквайра. Правда, ткань была совсем тонкой, и Джанет подумала, что хорошо бы раздобыть еще что-нибудь потеплее.

На всех мужчинах были темные накидки, как у Юэна, когда она впервые встретилась с ним. В сумерках они выглядели черными, но при дневном свете можно было различить темно-серые и синие оттенки, смешанные с черной нитью. Джанет нахмурилась, сочтя это странным. Может быть, это такая разновидность доспехов?

Закончив укладывать свои вещи, она подняла сумку, которая стала значительно тяжелее с дополнительной одеждой, и пошла туда, где, как она полагала, стояла ее лошадь. Она знала, что Юэн наблюдает за ней, однако он не попытался помочь, хотя находился ближе всех.

Что ж, пусть будет так. Не только он может делать вид, что между ними ничего не было.

Озорство, дремавшее в ней долгое время, вновь проснулось. Похоже, Юэн обладал способностью то и дело заставлять Джанет чувствовать себя не монахиней, а женщиной со всеми ее страстями и слабостями.

Джанет повернулась к Маклину, который стоял в нескольких шагах поодаль рядом со своей лошадью.

— Юэн, не будете ли вы столь любезны помочь мне сесть на лошадь?

Уголком глаза она заметила, как Юэн напрягся, и не нужно было дневного света, чтобы увидеть, как потемнели его серо-голубые глаза.

Маклин рассмеялся. По крайней мере Джанет сочла звук, который он издал, похожим на смех, хотя при этом у него было такое мрачное выражение лица, что она засомневалась. Он и Юэн были во многом похожи в этом отношении, однако мрачность Юэна казалась порождением его серьезности, тогда как мрачность Йена отражала скорее недовольство.

— Я был бы рад помочь вам, леди Джанет. Но я не Юэн Ламонт.

Она изобразила удивление, надеясь, что Юэн мог видеть, как зарделись ее щеки.

— Прошу прощения, но вы все так похожи, что я вас не различаю. В этих темных накидках и шлемах вы вполне можете сойти за «призраков Брюса».

Она засмеялась, но никто ее не поддержал. Наступившая тишина казалась странной. Джанет вспомнила, как подобная тишина возникла, когда ее отец, разговаривая со своими людьми, говорил в ее присутствии нечто такое, чего он не хотел, чтобы она слышала.

Уголком глаза Джанет заметила, что Юэн двинулся к ней, но прежде чем он смог подойти, чтобы помочь ей, она резко повернулась к нему спиной и протянула руку к Маклину.

Огромный воин, казалось, был озадачен, однако подошел и принял ее руку. Затем он поднял Джанет, обхватив за талию, и так же легко, как Юэн, усадил в седло. Он был таким же сильным, но более благовоспитанным. Однако когда он прикоснулся к ней и она положила руки на его мускулистые предплечья, ее пульс не участился и внутри не возникло особое тепло, которое она ощущала от прикосновений Юэна.

К сожалению.

Чувствуя напряженный взгляд Юэна, Джанет по-девичьи ахнула, изобразив легкий испуг. Она уже давным-давно не флиртовала с мужчиной, но сейчас это давалось ей так легко и естественно, словно она всегда только это и делала. Она всегда была более кокетливой, чем ее сестры, но это было скорее дружеское кокетство, и она никогда не пользовалась им всерьез. До этого дня.

Джанет заглянула в глаза Маклина удивительно синего цвета, которые виднелись из-под края шлема. Она поняла, что под внешне неприглядной оболочкой он был очень красивым… и сообразительным, судя по взгляду.

Флиртовать с ним не составит труда.

— О Боже! — Она заставила мужчин задуматься, что могло означать это восклицание. — Благодарю, Йен. Должно быть, женщины при дворе дерутся за то, чтобы вы обратили на них внимание. Не все мужчины так великодушны. — Она бросила мимолетный взгляд на Юэна. — Удивительно, насколько некоторым из них не хватает галантности.

Ее стрелы попали в цель. Она увидела, как Юэн сжал кулаки. Он был в ярости.

Это ему за «ошибку».

Это ему за то, что он «забыл».

Может быть, так ей удастся пробить стену равнодушия, которую он воздвиг вокруг себя? Джанет увидит, так ли он безразличен к ней, когда она направит свой интерес в другую сторону.

— Не каждую даму так легко поднять, как вас, миледи. — Маклин сделал паузу, явно наслаждаясь моментом: видимо, кокетливое, добродушное подшучивание между мужчиной и женщиной было недоступным удовольствием для него долгое время. — И так приятно, — добавил он с озорной улыбкой, которая, как подозревала Джанет, покоряла сердца многих девушек.

— Если леди достаточно удобно, — прервал их Юэн, — не будем тратить время. Я хочу добраться до Селкеркка до наступления рассвета.

Маклин заметил раздражение Юэна, но не подал виду. Он повернулся к Джанет.

— Миледи?

Она заговорщически подмигнула ему.

— Мне пока вполне удобно, но если потребуется паланкин, я дам вам знать. — Джанет посмотрела на его широкую грудь и мускулистые руки. — Мне кажется, вы лучше всех справитесь с этой задачей. — Он улыбнулся, а она понизила голос до шепота, но так, чтобы Юэн мог слышать. — Он всегда такой сердитый?

Маклин тайком взглянул на соратника, который смотрел на них с такой яростью, что, по мнению Джанет, не хватало только дыма из носа.

— Боюсь, что да, миледи.

Она улыбнулась ему, решив, что уже достаточно позабавилась.

Глава 12

Прежде всего должно быть выполнено задание, черт возьми. Юэн знал, что впереди их ждет опасность, и был зол, как никогда. Опасность таилась повсюду. В пограничном районе она подстерегала на каждом шагу.

Они не будут в безопасности, пока не взойдут на борт судна, ожидающего их у берегов около Эйра, если, конечно, Ястреб и Змей не будут отозваны для выполнения другого задания. Юэн старался взять себя в руки, напоминая себе о своем долге. Однако раздражение продолжало тлеть в нем, усиливаясь с каждой милей, которую они преодолевали по гладким холмам в долине реки Твид.

Хотя Юэн предпочитал двигаться по северному берегу реки, переправиться пока не было возможности, так как мосты были под пристальным наблюдением англичан. В этой части шотландского пограничного района было много рек и их притоков. Необходимо где-то пересечь воды, но безопаснее подождать, пока они не достигнут западной части Селкеркка, где можно было переправиться вброд. Они могли также пересечь реку в том месте, где Юэн хотел сделать это вместе с Джанет несколько месяцев назад, но он и остальные гвардейцы уже переправлялись там по пути сюда, а Юэн всегда старался следовать другим маршрутом при отходе на случай, если кто-то заметил их в первый раз.

Англичане контролировали все города вблизи границы, так что особой разницы, где переправляться, нет: везде было опасно. Даже путешествуя ночью с единственным факелом для освещения дороги, Юэн чувствовал себя уязвимым. Низкие холмы и долины реки Твид не

могли служить естественным укрытием. Так было, пока они не приблизились к Селкеркку, в окрестностях которого были высокие холмы и густые леса. По иронии судьбы, ему предстояло вернуться в Селкерк через две недели вместе с Брюсом для мирных переговоров.

Юэн надеялся до рассвета достичь Эттрика, расположенного среди холмов и лесов в двенадцати милях к юго-западу от Селкеркка. Там была пещера, где они могли отдохнуть до наступления ночи.

Но пока им предстояли долгие часы опасного и трудного перехода. Юэн провел первые несколько часов позади группы, заметая следы, как он умел делать это, и проверяя, не преследует ли их кто-нибудь. К счастью, снег пока еще не выпал. Скрывать следы на снегу было бы гораздо труднее, если только не начиналась метель.

Юэн был призван Брюсом в Хайлендскую гвардию за свои исключительные способности следопыта. Он мог найти по следам любого человека или зверя. Потому он и получил кличку Охотник. С другой стороны, Юэн знал, что по следам могут найти и его. Благодаря навыкам Охотника «призраки Брюса» всегда исчезали бесследно.

Он все еще не мог успокоиться из-за спектакля, который устроила Джанет. К счастью, она просто играла с ним.

Однако ему было не до шуток. Ему казалось, что каждый раз, когда он присоединялся к группе или они останавливались для короткой передышки ради Джанет и лошадей, она смеялась, обмениваясь репликами с одним из его собратьев.

Особенно с Маклином. Его напарник принимал все за чистую монету и велся на заигрывания Джанет, как голодный щенок на лакомство. Кто бы мог подумать, что Гарпун мог так улыбаться? За все годы, что Юэн знал Маклина, он никогда не видел его таким: не только улыбающимся и подшучивающим, но к тому же ведущим непринужденную беседу. Проклятие, он не думал, что Гарпун способен говорить о чем-то, кроме войны и стратегии сражений.

Казалось, общаясь с Джанет, его напарник испытывал такую же легкость, как и Юэн. И это крайне раздражало его.

Ее мальчишеская одежда тоже не давала ему покоя. Макруайри следовало предупредить его. Женщины не должны носить кожаные штаны, особенно такие облегающие. Они выделяли округлости женских бедер и ягодиц и подчеркивали стройность ее удивительно длинных ног. Это приводило Юэна в смятение. И не только он заметил это. Маккей и Сазерленд были явно смущены, а Маклин… Тот, казалось, смотрел на нее слишком оценивающим взглядом.

Было уже за полночь, когда они остановились второй раз. Юэн вернулся немного назад, чтобы скрыть следы копыт и разбросать некоторые приметы, которые, как он надеялся, должны сбить с толку и задержать того, кто идет по их следу, когда услышал тихий женский смех со стороны реки.

Мышцы его напряглись. «Возьми себя в руки, черт возьми!» Он понимал, что не следует обращать внимания на Джанет. Но ее смех задел все нервные окончания его тела. Он не мог больше терпеть.

Поднявшись во весь рост, он увидел ее. Джанет сидела на камне, а Маклин стоял рядом. Он что-то ей протягивал.

— Благодарю, — сказала Джанет, принимая нечто, похожее на кусочек мяса. — Я не

представляла, что так голодна.

Маклин тихо произнес что-то, чего Юэн не расслышал, а затем сказал громче:

— Вам не холодно?

Юэн двинулся к ним и остановился на полушаге. Накинув на плечи накидку, Джанет удовлетворенно вздохнула, отчего Юэн ощутил прилив крови в паху.

— Теперь тепло, — сказала она. — Благодарю за то, что одолжили мне накидку. — Вы очень любезны.

«Любезен? Маклин?» Юэн не знал, что тот мог быть таким заботливым по отношению к женщине.

Маклин пожал плечами. Если бы Юэн не знал его достаточно хорошо, то подумал бы, что его напарник вообразил себя дамским угодником.

— Я видел, что вы дрожите, во время нашей последней стоянки.

Юэн тоже заметил это. Он был готов предложить ей свою накидку, но Маклин опередил его.

Охотник с трудом удержался от того, чтобы не сорвать ее. «Это должна быть моя накидка, черт возьми».

Джанет подняла голову, когда он приблизился, но как только узнала его, тотчас повернулась к Маклину и глазами указала на Юэна. Тот заскрежетал зубами.

Он понял, что напарник услышал его приближение еще раньше, чем посмотрел в его сторону.

Маклин приподнял бровь.

— Что-то случилось?

Юэн едва скрывал свое раздражение.

— Вас, наверное, слышно даже в Лондоне? Если не хотите, чтобы англичане обнаружили нас, говорите тише. И прекратите этот нелепый смех.

Юэн понял по выражению их лиц, как смешно прозвучали его наставления. Но еще хуже было то, как эти двое обменялись взглядами и Джанет чуть слышно прошептала: «Какой сердитый», — еле сдерживаясь, чтобы не рассмеяться.

— Что вы сказали?

Джанет покачала головой, глаза ее весело блестели.

— Ничего.

Маклин попытался сменить тему.

— Ты заметил что-нибудь подозрительное?

Юэн сердито смотрел на Джанет, пока она не приняла серьезный вид. Только тогда он ответил:

Topreading.ru

— Нет, ничего.

Она посмотрела на него оценивающим взглядом.

— Вы ведете себя слишком настороженно. У вас есть основания подозревать, что кто-то следует за нами или вы всегда такой бдительный?

— Если вы не заметили, миледи, мы находимся на территории, оккупированной английскими войсками. Когда речь идет о войне, осторожность и бдительность не бывают излишними. Видимо, вы так до конца и не поняли, почему вам нельзя здесь оставаться.

Джанет напряглась и посмотрела на него продолжительным уничтожающим взглядом, так что ему захотелось отвести глаза. Затем она резко повернулась и сказала Маклину:

— Еще раз благодарю. Увидимся наверху, около лошадей.

Оба мужчины наблюдали, как она удаляется, и Юэн проклял себя за свои резкие слова.

Маклин тихо присвистнул и покачал головой.

— Ты был немного суров с девушкой, тебе не кажется?

Юэн постарался ответить так, чтобы его слова не прозвучали как оправдание, хотя на самом деле он чувствовал, что должен оправдаться.

— Это правда. Но так нужно было. Мы здесь не в игры играем.

— А ты полагаешь, она думает, что это игра?

— Я думаю, она не представляет, какой опасности себя подвергает. — Юэн сузил глаза. — Люди Эдварда не пожалеют ее, если обнаружат, чем она здесь занимается. И тот факт, что она женщина, никак не облегчит ее участь. — Не было нужды напоминать Маклину, что произошло вблизи замка Лохмабен: он был там. — Не могу поверить, что ты защищаешь ее. Ты позволил бы своей жене делать то, что делает Джанет?

Лицо Маклина помрачнело. Редко кто из них двоих заводил разговор о его жене. Но возможно, пришло время вспомнить, что он женат.

Маклин сердито сжал губы.

— Да, позволил бы. Если бы это помогло мне от нее избавиться. — Он сделал паузу и окинул Юэна оценивающим взглядом. — Однако, должен заметить, интересное сравнение ты привел.

Юэну не нравилось то, как напарник смотрел на него: как будто тот знал о нем что-то особенное.

— Я только хотел напомнить тебе о ее существовании, так как ты, похоже, совсем о ней забыл.

Маклин пожал плечами.

— Мне нравится леди Джанет. С ней так легко беседовать.

Юэн сжал кулаки. Черт побери, он знает.

— Она не для тебя.

Маклин насмешливо улыбнулся.

— Я не знал, что у тебя на нее планы.

Юэн подошел к нему вплотную. Они были напарниками в течение пяти лет и вместе прошли сквозь ад. Юэн никогда не думал, что будет готов ударить друга.

— Нет у меня никаких планов. И ты хорошо знаешь, что эта девушка предназначена другому.

Тон Юэна сказал больше, чем его слова.

Маклин тотчас отступил, и его насмешливая улыбка сменилась обычным мрачным выражением лица.

— Да, но девушка еще не знает об этом. Знай, она ведет себя так, чтобы заставить тебя ревновать.

Юэн был потрясен. Неужели это правда? Он сузил глаза, пристально глядя на человека, которого считал своим ближайшим другом.

— И ты с ней заодно?

Маклин пожал плечами, нисколько не выражая раскаяния.

— Я же сказал, что она мне нравится и что с ней легко разговаривать. К тому же мне хотелось увидеть, как это подействует на тебя. — Он посмотрел на Юэна с сожалением. — И судя по выражению твоего лица в последние несколько часов, должен сказать, это подействовало.

К своему большому неудовольствию, Юэн осознал, что Маклин прав. Она действительно добилась своего.

— Что ты собираешься делать? — спросил Маклин серьезно.

А что ему оставалось?

— Исполнять свой долг.

К своему большому неудовольствию, Юэн осознал, что Маклин прав. Она действительно добилась своего.

— Что ты собираешься делать? — спросил Маклин серьезно.

А что ему оставалось?

— Исполнять свой долг.

— Может быть, тебе следует поговорить с девушкой и предоставить ей выбор?

— У женщин ее положения нет выбора.

Впрочем, как и у него.

— А у меня был выбор, — сказал Маклин.

Topreading.ru

Юэн снова был ошеломлен. Судя по поведению Маклина, Юэн никогда не подумал бы, что тот хотел жениться на женщине, являвшейся его женой.

— В самом деле?

Что-то мрачное, злобное, полное ненависти отразилось на лице Маклина, так что Юэн невольно сделал шаг назад.

— Я допустил ошибку, потому что думал… — Он сжал челюсти. — Возможно, ты прав. Доставь девушку Брюсу и не оглядывайся в прошлое. Так ты избежишь многих неприятностей.

Его друг ушел, и Юэн задумался, говорил ли тот о нем или о себе. Впрочем, это не имело значения, потому что Маклин в любом случае был прав: связь с Джанет Мара сулит одни неприятности и может дорого обойтись ему, если он не будет осмотрительным.

Почему она предпринимает столько усилий ради мужчины, который позволяет себе разговаривать с ней так, как будто ей пять лет?

Джанет не могла понять.

Этот ограниченный шотландец достаточно ясно разъяснил ей, что, по его мнению, она не должна принимать участия в войне. Прекрасно. Однако Джанет думает иначе, и его мнение не изменит ее убеждения. Она намерена завершить начатое дело. Поскольку король нуждается в ней и поскольку она может быть полезной, она будет действовать, несмотря на опасность. Юэн не имел права убеждать ее в обратном. Он мог сердиться и осуждать ее до посинения своего вызывающе красивого лица, но она не станет обращать на это внимания. Он ей не отец и не муж.

«Слава Богу».

Неужели так трудно понять, что ее дело очень важно для нее? В последние несколько лет у Джанет была определенная цель. Ее работа не только доставляла ей удовлетворение, но также помогала ей чувствовать себя нужной. Никто не заглядывал к ней через плечо и не указывал, что можно или нельзя делать. Она надеялась изменить представление мужчин о месте женщины в этой жизни.

И чем больше она старалась быть полезной в борьбе с англичанами, тем меньше вспоминала о прошлом, о той безрассудной молодой девушке, которая пыталась стать героиней, но только создавала проблемы другим. Она была в долгу перед Мэри и больше всего перед Калебом. Джанет никогда не простит себе его гибель, хотя понимает, чем он руководствовался, принимая участие в освобождении ее сестры.

Юэн хотел помешать ей. Но ведь она никогда не просила его перестать быть солдатом. Это было его делом. И, видимо, он хорошо с ним справлялся.

Однако он не допускал такого сравнения. Для него женщины были просто приятными дополнениями. Жена должна рожать детей, заботиться о доме и никогда не протестовать.

Но это не для нее. Джанет знала, что происходило, когда женщина, имевшая свое мнение, выходила замуж за упрямого, склонного к чрезмерной опеке мужчину, который полагал, что лучше знает, как надо себя вести. Джанет не хотела следовать примеру Дункана и Кристины.

Или своей матери. Ее не привлекали ни раздоры, ни рабское положение.

Невозможно объяснить, почему ее сердце болезненно сжалось, когда Юэн покинул пещеру после ужина, состоявшего из вяленой говядины, пива и овсяных лепешек.

Маккей, обменявшись несколькими словами с Юэном перед его уходом, подошел туда, где Джанет устроилась в дальней части небольшой пещеры в скале. Здесь едва хватало места для ночлега пятерых, но в отсутствие огня она была рада теплу от близости мужчин.

— Вам следует немного отдохнуть, миледи. Впереди нас ждет долгая ночь путешествия, и обстановка едва ли будет такой мирной, как сегодня.

— Куда ушел Юэн?

— К озеру. Его рана кровоточит, и я посоветовал ему промыть ее, иначе Хелен сдерет шкуру с нас обоих.

Джанет разозлилась при упоминании молодой и красивой целительницы.

— Хелен?

Здоровенный шотландец улыбнулся.

— Да, это моя жена. Она целительница. Она сказала Ламонту, что если тот снова вернется с открытой раной, она не будет больше его лечить. — Он засмеялся. — Она, конечно, будет лечить. Она не может отказать в помощи. Это то, чем она занимается.

Его жена? Джанет была вдвойне поражена. Не только потому, что, оказывается, ревновала к жене этого мужчины, но и потому, что он явно гордился ею.

— Значит, ваша жена целительница?

— Да, и очень хорошая.

В его голосе, несомненно, звучала гордость. О Боже, неужели это муж, который гордится женой, занимающейся своим делом? Это чудо. Жаль, что его друг иного мнения. Но, может быть, он тоже мог бы гордиться такой женой. С трудом верится. И все же такая возможность заинтриговала Джанет в большей степени, чем она хотела бы признать.

— Может быть, я должна спросить, не нужна ли Юэну помощь. Мне приходилось заботиться о раненых.

Маккей оценивающе посмотрел на нее и провел ладонью по небритой скуле. Джанет думала, что он возразит, но он в конце концов одобрительно кивнул.

— Но прежде я вам кое-что дам.

Джанет спускалась к каменистому берегу реки с куском материи и мазью, которую дал ей Магнус. Прошло лишь полчаса с рассвета, но солнце уже мягким светом заливало туманное небо. В морозном воздухе чувствовалась близость снегопада. Впрочем, в отсутствие ветра погода была вполне терпимой.

Другое дело — мыть что-то в холодной воде реки. Ее руки были до сих пор синими от предыдущих омовений. Поэтому она меньше всего ожидала увидеть Юэна, который, словно древний скандинавский морской бог, появился из реки наполовину обнаженным.

Джанет остановилась, потрясенная. Во рту у нее пересохло. Ей следовало отвернуться. Действительно, следовало. Но она не могла. И, если признаться честно, не хотела.

Она видела прежде мужчин без рубашки. Видела мускулистых полуобнаженных мужчин. Но никогда не видела такого, который заставил бы ее стоять неподвижно и смотреть с восхищением.

Джанет была уверена, что его широкие плечи, мускулистые сильные руки и плоский живот с выделяющимися мышцами служили ему хорошую службу, но сейчас она могла думать только о том, каким красивым он был. Досадно, что ему приходится закрывать такое великолепие доспехами. Она многое отдала бы за то, чтобы прикоснуться к нему.

Другие детали с трудом пробивались сквозь ее затуманенное сознание. Темный треугольник волос на груди сужался в тонкую линию и уходил под мокрые льняные подштанники, облепившие его талию и мускулистые бедра.

Джанет быстро отвела взгляд от большого выступа, который отчетливо выделялся на мокрой материи. Она была довольно бесстыдной, но не до такой степени.

Джанет наблюдала за ним около минуты, прежде чем он заметил ее.

Он бросил на нее пристальный взгляд и протянул руку к сухой тряпке. Затем начал яростно вытирать капли воды на своей груди.

О Боже, она ведет себя, как томящаяся от любви тринадцатилетняя девчонка!

В конце концов она отвела от него глаза.

— Что вам нужно? — прорычал он несколько мгновений спустя.

К ее разочарованию, когда она вновь взглянула на него, он уже надел рубашку и натянул штаны.

Как ни странно, но сейчас, когда он был одет, она покраснела.

— Я не знала… — Джанет закусила губу. — Извините за вторжение. Магнус дал мне немного мази, чтобы полечить вашу ногу.

— Я не нуждаюсь…

— Я знаю, но он просил напомнить вам, что Хелен никогда не простит ему, если вы заболеете и умрете. Поэтому вам лучше последовать рекомендациям Хелен, жены Магнуса. — Джанет намеренно подчеркнула имя женщины и ее статус.

Он посмотрел на нее озадаченно.

— Я знаю, кто такая Хелен.

Ей следовало радоваться, что он не догадывался, какую ревность вызвал у нее. Но по какой-то причине то, что он не сознавал этого, ее раздражало.

Юэн протянул руку.

— Дайте мне мазь и тряпку. Я сам позабочусь о себе.

Джанет поджала губы.

— Я знаю, вы думаете, что я не способна здраво мыслить, но я отдаю себе отчет в том, что делаю.

Он нахмурился.

— Я так не думаю.

— Поэтому вы считаете меня глупой и безрассудной, — резко сказала она.

Юэн протянул руку и взял ее за предплечье.

— Я никогда не говорил, что вы глупая и безрассудная. Я говорил, что вы не понимаете, какая опасность вам грозит.

— Я понимаю. Вы тоже понимаете, какой опасности подвергаетесь, и все же делаете то, что должны делать.

Он нахмурился еще сильнее.

— Это не одно и то же.

Внезапно Джанет почувствовала бессилие. Она устала бороться с его непониманием. Устала биться головой о каменную стену, каким бы впечатляющим ни было строение.

Она пристально посмотрела на Юэна. Он все еще держал руку на ее предплечье.

— Вы позволите вам помочь или нет?

Он колебался.

— Что не так?

В его взгляде чувствовалась неловкость.

— Это не… — Его щеки потемнели. — Не стоит этого делать.

Джанет удивленно открыла рот. О Боже, он покраснел!

— Вы стесняетесь?

Вспышка раздражения затмила застенчивость.

— Конечно, нет. Просто я забочусь о вас.

Она еле удержалась от смеха и опасалась, что он может заметить ее улыбку, несмотря на сжатые губы.

— Я достаточно долгое время исполняла роль сиделки. Думаю, я не упаду в обморок от потрясения.

Topreading.ru

Джанет выдержала открывшееся ей зрелище, но с большим трудом. Одно дело ухаживать за пожилыми мужчинами и женщинами, и другое — находиться рядом с мужчиной, близость которого заставляла ее сердце неистово биться. Тем более, когда надо снять штаны и мокрые подштанники с его бедра.

Ему удалось прикрыть свое тело, за исключением верхней наружной части бедра, однако даже при таком положении Джанет с трудом владела собой. Как могла она, прикасаясь к нему так интимно, не думать о…

Она оторвала свой взгляд от большой выпуклости, на которую, к своему ужасу, смотрела, и жар воспламенил ее щеки. Только вид раны удержал ее от того, чтобы сунуть мазь ему в руку, пробормотать извинения и убежать назад, в пещеру.

Однако воспаленная масса разорванной плоти вернула Джанет к реальности. Она тяжело дышала наполовину от ужаса, наполовину от негодования. Хотя окунание в холодную воду озера смыло большую часть крови, на ране оставался красный сгусток. Запекшаяся темная корка, покрывавшая рану, порвалась, и сквозь нее сочилась кровь. Вместо небольшого отверстия, которое Джанет надеялась увидеть, зияла рана зазубренной формы, около двух дюймов в ширину, как будто кто-то вытаскивал стрелу, не заботясь о последствиях.

Джанет посмотрела на него осуждающе.

— Как вы могли допустить такое и ничего не сказать?

— Все не так уж плохо, — сказал Юэн в свое оправдание.

Она пристально посмотрела на него и, не удостоив ответом, приступила к работе.

Но даже ее гнев не мог полностью скрыть, какое влияние оказывало на нее прикосновение к нему. Ее руки дрожали, когда она начала накладывать мазь на рану.

Стараясь сосредоточиться на своей задаче, Джанет спросила:

— Кто вынимал стрелу? Полагаю, это была не Хелен?

Он хрипло рассмеялся.

— Нет, конечно. Она была в ярости, оттого что я ее не дождался.

— Вам следовало дождаться. Вы все испортили.

Юэн безразлично пожал плечами.

— Не было времени. Я был в гуще сражения, когда в меня попала стрела. Рана оказалась глубже, чем я думал. Стрела проникла до кости.

— Вы могли умереть от потери крови.

Уголок его рта слегка приподнялся.

— Рана была не такая уж страшная. Сейчас она выглядит хуже, потому что несколько раз вскрывалась.

— Вы не думали, что ее надо лечить? — Он пожал плечами и хотел что-то сказать, но Джанет

прервала его: — Могу предположить: у вас не было времени, так как вы сражались.

Юэн усмехнулся, и сердце Джанет замерло, когда он лукаво подмигнул ей.

— Сообразительная девушка.

Не обращая внимания на то, что сердце ее неистово забилось от редкого проявления в нем ребячества, она отвела глаза и возобновила свою работу. Наложив мазь, Джанет начала перевязывать ногу чистой тряпкой, но как только ее рука коснулась внутренней стороны бедра, он схватил ее за запястье.

— Я сам это сделаю.

Глаза их встретились, и сердце ее забилось с новой силой. Она не могла с ним справиться. Биение сердца отдавалось в ее груди, в ушах, в горле. Ей трудно было дышать.

Она нуждалась…

Она хотела…

Его глаза притягивали ее. Или, может быть, его рука, все еще державшая ее за запястье? Она не знала, но в следующее мгновение Джанет прильнула к нему, другая ее рука оказалась на его плече, их губы слились, и она снова ощутила жар его тела. Никогда в жизни ей не было так тепло.

Это было невероятно приятное чувство. Она остро ощущала нежность его губ, мятный оттенок его дыхания, свежий запах воды, все еще остававшейся на его коже и в волосах.

Джанет со стоном непроизвольно приоткрыла рот, углубляя поцелуй.

Юэн с рычанием поглотил ее губы, и она почувствовала, что он тоже охвачен страстью. Пульс ее участился, когда его язык соприкоснулся с ее языком, и его руки крепче сжали ее.

Джанет не могла вообразить, насколько приятно его целовать. Она испытывала необычайные чувства. Казалось, она плыла в безбрежном море невероятных ощущений, парила в облаках, перенеслась в волшебную страну с новыми удивительными возможностями.

Джанет не могла вообразить, насколько приятно его целовать. Она испытывала необычайные чувства. Казалось, она плыла в безбрежном море невероятных ощущений, парила в облаках, перенеслась в волшебную страну с новыми удивительными возможностями.

Здесь все было новым, волнующим, истинным.

Затем все это внезапно исчезло.

Из горла Юэна вырвался глухой, хрипловатый звук, как если бы он испытал боль, и он резко оттолкнул Джанет.

На какое-то мгновение Юэн потерял контроль над собой. Близость Джанет и ощущение ее рук на своем теле на секунду лишили его способности здраво мыслить и сопротивляться ее желанию. Он видел это желание в ее глазах, чувствовал в биении пульса под своей рукой, когда держал ее за запястье, и ощущал его на ее губах.

Она страстно желала его, и никакая земля в Шотландии, ни его долг перед своим кланом, ни верность Стюартам не могли пресечь его ответное желание. Поэтому, когда ее губы соприкоснулись с его губами, он не сделал ничего, чтобы остановить Джанет. Он позволил ей упасть в его объятия, позволил их губам слиться в страстном поцелуе.

Юэн не ожидал, что в нем вспыхнет такое страстное желание, что он готов был немедленно овладеть ею.

Как мог поцелуй оказать на него такое воздействие? Как могло простое прикосновение ее губ сделать его слабым? Разрушить все его убеждения?

Потому что это было невероятно приятным ощущением. Он никогда прежде не испытывал ничего подобного. Этот поцелуй был чем-то совершенно особенным для них обоих. В нем чувствовалась искренность.

Юэн ничуть не сомневался, что любить ее — все равно, что приблизиться к вратам рая, оставаясь тем не менее по эту сторону от них.

Однако он все-таки нашел в себе силы остановиться. Потому что не важно, как сильно он хотел насладиться ею хотя бы несколько минут, — всю оставшуюся жизнь он будет корить себя за это. Он не такой, как его отец. Юэн не мог пренебречь своим долгом и своими обязанностями. Даже ради нее.

Однако достаточно было взглянуть на ее лицо, чтобы отказаться от этого решения. Она выглядела оцепенелой, ошеломленной и слишком возбужденной для невинной девушки.

Черт побери, ему хотелось, чтобы она вновь притворилась монашкой. По крайней мере хотя бы попыталась скрыть свое желание. Но она не скрывала. Джанет откровенно смотрела на него, побуждая взять то, что она предлагала.

Юэн сжал кулаки, с трудом сдерживаясь, чтобы вновь не протянуть к ней руки, затем отвернулся. Вспомнив, в каком виде пребывает, он быстро закончил перевязывать свою рану и натянул штаны. Однако тонкой материи было недостаточно, чтобы скрыть его возбуждение. Ему требовалась английская кольчуга, чтобы защититься от Джанет, но, вероятно, и кольчуги было бы мало.

Она продолжала стоять, наблюдая за ним, а он старался не смотреть на нее. Ее оцепенение сменилось болью, и это ранило его подобно кривому кинжалу.

— Что-то… что-то было… не так?

Юэн с трудом подавил желание утешить ее, подбодрить, сказать, что все было прекрасно, — и в этом проблема.

Он старался не смотреть ей в глаза, когда глухо произнес:

— Вам не следовало целовать меня.

— Я не… — Джанет умолкла под его взглядом. Уже было достаточно светло, чтобы увидеть, как порозовели ее щеки. — Однако вы не очень возражали.

Юэн заметил вызывающий блеск в ее глазах и понял, что лучше прекратить этот разговор.

— Как я уже говорил, меня больше не привлекает все это.

Блеск обернулся вспышкой.

— Что изменилось? Кроме того, что вы теперь не считаете меня монашкой?

Он пропустил язвительное замечание мимо ушей.

— Тот факт, что вы теперь не монашка, ничего не меняет. Вы невестка короля, и мой долг доставить вас в замок Данстаффнэйдж — вот и все.

— И тот факт, что вы явились сюда за мной, ничего для вас не значит?

— Я воин, Джанет, и делаю то, что мне прикажут. Я здесь по одной-единственной причине: я должен выполнить свою работу. Не надо воображать что-то другое.

Она с шумом вдохнула, и глаза ее расширились. Он никогда в жизни не поднимал руку на женщину, но сейчас было такое ощущение, как будто он ударил ее. Юэн испытал глубокое раскаяние. Он не хотел обидеть ее, черт возьми.

Не хотел он и того, чтобы этот разговор состоялся. Ему не надо было ничего ей объяснять. Все и так очевидно. Они не вправе следовать своим чувствам. Они не вправе пожениться. И Джанет, конечно, не вправе поступать так, как ей хочется. Она должна понимать это.

Но если он думал, что она отступит, то он заблуждался. Она Джанет Мара, невестка короля и дочь графа. Она не покорная и сентиментальная, но смелая и решительная девушка. Она не дрожала от страха и не бежала, когда ей грозила опасность, но смело встречала ее с ножом в руке.

Как могла она допустить мысль, что он считал ее глупой? Такое обвинение ошеломило его. Боже, она была слишком умной, слишком своевольной и упрямой. Смелость, самоуверенность, упрямство — все эти качества не должны быть присущи женщине. Непонятно, почему она так нравилась ему.

Он старался уберечь ее от тех ужасов, какие ему приходилось видеть. Но она воспринимала его беспокойство за покровительственное отношение. Юэн внутренне содрогнулся, представив, что ее может ожидать, если она попадет в руки англичан. Однако он не допустит, чтобы с ней что-то случилось. Неужели она думает, что он позволит англичанам захватить ее? Пытать? Убить? Неужели она думает, что он будет считаться с ее мнением? Это было бы безумием, не так ли?

У Стюарта будет достаточно времени, чтобы заставить ее отказаться от своей опасной деятельности.

А что, если он не сможет этого сделать?

Этой девушке свойственно создавать затруднительные ситуации, и ее следующий шаг — к нему — доказывал это.

— Я вам не верю.

Юэн сжал кулаки. Ему до боли хотелось снова заключить ее в свои объятия.

«Черт бы ее побрал». Неужели она не понимает, что это невозможно?

Юэн выругался и запустил пальцы в свои волосы. Он не хотел ссориться с ней. Он просто старался делать свою работу. Но она ему мешала.

— Какого черта вы хотите от меня, Джанет?

Она удивленно заморгала, глядя на него.

— Я… не знаю.

Джанет действительно не знала. Она действовала, импульсивно подчиняясь своим чувствам, ни о чем не задумываясь. Юэн должен бы испытывать удовольствие от их поцелуя, но он был явно опечален.

— Я тоже не знаю, — тихо сказал Юэн, затем повернулся и пошел прочь.

Он надеялся, что это последний их разговор на эту тему.

Глава 13

Обычно Джанет без труда находилась с ответом, но вопрос Юэна застал ее врасплох, и теперь она спрашивала себя: чего, в самом деле, она хочет от него?

Глава 13

Обычно Джанет без труда находилась с ответом, но вопрос Юэна застал ее врасплох, и теперь она спрашивала себя: чего, в самом деле, она хочет от него?

Правда заключалась в том, что она не знала.

Брак был невозможен. Если бы даже можно было убедить Роберта выдать ее замуж за обычного воина, которого он очень ценил, это было бы, конечно, не то, чего она хотела.

Так ли это?

Вместо того чтобы спать, большую часть дня она смотрела на темную каменную пещеру, размышляя над этим вопросом. Джанет думала, что распланировала свою жизнь. Она считала, что судьбою ей предназначено быть одной. После того как погибли оба ее жениха и она потеряла семью, после того, что случилось с Кайлином и ее сестрой Мэри, казалось разумным избегать затруднительных положений. Откровенно говоря, она никогда не хотела вступать в брак и довольствовалась верой, что Бог, должно быть, согласен с ней. Поэтому она станет настоящей монашкой и продолжит помогать королю, пока ее помощь будет необходима.

Ей претило, когда с ней обращались как с невольницей или ребенком, не воспринимая всерьез и постоянно опекая. Конечно, если бы она вышла замуж, Роберт сделал бы все возможное, чтобы защитить ее от дурного обращения, тем не менее такая опасность всегда существовала.

Однако Юэн смутил ее и заставил задуматься о другом пути, отличном от будущего, которое она себе наметила.

Монашке не пристало думать и мечтать о мужчине и его поцелуе в течение нескольких месяцев. И монашка, конечно, не должна была позволять своему сердцу неистово биться в предвкушении чего-то большего.

Topreading.ru

Возможно, именно «большего» Джанет и хотела от него. Замужество не представляло для нее интереса, однако было ясно, что близость — по крайней мере с Юэном — не предполагала последующий брак.

Она желала его просто как женщина хочет мужчину, и не важно, что он говорил ей, — он желал ее. Что же удерживало его?

Джанет не знала, но хотела выяснить это.

Но, Боже милостивый, неужели она действительно сама поцеловала его? Ее щеки опять покраснели. Должно быть, так и было. Джанет полагала, что он притянул ее к себе, но, может быть, она сама упала в его объятия? В настроении Юэна что-то изменилось. В нем появилось что-то такое, что побудило ее вести себя с необычной для нее дерзостью.

Она подозревала, что именно желание «большего» заставляло ее действовать смелее, чтобы пробить наконец каменную стену. Джанет скривила губы. Как дочь графа и как женщина, которая готова провести оставшуюся жизнь в сане монашки, она не должна так себя вести.

Как только Джанет задремала, ее толчком разбудил зять, пристально глядя на нее. Он был очень красивым мужчиной. Может быть, даже красивее, чем первый муж Мэри, а граф Атолл считался самым привлекательным мужчиной в Королевстве. Она полагала, что Кеннет Сазерленд более подходящий муж для Мэри.

Мэри всегда была практичней своей сестры. Она не возлагала на будущее несбыточных надежд, принимая судьбу с большей благодарностью, чем Джанет.

— Уже почти стемнело, миледи. — Заметив, что она намеревается поправить его, он добавил: — Джанет. Нам надо трогаться в путь.

Она тяжело вздохнула. Перспектива провести еще одну долгую ночь верхом на лошади после короткого сна в тесной пещере не сулила ничего хорошего. Однако, понимая, что у нее нет выбора, Джанет встала с временно сооруженной постели из позаимствованной у Йена накидки и кожаного мешка с ее одеждой в качестве подушки. Она не переставала мысленно благодарить сестру за мужскую одежду. В ней было гораздо удобнее и легче двигаться без нескольких слоев громоздких юбок. Возможно ли, что когда-нибудь женщины будут носить такую одежду без упреков и удивления окружающих? Едва ли! Это так же невероятно, как и то, что когда-нибудь люди будут летать, как птицы.

Она окинула взглядом пещеру.

— А где Юэн? — спросила Джанет.

Последний раз она видела Юэна, когда тот вернулся с озера и обменялся несколькими словами с Магнусом. Затем он исчез. Она полагала, что он должен был прийти, когда она спала.

— Он ушел убедиться, что за нами никто не следует.

— На весь день?

Сэр Кеннет пожал плечами.

— Он и Маклин дежурили по очереди. Не беспокойтесь. Я уверен, у него было несколько часов для сна.

Щеки Джанет зарделись.

— Я не беспокоюсь. Я…

Легкий шум снаружи пещеры прервал ее. Вернулся Юэн, и по взволнованному тону его приглушенного голоса и отрывистым словам, обращенным к Магнусу, она поняла — что-то произошло.

— Что случилось? — спросила Джанет.

Ее зять покачал головой.

— Не знаю, однако будьте готовы.

Он пошел к друзьям, стоявшим у входа в пещеру, а Джанет поспешно собрала свои вещи и спрятала заплетенные волосы под шапкой. Ей очень хотелось спуститься к реке и умыться, но вместо этого она ополоснула лицо водой из кожаного бурдюка, затем воспользовалась кусочком материи и смесью вина, соли и мяты, чтобы почистить зубы.

Мужчины продолжали разговаривать приглушенными голосами, когда Джанет вышла из пещеры несколько минут спустя. Она посмотрела на темный, поросший деревьями склон холма. С неба сыпались первые хлопья давно ожидаемого снега.

Джанет непроизвольно искала взглядом Юэна. Словно почувствовав это, он посмотрел на нее. Ее сердце замерло. Она все поняла еще до того, как повторила вопрос:

— Что случилось?

Она по-новому оценила его прямую, простую манеру говорить, когда он не пытался смягчить или скрыть правду.

— Нас преследуют.

Джанет удивила его. Он ожидал слез, паники или, по меньшей мере, других проявлений женской тревоги, но выражение ее лица почти не изменилось. Единственным признаком беспокойства можно было считать то, что ее глаза слегка расширились, но заметить это мог только тот, кто пристально наблюдал за ней, как это делал Юэн.

Ему не нравилось, что женщины участвуют в войне, однако он должен был признать, что ее хладнокровие, как у закаленного в битвах воина, впечатлило его.

Она не стала тратить время на лишние расспросы.

— Как близко они находятся?

— Около трех миль к востоку. Они движутся в нашем направлении. Я увидел их с вершины горы. — Он указал на холм, возвышавшийся над ними. — Из-за дальности расстояния и помех я не могу сказать с уверенностью, но полагаю, их по меньшей мере сорок человек.

Судя по легкой бледности, появившейся на щеках Джанет, она наконец поняла, какая опасность им грозит.

Topreading.ru

— Как они выследили нас?

— Должно быть, им повезло. — Были ли это те же самые люди, что и прежде, или другие, Юэн не знал. И он не собирался спрашивать их, черт возьми. Они были врагами, и это главное.

Юэн скрывал следы, как только мог, однако лошади, скорость, с которой они двигались, темнота и влажная земля не позволяли оставаться незаметными. Хороший следопыт, который знал, что ищет, и предполагал главное направление их передвижения, вполне мог найти эти следы. Разумеется, при дневном свете.

— Темнота замедляла их поиски.

Он посмотрел на тихо падающий снег, который укрывал землю тонким белым слоем. Но вместо красоты видел в этом катастрофу. Почему снег не пошел раньше, когда они спали? Это бы их спасло.

Юэн не сознавал, что лицо его приняло хмурое выражение, пока Джанет не спросила:

— Что так огорчило вас?

— Теперь снег укажет наш путь лучше, чем на карте.

Она так же спокойно среагировала на это, чем снискала еще большее уважение с его стороны.

— Каков ваш план?

— Мы должны это обсудить, — вмешался Магнус.

Судя по тому, как мужчины переглянулись, она предположила, что между ними существуют некоторые разногласия. Так оно и было. Маклин предлагал двинуться выше на холмы и заманить преследователей в ловушку, тогда как Юэн и Сазерленд не хотели вступать в бой, учитывая, что Джанет будет находиться поблизости. Даже будучи уверенными в победе на девяносто девять процентов, они опасались одного процента поражения.

К счастью, Маккей согласился с ними.

— Мы двинемся в холмы и запутаем их, — сказал он.

Англичане имели достаточно оснований не любить путешествовать в дикой местности. Брюс контролировал сельские районы, используя холмы и леса, дающие преимущество в новом способе ведения боевых действий.

— А если нам не удастся их запутать? — спросила Джанет.

— Мы избавимся от них другим способом, — ответил Маккей. Они отдавали предпочтение первому варианту, но если не получится запутать преследователей, придется вступить в бой.

Сазерленд улыбнулся.

— Не бойтесь. Мы доставим вас в Шотландию к вашей сестре в целости и сохранности.

Джанет заставила себя улыбнуться ему, однако взгляд ее был направлен на Юэна.

— Я в этом не сомневаюсь.

Это было его заданием, и она знала, что он выполнит его. Проявление доверия к нему должно было бы восприниматься как комплимент, но вместо этого оно выглядело как вызов: «Ведь только это нас связывает, не так ли?»

Проклятие, действительно, ничего другого между ними быть не могло.

Их взгляды на мгновение встретились, но затем Юэн отвернулся, потому что надо было уходить как можно быстрее.

— Убедитесь, что ничего не оставили, — предупредил он ее. Мужчинам не надо было говорить об этом, но Джанет, вероятно, не привыкла к таким мерам предосторожности. Юэн не хотел оставлять никаких признаков их присутствия, чтобы не облегчать задачу преследователям.

Спустя несколько минут они уже поднимались на холмы западнее Эттрика и двигались так быстро, насколько позволяли снегопад и пробивавшийся сквозь облака тусклый лунный свет. Они не осмеливались воспользоваться факелом, поскольку он был бы подобен маяку на склонах холмов. Стремление оставаться незаметными создавало дополнительные трудности.

Они двигались довольно медленно. Хотя лошади их были достаточно проворными и предназначенными для так называемых «пиратских» методов ведения войны со стороны Хайлендской гвардии, они не могли быстро идти среди холмов, во время снегопада и в темноте и их приходилось постоянно подгонять.

Однако это было не единственной сложностью. Хотя Джанет была умелой наездницей, она не обладала опытом и выносливостью воина. Длительный ночной переход накануне давал о себе знать.

С каждой минутой ей приходилось прилагать все больше усилий, чтобы держаться в седле и управлять лошадью. Лошади требовался крепкий, уверенный наездник, особенно в такое время, а Джанет действовала все более нерешительно с каждой милей.

Однако она не жаловалась. Даже когда ее лошадь оступилась и она едва не вылетела из седла.

Юэн наблюдал за ней, как вдруг равномерный ритм движения нарушился. Джанет накренилась на один бок и вскрикнула. Он увидел, как она сползает вниз, и понял, каким жестким может быть падение. Пара дюймов снега не уберегут от перелома костей.

Он рванулся вперед и попытался поддержать ее, не обращая внимания на возникшую от рывка острую боль в ноге.

Однако Джанет удалось каким-то образом удержаться в седле.

Юэн схватил поводья и остановил ее лошадь.

— Вы в порядке? — Это произошло так быстро, что он не успел скрыть эмоции в своем голосе. Она напугала его, черт возьми. Сильнее, чем он мог предположить.

Ее лицо было скрыто темнотой, но он распознал кивок.

— Думаю, да. — Ее голос слегка дрожал, и Юэн с трудом удержался, чтобы не привлечь ее в свои объятия. — Извините, я постараюсь быть более осторожной.

Он сжал губы.

— Это не ваша вина. В такой обстановке любой всадник может пострадать.

Маккей не видел, что случилось, так как ехал впереди вместе с Сазерлендом, но, вероятно, догадался.

— Должно быть, вам тяжело совершать такой трудный переход.

— Ничего, я справлюсь. Я буду более внимательной.

Маккей и Юэн обменялись взглядами. Несмотря на ее возражение, они понимали, как трудно девушке.

Когда они двинулись в путь из пещеры, им предстояло преодолеть около семидесяти миль, чтобы добраться до судна в Эйре. При этом маршрут пролегал в основном по пересеченной местности. Они не пользовались дорогами. В юго-западной части Шотландии было мало дорог, которые проходили через холмы и леса. За последние несколько часов, двигаясь таким темпом, они преодолели не более десяти миль. Даже если они опередили англичан ночью, враг настигнет их днем всего за несколько часов.

Если, конечно, англичане продолжали преследовать их. А интуиция подсказывала Юэну, что это так. Он не мог видеть их, но чувствовал их присутствие, более зловещее, чем окружавшая снежная темнота. Последнее время Юэн испытывал такое же чувство, как пять лет назад, когда он и остальные гвардейцы бежали на запад с Брюсом через горную часть Шотландии и король был вынужден искать убежища на островах. Тогда, как и сейчас, у Юэна было ощущение, словно за ними охотились. Поскольку он привык сам быть охотником, а не преследуемым зверем, такое чувство было ему чуждо и не доставляло удовольствия.

Однако у них не было выбора. Он не собирался рисковать Джанет. Его главной и единственной задачей было обеспечить ей безопасность.

— Нам необходимо разделиться.

Сердце Джанет замерло.

— Разделиться? Мы не можем это сделать. — Что, если англичане настигнут их? Вероятность этого была чрезвычайно велика.

— Разделиться? Мы не можем это сделать. — Что, если англичане настигнут их? Вероятность этого была чрезвычайно велика.

«Это все из-за меня». Джанет понимала, что была для них обузой.

Она не обладала такой физической силой и выносливостью, как эти солдаты, однако была полна решимости и не собиралась сдаваться.

— Пожалуйста, не надо. — Она окинула взглядом четыре темные фигуры, желая видеть их лица. — Я справлюсь.

Услышав ранее тревожные нотки в голосе Юэна, она подумала, что он заботится о ней, однако не было никакого намека на заботу сейчас, когда он резко сказал:

— Нет, не справитесь. Вы недостаточно крепки, чтобы продолжать путь.

Джанет вздрогнула. Забота Юэна не смягчила удар. Хуже всего то, что он, конечно, был прав.

Сэр Кеннет попытался сгладить резкость слов Юэна.

— Ламонт хотел сказать…

Джанет прервала его.

— Все верно. Он прав. Я недостаточно крепка. Но я не понимаю, что изменится, если мы разделимся.

— Англичане вас не поймают, — сказал Юэн, как обычно ничего не объяснив. Этот солдат принял на себя обязанности командира. Он повернулся к Магнусу. — Возьми лошадей и отправляйся на север к Броуд-Лоу. Если повезет, Бойд и Сетон все еще будут там с Дугласом, и вы сможете преподнести преследователям большой сюрприз. Я же двинусь на запад с леди и скроюсь в лесу. Как только станет безопасно, я найду лошадей и встречусь с вами в Эйре.

По крайней мере, он намеревался пойти с ней. Джанет не знала, что сделала бы, если бы он попытался отправить ее с кем-то другим.

— Я пойду с вами, — сказал сэр Кеннет. Юэн, казалось, приготовился возразить, когда тот добавил: — Если не удастся уйти незаметно, тебе потребуется помощь. — Он сделал паузу. — К тому же она моя невестка.

Проявление семейной верности тронуло Джанет, однако она все еще не понимала сути маневра.

— Но как вы можете быть уверены, что англичане не последуют по нашим следам?

Казалось, она услышала, как Юэн внутренне усмехнулся.

— Мы не оставим следов.

Несколько минут спустя она поняла, что он имел в виду, когда ступила в ледяную воду. Сначала они подвели лошадей к воде и создали впечатление, что группа остановилась здесь на отдых, а затем Юэн впереди, а сэр Кеннет позади Джанет, — все трое двинулись по воде, не оставляя следов на свежевыпавшем снегу, тогда как Магнус и Йен отъехали со всеми пятью лошадьми.

Джанет не беспокоило отсутствие лошадей. Ее ноги замерзли, но ноющие мышцы приветствовали такую смену движения, особенно потому что они направлялись вниз по склону холма.

Юэн был прав: теперь англичане не смогут их найти. Но когда она высказала это вслух, он поправил ее:

— На мелкой воде следы можно обнаружить. Чувствуете, как камни сдвигаются под ногами? Хороший следопыт способен заметить эти признаки. Это нелегко сделать, но если знаешь, что ищешь, то возможно. Конечно, наши преследователи не знают, что надо искать. — Он обернулся. — Смотрите, куда наступаете, — впереди большой камень.

Джанет заметила тень на небольшой глубине, и обошла это место. Она подтянула накидку и убедилась, что конец не касается воды. Ранее она закатала края кожаных штанов, чтобы не

намочить их.

Она не спрашивала, как долго все это продлится. И не спросит, даже если будет умирать. Не важно, что холодно и неприятно, она не собирается жаловаться. Пусть она не способна так же хорошо, как они, ездить верхом на лошади, но она может пройти пешком большие расстояния. В качестве курьера она проходила много миль. Хотя не так быстро и не по холодной воде в декабре. Джанет подозревала, что, если бы не ее присутствие, мужчины уже давно погрузились бы на судно со всем своим оружием и вещами. Она решила выяснить кое-что у Юэна.

— Откуда вы так много знаете о слежке? — спросила она.

— Это моя работа.

Ей показалось, что он умалчивает о своих способностях. Она полагала, что он очень хороший следопыт.

— Вы один из призраков Роберта, не так ли? Появляетесь внезапно, как привидение.

Она сказала это в шутку, но оба мужчины как-то странно затихли. Первым заговорил ее зять, усмехнувшись позади нее.

— Что ты думаешь по этому поводу, Ламонт? Ты хотел бы быть призраком? Может быть, нам следует, когда вернемся, спросить короля, не нуждается ли он в новобранцах?

— Я слышал, они недавно приняли кого-то в свои ряды, — ответил Юэн, и Джанет показалось, что она что-то упустила.

— Должна признаться, я была удивлена, узнав, что брат Кристины, по общему мнению, является одним из этих знаменитых призраков, — сказала она. — Я помню Лахлана Макруайри как презренного разбойника. Должно быть, он изменился.

Никто из мужчин не ответил. Юэн остановился, чтобы помочь Джанет перебраться через большую ветвь, упавшую в реку. Хотя он держал ее за руку всего одно мгновение, этого было достаточно, чтобы сердце ее забилось учащенно.

Он отпустил ее руку, когда препятствие осталось позади.

— Кто-нибудь из вас знает его? — спросила Джанет, слегка задыхаясь.

Она воспользовалась возникшей паузой, чтобы восстановить дыхание.

— Я немного знаю его, — ответил Юэн наконец.

— Он изменился?

Снова возникла пауза.

— Нет. Вам лучше держаться от него подальше.

Джанет сделала очередной шаг в холодной воде, стараясь не обращать внимания на сырость в сапогах, и нахмурилась.

— Я долго отсутствовала и никого не знаю, кроме своей сестры. Я должна вернуться в

Роксборо как можно скорее. Мне необходимо появиться вовремя в монастыре Святого Дростана.

Сэр Кеннет хотел что-то сказать, но Юэн резко прервал его:

— Полагаю, вы сможете убедить короля позволить вам вернуться.

Ламонт был не слишком любезен, и она знала, как он относится к ее участию в войне.

— Что еще вы можете мне сказать?

— Думаю, как только вы объясните все это королю, он непременно согласится с вами.

Джанет почувствовала раздражение, понимая, что он ставит под сомнение успех ее переговоров с королем, однако не могла сдержаться.

— Да, я уверена, что так и будет.

— В таком случае вам не о чем беспокоиться.

Она поджала губы и подумала: на него не похоже, чтобы он так легко отступал.

Джанет хотела продолжить расспрашивать его, когда он сказал:

— Не втягивайте меня в это дело. Это меня не касается. Это ваша проблема и Брюса.

Он был прав, но ей не требовалось напоминать, что его не интересуют ее дела.

— На сколько, по-вашему, может задержаться мое возвращение?

Она не должна опоздать. Назревает что-то очень важное. Что, если она пропустит это?

Юэн пожал своими широкими плечами.

Юэн пожал своими широкими плечами.

— Полагаю, как только англичане попадутся на удочку и последуют за Маккеем и Маклином, мы найдем лошадей. Будем надеяться, что это произойдет к утру, не позднее середины дня.

Джанет облегченно вздохнула.

Они шли в течение нескольких часов и в конце концов достигли конца речки возле небольшой деревни. К тому времени ее ноги уже не чувствовали холода; они так онемели, что вообще ничего не чувствовали.

Юэн обратился к сэру Кеннету:

— Здесь есть старая дорога, построенная римлянами, которая проходит через деревню. Мы можем воспользоваться ею, пока не найдем другую речку…

Внезапно он замолчал, заметив, что Джанет дрожит, и выругался сквозь зубы, но она отчетливо слышала все.

— Какого дьявола вы не сказали мне, что замерзли?

После упорного продвижения вперед по воде и снегу в течение нескольких часов поступью, которую Джанет сочла скорее бегом, чем ходьбой, у нее тем не менее не было желания принимать его опеку. Кем бы он ни считал ее, она не сломается, как фарфоровая кукла, и не намерена стыдиться того, что у нее от холода стучат зубы.

— Конечно, замерзла, — резко ответила она. — Ведь я шла по холодной воде. Любой нормальный человек почувствовал бы холод. Однако в этом нет ничего такого, с чем я не справилась бы и чего не делала много раз прежде.

Небо прояснилось, и лунного света было достаточно, чтобы увидеть ошеломленное выражение лица Юэна.

Ее зять усмехнулся.

— Осмелюсь сказать, я тоже замерз, миледи. Несмотря на внешние признаки, ничто человеческое не чуждо Ламонту, и полагаю, он тоже испытывает холод, хотя подозреваю, что он скорее съест свои ногти, чем признается в этом. — Он игриво подмигнул Джанет. — Мэри говорила, что вы способны бесстрашно противостоять любому. Я вижу, она была права. Мой друг не очень-то тактичен, особенно по отношению к дамам с утонченной душевной чувствительностью.

— Я это заметила, — сухо сказала Джанет.

— С утонченной чувствительностью? — насмешливо произнес Юэн сквозь зубы. — Эта девушка не знает значения этих слов.

Джанет поняла, что это не было комплиментом, однако восприняла его слова именно так.

— Благодарю.

Он хмуро посмотрел на нее.

— Ваша сестра будет счастлива снова видеть вас, — сказал сэр Кеннет. — Она ужасно скучала по вам.

Джанет побледнела, знакомая тревога охватила ее.

— Я… я тоже скучала по ней.

— Она никогда не отказывалась от попыток найти вас. Кажется, она посетила все церкви и богадельни между Бериком и Ньюкаслом.

Джанет удивленно посмотрела на него.

— Неужели она сделала это?

Он кивнул.

— Да. Она чувствовала, что вы все еще живы. Она говорила, что узнала бы, если бы вас не было в живых.

Чувства захлестнули Джанет так, что стало трудно дышать. Неужели это правда? Значит ли это, что Мэри простила ее? И она не винит ее за то, что случилось?

Джанет могла только кивнуть.

Она посмотрела на Юэна. Он больше не хмурился и наблюдал за ней с озадаченным выражением лица. Опасаясь, что открыла больше, чем намеревалась, она приподняла подбородок и сказала:

— Мы собираемся продолжить путь?

Ей показалось, что он улыбнулся, но, несомненно, это был лишь обман зрения в лунном свете.

— Как пожелаете, миледи, — ответил Юэн, кивнув. — Не смею вас задерживать.

Она не могла поверить: он поддразнивал ее. Внутри нее распространилось мягкое тепло, согревая замерзшие конечности.

— Так не станем же медлить, — ответила Джанет так же насмешливо и двинулась мимо него, как она полагала, в правильном направлении.

Вскоре они выбрались на старую дорогу, о которой упоминал Юэн. Странно было представить, что когда-то, сотни лет назад, по этой дороге двигались римские легионеры. Хотя до настоящего времени путники избегали большинство путей, теперь Юэн решил, что на этой заснеженной дороге преследователям трудно будет отличить их следы среди многочисленных следов, оставленных другими путешественниками.

Несмотря на ее предыдущие заявления, к тому времени, когда они свернули с дороги и направились через густой темный лес к небольшому холму, на котором находились руины старой крепости, Джанет окончательно обессилела и, судя по урчанию в животе, ужасно проголодалась. Излишне говорить, что она не стала возражать, когда Юэн предложил немного отдохнуть.

Найдя пристанище у оставшегося основания крепости, они сели на каменный пол и, прислонившись спиной к стене, принялись есть холодную вяленую оленину и овсяные лепешки, запивая виски или элем — Джанет предпочла последнее. Ее ноги были холодными как лед, когда она сняла сапоги, чтобы согреть их у небольшого костра, который развел Юэн. Ощущение тепла было чрезвычайно приятным, и постепенно холод отступил.

Не прошло и пяти минут, как Юэн снова встал на ноги.

Джанет, качая головой, наблюдала, как его большая, крепкая фигура исчезла в темноте.

— Он когда-нибудь отдыхает? — спросила она, обращаясь к зятю.

Сэр Кеннет засмеялся.

— На задании — почти никогда. Но не беспокойтесь, он к этому привык. Мы все привыкли. Он отдохнет, когда минует опасность.

— Что значит «мы»?

Что-то тревожное промелькнуло в его глазах.

— Я имел в виду армию Брюса, — быстро сказал он, но у Джанет было такое чувство, что он что-то недоговаривает.

Они помолчали, прислушиваясь к ночным звукам. Их окружала зловещая тишина.

— Вы полагаете, мы в безопасности?

— Да, леди. Ламонт — лучший следопыт. Англичанам едва ли удастся обнаружить нас теперь.

— А Магнус и Йен?

Он засмеялся.

— Не беспокойтесь о них. Они смогут позаботиться о себе. Маклин, должно быть, уже выбрал подходящее место для внезапной атаки. У англичан нет шансов устоять против них.

— Но сорок против двоих?

— Надеюсь, они объединились с Дугласом — сэром Джеймсом, — пояснил он. Но в этом не было необходимости. Дуглас был хорошо известен в пограничных районах. — Но даже если этого не произошло, сорока англичан недостаточно, чтобы противостоять двум шотландцам.

Джанет восприняла его хвастовство как типичное для шотландца преувеличение. Ведь это действительно преувеличение, не так ли? Тогда почему он выглядел ничуть не обеспокоенным?

Спустя несколько минут вернулся Юэн, и она облегченно вздохнула.

— Думаю, они попались на удочку, — сказал он. — Мы можем отдохнуть здесь несколько часов. Утром я позабочусь о том, чтобы найти лошадей в деревне.

Джанет кивнула и, прислонившись головой к стене, закрыла глаза. Казалось, тяжесть прошедших нескольких дней внезапно навалилась на нее. Она не замечала ни твердости земли, ни каменной подушки, ни холода. Ее одолевало желание лечь и уснуть.

Почувствовав взгляд Юэна, она открыла глаза, прежде чем погрузиться в дремоту. В его глазах промелькнуло что-то страстное и мучительное. И Джанет почему-то почувствовала себя в безопасности.

— Поспите, — сказал он.

Впервые в жизни она подчинилась без возражений.

Джанет проснулась внезапно с нехорошим предчувствием. Было уже почти светло, и, оглядевшись вокруг, она обнаружила, что Юэн опять исчез. Сэр Кеннет спал, однако проснулся, уловив ее движение.

— Что-то случилось?

Джанет покачала головой.

— Я не знаю. — Она плотнее запахнула накидку, как бы защищаясь в отсутствие Юэна. Затем она услышала какой-то звук, похожий на отдаленный пронзительный вой.

— Что это? Волк?

Внезапно появился Юэн.

— Это не волк, это охотничья собака. Нам надо уходить… немедленно.

Глава 14

Собаки, будь они прокляты! Как они могли напасть на их следы?

У Юэна не было времени думать об этом. Им необходимо затеряться в лесах и холмах Лоутер, пока англичане не настигли их. Если собак было слышно, значит они близко.

Хайлендская гвардия мастерски использовала сельскую местность. Чем гуще лес, чем круче обрывы и уже тропы, тем больше преимущества имели шотландцы перед англичанами, несмотря на превосходство в численности и вооружении последних. Тяжелые доспехи англичан и их лошадей мешали им передвигаться в дикой местности, и Брюс научился использовать это в своих интересах.

Юэн не стал тратить время на то, чтобы скрыть следы присутствия, и намеревался покинуть лагерь, едва Кеннет и Джанет соберут свои вещи. Развалины старой крепости были хорошим прибежищем, но спрятаться здесь было нельзя. Хуже всего то, что с ними была Джанет.

С ней он чувствовал себя уязвимым, как никогда прежде. «Лучше умереть, чем сдаться» — таков был девиз Хайлендской гвардии. Юэн никогда не думал, что подвергнет это сомнению. Он был готов на все, лишь бы не допустить, чтобы что-то случилось с Джанет.

Он не знал, как это понимать, но чувствовал всю значительность того, что возникло между ними. Перед лицом опасности он не думал ни о Брюсе, ни о Стюарте, ни о недостроенном замке, ни о своей ответственности перед кланом. Он думал о Джанет. Для него главным была ее безопасность, и не только потому, что ему было поручено доставить ее в целости и сохранности.

Юэн решительно повернулся к ней лицом. Однако сердце его внезапно дрогнуло, когда их взгляды встретились. Он увидел в ее глазах страх, а еще веру в то, что он защитит ее. Это так тронуло его, что он склонил голову. Он едва не опустился на колени от избытка чувств, которых никогда не испытывал прежде. Боже, неужели он…

Юэн оборвал мысль.

Он не смог сдержаться и, протянув руки, коснулся ладонями ее лица. Она прижалась щекой к его кожаной перчатке.

— Нам надо бежать, — сказал он со столь не свойственной ему нежностью.

Она кивнула.

— Я смогу.

Он верил ей. Джанет была сильной и решительной девушкой. И впервые Юэн осознал, что не хотел, чтобы она была другой. Он никогда не думал о женщине иначе, чем о подруге в постели или хранительнице домашнего очага. Он считал женщину утонченным хрупким созданием, нуждающимся в защите. Женщина являлась для него природной необходимостью, но он не допускал, чтобы она могла разговаривать с ним на равных и спорить, доводя его до безумия.

Однако с Джанет все было иначе.

Юэн ласково провел большим пальцем по ее губам.

— Не останавливайтесь, что бы ни услышали. Я найду вас.

У него перехватило дыхание при виде улыбки, тронувшей ее губы.

Затем они побежали. Бежали так быстро, как только могли по заснеженной, поросшей вереском местности к окутанным туманом холмам, маячившим вдалеке. Солдаты Брюса часто находила там убежище, однако не стоило надеяться, что им удастся избавиться от англичан, преследующих их с собаками и лошадьми.

У Юэна было не так много времени, как он надеялся. Очертания развалин крепости позади него уже начали таять в предрассветной мгле, когда он заметил лошадей.

— Бегите к реке! — крикнул он Джанет через плечо. — Надо углубиться в лес на несколько сотен футов. Следуйте в этом направлении, пока не окажетесь на краю рощи, а потом бегите к холмам. Помните, что я говорил. Не останавливайтесь, что бы ни услышали.

Ее лицо раскраснелось от бега, но ему показалось, что она побледнела.

— Юэн, я…

Он не дал ей договорить.

— Бегите!

Юэн не мог выслушать ее. Не сейчас. Он проводил ее взглядом до леса, а затем повернулся к Сазерленду. Однако новый член Хайлендской гвардии упредил его.

— В ущелье?

Юэн кивнул. Глубокая узкая лощина должна затруднить движение лошадей, что могло бы дать ему и Сазерленду время занять подходящую позицию.

Но времени не было. Враг уже дышал в спину. Юэн повернулся и вытащил свой меч как раз в тот момент, когда первый солдат направил на него свое оружие. Юэн блокировал удар боевого топора быстрым вращательным движением своего меча, и оружие выпало из рук англичанина. В следующий момент Юэн поразил мечом ногу всадника, едва не отрубив ее.

Он услышал жуткий крик воина, с которым тот свалился на землю, истекая кровью. Юэн быстрым взглядом оценил силы противника: дюжина тяжеловооруженных всадников, один рыцарь в доспехах и две яростно лающих собаки.

Едва он осознал, в каком положении оказался, как к нему устремился следующий всадник. Предстоящая битва вызвала у Юэна необычайный прилив энергии. Он занес меч двумя руками над головой и обрушил его на противника с такой силой, что выбил его из седла.

Он и Сатрленд, прикрывая друг друга, сражались плечом к плечу, постепенно вынуждая атакующих англичан занять оборону в узком ущелье.

Битва приняла новый оборот. Лошади англичан оказались в ловушке. Теперь английский рыцарь и его люди, вместо того чтобы нападать, теснились, как сельди в бочке. Юэн наступал с

одной стороны, а Сазерленд — с другой, так что всадники оказались в осаде. Они были вынуждены бросить своих лошадей или погибнуть.

Их ждала неминуемая смерть в любом случае.

Лязг оружия начал стихать по мере того, как англичане падали под мечами шотландцев. Лай также прекратился. Одну из собак затоптали убегающие лошади, а другая…

Юэн выругался, стряхивая пот, скопившийся под шлемом, чтобы восстановить ясность зрения. Где другая собака?

Отражая удары, он окинул взглядом место битвы поверх павших людей и лошадей. Второй собаки нигде не было видно.

По спине его пробежал холодок, когда он понял, что рыцарь также исчез.

Оставалось еще четверо солдат. Трое из них атаковали Сазерленда, надеясь одолеть его, а четвертый пытался оттеснить Юэна от товарища. Однако Сазерленд не нуждался в помощи. Как и Юэн. Он сражался с толстяком, который ухитрился нанести удар Юэну в плечо, прежде чем меч Юэна поразил его в шею.

По спине его пробежал холодок, когда он понял, что рыцарь также исчез.

Оставалось еще четверо солдат. Трое из них атаковали Сазерленда, надеясь одолеть его, а четвертый пытался оттеснить Юэна от товарища. Однако Сазерленд не нуждался в помощи. Как и Юэн. Он сражался с толстяком, который ухитрился нанести удар Юэну в плечо, прежде чем меч Юэна поразил его в шею.

Сазерленд понял, что случилось.

— Уходи! — крикнул он, орудуя своим мечом. — Я покончу с ними.

Юэн не стал колебаться. Вскочив на одну из оставшихся лошадей, он помчался туда, куда по его указанию должна была бежать Джанет.

Он склонился к шее боевого коня, уворачиваясь от ударов веток в лесу у подножья холмов, и молился. Молился, надеясь, что вторая собака и рыцарь не устремились за ней. Молился, чтобы успеть догнать Джанет.

Внезапно он услышал пронзительный крик, который будет преследовать его всю оставшуюся жизнь. Этот резкий, исполненный ужаса крик разорвал предрассветную тишину и заставил сердце Юэна замереть. В следующее мгновение он рванулся вперед, испытывая незнакомый ранее первозданный страх.

Джанет намеревалась следовать указаниям Юэна. Однако когда до нее донесся лязг металла, она инстинктивно обернулась на этот звук.

Она остановилась всего на минуту, чтобы понять, что происходит. Однако Джанет не скоро забудет представшее перед ее взором зрелище. Это была битва во всем своем ужасе. До этого она дважды видела жестокость, которую проявляли люди на войне. Первый раз — ночью на мосту, когда она пыталась спасти свою сестру, а второй — днем в лесу с Маргаритой, когда она

впервые повстречала Юэна. Однако свирепость и безжалостность происходящего вновь поразили ее. Вид мелькающих мечей, поднявшаяся пыль, льющаяся кровь — все это вселяло ужас в ее сердце. Как и громкий звон металла, сулящий смерть.

Англичане в металлических латах подобно насекомым облепили двух шотландцев. Происходящее походило на резню. Джанет едва могла дышать, опасаясь, что Юэна могут убить первым же ударом. Но она забыла, что он обладал необычайной силой и решимостью во что бы то ни стало выполнить данное ему задание. Сэр Кеннет сражался отчаянно, как настоящий варвар. Нетрудно представить этих двух воинов, наводящих ужас на морях в ладье викингов.

Англичане превосходили шотландцев числом, но те обладали преимуществом в умении сражаться. При первых проблесках дневного света, посреди хаоса и царящего кошмара, в своих темных шлемах и накидках, которые развевались наподобие мантий привидений, они выглядели как грозные существа из другого мира.

Они были похожи на… призраков.

Осознание этого на мгновение ошеломило Джанет, но затем она вспомнила предупреждение Юэна и побежала. Она бежала, пока не ощутила боль в ногах и в легких, пробираясь сквозь деревья и кусты вдоль каменистого берега реки.

Она преодолела не более мили, когда услышала лай собаки позади. Страх сковал ее и без того сжавшееся сердце. Джанет посмотрела через плечо и увидела мчащуюся сзади гончую. Вопреки желанию бежать, она заставила себя замедлить ход.

Собака была обучена охоте, погоне за дичью. И от нее невозможно убежать.

Однако Джанет не собиралась стать добычей. Положив руку на рукоятку кинжала, она повернулась лицом к собаке. Ожидая, что та прыгнет на нее, она удивилась, когда собака остановилась в десяти шагах поодаль. Они молча смотрели друг на друга. Зверь и человек. Точнее, в данном случае зверь и женщина.

Животные всегда любили ее. Джанет старалась помнить об этом, стоя совершенно неподвижно, если не считать вздымающейся от тяжелого дыхания груди.

Шотландская борзая была огромных размеров, ее голова с серой шерстью доходила почти до пояса Джанет. Пасть собаки с внушительными клыками была раскрыта, однако ее черные глаза выражали скорее любопытство, чем злость. Может ли собака быть любопытной?

Ее косматая шесть была грязной и спутанной и явно требовала ухода. Но в общем это была великолепная охотничья собака, пусть и немного худощавая.

Свободной от кинжала рукой Джанет потянулась к кожаному мешочку на поясе и извлекла кусочек вяленой говядины. Она осторожно держала его перед собой, издавая успокаивающие звуки, в то время как собака смотрела на нее изучающе. Сердце Джанет забилось тревожно, когда животное медленно двинулось к ней. Не желая испытывать судьбу, она положила мясо на землю. Собака схватила его и, проглотив в одно мгновение, снова уставилась на Джанет, негромко поощрительно тявкнув.

Несмотря на грозящую опасность, Джанет рассмеялась. Пес был милым хитрым дьяволенком, если не обращать внимания на размеры и клыки.

Она осторожно протянула руку, позволив собаке понюхать ее, и прошептала:

— Прости, но это все, что у меня есть.

Собака снова тявкнула и вздохнула, усевшись у ее ног. Когда Джанет погладила ее по голове, собака тихонько заскулила.

Джанет снова рассмеялась.

— Ну, не такая уж ты и страшная…

Внезапно из-за деревьев появилась лошадь с всадником. У Джанет от страха перехватило горло. По блестящей кольчуге она поняла, что это враг. Воин двинулся к ней, явно намереваясь подхватить ее и посадить на свою лошадь. Внезапно собака прыгнула и, вцепившись в руку мужчины, попыталась стянуть его на землю. Как вдруг собака оказалась под задними ногами лошади и та, испугавшись, рванулась вперед.

Джанет услышала страшный удар и жалобный собачий вой. Она быстро обернулась и мгновенно поняла, что произошло: собака оказалась раздавленной копытами лошади, лошадь сломала ногу, а всадник… Он вылетел из седла и теперь медленно поднимался на ноги. Извергая ругательства, мужчина вытащил свой меч и занес его над лежащими животными.

Джанет вскрикнула и отвернулась.

— Проклятая глупая дворняжка, — проговорил мужчина. С ударом меча жалобный вой собаки прекратился. Затем последовал еще один удар, и лошадь тоже затихла.

Понимая, что следующей будет она, Джанет бросилась бежать и пронзительно закричала, когда солдат железной рукой схватил ее за руку.

Он развернул ее и поднял меч над своей головой.

— Ты куда собралась, глупая мятежная девка…

Джанет никак не среагировала на это. Ей повезло, что солдат схватил ее за левую руку, потому что так свободной правой рукой она незаметно вытащила из ножен кинжал и со всей силы воткнула его ему между ног, где, как она надеялась, есть незащищенное кольчугой место.

В этот момент она услышала какой-то щелчок. Глаза англичанина расширились. Рука, сжимавшая ее предплечье, ослабела, и он рухнул к ее ногам. Его шею пронзил дротик.

Юэн никогда не испытывал такого гнева. Он был потрясен, увидев Джанет рядом с воином в металлических доспехах, сжимавшим ее руку. Она выглядела подобно цветку в железных тисках, и ее изящная фигура выглядела еще более нежной рядом с огромным воином в кольчуге, который занес меч над ее головой.

Юэн никогда не испытывал такого гнева. Он был потрясен, увидев Джанет рядом с воином в металлических доспехах, сжимавшим ее руку. Она выглядела подобно цветку в железных тисках, и ее изящная фигура выглядела еще более нежной рядом с огромным воином в кольчуге, который занес меч над ее головой.

Им овладели слепая ярость и жажда крови. Он пристально вглядывался сквозь темные заросли веток в единственную цель перед собой, сжимая в руке дротик. Он не допускал мысли, что в

случае промаха Джанет может погибнуть. У него не было времени на раздумья.

Сорок, тридцать, двадцать футов отделяли его от цели. Он со всей силы метнул дротик.

Дротик со свистом рассек воздух и пронзил кольчугу, прикрывавшую шею рыцаря.

Юэн спрыгнул с лошади в ту же секунду, когда солдат рухнул на землю. Джанет повернулась и увидела его. С тихим стоном, тронувшим сердце Юэна, она бросилась в его объятия.

Он крепко держал ее, наслаждаясь охватившей его нежностью, когда она уткнулась головой в его грудь. «Она в безопасности, — повторял Юэн себе снова и снова. — В безопасности». Однако его сердце продолжало тревожно биться.

Никогда прежде ему не доводилось испытывать ничего подобного, и он постарался взять себя в руки, прежде чем спросил:

— Ты в порядке?

Джанет кивнула, прижимаясь к его груди, но он хотел убедиться в этом сам. Он осторожно взял ее за подбородок и заглянул в ее большие, полные слез глаза. Ее по-детски нежная кожа под его пальцами была такой бледной, что казалась полупрозрачной.

— Я так испугалась. Эта собака… — Она взглянула на него. — Это было ужасно.

Его захлестнула волна нежности.

— Все позади, дорогая. Все позади.

Она покорно кивнула. Юэн сомневался, что Джанет когда-либо прежде, даже в детстве, проявляла такую покорность, но, видимо, на нее повлиял ужас, который она пережила от нападения англичан. Она дрожала, прижимаясь к нему, и его охватило желание защитить ее. При этом ему очень хотелось прильнуть губами к ее губам и целовать, целовать до самозабвения.

Однако он не сделал этого. Опасность миновала, и теперь пора вспомнить о долге.

Юэн медленно, неохотно выпустил ее из своих объятий.

Джанет заморгала, глядя на него сначала с удивлением, а потом с обидой, от чего у него дрогнуло сердце.

Он проклял несправедливость жизни. Долг, верность, ответственность — все это делало невозможным их дальнейшее сближение.

Внезапно Джанет ахнула и устремила свой взгляд на его предплечье.

— Ты ранен!

Юэн посмотрел на свою руку и увидел, что меч англичанина порезал его кожаные доспехи и теперь из раны сочилась кровь. По правде говоря, он не чувствовал этого. Чего нельзя было сказать о его ноге, где он испытывал пульсации и жжение, словно кто-то полил рану виски, а затем поджег.

— Все хорошо. Это всего лишь царапина.

Она поджала губы, что было признаком раздражения. Кто бы мог подумать, что это чувство делает ее такой очаровательной?

— Нужно перевязать руку. Тогда все будет в порядке.

Уголок его губ слегка приподнялся в полуулыбке. Вероятно, она права.

— Твои воины — настоящие… — Джанет замолчала и тревожно огляделась. — А где сэр Кеннет?

— Не беспокойся. Он заканчивал битву, когда я бросился вслед за тобой. Он присоединится к нам с минуты на минуту.

— Не поверю, пока сама его не увижу. Двое против стольких англичан. — В ее голосе, несомненно, чувствовалось почтительное благоговение. Однако это не обрадовало Юэна. Она слишком приблизилась к разгадке его тайны. Он понял, о чем она его спросит, прежде чем их взгляды встретились. — Ты один из призраков Брюса?

О Боже, эта девушка — настоящая катастрофа! Она слишком умна и догадлива, и ее догадки опасны и могут подвергнуть всех их риску. Но разве ее работа была менее опасна? Ее знания и даже подобные подозрения могли бы послужить основанием для того, чтобы послать за ней половину армии англичан. Разоблачение и захват членов тайной армии Брюса были первостепенной задачей английского командования.

Выражение лица Юэна никак не отражало бурю чувств, которую вызвал ее вопрос. Он сделал вид, что ее предположение его позабавило.

— Родители тебе не говорили, что призраков не существует?

Джанет приподняла подбородок.

— Значит, ты утверждаешь, что не являешься членом секретной армии, которая наносит урон английским войскам…

Он резко прервал ее, схватив за руку.

— Нам надо идти.

— Ты не ответил на мой вопрос.

Едва Джанет произнесла эти слова, как снова услышала собачий лай и вслед за этим — стук лошадиных копыт. Глаза ее расширились, и она уперлась каблуками в землю, когда Юэн потянул ее к лошади.

— А как же сэр Кеннет? Разве мы не должны его подождать?

Губы Юэна сжались в мрачную линию.

— Он нас догонит.

Юэн на это надеялся. Однако звук приближающихся всадников не предвещал ничего хорошего. Он не хотел усиливать тревогу Джанет, но его миссия, начавшаяся так плохо, казалось, теперь стала еще труднее.

Он собирался помочь Джанет сесть на лошадь, когда она снова отстранилась.

— Постой! Я забыла свой кинжал.

Юэн понимал, что кинжал нужен ей для защиты, но не пустил ее за ним.

— Я возьму.

Юэн подошел к телу убитого рыцаря. Он без труда обнаружил кинжал.

«О, будь я проклят». Если бы его дротик не лишил англичанина жизни, ее кинжал, проникнув глубоко в его ногу, довершил бы дело.

Он вдруг почувствовал прилив гордости. Эта девушка — настоящий боец. Его первое впечатление о ней несколько месяцев назад, как о валькирии, оказалось недалеко от истины.

Вытерев кровь с кинжала о свои перепачканные грязью штаны, он протянул его ей.

Она нерешительно посмотрела на него.

— Значит, я…

Он понял, что она собиралась спросить.

— Ты хорошо защищалась. Он остался бы хромым на всю жизнь, — солгал он.

Она вздохнула с явным облегчением.

— Я была не уверена.

На совести Юэна было уже много смертей, и он решил защитить ее от чувства вины.

Снова послышался лай собаки, на этот раз значительно ближе, заставив их снова двинуться в путь.

Юэн помог Джанет сесть на лошадь и сам устроился позади нее. Они ехали вдоль берега реки к холмам и гнали лошадь так долго, как только могли. Юэн надеялся, что собака потеряет след и найти их будет значительно труднее. Вода тоже должна помочь. Там, где было достаточно мелко, он направлял лошадь в реку.

Они продолжали эту неистовую гонку несколько миль. Звуки погони становились все тише и тише, пока совсем не смолкли.

Юэн облегченно вздохнул. Преследователи потеряли их и нескоро найдут. На подъеме он поехал медленнее. И лес, и речная долина, и покрытые вереском склоны холмов — все это манило его, как первый признак суши после длительного морского путешествия. Это родной дом. Убежище. Безопасность.

Юэн облегченно вздохнул. Преследователи потеряли их и нескоро найдут. На подъеме он поехал медленнее. И лес, и речная долина, и покрытые вереском склоны холмов — все это манило его, как первый признак суши после длительного морского путешествия. Это родной дом. Убежище. Безопасность.

Хотя давно рассвело, густой туман скрывал поросшие кустарником вершины холмов. Они

выглядели грозными, но именно там можно было надежно скрыться. Даже если англичане опять выследят их, они подумают дважды, прежде чем продолжать преследование в такой мрачной местности.

Однако Юэн не собирался доверяться воле случая. Понимая, что дальше лошадь будет только мешать им, он приблизился к небольшому броду и попросил Джанет подождать, а сам переправился на другой берег реки. Там он спешился, хлопнул лошадь по крупу и наблюдал, как та галопом поскакала по узкой тропинке. Осторожно, стараясь не оставлять следов, он вернулся туда, где его ждала Джанет.

Она смотрела на темные воды реки, сморщив нос.

— Полагаю, мне опять придется намочить ноги?

Юэн усмехнулся.

— Боюсь, что придется.

Объяснив Джанет, что надо, по возможности, наступать или на камни, или на твердое дно, он помог ей спуститься к реке и ступить в воду. К сожалению, на этот раз берега реки здесь были довольно крутыми и вода доходила ей почти до коленей.

Они двигались вверх по течению к холму, пока позволяла глубина реки. Выбравшись на берег, Юэн указал на большой валун.

— Здесь мы можем немного отдохнуть.

Джанет, не дожидаясь особого приглашения, тяжело опустилась на камень. Скинув с плеч мешки, Юэн воспользовался одним из них в качестве сиденья и присоединился к ней. К счастью, вместе с вещами он захватил еду. Он старался не думать о Сазерленде, убеждая себя, что их новобранец способен позаботиться о себе. Однако Юэн не мог понять, как англичанам удалось выследить их и напасть. Задача Юэна — не допускать ничего подобного. И если он чувствовал свою вину в этом, то потому, что отвечал за безопасность. Он потерпел неудачу и не мог смириться с этим.

Что он сделал не так? Как эти чертовы собаки смогли взять их след?

По-видимому, Джанет думала о том же самом.

— Полагаешь, нам удалось сбить их со следа?

— Пока да, — сказал он. — Собакам будет трудно различить нужный запах из-за лошадей и из-за того, что мы шли по реке.

— Как же они смогли взять наш след на первой стоянке?

— Не знаю. Я был уверен, что мы ничего не оставили…

Он замолчал, и его взгляд устремился на блестящий завиток ее золотистых волос, выбившийся из косы. Даже в тумане ее голова ярко выделялась. Ее непокрытая голова.

Его губы сжались в суровую линию: он понял, в чем дело. Он выругался.

— Где твоя шапка?

Глава 15

Джанет инстинктивно поднесла руку к голове. Каково же было ее удивление, когда вместо шерстяной шапки ее пальцы коснулись волос.

— О, я не представляю, где она, — сказала Джанет. Затем, подумав, добавила: — Должно быть, она упала, когда я едва не соскользнула с лошади.

Юэн опять выругался, что, по ее мнению, было излишне, так как выражение его лица достаточно говорило о его чувствах. Он был в ярости. И даже более того — в неистовом бешенстве.

— Вот почему они смогли выследить нас.

— Я сожалею. Я не заметила…

Он встал и рывком поднял ее на ноги. Джанет бы не удивилась, если бы он потянул ее за ухо, как негодного щенка.

— Проклятье, я же говорил, что нам необходимо быть чрезвычайно осторожными! Неудивительно, что они обнаружили нас так быстро! Ты навела их на наш след.

Он мог этого и не говорить: она знала, что он подумал. «Вот почему женщине здесь не место. Женщине нечего делать на войне. Возвращайся к своему уютному гнездышку и держись подальше отсюда».

Джанет хотела доказать ему, что способна помогать королю так же, как и он. Возможно, другим способом, но не менее действенным. Но вместо этого она лишь подтвердила его точку зрения. Как можно ждать, что он признает ее способности, если она допускает такие глупые ошибки?

Она хотела возразить ему, попытаться убедить, что это была нелепая случайность. Однако впервые у нее не было убедительных доводов. Юэн был прав, хотя немногие могли бы высказать ей эту правду так прямо. Но щадить чьи-то чувства не в правилах Юэна. Он честно и открыто указывал на ее недостатки.

Джанет не возражала. Она была напугана и очень устала, поскольку спала всего несколько часов за последние два дня, и чувствовала себя крайне уязвимой после того, что случилось. Там, в лесу, они разделяли истинные чувства, и она не позволит ему отрицать это. Она была уверена, что он собирался поцеловать ее, что он отбросил все отговорки и причины, остановившие его. Но он опять отвернулся от нее.

Она сжала руки, испытывая досаду.

— Это была безобидная ошибка.

— Ошибка, из-за которой нас всех могли убить.

Джанет сжалась под тяжестью его сурового взгляда, в котором читался жесткий упрек.

— Я же сказала, что очень сожалею. Я не знаю, что еще могу сделать.

— Ничего. Просто в следующий раз постарайся следовать моим указаниям.

Джанет была не в силах дальше оправдываться.

— Я не твой солдат, которому ты можешь приказывать.

— Это я уже понял. Мои люди соблюдают дисциплину в отличие от тебя.

Теперь не только он потерял самообладание. Ее глаза засверкали от гнева, а руки сжались в кулаки.

— Прекрасно. Женщинам не место на войне — это ты хочешь сказать?

В его глазах тоже вспыхнул огонь. Юэн наклонился к ней и прорычал:

— Это чертовски правильная мысль.

Джанет хотела гневно топнуть ногой. Однако это, несомненно, только даст ему повод и дальше обращаться с ней, как с ребенком. Она запрокинула голову и громко фыркнула.

В жизни она не встречала такого грубого, безрассудного мужчину, относящегося к ней так снисходительно и способного так легко вывести ее из себя!

Но несмотря на его гнев и упреки — к сожалению, заслуженные, — в глубине души она все-таки надеялась, что он обнимет ее и утешит, как прежде. Для такого огромного и грозного на вид мужчины он был удивительно нежным.

Однако он и не думал утешать ее.

— Тебе надо раздеться.

Джанет отпрянула от него.

— Раздеться?

— Да, догола. И полезай в реку. От кожи и волос исходит запах колокольчиков. Надо избавиться от него. Мы должны быть уверены, что собаки его не учуют.

— Но… — Она посмотрела на небольшое озерцо под водопадом. Даже здесь ощущался исходивший от него холод. А колокольчики вовсе не источали резкого запаха.

Юэн сжал челюсти, едва сдерживая раздражение.

Юэн сжал челюсти, едва сдерживая раздражение.

— Проклятие, ты когда-нибудь будешь меня слушаться?!

Их взгляды встретились в молчаливом противоборстве. Она достаточно терпела его бесцеремонное обращение. Внезапно загадочная улыбка тронула ее губы, когда проснувшийся в ней чертенок поднял свою вздорную голову.

«Хорошо, я тебя послушаюсь».

— Как пожелаешь.

Она сбросила накидку с плеч, и та упала к ее ногам. Юэн застыл. Вызывающе вскинув бровь,

Джанет расстегнула свой камзол, который отправился вслед за накидкой.

Юэн в конце концов вновь обрел дар речи, когда она скинула сапоги и начала стягивать кожаные штаны с бедер.

— Что ты делаешь? — спросил он, что было довольно глупо, по ее мнению.

Джанет улыбнулась, снимая лосины.

— Слушаюсь тебя. — Она посмотрела на него невинным взглядом. — Хочешь немного воды?

— Воды? Зачем?

— Судя по твоему голосу, у тебя пересохло горло.

С этими словами она сняла через голову сорочку.

Должно быть, это было следствием сражения или, может быть, физической усталости прошедших нескольких дней. Но когда Юэн наблюдал за ней, его конечности налились свинцом. Он не мог двинуться с места. У него не было сил противостоять.

«О Боже, останови ее».

Однако прежде чем разум одержал верх над чувствами, ее сорочка упала на землю.

Весь мир застыл, сердце Юэна замерло, и во рту пересохло так, что он ощутил жжение. Казалось, не хватит целого океана, чтобы утолить жажду, которую она в нем вызывала.

Джанет была само совершенство. С длинными ногами, стройной фигурой и безупречной молочно-белой кожей. Ее упругие округлые груди с маленькими твердыми сосками, запечатлевшиеся ранее в его памяти, были еще более волнующими, чем он предполагал. И это тайное женское местечко между ее ногами…

«О Боже милостивый!» Он застонал. Его охватило страстное желание, отозвавшееся напряжением и болью в паху.

Ее голос вернул его к действительности.

— Ты этого хотел?

Он посмотрел ей в глаза.

«Проклятье!» Эта девушка вовсе не выглядела слабой и беззащитной. Даже обнаженная, как в тот день, когда Господь создал ее, она выглядела смелой, вызывающе бесстыдной и сильной.

Достаточно сильной, чтобы сломить его сопротивление.

Он резким движением привлек ее в свои объятия.

Джанет ахнула, пораженная внезапностью его движения, однако не стала сопротивляться и прильнула к нему всем телом. Она давно жаждала этого и наконец добилась своего.

Topreading.ru

В какое-то мгновение Джанет почувствовала страх и подумала, не слишком ли многое позволила Юэну. Но, оказавшись в его объятиях, она поняла, что он не причинит ей вреда. Юэн, даже потеряв контроль над собой, обнимал ее с такой нежностью, которая никак не вязалась с его могучим, твердым как камень телом.

Кожа и металл его доспехов, соприкасаясь с ее обнаженным телом, словно обжигали, хотя нельзя было назвать это ощущение неприятным. Возможно, потому что тепло, исходящее от его тела, сглаживало холод.

Джанет откинула голову назад и посмотрела в его глаза.

Свирепость выражения его лица заставила ее содрогнуться.

— Черт бы тебя побрал! — сердито сказал Юэн, и это был последний возглас протеста, прежде чем он окончательно сдался.

Все мысли о мягкости были забыты, когда его губы коснулись ее губ. Он целовал ее с таким грубым неистовством, что она едва могла дышать. Из груди ее вырвался стон. И стон повторился не раз, особенно когда он пустил в ход язык. Проникновение его языка чрезвычайно возбудило ее, и глухие страстные звуки исходили, казалось, из глубины ее естества — оттуда, где она ощущала твердость его тела.

Джанет вся дрожала, и ее тело отвечало на его желание. Она чувствовала это желание всем своим существом.

Он прижал ее к себе еще сильнее, изогнув ее спину и проникая языком все глубже и глубже. Джанет вынуждена была сопротивляться, чтобы удержаться на ногах. Она не ожидала такой страсти.

Джанет поняла: он наказывал ее за то, что она вынудила его так поступить, и старался напугать ее силой своего желания.

Однако она ответила ему тем же. Она была невинной девушкой, но инстинкты, который он пробудил в ней, сделали ее распутной. Джанет жаждала его ласк. Его грубая чувственная страсть лишь воспламеняла ее.

Да, она вся пылала, словно в лихорадке, и, казалось, таяла и растворялась в озере пламенной страсти.

Юэн снял свои латные рукавицы, и Джанет ощутила его мозолистые руки на своей обнаженной коже. Он ласково гладил ее, не оставляя без внимания ни единого дюйма, чем усиливал возбуждение, сопровождавшееся стонами.

— Боже, ты такая приятная. У тебя такая мягкая кожа. — Его теплое дыхание щекотало ее ухо, и Джанет дрожала, но в большей степени от его слов. — Я хочу ласкать тебя всю. Каждую частичку твоего тела, моя милая.

— Милая? — Такое проявление нежности потрясло Джанет. Она не могла поверить, что это Юэн говорил ей такие слова. Казалось невероятным услышать нечто подобное от грубого воина, которому чужды были хорошие манеры. Все это выглядело удивительным сочетанием грубой страсти с мягкими, чувственными словами.

Его руки продолжали гладить ее спину и ягодицы, плотнее прижимая к себе.

Матерь Божья! Джанет вся дрожала от возбуждения и едва дышала. Ее тело содрогалось в ожидании.

В ожидании чего?

— Боже, ты лишаешь меня жизни, — чуть слышно прошептал Юэн.

В иной ситуации она не придала бы значения этим словам, но, судя по тому, как он произнес это, такое было возможно.

Его губы жадно ласкали ее шею, ее кожа горела под его прикосновениями.

Ее сердце гулко билось. Колени дрожали. А в местечке между ног… Ее щеки покраснели. Джанет не хотела даже думать о том, что происходило там. Она ощущала необычайный жар, болезненное напряжение и влажность, сопровождаемую слабыми пульсациями.

О! Он еще крепче прижал ее к себе, и пульсации усилились. Она хотела ощутить его там.

— Боже милостивый, ты сводишь меня с ума, — произнес Юэн хрипловатым, сдавленным от напряжения голосом.

Джанет понимала, какие чувства владели им.

— Я хочу быть в тебе, — прошептал он ей на ухо.

Джанет едва не вскрикнула от разочарования, когда он отпустил ее бедра и приятное давление исчезло. Но ее разочарование длилось лишь одно мгновение. Его рука бегло прошлась по животу и накрыла ее грудь.

— Она такая мягкая, — со стоном произнес Юэн, нежно сжимая ее. — Твои груди невероятно красивы. Я мечтал ласкать их с того первого момента, когда впервые увидел тебя.

Так ли это на самом деле?

Джанет была рада, что он не ждал от нее ответа, поскольку у нее перехватило дыхание. К тому же все ее внимание сосредоточилось на ощущении его руки на ее теле. Она жаждала его возбуждающих ласк.

Так ли это на самом деле?

Джанет была рада, что он не ждал от нее ответа, поскольку у нее перехватило дыхание. К тому же все ее внимание сосредоточилось на ощущении его руки на ее теле. Она жаждала его возбуждающих ласк.

Но она и представить себе не могла, какое невероятное чувство вызовут его пальцы, захватившие сосок ее груди. Прикосновение огрубевшей подушечки большого пальца к чувствительному соску поразило ее, словно удар молнии, вызвав бурю ощущений.

Он издал глухой звук, прежде чем его губы снова накрыли ее рот.

Джанет почувствовала, что его поцелуй уже не казался наказанием, но был исполнен определенного намерения. Каждое прикосновение его рук к ее телу вызывало усиление ее страсти, приближая к чему-то неизведанному.

Topreading.ru

Она вся дрожала от предвкушения.

Юэн поднял голову.

— Тебе холодно?

Она покачала головой и с трудом прошептала.

— Мне жарко.

— Это хорошо. — Глаза его потемнели. — Будет еще жарче.

Джанет опять задрожала, услышав чувственное обещание в его хрипловатом голосе.

Он был верен своему слову. Мгновение спустя, когда его губы нашли ее грудь, она подумала, что оказалась в пылающих недрах ада, так как, несомненно, то, что она испытала, было страшным грехом.

Она вскрикнула, когда его язык начал описывать круги вокруг соска, а затем Юэн принялся сосать его. Сначала очень нежно, затем немного настойчивее, и она выгнулась навстречу, желая, чтобы он глубже взял его в рот.

Джанет ощущала необычайный жар, колючее прикосновение его подбородка, шелковистость его волос.

Этого было слишком много.

Этого было мало.

Она начала отчаянно извиваться в его объятиях, и он, наконец, дал ей облегчение, которого она неосознанно искала.

Его язык продолжал ласкать ее сосок, когда пальцы его проникли между ее бедер.

Джанет замерла и вдруг поняла, что вот-вот произойдет. Внезапно ее охватила паника. Она свято хранила свое целомудрие в течение двадцати семи лет и вполне естественно испытывала неуверенность, когда настал момент лишиться его. Разве это заслуживает осуждения?

Юэн поднял голову, словно услышав ее невысказанный вопрос. Их глаза встретились, и неуверенность Джанет постепенно утихла, когда она увидела напряжение в его взгляде.

Затем он коснулся ее… там. В том месте, которое она неосознанно берегла для него до настоящего момента.

Наслаждение распространилось в глубине ее естества, подобно тому, как цветок раскрывает свои бархатистые лепестки под лучами солнца. Юэн продолжал ласкать ее, не отрывая взгляда от ее глаз. Это было удивительное, волшебное ощущение. Самое естественное и прекрасное в мире. Что в этом плохого?

Страсть нарастала с неистовой скоростью, приближаясь к неизбежному завершению. Спустя несколько мгновений, когда Джанет смотрела в его глаза, а он ласкал ее, доводя до пика страсти, дыхание ее замерло, она содрогнулась, и по всему ее телу разлилось блаженное тепло. В этот момент Джанет порадовалась, что она не монашка.

Юэн наблюдал за тем, как на лице ее отразилась чувственная эйфория, припухшие губы приоткрылись, щеки раскраснелись и взгляд затуманился от наслаждения. Все это дало волю его чувству, которое невозможно было сдержать.

Его охватило такое вожделение, какого он никогда прежде не испытывал. Оно было мощнее и глубже. Это отразилось не только в том, что его чресла восстали и стали твердыми, как мраморная колонна, но и в бурлящей крови и в каждой частичке его тела, включая ту часть, которую он не желал раскрывать, — в его сердце.

Его потребность в Джанет была такой же естественной, как потребность в воде, пище и воздухе. Он хотел обладать ею.

Последние признаки ее разрядки еще не угасли, когда он, расстелив свою накидку, уложил Джанет на землю.

Он завозился со своими штанами и выругался. В следующий раз он сделает это быстрее. Но сейчас он был рад этой задержке на несколько минут.

Он потерял контроль над собой по естественной причине, и его тело двигалось, подчиняясь своим инстинктам. Он не позволял себе думать о чем-либо. Кровь шумела в его голове. Пот стекал на лоб. Он никогда в жизни не испытывал такого сильного желания.

Благодатный холодный воздух коснулся его разгоряченной кожи, когда он наконец избавился от своих штанов. Юэн замер в нескольких дюймах от своей желанной цели.

Его член был твердым, как штырь, налитым кровью и болезненно пульсирующим в диком предвкушении. На конце блестела капелька влаги.

Юэн стиснул зубы. Еще несколько секунд…

Он не мог дождаться того удивительного момента первого входа, когда его чувствительный кончик встретится с теплым и влажным женским естеством. Он почти чувствовал, как она плотно охватывает его и сжимает своими бархатистыми лепестками. Его ягодицы сжались.

Ресницы Джанет затрепетали, и она открыла глаза. Она улыбнулась, отчего сердце Юэна сжалось, и он затаил и без того затрудненное дыхание. Она была невероятно красивой.

— Это было удивительно приятное ощущение. Я никогда не представляла… — Она посмотрела на него. — Можно еще?

«Какая жадная до наслаждений девица!» Юэн улыбнулся.

— Да, это только начало. Я собираюсь доставить тебе…

«…И себе тоже».

Он замолчал. Невысказанное слово внезапно потрясло его и пробудило от спячки совесть.

— Доставить мне что? — игриво спросила Джанет. Она посмотрела вниз, и глаза ее расширились.

— О… О!

Она снова посмотрела на него неуверенно, с некоторым страхом. И не без причины. Он был

создан, чтобы доставлять женщине удовольствие.

Но она была не женщиной, она была девушкой.

«Не была, а есть», — мысленно поправил Юэн себя.

Все мышцы его тела напряглись. Он склонил голову, пытаясь взять себя в руки, в то время как потребность его тела вступила в противоречие с его разумом. Ему хотелось, чтобы его разум замолчал.

«Пора заканчивать все это. Ты можешь сделать это ради нее. Она хочет этого. Слишком поздно отступать, черт возьми». Однако было еще не слишком поздно. Пока.

«Она не твоя. Но она может стать твоей. Лишь несколько дюймов, и ты можешь добиться своего».

Но какой ценой? Готов ли он пожертвовать всем, чего достиг? Не окажется ли он в таком же положении, как его отец?

Юэн выругался, не сознавая, что произнес бранные слова вслух, пока не услышал, как Джанет ахнула.

— Что-то не так? — Она протянула руку и коснулась его напряженного лица.

Он отстранил ее руку и отшатнулся, несмотря на инстинктивный протест его тела.

— Я не могу это сделать.

— Почему?

Он уже поднялся на ноги и был готов удалиться. Он не мог смотреть на нее: чувство, отразившееся на ее лице, угнетало его. Ему потребовалось чуть больше минуты, чтобы взять себя в руки.

— В моем мешке есть немного мыла и кое-какая одежда. Смой этот проклятый цветочный запах. Как только будешь готова, мы двинемся в путь.

Юэн никогда не уходил с таким трудом. Он проклинал каждый шаг, отдалявший его от нее. Его честь и верность долгу подверглись тяжелому испытанию, и теперь он не был уверен, что сможет устоять в следующий раз.

Глава 16

Джанет не понимала, что случилось. В какой-то момент Юэн был с ней, и они были близки, как только могут быть близки два человека, а затем он оказался где-то, куда путь ей был закрыт. Свирепое выражение его лица встревожило ее. Он выглядел сломленным и, казалось, испытывал мучения. Она окликнула его, когда он уходил, но он сделал вид, что не услышал ее, и продолжал удаляться.

Он оставил ее распростертой на земле. Если бы она не была так смущена, то, должно быть, заплакала бы. Как он посмел бросить ее в таком виде! Она была готова и страстно желала испытать все до конца. Она отдавалась ему, а он отверг ее.

Оставшись в одиночестве без тепла его тела, Джанет задрожала. Утренний холод снова пробрал до костей. Однако это было ничто по сравнению с тем, что ждало ее впереди. Не имея другого выбора, кроме как выполнить его указание, она провела две или три самых неприятных минуты в своей жизни, окунувшись в ледяную воду озерца внизу водопада.

Спуститься с каменного выступа в воду было сродни геройскому поступку. Только сознание своей вины в том, что англичане смогли найти их, заставило ее это сделать. И она прыгнула. Сказать, что вода была холодной, — значит ничего не сказать. Казалось бы, обжигающий холод должен был затмить воспоминание о том, что произошло ранее. Однако Джанет никогда не забудет этого. Юэн показал ей, каким может быть райское наслаждение, и теперь ничто не заставит ее это забыть. И ужасно холодную воду.

Вынырнув на поверхность, Джанет принялась яростно тереть свои волосы и тело куском мыла, стараясь не только удалить «противный запах» колокольчиков, но и разогнать кровь, чтобы не замерзнуть до смерти.

Выбравшись на сушу, она не испытала облегчения. Ее зубы продолжали стучать несколько минут спустя, когда Юэн вернулся. Она не стала спрашивать, где он был, но, судя по его влажным волосам, он тоже искупался чуть ниже по реке.

Юэн окинул ее взглядом. Джанет не могла понять, был ли он доволен тем, что она его послушалась. Видно было только, что мучительное выражение исчезло с его лица и его черты снова превратились в непроницаемую маску.

Отсутствие у него эмоций вызвало досаду у Джанет. Как мог он быть таким невозмутимым, в то время как она продолжала испытывать волнение? Она поджала губы, и ее гнев затмил смущение.

— Тебе помочь? — спросил Юэн.

По-видимому, он заметил, что ей трудно одеваться. Ей удалось надеть одну из его рубашек и шерстяные штаны. При этом рубашка уже впитала влагу от ее мокрых волос, а пальцы не слушались, когда она пыталась натянуть лосины.

Джанет отрицательно покачала головой. В качестве предложения мира, — если оно было таковым, — этого недостаточно. Он отверг ее и оставил в таком ужасном положении. Она не позволит ему сделать вид, будто ничего не случилось. Можно подумать, что, одевшись, она сможет вычеркнуть из памяти то, что было между ними!

Она уже намеревалась снова завернуться в накидку, но Юэн ее остановил.

— Тебе нельзя надевать то, что ты носила прежде. Мы оставим эту накидку вместе с другими вещами.

— Но она принадлежит Йену. И она очень теплая.

Ей показалось, что Юэн чуть плотнее сжал губы.

— Маклин поймет. — Юэн снял свою накидку и протянул ее Джанет. — Можешь надеть мою.

Их глаза на мгновение встретились, и, казалось, в его взгляде было нечто большее, чем предложение тепла, но он сразу же отвернулся.

Topreading.ru

Она взяла накидку и быстро завернулась в нее, едва сдержав вздох облегчения, когда тепло окутало ее замерзшие конечности. Казалось, шерстяные нити накидки хранили тепло его тела. Она уловила также знакомый слабый запах сосны и кожи.

Через несколько минут Джанет достаточно согрелась, чтобы продолжить одеваться. Она собрала волосы в пучок на затылке и натянула сапоги. По крайней мере, Юэн не стал настаивать, чтобы она пошла босиком.

Юэн достал кусок веревки, на которую Джанет взглянула без интереса.

— Это для штанов, — пояснил он. — Завязок недостаточно, чтобы их поддерживать.

Она действительно была вынуждена постоянно подтягивать штаны, сползавшие с ее узких бедер. И все-таки они были удобнее для путешествия, чем монашеское одеяние или красивое платье, которое Мэри прислала для появления при дворе.

Джанет заправила льняную рубашку в штаны и закрепила их на талии, воспользовавшись веревкой в качестве ремня. Заметив, что Юэн устремил свой взгляд на ее бедра и на мгновение задержал его с явным желанием, прежде чем отвернуться, она умышленно замедлила свои действия. Возможно, это была мелочная месть, но она почему-то доставила Джанет удовлетворение.

Дополнительный пояс оказался весьма кстати, и несколько минут спустя, после того как Юэн связал в узел ее прежнюю одежду и бросил ее в озеро вместе с камнями, он собрал оставшиеся вещи, чтобы двинуться в путь.

Однако Джанет не была готова покидать это место без объяснений.

Она схватила Юэна за руку, прежде чем он смог уйти.

— Почему ты остановился в самый решающий момент? Я сделала что-то не так?

Юэн сжал челюсти и пристально посмотрел на нее своими серо-голубыми глазами.

— Не сейчас, Джанет. Нам надо подняться на холмы. Англичане не оставят преследования.

— Возможно, не оставят. Но пока ты не считаешь, что они уже за нашей спиной, может быть, уделишь мне несколько минут? Разве я не заслуживаю объяснения?

Лицо его снова приняло болезненное выражение.

— Ты не сделала ничего предосудительного. Это моя вина. Мне не следовало так поступать.

— Почему?

В его глазах вспыхнул огонь.

— Потому что это неправильно. Твоя невинность должна принадлежать твоему мужу, черт возьми.

Джанет напряглась, стараясь не принимать близко к сердцу его слова и не выказывать разочарования. Его реакция была понятна — так думали большинство мужчин. Она хотела, чтобы он овладел ею просто ради нее, не думая о последствиях. Разве она слишком о многом просит?

Порой она была почти убеждена, что он не такой, каким кажется. А нелогичность его поведения объясняется просто его неопытностью. И на этот раз он дал ей понять, что считает ее… какой? Способной легко отдаться?

— Моя невинность принадлежит мне, — твердо сказала Джанет. — И это мое дело — расстаться с ней или нет.

— Моя невинность принадлежит мне, — твердо сказала Джанет. — И это мое дело — расстаться с ней или нет.

— Хотел бы я, чтобы это было именно так. Но не все так просто, Джанет. Ты дочь графа и невестка короля. Твой муж ожидает…

— Какой муж? Я не замужем и не собираюсь вступать в брак.

Ее горячность поразила его.

— Ты говоришь это с такой убежденностью.

Она приподняла подбородок.

— Да.

— Ты действительно хочешь стать монашкой?

После того что случилось, это казалось Джанет невозможным. Однако она будет продолжать делать то, что должна.

— Если это единственный способ избежать брака.

— Ты говоришь о браке, словно он подобен смерти. Что в нем ужасного?

Джанет вспомнила о своей семье. Да, для нее брак был бы ужасным выбором. Как ему объяснить? Как заставить его понять то, что для него — и для большинства мужчин — могло показаться неестественным?

— В браке я потеряла бы свою личность.

Юэн наморщился.

— Как это понимать?

— Я утратила бы возможность делать то, что считаю нужным. Все, вплоть до малейшего решения, было бы под властью мужа. Я была бы лишена самостоятельности. Я не хочу, чтобы со мной обращались как с невольницей.

Юэн нахмурился.

— Так не всегда бывает.

Она вопросительно приподняла бровь.

— Многих ли мужчин ты знаешь, которые обращались бы со своими женами, как с равными?

Topreading.ru

Он нахмурился еще сильнее.

— Немногих.

Ее сердце дрогнуло. Означало ли это, что он включал себя в их число?

— И ты позволил бы своей жене принимать собственные решения, даже если бы они не совпадали с твоим мнением?

— Мы говорим не обо мне.

— Нет, конечно, — тихо сказала Джанет, и ее сердце сжалось от неожиданного разочарования. Она не могла думать о нем, как о муже, не так ли?

— Ты хотел знать мои доводы, и для этого ты превосходный пример. Ты вполне ясно выразил свое отношение к тому, чем я занимаюсь. Можно ли ожидать, что другой мужчина отнесется к моему делу иначе? Ты можешь представить мужа, который позволил бы мне продолжать мое дело?

Юэн упрямо сжал губы.

— Твое дело очень опасно.

— Поэтому меня необходимо защитить от меня самой, не так ли? — Неудивительно, что он не ответил. Джанет решила задать ему еще несколько вопросов. — Почему ты уверен, что мне не следует заниматься моим делом? Почему ты такого невысокого мнения о женщинах? Или это касается только меня?

Казалось, Юэн пришел в замешательство.

— О Боже, Джанет, то, что, по-моему, ты подвергаешь себя смертельной опасности, путешествуя по Шотландии во время войны и занимаясь тем, что может погубить тебя в случае провала, не означает, что я невысокого мнения о тебе. Черт побери, после сегодняшнего дня ты доказала, на что способна. Ты действовала не хуже любого мужчины. — Она расправила грудь. Он не представлял, как много значили для нее эти слова. — Однако, как женщина, ты во многом уязвима. Когда я думаю, что может с тобой случиться… — Его лицо потемнело, и в глазах отразился испуг. — Ты не представляешь, что англичане могут сделать с тобой, если обнаружат, чем ты занимаешься.

По-видимому, в его словах было нечто большее, чем только взгляд на традиционные роли мужчин и женщин. Очевидно, Юэн говорил, исходя из собственного опыта.

— Расскажи, что ты видел?

Он стиснул челюсти так сильно, что было видно, как пульсирует жилка на скуле.

— Это произошло несколько лет назад, мы высадились в Шотландии после того, как были вынуждены скрываться на островах в течение нескольких месяцев. — Джанет проглотила подступивший к горлу ком. Именно тогда был убит ее брат Дункан. — Нас преследовали, а подмога еще не пришла, и сельские жители — в основном женщины и дети — помогли нам спрятаться в холмах. Англичане узнали об этом, и когда мы вернулись, чтобы поблагодарить наших спасителей, — Юэн посмотрел ей в глаза, — благодарить было уже некого. Женщин изнасиловали и избили, а потом перерезали им горло. Выжила только одна девушка.

Джанет судорожно вздохнула. Хотя он говорил в своей обычной грубоватой манере, она почувствовала волнение в его голосе и поняла, как ужасно, должно быть, это было.

— Это не ваша вина.

— Конечно, наша, — резко сказал он. — Мы попросили этих людей помочь нам, не представляя, какой опасности их подвергали.

— Но они поступили бы так в любом случае, — тихо сказала она.

— Откуда тебе знать?

— Потому что я сделала бы то же самое.

Он пристально смотрел на нее, ничего не говоря некоторое время.

— Почему роль курьера так важна для тебя?

— Причина не имеет значения. Достаточно самого факта. — Можно ли надеяться, что мужчина способен понять это? — Я же не спрашиваю тебя, почему ты делаешь то, что делаешь. Ты считаешь, если я не надеваю доспехи и не ношу меч, то моя работа менее важна. — Джанет сделала паузу. — В этой войне нельзя победить только мечом, Юэн. Как, по-твоему, призраки Брюса узнают точное место для атаки? — Он внимательно наблюдал за ней. — Данные разведки передаются курьерами.

Она замолчала, не желая больше говорить.

Юэн, казалось, размышлял над тем, что она сказала, но имели ли его слова значение для него, она не знала.

— Ты решила стать монашкой из-за своей сестры?

Джанет напряглась.

— Что ты хочешь сказать?

— Ты не должна что-то себе доказывать и стараться искупить вину за то, что произошло на мосту. Мэри ни в чем тебя не винит. Если бы ты только знала, как она переживала и тревожилась из-за твоих поисков и возвращения.

Джанет жадно ему внимала. Неужели это правда? Она хотела верить Юэну, и у нее было много вопросов, но задай их, она дала бы ему понять, что он прав в своем предположении.

— Моя сестра не имеет никакого отношения к нашему делу. Разве не достаточно простого желания помочь королю? Неужели обязательно должна быть какая-то скрытая причина? А что ты скажешь о себе, Юэн? Почему ты здесь? Что заставило тебя принять решение стать одним из призраков Брюса?

Он бросил на нее пристальный взгляд, однако не клюнул на наживку.

— Я присоединился к армии Брюса, потому что человек, которого я уважаю больше всех, попросил меня это сделать. И я согласился, чтобы уберечь мой клан от исчезновения.

Ее глаза расширились от такого откровенного признания. Она не услышала от него ни

патриотических лозунгов, ни речей о свободе и тирании. Им руководили только личный амбиции и желание получить вознаграждение.

— Ты говоришь о своем отце? — спросила Джанет.

Юэн не сразу понял, о чем она. Наконец сообразив, он рассмеялся.

— Едва ли. Мой отец не из тех, кто может внушить чувство преданности. Нет, я говорю о бывшем правителе, сэре Джеймсе Стюарте.

Юэн не сразу понял, о чем она. Наконец сообразив, он рассмеялся.

— Едва ли. Мой отец не из тех, кто может внушить чувство преданности. Нет, я говорю о бывшем правителе, сэре Джеймсе Стюарте.

Джанет не могла скрыть своего удивления. Неужели именно этот лорд обучал Юэна? Лорды графства Бьют представляли собой один из могущественных кланов страны.

— Значит, ты кровно связан со Стюартами?

Он криво улыбнулся, словно догадавшись о направлении ее мыслей.

— Не очень близко. Моя мать была кузиной сэра Джеймса — и, как выяснилось, любимой кузиной. — Заметив смущение Джанет, он вздохнул и продолжил: — Моя мать была помолвлена с главой клана Ламонтов, когда она познакомилась с моим отцом — одним из вождей клана — и решила выйти замуж за него. Излишне говорить, что глава клана не испытал радости по этому поводу. Он начал борьбу против моего отца и разрушил его репутацию. — Юэн покачал головой. — По иронии судьбы, моего отца отделили от остальных членов клана, и тогда мне представилась возможность спасти клан.

— Что ты имеешь в виду?

— Макдугал, Макдауэлл, Комин, мой кузен и его люди выступили против Брюса, были изгнаны и лишены права владения землями, за исключением моих земель в Ардламонте. Если бы не моя связь со Стюартами, и таким образом с Брюсом, я оказался бы в числе изгнанников. В создавшемся положении я являюсь последним представителем клана Ламонтов в Ковале. Теперь жизнь и гибель моего клана зависит от моего умения владеть мечом, если можно так сказать.

Джанет была потрясена. Неудивительно, что Юэн с такой преданностью и упорством выполнял порученное ему дело. Будущее одного из самых больших кланов легло на его широкие плечи. Но что-то еще сказанное им заставило ее прошептать с надеждой:

— Значит, ты являешься вождем?

Он встретил ее взгляд.

— Не будьте слишком впечатлительной, миледи. У меня лишь небольшой участок земли с недостроенным замком.

Она нахмурилась, не поняв сарказма.

— Пока король не вознаградит тебя более обширными землями за твою службу?

Юэн пожал плечами.

— Если на то будет его воля.

Джанет пристально посмотрела на него. Хотя он сказал это бесстрастным тоном, она почувствовала, как много значило для него решение короля. Награда и положение клана в королевстве Брюса — именно этим он руководствовался в своих поступках.

И этим объяснялось, почему он остановился в самый решающий момент. Если бы он лишил девственности невестку короля, это едва ли понравилось бы Роберту.

Однако не обязательно сообщать ему об этом. Джанет не думала, что это может как-то повлиять на Юэна. Он доказал, что для него честь является непоколебимой ценностью.

Джанет закусила губу, размышляя, есть ли какой-нибудь другой путь к его сердцу. Несмотря на то что он повел себя ужасно, бросив ее посреди любовных ласк, она хотела его и не собиралась сдаваться.

Почему это было для нее так важно, она не знала. То ли она была любительницей наказаний, то ли между ними действительно было что-то особенное и потому стоило продолжать терпеть удары по ее самолюбию. Кроме того, меж ними, несомненно, вспыхнула страсть. Нельзя с этим не считаться.

В любом случае она не могла принять такой ответ: «Я не могу этого сделать». Это звучало слишком явно, как отказ. Джанет не хотела слушать голос Мэри, предупреждавший ее. Она сознавала, что делала. Кроме того, вокруг не было никого, кто бы мог причинить им вред.

Юэн окинул взглядом местность позади нее.

— Мы достаточно отдохнули.

Джанет вопросительно приподняла бровь.

— Я бы не назвала отдыхом то, что мы делали.

Если бы она не была уверена, что он не способен краснеть, то могла бы поклясться, что его щеки залил румянец, когда до него дошло, что она имела в виду.

— Ну, ты можешь немного поспать, пока я удостоверюсь, что мы избавились от погони.

— Думаю, я предпочла бы прежнее занятие.

Юэн бросил на нее укоризненный взгляд.

— Джанет…

Казалось, он вот-вот начнет бранить ее, как непослушного щенка.

Она заморгала, глядя на него невинным взглядом.

— Что?

— Этого не будет. Я же сказал, что это была ошибка. И покончим с этим. Навсегда.

Она улыбнулась, понимая, что никто из них не верил этим словам. Это не конец — это только начало.

Юэн безжалостно заставлял Джанет и себя двигаться, увеличивая отрыв между ними и англичанами. При этом он старался не давать ей времени задумать что-нибудь с целью соблазнить его.

Эта девушка была источником неприятностей, упрямой, слишком бесстыдной и в то же время умной и невероятно очаровательной. И она оказалась гораздо выносливей, чем можно было предположить.

Он не мог поверить, что она до сих пор держалась на ногах. За этот день она подвергалась преследованию с собаками, затем на нее напал рыцарь, которого она поразила ударом кинжала в уязвимое место на ноге. После этого ей пришлось брести по колено в холодной реке, мыться в ледяной воде и пройти несколько миль по заснеженным, покрытым густым туманом холмам. Кроме того, она была на волосок от того, чтобы потерять свою девственность.

То удовольствие, которое он ей доставил, не могло возместить то, что ей пришлось пережить. Хотя это было потрясающе удовольствие. Юэн никогда не забудет выражения экстаза и изумления на ее лице, когда ее тело содрогалось под ним. Ее щеки раскраснелись, глаза затуманились от страсти, а припухшие от поцелуя мягкие губы слегка приоткрылись.

«О Боже». Юэн почувствовал прилив тепла в паху. Ему пришлось самому снять напряжение, после того как он покинул Джанет, но это не принесло ему удовлетворения. Как Юэн намеревался не прикасаться к ней, пока они не достигнут побережья, когда все его мысли были о том, чтобы завершить начатое ими дело?

Эта девушка пробила его защиту и завладела его мыслями и чувствами. Он желал ее всем своим существом. Даже обессиленный, с болью в ноге, замерзший и голодный, он не мог смотреть на Джанет, не думая о том, чтобы повалить ее на землю, обвить ее длинными стройными ногами свою талию и дать ей то, что она просила.

Поэтому он старался не смотреть на нее.

Однако Юэн не знал, как долго сможет это выдержать. «Нельзя поддаваться, черт возьми!» Она пытается погубить его? Бог знает, почему она решила отдать ему свою невинность. Представляет ли она, как тяжело ему отказываться от такого предложения?

Конечно, нет. После того как Юэн узнал о ее взглядах на брак, он не собирался просвещать ее относительно того, что ждет ее по возвращении в Шотландию. Он не сомневался, что тогда ему пришлось бы тащить ее, брыкающуюся и визжащую, всю дорогу до замка Данстаффнэйдж. Видимо, и Брюсу придется нелегко, когда она узнает о его планах.

Юэн не был уверен, в праве ли он осуждать ее взгляды. Он никогда прежде не рассматривал брак с точки зрения женщины, однако должен был признать, что опасения Джанет не лишены основания. Он всегда считал само собой разумеющимся, что в семье мужчина должен обладать абсолютной властью. Для такой женщины, как Джанет, привыкшей самостоятельно принимать решения, это будет неприемлемо. Она не сможет смириться с ограничениями ее свободы.

Но как же иначе? Он не такой, как Маккей. Он не позволил бы своей жене следовать за ними в сражении. Юэн нахмурился. Впрочем, он не раз был благодарен судьбе за то, что рядом

оказывалась умелая целительница.

«Хелен — особенная женщина», — мысленно сказал он себе.

Но разве Джанет не такая?

Они взобрались на небольшое плато на склоне холма, и он остановился. Хотя прошло всего несколько часов после полудня, уже начало смеркаться.

— Подожди здесь, — сказал он, указывая на каменистый выступ.

Каждые пять миль Юэн позволял ей перевести дыхание, пока заметал их следы. Снег на земле превратился в ледяную корку, поскольку становилось все холоднее, по мере того как они поднимались выше в гору, и теперь было легче оставаться незаметными. Однако там, где земля была еще мягкой, он, напротив, оставлял следы, стараясь ввести в заблуждение преследователей тем, что возвращался назад, двигался в разных направлениях или оставлял многочисленные отпечатки на маленьком участке.

Когда он вернулся спустя несколько минут, она сидела на одном из камней и наблюдала за ним.

— Кто-нибудь следует за нами?

Юэн покачал головой.

Однако кое-что заинтересовало ее.

— Зачем ты разглядывал папоротник?

Он сел рядом с ней и достал свой мех с вином. Сделав большой глоток, он протянул его ей.

— Некоторые из стеблей оказались сломанными там, где мы шли.

Джанет нахмурилась.

— Я думала, ты скрывал наши следы.

— Я скрывал признаки нашего присутствия.

— Разве это не одно и то же?

Он покачал головой.

— Я ищу не только отпечатки ног, но и любые признаки пребывания человека.

— И ты можешь сказать по виду сломанных веток или стеблей, что кто-то здесь проходил?

Юэн пожал плечами.

— Это явный признак.

Она посмотрела на него долгим взглядом.

— Как тебе удалось стать таким знатоком?

— Один из сторонников моего отца был следопытом. Он обычно брал меня с собой, когда я был юношей, и потом, когда я вернулся после учебы. Он заметил, что я обладал необычной способностью запоминать мельчайшие детали, и научил меня, как пользоваться этим для нахождения следов. Однако в этом деле главное — опыт. Для того чтобы стать хорошим следопытом, требуются годы.

— Какие детали ты имеешь в виду?

— Посмотри на то, что позади меня. — Он выждал несколько секунд. — Теперь закрой глаза и скажи, что ты увидела.

Она посмотрела на него.

— Это какая-то шутка? Там только унылая, поросшая вереском и покрытая снегом местность с несколькими разбросанными валунами.

— Посмотри еще раз. — Он, не поворачиваясь, начал называть то, что воображал, по памяти. — Разбросанные камни — серый песчаник, а в двадцати шагах позади меня несколько гранитных камней образуют пирамиду. Слева — очертания узкой тропы в северном направлении, где примята трава — вероятно, зайцами, о чем свидетельствует кучка помета там, где снежный покров немного тоньше. Вблизи нескольких участков, где трава проступает сквозь снег на западном склоне холма, видны следы небольшой группы самок благородного оленя. Прямо за моим левым плечом в пяти шагах позади меня есть небольшая вмятина в снегу. Если присмотреться ближе, ты увидишь несколько торчащих коричневатых перьев. Я подозреваю, что это тушка куропатки, принесенная сюда охотничьей собакой или соколом.

Джанет смотрела на него, раскрыв рот.

— Ты даже не взглянул туда.

— Я заметил все это раньше. Я же говорил, у меня необычная память.

— Да, и острое зрение. — Джанет восхищенно улыбнулась. — Что ты можешь рассказать о своем занятии?

Юэн не привык много говорить, однако, раз этот предмет так живо интересовал ее и эти знания могли со временем пригодиться ей, он готов рассказать о некоторых хитростях следопытов. Прежде всего, как можно почти не оставлять отпечатки ног на земле и убедиться, что не осталось никаких следов позади. Какими секретами можно воспользоваться, чтобы сбить преследователей с толку. Например, вернуться немного назад и сделать петлю, прыгать с камня на камень или идти на мысках. Как двигаться по ветру, чтобы скрыть запах. Как уничтожить признаки поворотов в заметных местах. Как скрыть запах следов, если преследование ведется с собаками.

Джанет, явно очарованная, слушала его с восторженным вниманием.

— Каждый раз, делая шаг, — сказал он, — надо выискивать камни, твердую землю, участки со льдом, существующие дороги или тропы, упругие мхи и все в таком роде. Тогда следы будут менее заметны.

— Значит, надо постоянно напряженно думать, — сказала она.

Это дело действительно требовало особого внимания, однако Юэн не считал его трудным по

сравнению с другими его проблемами, о которых он старался не думать.

Джанет посмотрела на него.

— Теперь понятно, почему ты обращаешь внимание на каждую мелочь.

— В этом нет ничего особенного. Я делаю это из здравого смысла. Надо только думать об этом.

— Ты слишком скромен. — Она снова посмотрела на него. — Неудивительно, что Роберт привлек тебя в свою секретную армию. Могу представить, насколько полезны твои способности для людей, которые появляются и исчезают, как призраки.

Юэн чувствовал на себе ее взгляд, поэтому постарался никак не проявить своего отношения к ее словам. Проклятие, эта девица неумолима! Ему следовало бы удивляться ее догадливости, но он не удивился. Она способна создавать проблемы, не подозревая этого.

— Ты не хочешь мне что-нибудь сказать?

Юэн повернулся и пристально посмотрел в ее глаза.

— Ты полагаешь, что я должен сказать тебе, какой опасности подвергаешь нас обоих одним только упоминанием о причастности к призракам, независимо от того, правда это или нет?

Ее взгляд не дрогнул.

— Но это правда. Я знаю.

Очевидно, он не собирался разубеждать ее, хотя знал, что следовало бы. Он дал клятву, и на кону была не только его жизнь. Тем не менее он не хотел лгать ей. Поэтому он вышел из положения, сказав:

— Идем. Отдых закончен.

Джанет застонала.

— Но мы только что сели. Ты просто пытаешься уйти от ответа. — Он не стал отрицать. — Англичане уже не преследуют нас. Юэн, однажды тебе придется мне ответить.

— Идем. Отдых закончен.

Джанет застонала.

— Но мы только что сели. Ты просто пытаешься уйти от ответа. — Он не стал отрицать. — Англичане уже не преследуют нас. Юэн, однажды тебе придется мне ответить.

Он сомневался в этом, ведь ему всегда удавалось избегать неприятностей. За исключением случая с Джанет, которая являлась для него большой проблемой. Юэн не ответил и протянул ей руку.

Он помог Джанет подняться на ноги — с очередным театральным стоном с ее стороны — и они двинулись в путь.

Хотя Юэн был уверен, что они сбили преследователей со следа, он хотел достичь следующего гребня холма до наступления темноты. Там была старая каменная хижина, где они могли

найти пристанище. Слишком опасно бродить среди гор в темноте, особенно в тумане. Утром он постарается найти лошадей, чтобы добраться до Эйра, где, он надеялся, Маккей, Маклин и Сазерленд встретят их.

Обучение Джанет ремеслу следопыта заполняло все время, отвлекая их обоих: его — от мыслей о больной ноге и о судьбе друзей, а ее — от вопросов, на которые он не мог ответить, о Хайлендской гвардии. Она была активной ученицей, удивляя его своим интересом, а также тем, как быстро она училась.

Теперь они могли передвигаться быстрее, так как Джанет стала более сознательно относиться к тому, чтобы не оставлять позади себя никаких следов, и поэтому Юэну не требовалось, как раньше, много времени, чтобы скрыть их.

Ему следовало проинструктировать ее раньше. Почему он не сделал этого? Это первое, что он обычно делал, когда в его распоряжение поступали новые люди. Возможно, он полагал, что основные методы его работы слишком трудны для усвоения женщиной?

Юэн осознал, что Джанет права. Он полагал, что поскольку Джанет не носит доспехов и оружия, она плохо оснащена для войны. Однако Джанет Мара изменила его предвзятые представления о способностях женщин.

Она не выглядела слабой и беспомощной. Напротив, она была сильной и способной. Чертовски способной женщиной, по его мнению.

Хотя Юэн должен был признать, что недооценивал ее, однако он не ошибался относительно грозящей ей опасности. Сегодня ей удалось защититься от рыцаря, но если бы там был не один воин, она бы погибла, как те женщины в Лохмабене. Даже если бы она была лучшим курьером в Шотландии, он инстинктивно стремился защитить ее.

Но нуждалась ли она в его защите?

Он мысленно вернулся к их разговору о том, что случилось с сельчанками в Лохмабене. Он не верил, что женщина способна понять грозящую опасность, желая принимать участие в борьбе наравне с ним. Разве это не смешно?

К тому времени, когда начало темнеть и на горизонте показалась хижина, Юэн добился одной из своих целей: девушка окончательно обессилела. Она слишком устала, чтобы делать что-нибудь еще, кроме как завернуться в накидку, которую он дал ей в качестве одеяла, и, очистив место от следов пребывания животных, уснуть.

Ее целомудрие и его честь были спасены.

Пока.

Однако когда он забрался в небольшую каменную хижину несколько часов спустя и Джанет инстинктивно повернулась к нему и погрузилась в его объятия, какое-то тяжелое чувство поселилось в его груди. Была ли это тяжесть неизбежности того, что должно произойти? Или твердая определенность дальнейшей судьбы? Тем не менее он давно не чувствовал себя так хорошо. Оставаясь наедине с женщиной в горах, в этом убежище, предназначенном для овец, несмотря на преследование англичан, он испытывал глубокое удовлетворение.

Юэн обнял ее, прижался грудью к ее спине и зарылся носом в шелковистую мягкость ее волос. Он наслаждался каждой минутой, обнимая женщину, которая не принадлежала ему, но

которая, несомненно, хотела его.

Глава 17

Джанет вздрогнула и проснулась. Лишь спустя несколько тревожных мгновений она вспомнила, где находилась, и снова смогла ровно дышать. Она в каменной хижине, в горах, вместе с Юэном.

Она нахмурилась. Юэна рядом не было. Не нужно было осматривать эту маленькую хижину, чтобы понять: он ушел. Она почувствовала спиной холодную пустоту.

Но до этого он спал рядом с ней. Она инстинктивно поняла это. Хотя вспомнить, когда именно он оказался рядом, она не могла. Джанет помнила только, как завернулась в его теплую накидку. Она так устала, что мгновенно заснула, едва закрыла глаза.

Вероятно, он рассчитывал на это, хитрец. Юэн гнал ее по этим холмам, и она настолько утомилась и замерзла, что сразу рухнула без сил.

Джанет расслабилась и уютно устроилась на своем ложе, освободившись от тяжести событий минувшего дня.

Она чувствовала, что он обнимал ее ночью.

Джанет недовольно покачала головой. Он привлек ее в свои объятия и был рядом, а она не проснулась, чтобы насладиться этим! Если бы она не была уверена, что между ними есть нечто особенное, его попытки избегать ее расстраивали бы Джанет.

Она закончила скатывать накидку в сверток, когда упомянутый хитрец показался в низком дверном проеме хижины. Он вынужден был слегка пригибаться, стоя внутри, так как куполообразная, покрытая дерном крыша была высотой всего около шести футов в центре.

— Ты уже проснулась? Я думал, ты встанешь не раньше полудня.

Сначала Джанет решила, что он осуждает ее, но потом догадалась, что это поддразнивание. Она понимающе взглянула на него.

— Мне стало холодно без тебя.

Его лицо приняло озадаченное выражение.

— Я большую часть ночи провел снаружи, охраняя тебя. — Юэн протянул ей мех с водой, прежде чем она успела возразить. — Воспользуйся этим для умывания, пока мы не доберемся до ручья.

Джанет благодарно взяла бурдюк с водой. В ее глазах и на зубах ощущался песок. Ей нужен был еще гребень, который должен быть в одном из мешков, и тогда она снова почувствует себя человеком. Джанет подумала попросить Юэна собрать спальные принадлежности, но потом решила пока все оставить. Вместо этого она спросила:

— Какой ручей ты имеешь в виду?

— Вблизи деревни Куинджилак. Нам надо найти лошадь. Англичане, похоже, отказались от

преследования, но я все же хочу уйти от них как можно дальше.

Разумный план. Однако что-то беспокоило Джанет.

— Как ты думаешь, почему они вообще начали нас преследовать?

Он заколебался, стараясь осторожно подбирать слова.

— Мы столкнулись с некоторыми неприятностями на пути в Роксборо.

— Значит, англичане искали вас?

— Вероятно.

Это в некоторой степени облегчило ее муки совести, вызванные потерей шапочки. Значит, в том, что англичане преследовали их, была не только ее вина. И теперь, поскольку Джанет предполагала, что будет трудно убедить Роберта позволить ей вернуться в Роксборо после того, что случилось, тот факт, что солдаты охотились за Юэном и его товарищами, а не за ней, должен помочь ей повлиять на решение короля. Конечно, у Юэна не будет шансов снова сопровождать ее в Роксборо. Это слишком опасно для него. Но не опасно для «новообращенной Элеоноры».

— Мы не слишком задержимся у короля, как ты думаешь? Я должна вернуться в Роксборо через две недели.

Лицо Юэна приняло странное выражение. Он отвернулся, явно испытывая неловкость.

— У тебя будет достаточно времени для этого. Однако нам надо идти.

— А что с сэром Кеннетом? Как он узнает, где нас искать?

— Не беспокойся о Сазерленде. Он непременно встретится с нами, если у него будет такая возможность.

«Если». Джанет уловила что-то незнакомое в выражении его лица, чего раньше не замечала потому, что была слишком напугана и расстроена. Его глаза слегка потемнели, и вокруг рта образовались чуть заметные складки.

Джанет замерла, чувствуя, как ее охватывает ужас.

— Ты думаешь, с мужем моей сестры случилось что-то непредвиденное?

У Мэри и без того было достаточно причин ненавидеть ее. А теперь к тому же из-за нее пострадал ее муж.

Должно быть, у Джанет был ужасно горестный вид, потому что Юэн выругался и запустил пальцы в свои волосы.

— Проклятие, это не то, что я имел в виду. Я уверен, он в полном порядке.

— А если нет?

Он взял ее за подбородок и повернул лицом к себе.

— Если нет, то это никак не отразится на тебе. Он занимается своим делом, и чаще всего — очень опасным. Мэри это знает.

Джанет кивнула, но в душе не могла принять этот довод. Если что-то случится с мужем ее сестры, она никогда себе этого не простит.

Все дело в этой проклятой шапке! Он не может погибнуть из-за такой мелочи… ведь не может?

Глаза Джанет наполнились слезами. Юэн провел большим пальцем по ее щеке, как бы стирая их.

Его нежность и доброта тронули ее сердце.

«Я могла бы полюбить его».

Достаточно малейшего поощрения с его стороны, и она готова полюбить его. Осознание того, как легко это чувство могло завладеть ею, внушило Джанет благоговейный ужас. Это в корне изменило бы ее жизнь.

Казалось, он хотел сказать ей что-то еще, но вместо этого убрал руку с ее лица и отступил назад.

— Будь готова и поешь что-нибудь, пока я осмотрю местность. Туман сегодня не такой густой, и я хочу покинуть эти горы, пока он не сгустился.

Он уже подошел к выходу, когда она окликнула его:

— Юэн!

Юэн обернулся и посмотрел на нее через плечо. Ее сердце сжалось. С темными волосами, серо-голубыми глазами, грубоватыми чертами лица и щетиной на подбородке он выглядел чрезвычайно суровым и красивым.

Почему после всех этих лет только этот единственный мужчина наконец тронул ее сердце?

— Благодарю.

— За что?

Джанет покраснела. За то, что он был здесь с ней. За то, что согревал ее и охранял. За то, что держал ее в своих объятиях. За то, что принес воды, чтобы умыться. За то, что не обвинял ее и старался подбодрить.

— За все, — тихо сказала она.

Смутившись, Юэн слегка сдвинул брови, но кивнул.

Некоторое время спустя они уже взбирались на холмы, продолжая двигаться на восток. Хотя Джанет отдохнула, ноги у нее все еще побаливали после длительного перехода в течение прошлого дня, и она была рада, что Юэн немного сбавил скорость.

Она нахмурилась, подумав, что, возможно, его беспокоит раненая нога. Однако, понаблюдав за ним некоторое время, она не заметила никаких признаков повреждения или боли и решила, что, должно быть, подействовала мазь.

Юэн был прав относительно тумана. Тот почти рассеялся к середине первой половины дня, как раз к тому времени, когда они достигли ручья, о котором он говорил. Поток был шириной около трех футов и протекал в глубокой лощине среди покрытых мхом камней и сверкающих снегов — точнее, отдельных заснеженных участков, так как теплые лучи солнца кое-где уже растопили ледяное дыхание зимы.

Джанет воспользовалась временной остановкой и умыла лицо и руки, наслаждаясь тишиной и спокойствием. Но она чувствовала, что это продлится недолго.

Юэн стиснул зубы, понимая, что ему предстоит нелегкая борьба. Он знал, что ей не понравится его план. Боже, неужели все женщины имеют право на выражение своего мнения? Вспомнив о женах своих гвардейцев, он подозревал, что да.

Проклятие, что с ним случилось? Прежде, когда он не считался с тем, что думает или желает эта девушка, ему было гораздо легче.

Джанет смотрела на него с молчаливой насмешкой.

— Смена одежды не скроет, кто ты на самом деле, Юэн. Любой, кто увидит тебя, поймет, что ты воин. — Такое замечание польстило ему больше, чем следовало бы. Ее оценивающий взгляд задержался на его широких плечах и мускулистых руках. — Позволь мне пойти с тобой. Это тебе поможет. Ты будешь менее примечателен, если пойдешь с женой.

Вспомнив, к чему это привело, когда они первый раз изображали мужа и жену, Юэн отклонил это предложение.

— Я собираюсь купить лошадь, Джанет. Я делал это сотни раз. Не стоит беспокоиться. Я скоро вернусь.

Она покачала головой.

— А что, если там окажутся солдаты?

— Их там нет. Как видишь, — он указал на долину, где на склоне холма расположились около дюжины домов и небольшая церковь, — это маленькая деревня. Отсутствие крепости означает, что там нет англичан.

— Я могла бы тебе помочь. Вспомни, что было на постоялом дворе. Я хорошо умею разговаривать с людьми.

Юэн не обладал такой способностью, зато умел торговаться при покупке лошади. Понимая, что они так и будут стоять здесь, если он что-нибудь не предпримет, он попытался сменить тактику.

— Я знаю, что ты могла бы помочь мне, но, боюсь, твое присутствие может подвергнуть нас обоих опасности.

— Почему?

— Я буду беспокоиться о тебе. Ты сделаешь меня…

Он не знал, как объяснить. Слабым. Уязвимым. Никогда раньше он не использовал такие слова по отношению к себе.

Topreading.ru

«О Боже!»

Джанет заметила его замешательство, но это не остановило ее.

— Сделаю каким?

Он наконец нашел, что ответить.

— Ты будешь отвлекать меня.

Его ответ, казалось, не удовлетворил ее. Она сморщила свой изящный носик.

— Я буду держаться в стороне. Ты даже не заметишь моего присутствия.

Если бы это было возможно.

— Я всегда буду знать, что ты рядом.

— Почему?

— «Почему»? — повторил Юэн, не ожидая такого вопроса.

— Да, почему ты всегда будешь знать, что я рядом? Неужели я какая-то особенная?

Он стиснул челюсти.

— Ты знаешь почему.

Джанет приподняла подбородок, и он понял, что она не отступит просто так.

— Нет, боюсь, я не знаю.

Юэн понимал, чего она добивалась, черт возьми. Однако поскольку речь идет о ее безопасности, он скажет то, что она хочет услышать.

— Потому что я беспокоюсь о тебе. Потому что мысль о том, что с тобой может что-то случиться, ужасно сводит меня с ума. Вот почему я не хочу, чтобы ты пошла со мной в деревню.

Он стиснул челюсти.

— Ты знаешь почему.

Джанет приподняла подбородок, и он понял, что она не отступит просто так.

— Нет, боюсь, я не знаю.

Юэн понимал, чего она добивалась, черт возьми. Однако поскольку речь идет о ее безопасности, он скажет то, что она хочет услышать.

— Потому что я беспокоюсь о тебе. Потому что мысль о том, что с тобой может что-то случиться, ужасно сводит меня с ума. Вот почему я не хочу, чтобы ты пошла со мной в деревню.

Джанет улыбнулась, и для него ее улыбка была сродни солнцу, вышедшему из-за туч.

Topreading.ru

— Хорошо, — сказала она.

Согласие было достигнуто так легко, что Юэн подумал, не ослышался ли он.

— Хорошо?

Она кивнула.

— Должна сказать, твое присутствие тоже отвлекает меня. — Джанет слегка улыбнулась. — Я не думала, что ты такой романтик.

Романтик? Он? Это невероятно.

— Джанет, ты не поняла…

Она отмахнулась от него. Юэн не думал, что кто-то может сделать это, с тех пор как повариха прогнала его с кухни, лишив свежевыпеченных пирожков, когда он был мальчиком.

— Я все поняла. Иди, пока я не передумала и пока меня восхищает это твое поэтическое словосочетание «ужасно сводит меня с ума».

Юэн скривил губы. Она явно поддразнивала его. Ему следовало дать ей понять, что эта вырвавшаяся у него фраза ничего не меняет.

— Однако не стоит воспринимать это всерьез. Боюсь, у меня ограниченный запас поэтических слов. Я не могу придумать то, что рифмуется со словом «ужасно».

Джанет засмеялась, и этот смех отозвался в его груди.

— А как насчет «опасно»? Или «прекрасно»?

Юэн тоже засмеялся.

— Я подумаю над этим. — Он сделался серьезным, и улыбка сошла с его лица. — Я не задержусь надолго. Не высовывайся. Если кто-нибудь приблизится, спрячься за теми камнями.

Это была не пещера, но достаточно большое место между валунами, где можно было укрыться. Юэн не хотел оставлять Джанет одну, но другого выхода не было. Если они собирались достичь побережья как можно скорее, то им нужна была лошадь. Он предпочел бы двух лошадей, но объяснить такую покупку было бы намного труднее.

Его главной и единственной задачей было обеспечение безопасности Джанет, и потому надо было поскорее доставить ее в замок Данстаффнэйдж. Кроме того, у него болела нога и его мучила неизвестность, в каком она состоянии. Юэн чувствовал, что с раной не все в порядке. Вчера каждый подъем в гору усиливал боль. К сожалению, он не догадался взять мазь у Маккея, когда они расставались. Юэн не заметил ничего плохого, когда осматривал рану во время купания. Кровотечение уменьшилось, однако он испытывал острую боль во время движения. И он устал гораздо сильнее, чем следовало бы. Чем скорее Хелен осмотрит рану, тем лучше.

— Все будет в порядке, — уверила его Джанет. — Если что-то пойдет не так, у меня есть кинжал.

Юэн знал, что она умеет владеть этим оружием, но это его не успокоило. Было бы лучше, если

бы ей не пришлось пользоваться этим умением.

Он кивнул.

— Я скоро вернусь.

Их взгляды встретились. Он не мог двинуться с места. Она выглядела такой милой и доверчивой, такой красивой и сильной. Ему хотелось обнять ее, отдавшись естественному порыву. Но он не сделал этого. Юэн заставил себя идти.

— Юэн. — Он обернулся. — Я… — Он заметил смятение, отразившееся на ее лице, и еще какое-то непонятное чувство. — Будь осторожен.

Он кивнул, размышляя, что еще Джанет собиралась сказать. Он думал об этом всю дорогу, спускаясь с холма к деревне. Она явно хотела что-то сказать ему. Что-то такое, чего, он подозревал, ему не хотелось бы слышать и что в то же время он страстно желал услышать. Чувствуя, что от этих мыслей можно сойти с ума, Юэн заставил себя сосредоточиться на задаче, которая стояла перед ним в данный момент.

Его план был простым: он собирался предложить высокую цену, чтобы избежать лишних вопросов. Обычно, когда гвардейцы нуждались в лошадях в пограничных районах, они пользовались сетью сторонников Брюса в этих краях. К сожалению, Юэну неизвестна лояльность жителей этой деревни, расположенной в горах графства Голуэй. У Брюса были сторонники в Дугласе, графства Ланаркшир, в пятидесяти милях отсюда, однако ранее он и Джанет попали там в неприятное положение и Юэн решил избегать этого района.

Поскольку в этой деревне не было постоялого двора, Юэн пошел от дома к дому, испытывая все большее разочарование. Казалось, во всей деревне не было ни одной подходящей лошади на продажу, кроме старой клячи.

Однако когда Юэн приблизился к небольшой ферме, он заметил пасущегося в поле красивого, крепкого и на вид проворного рысака.

К сожалению, с хозяином возникли трудности.

— Откуда, вы говорите, пришли? — спросил тот.

Юэн окинул взглядом пожилого фермера, чье обветренное лицо выдавало живой и проницательный ум.

— Из Роксборо, — кратко ответил Юэн. — Не желаете ли продать лошадь? Я дам за нее десять фунтов.

Даже за такое хорошее животное это была щедрая плата. Старик должен бы подпрыгнуть от радости. Вместо этого он задумчиво погладил свою длинную седую бороду.

— Это большая сумма. Должно быть, вам очень нужна лошадь.

Юэн с трудом сдерживал раздражение. Фермер явно что-то подозревал, и Юэну не нравилось то, что старик начал расспрашивать его, однако ему нужно было купить эту чертову лошадь. Он посмотрел на него тяжелым взглядом.

— Вы продадите лошадь или нет?

— Эта лошадь не продается.

Юэн сжал зубы и сосчитал до пяти.

— Почему?

— Этот рысак не мой. Я только ухаживаю за ним. Я главный конюх армии короля Иоанна. — О, черт побери! Значит, это явно не сторонник Брюса. — Я ухаживаю в основном за больными лошадьми. Этот рысак принадлежит капитану гвардии в Санкваре. — Проклятье. Положение осложнялось. Санквар являлся одним из замков Джеймса Дугласа, где теперь располагался английский гарнизон. В глазах старика промелькнул дьявольский блеск. — Может быть, вы обратитесь к нему?

Юэн не стал спрашивать, что этот старик имел в виду, так как услышал стук копыт приближавшихся лошадей. Он посмотрел через плечо и уловил блеск кольчуг на солнце, когда полдюжины английских солдат подошли к окраине деревни с западной стороны. Хотя расстояние до них было еще достаточно большим, приближались они быстро.

Юэн не мог скрыться незаметно. Когда у него не было ранения, он бегал довольно быстро, но не быстрее лошади. В этих холмах в отсутствие тумана он не был уверен, что сможет найти укрытие достаточно быстро, чтобы избавиться от англичан.

К тому же там была Джанет. Что если, преследуя его, они обнаружат ее? Юэн не мог рисковать. Он мысленно проклинал себя снова и снова, но единственное, что он мог сделать, — это предстать перед англичанами с какой-нибудь правдоподобной историей или попытаться одолеть шестерых всадников в доспехах, имея при себе только кинжал.

Поскольку он не обладал таким даром убеждения, как Джанет, оставалось только последнее, но даже для одного из элитных воинов Хайлендской гвардии это был бы немалый подвиг.

Что могло быть хуже такого положения?

Несколько минут спустя, когда Юэн услышал голос, произносящий его имя, он весь похолодел. Он нашел ответ на свой вопрос: теперь его положение стало гораздо хуже.

— Юэн! — Джанет ничто не могло остановить, когда ему угрожала смерть. Она знала, что Юэн будет взбешен, но в тот момент, когда она увидела со своего места на склоне холма развевающееся в отдалении знамя, она поняла, что должна вмешаться. К несчастью, ей потребовалось много времени, чтобы найти его, и теперь было поздно. Она подошла к ферме как раз в тот момент, когда туда подъехали солдаты. — Вот ты где! А я уже начала думать, что ты забыл обо мне.

Джанет увидела, как глаза его расширились при ее появлении. Подбоченившись одной рукой, словно испытывая изнеможение, она похлопала другой по своему мягкому округлому животу.

— Ты нашел нам лошадь?

Его лицо потемнело, как туча, однако после небольшой паузы Юэн понял, какова его роль, и устремился к ней на помощь. Сверля ее взглядом, обещающим наказание, он тем не менее обхватил ее талию, чтобы поддержать.

— Я же говорил, чтобы ты подождала меня, — сказал он сердито и добавил после небольшой паузы, надеясь, что это не прозвучит нарочито, — моя дорогая.

Джанет засмеялась, сделав вид, что привыкла к такому грубоватому тону. Он, несомненно, будет реветь и рычать, как разъяренный лев, когда все это кончится, но сейчас это ее не волновало. Юэн нуждался в помощи, хотел он это признать или нет. Он был практически безоружен, и Джанет не собиралась наблюдать, как на него наденут кандалы и поволокут прочь.

Приподнявшись на мысках, она нежно поцеловала его в щеку, как бы успокаивая. Его захват вокруг ее талии инстинктивно сжался, и она вздрогнула, когда их тела соприкоснулись.

— Я устала ждать, — сказала Джанет, слегка возбудившись от такого контакта. — Я и наш ребенок начали беспокоиться.

Роль мужа и будущего любящего отца была ему незнакома. Юэну потребовалось некоторое время, чтобы притвориться озабоченным супругом. Он положил руку на ее округлившийся живот, — в данном случае благодаря подушке, которую Джанет наспех соорудила из одежды, присланной Мэри.

— С ребенком все в порядке? — спросил Юэн.

Сознавая, что солдаты с интересом наблюдают за ними, Джанет устало вздохнула без всякого притворства.

— Надеюсь, что да. Я не представляла, что путешествие пешком будет таким утомительным. Я ужасно устала и хотела бы, чтобы наше путешествие поскорее закончилось.

— Что здесь происходит? — раздался глухой, властный голос.

Один из всадников, по-видимому, командир, выдвинулся вперед и занял позицию между Юэном и стариком, стоявшим в дверном проеме своей каменной хижины.

— Я ищу лошадь для моей… э-э-э… жены, — пояснил Юэн. — Она очень устала и не может идти дальше.

— Вы не говорили мне, что это для вашей супруги, — сказал старик, нахмурившись.

Джанет подняла голову и, глядя на Юэна, укоризненно покачала головой. Затем она посмотрела на старика и устало вздохнула.

— Иногда мне кажется, он вообще забывает, что женат. Он не хотел, чтобы я пришла сюда, но я настояла и теперь боюсь, что создала много разных сложностей.

Старик галантно встал на ее защиту.

— Какие сложности может создать такая хорошенькая девушка?

— Вы были бы удивлены, если бы узнали, на что она способна, — тихо произнес Юэн, но так, чтобы Джанет могла слышать.

Она толкнула его локтем в бок и бросила на него укоризненный взгляд.

— Я же говорила, что сожалею. — Затем она обратилась к старику за помощью: — Он осуждает

меня.

— За что? — вмешался солдат.

— За то, что я потеряла лошадь на нашей первой стоянке. — Джанет трагически заломила руки. — Это моя вина. Я недостаточно крепко привязала поводья, и лошадь убежала, когда началась гроза. Теперь мы вынуждены потратить деньги, которые планировали отдать монастырю, чтобы купить другую лошадь. — Когда мужчины смущенно посмотрели на нее, она добавила: — Он не сказал вам, что мы направляемся в монастырь Уитхорн, чтобы помолиться за благополучное рождение нашего ребенка?

Старик покачал головой.

По какой-то причине Джанет оказалось не трудно вызвать слезы на глазах. Мысль о том, что она носит ребенка Юэна, вызвала у нее удивительно глубокие и нежные чувства.

— Мы потеряли так много, — тихо сказала она. — Я только хочу родить ему сына.

Юэн, казалось, тоже был взволнован. Он снова прижал ее к себе и утешал, нежно поглаживая по голове.

— Не беспокойся, дорогая. Все будет хорошо.

Джанет прижалась щекой к его твердой груди и прерывисто вздохнула. Боже, как хорошо ощущать его. Чувствуя его сильные руки, обнимавшие ее, так легко ему верить.

— К сожалению, эта лошадь не предназначена для продажи, — сказал Юэн и добавил: — Но мы найдем другую. Пойдем, любовь моя.

Он двинулся, чтобы увести Джанет, но резкий, гнусавый голос англичанина остановил их:

— Стойте. Теперь кто-то должен объяснить мне, что здесь происходит.

Джанет тихо выругалась, употребив любимые словечки Юэна, и взглянула на крупного англичанина, возвышавшегося над ними в седле. Как ни странно, не тяжелые доспехи и оружие, блестевшие на солнце, обеспокоили ее. Она увидела его острый взгляд из-под шлема и поняла, что этот воин с голубыми глазами, темными волосами и аккуратно подстриженной бородой был далеко не глупым человеком.

Стало ясно: просто так он их не отпустит.

Глава 18

Джанет похолодела, увидев, как этот солдат посмотрел на Юэна. А Юэн, черт его дери, ничего не предпринимал, чтобы развеять подозрения англичанина. Он вел себя как агрессивный воин, защищая ее своим мускулистым телом.

О Боже! Юэн мог бы с таким же успехом открыто сказать, кто он такой на самом деле. Он выглядел как человек, рожденный с мечом в руке и готовый сражаться насмерть, защищая то, что ему принадлежало. В данном случае — ее. Это было бы замечательно, если бы не грозило им обоим смертью.

Topreading.ru

— Моя жена и я держим путь в монастырь Уитхорн, чтобы молиться за нашего ребенка, — отрывисто сказал он голосом, в котором чувствовалась властность шотландского вождя клана. Боже милостивый, неужели он не мог хотя бы попытаться изменить свой тон? — Мы потеряли лошадь, и я хотел купить другую у этого фермера. — Юэн жестом указал на коня, пасущегося в загоне. — Я не знал, что она ему не принадлежит. Если вы заинтересованы в продаже…

— Нет, — прервал его капитан. — Это правда? — спросил он у фермера.

Старик кивнул.

— Да, он предложил мне десять фунтов за этого рысака.

Глядя через плечо Юэна, Джанет с тревогой заметила, как сузились глаза солдата. Тот окинул Юэна взглядом.

— Откуда у крестьянина такие деньги?

Джанет, казалось, слышала, как Юэн заскрипел зубами. Он был поистине страшен в этот момент. Мягкость, скромность и благоразумие не были присущи его натуре. Он был хорошим воином, но и двух дней не протянул бы в качестве курьера.

— Я откладывал на путешествие в монастырь, чтобы помолиться за еще не рожденного ребенка, — резко сказал он.

Джанет едва не застонала от явной издевки в его голосе. Почему бы ему сразу не достать свой меч? Результат был бы тот же.

Повисло молчание. Джанет понимала, что должна что-то сделать, и как можно скорее. Для начала надо как-то отвлечь внимание солдата от Юэна.

Она надеялась, что задуманное ею сработает. Она долго притворялась монашкой и приобрела некоторый опыт общения с людьми. К счастью, ожидая Юэна, она от нечего делать занялась своей внешностью. И теперь, перекинув недавно расчесанные волосы через плечо, Джанет сдвинула чуть ниже платье на груди и выступила вперед из-за спины своего «мужа».

Джанет мило улыбнулась рассерженному солдату (очевидно, резкий тон Юэна не остался незамеченным).

— Мой муж вовсе не крестьянин, милорд, — сказала она, подходя к нему. Ей послышалось, что Юэн что-то пробормотал, но она не обратила на это внимания. — Он хороший каменщик. Последние два года он работал над улучшением замка в Роксборо. — Это должно было объяснить, откуда у него такая мускулатура и мозоли на руках, что солдат явно заметил.

Ей так нравились эти мозоли…

Джанет почувствовала, как мурашки побежали у нее по спине, и заставила себя сменить направление мыслей.

Прежде чем англичанин смог задать другие вопросы, Джанет устало вздохнула полной грудью, и от нее не ускользнул его взгляд, направленный на тугой корсаж ее платья. Она посмотрела на него беспомощным страдальческим взглядом, что было не так уж и легко.

— Мой муж… он беспокоится обо мне и о ребенке, — сказала она, как бы извиняясь за

несдержанные манеры Юэна. — Для нас это было очень тяжелое путешествие. — Она заговорила быстрее и более высоким тоном, подчеркивая свое бедственное положение. — Началась гроза, и я потеряла лошадь. Вы видите, какой он злой. Я уверена, вы согласитесь, любой разозлился бы на его месте.

Солдат бросил на Юэна взгляд, в котором не чувствовалось никакого согласия. Джанет пожалела, что отвела Юэну роль жестокого мужа, однако необходимо было как-то заставить солдата проявить свою рыцарскую натуру.

— Я вынуждена была останавливаться через каждую милю, а потом сказала, что не смогу идти дальше, пока мы не найдем другую лошадь. Я понимаю, что вела себя отвратительно, однако от мысли, что опять придется идти пешком по этим горам, мне становится плохо. Вы видите, мне слишком тяжело передвигаться. А он обзывает меня толстухой. — Мужчины понимающе вздохнули. По щеке Джанет скатилась слезинка. — Я не могу путешествовать пешком. — Она заморгала, глядя на англичанина, и с удовольствием отметила, что тот, казалось, забыл о Юэне. — Я очень… — Она драматически качнулась, словно вот-вот упадет в обморок. — Я очень устала.

Едва эти слова сорвались с ее губ, как солдат мгновенно спешился и схватил ее за руку, чтобы поддержать.

— Не расстраивайтесь так, милая леди. — Он бросил взгляд на пожилого фермера. — Чего вы там стоите? Принесите леди что-нибудь выпить. — Он подвел Джанет к стулу возле двери. — Отдохните здесь. Вам нельзя так долго стоять в вашем положении. — Джанет улыбнулась, видя озабоченный взгляд солдата и понимая, что теперь он целиком в ее власти.

Юэн не знал, то ли задушить ее, то ли наградить аплодисментами. Когда спустя два часа они выехали из деревни, у них была не только лошадь, но и полные желудки.

Ее поведение стало для него откровением. Вероятно, ни один актер на сцене не смог бы лучше исполнить роль, которую она себе определила. Джанет с такой легкостью придумала свою историю и изложила ее так убедительно, что даже он в какой-то момент поверил ей. При этом он сказал старику и его жене, что назовет ребенка Джеймсом в честь человека, который научил его всему, что он знал. Джеймс Стюарт действительно обучил его многому. Конечно, фермер не догадывался, что Юэн не строитель, а воин и вождь клана.

Да, Джанет все сделала наилучшим образом, но он никогда не забудет, как сердце его замерло при ее появлении в деревне. Он был потрясен не только тем, что она не послушалась его и подвергла себя опасности, но и ее внешним видом. Она уже не выглядела монахиней или оруженосцем. Она нарядилась как леди впервые за все время, что он знал ее, и он не мог оторвать глаз от ее длинных золотистых волос, ниспадавших на плечи свободными локонами, и от женских округлостей под облегающим платьем. Ее грудь выглядела чрезвычайно привлекательно. Вероятно, это платье было создано, чтобы заставить мужчину думать, будто она предназначена только для него, как щедрый дар богов. У Юэна возникло желание набросить на ее плечи накидку и одновременно уткнуться головой в эти соблазнительные груди!

Конечно, еще одна большая округлость явилась для него сюрпризом. «Она беременна». Казалось, на него обрушился огромный камень. Сердце сжалось, и внутри возникло жгучее ощущение, какого он никогда не испытывал прежде. В нем вспыхнул собственнический

инстинкт, который затмил все прочие чувства.

Юэн был готов бросить вызов всем этим солдатам, чтобы защитить Джанет. Он едва не лишился разума от гнева и, черт возьми, от ревности, когда она начала намеренно соблазнять англичанина своими женскими прелестями.

Только сообразив, что это ее уловка, он сдержал свой порыв. Ему пришлось призвать всю свою силу воли, чтобы сдержаться и не броситься с кулаками на английского капитана, когда тот смотрел на Джанет оценивающим взглядом. Юэн явно выражал гнев, и это лишь подтверждало достоверность роли сурового, вспыльчивого мужа, которую она ему отвела.

Кто мог принять его за другого?

Юэн заметно злился, в то время как Джанет попросила фермера помочь найти жителя деревни, который мог бы продать лошадь. При этом она настолько очаровала суровую жену фермера, что та приготовила для них горячую еду и в конечном счете сделала так, что они смогли уйти из деревни без столкновения с солдатами. Юэн был не настолько глуп, чтобы желать иного, но сейчас, когда в нем кипела неукротимая энергия, он был готов вступить в бой.

Убедившись, что их никто не преследует, он вернулся к месту их стоянки, чтобы забрать доспехи и оружие, спрятанные у ручья. К сожалению, им пришлось двигаться окольным путем, но даже вдвоем на одной лошади они должны были достичь Сандрама вблизи Эйра до наступления ночи. Там находился дом, где они могли переночевать в безопасности и где, как он надеялся, к ним присоединятся остальные гвардейцы.

Хотя Юэн держал сидевшую впереди Джанет за талию и его тело активно реагировало на ее присутствие, он не промолвил ни слова, с тех пор как они покинули деревню.

Странные чувства владели им, и он не был уверен, что может доверять себе.

Они ехали около часа, когда Джанет наконец нарушила тишину.

— Ну, говори же. Я знаю, что ты злишься. Давай покончим с этим. Но прежде чем начнешь ругать меня, хочу заметить, я ушла от ручья только потому, что увидела знамена англичан и решила предупредить тебя. — Он открыл рот, чтобы ответить, но она прервала его: — Хочу также заметить, что в деревне у тебя не было друзей. — На этот раз Юэн не успел даже открыть рта, как она опять перебила его: — У тебя был только кинжал. Я знаю, что ты очень умелый воин, но тебе пришлось бы стать настоящим призраком, чтобы с боем вырваться оттуда.

Юэн удивленно выгнул бровь. Подумать только, она считала его очень умелым воином? Ему это понравилось.

— Могу я теперь говорить или ты хочешь еще что-то добавить?

Джанет приподняла подбородок и смело встретила его взгляд.

— Я все сказала. Пока.

Она выглядела как кающийся грешник, ожидающий наказания. Он сожалел, что вынужден был разочаровать ее.

— Ты поступила правильно. Я благодарю тебя.

Джанет едва не лишилась дара речи.

— Благодаришь?

Он пожал плечами.

— Представиться беременной — это была блестящая идея.

— Блестящая идея? — изумленно повторила она.

— Я понимаю, почему ты стала хорошим курьером. Но думаю, ты напрасно отказалась от своего призвания стать законником или выступать на сцене.

— Значит, ты больше не сердишься на меня?

Юэн искоса взглянул на нее, направляя лошадь через узкую поляну среди кустов.

— Я этого не говорил. Ты отняла у меня пять лет жизни, когда я увидел, что ты спускаешься с холма, и еще пять лет, когда начала заигрывать с англичанином.

— Я не заигрывала. Я только отвлекала его.

Он не обратил внимания на ее возражение.

— Опасно затевать игру с таким человеком, как он, но должен признать, ты правильно оценила его. Он повел себя как типичный английский кавалерист. Я был готов снести ему голову, когда он смотрел на тебя таким алчным взглядом.

Джанет прищурилась, глядя на Юэна в солнечном свете. Она была такой красивой, что он едва сдержался, чтобы снова не поцеловать ее.

Он откашлялся и заставил себя отвернуться.

Она немного помолчала, но он, казалось, слышал ее мысли.

— Ты действительно считаешь, что я хорошо справляюсь со своим делом?

Радость в ее голосе и ее взгляд заставили его сердце сжаться. Словно он достал солнце с неба и вручил ей.

— После того, что случилось, я едва ли могу отрицать это.

Джанет задумчиво покачала головой.

— Не могу поверить, что ты не стал меня бранить.

— Да, было такое желание. Постарайся не повторять ничего подобного. Не все мужчины такие благородные, как этот капитан, сэр Рэнальф. — Юэна опять охватил гнев. — Некоторые могут воспринять трепет твоих ресниц и открытое декольте как приглашение.

Она лукаво взглянула на него через плечо.

— Ты явно ревновал.

— Ревновал?! — возмущенно повторил Юэн. — Нисколько я не ревновал.

— Твоя ревность вполне понятна: сэр Рэнальф — красивый мужчина.

Если бы Юэн мог видеть ее глаза, то заметил бы в них озорной блеск. Однако он был слишком взбешен.

— Красивый? Этот высокомерный хлыщ? Думаю, он проводит немало времени, любуясь в зеркало и подстригая свою бородку. Наверное, в другом месте у него нет волос!

Только когда Джанет расхохоталась, до него дошло, что она поддразнивает его. Он сузил глаза.

Эта кокетка захлопала ресницами и наклонилась вперед, открывая вид на свое волнующее декольте.

— А ты, Юэн? Ты относишься к тем мужчинам, которые воспринимают это как приглашение?

На какое-то время его взгляд остановился на ложбинке между ее полных, округлых грудей с нежной молочно-белой кожей. Он почти ощущал ее вкус…

Юэн с шумом вдохнул, почувствовав охвативший его жар. Страстное желание воспламенило его кровь. Словно догадавшись, что он испытывал, Джанет подвинула свои ягодицы в седле ближе к нему, возбуждая его еще больше.

Ему стоило невероятных усилий удержаться от того, чтобы схватить ее бедра и плотнее прижать к себе. Только холодный вызов в ее глазах остановил его.

— Я не могу принять такое приглашение, черт побери. И ты хорошо знаешь почему. Что, по-твоему, скажут король и Стюарт, узнав, что я лишил тебя девственности?

Она нахмурилась.

— Стюарт? Ты имеешь в виду молодого Уолтера Стюарта? Почему это должно его беспокоить?

«Проклятье!» Юэн плотно сжал губы, осознав свою ошибку.

— Он мой сюзерен. Его отец поручился за мою лояльность, и я не могу отплатить ему тем, что поставлю в неловкое положение его сына.

Его объяснение, по-видимому, удовлетворило ее.

— Значит, тебя беспокоит, главным образом, реакция Роберта? Думаешь, он накажет тебя за общение со мной?

«Думаю!» Юэн пристально посмотрел на нее.

— Я твердо знаю, что он поступит именно так. И будет прав. Ведь ты его невестка. Я глава впавшего в немилость клана с незначительным наделом земли, оставшейся от когда-то большого поместья. Судьба моего клана повисла на волоске, Джанет. Моя надежда на его возрождение связана исключительно с королем.

Джанет увидела противоречивые чувства, отразившиеся на его лице, и почувствовала свою

вину, оттого что давила на него. Она поняла причину его затруднительного положения, однако не считала трудности непреодолимыми. Особенно после того, что он сказал ей раньше.

Она никак не могла поверить, что Юэн не только поблагодарил ее, но и признал, что она хорошо справляется со своим делом. Он увидел, на что она способна, и понял, какой полезной она могла быть. «Блестящая идея». Восхищение, прозвучавшее в его голосе, едва не вызвало у нее слезы.

После многих дней размышлений, имеют ли смысл попытки пробить головой каменную стену, Джанет наконец добилась от него признания своих заслуг в том, что делала. Юэн не был похож ни на ее отца, ни на Дункана, ни на большинство мужчин, которых она встречала. Он был другой. Она оказалась права: его превратное представление о женщинах было скорее следствием его неведения и неопытности, чем убежденности. Он не считал ее беспомощным созданием или невольницей. По его мнению, она была способной, достойной уважения женщиной, такой, как жена Магнуса, Хелен, — целительница, о которой он упоминал. Это было то, чего она всегда хотела от мужчины, но даже не мечтала найти. Джанет была уверена, что именно Юэн — воплощение ее мечты. Как можно отрицать это, когда он обнимал ее так нежно и их тела соприкасались так близко? Она жаждала его ласк. Хотела, чтобы он занялся с ней любовью. Хотела почувствовать его тело, слившееся с ней, и познать истинную страсть.

После многих дней размышлений, имеют ли смысл попытки пробить головой каменную стену, Джанет наконец добилась от него признания своих заслуг в том, что делала. Юэн не был похож ни на ее отца, ни на Дункана, ни на большинство мужчин, которых она встречала. Он был другой. Она оказалась права: его превратное представление о женщинах было скорее следствием его неведения и неопытности, чем убежденности. Он не считал ее беспомощным созданием или невольницей. По его мнению, она была способной, достойной уважения женщиной, такой, как жена Магнуса, Хелен, — целительница, о которой он упоминал. Это было то, чего она всегда хотела от мужчины, но даже не мечтала найти. Джанет была уверена, что именно Юэн — воплощение ее мечты. Как можно отрицать это, когда он обнимал ее так нежно и их тела соприкасались так близко? Она жаждала его ласк. Хотела, чтобы он занялся с ней любовью. Хотела почувствовать его тело, слившееся с ней, и познать истинную страсть.

Нужно было лишь убедить его.

Джанет приводила в уныние мысль о том, что она хранила свою честь до двадцати семи лет, а когда наконец решилась дать волю чувствам, столкнулась с таким сопротивлением.

— Это останется только между нами, Юэн. Я не вижу необходимости ставить в известность Роберта. Если ты хочешь меня, а я хочу тебя, какое значение имеет все остальное?

Юэн хрипло рассмеялся, хотя ему было совсем не до смеха.

— Нельзя быть такой наивной. Ты должна знать, что нельзя просто так разделять постель с мужчиной.

Она приподняла подбородок, недовольная его наставническим тоном.

— Но это, так или иначе, произойдет.

— Конечно, но до свадьбы порядочная женщина несвободна отдать свою невинность, когда пожелает.

Джанет понимала, что он говорит правду, но не могла согласиться с этим и смириться.

— Роберт ничего не узнает.

Юэн слегка смутился.

— Но я буду знать. Я не хочу обесчестить тебя таким образом.

Она обернулась на него и увидела холодную маску на его лице. Это его раздражающее благородство опять встало на ее пути.

— Потому что мы не женаты?

Суровый взгляд, который он бросил на нее, пугал своим напором. Юэн сжал челюсти.

— Потому что мы не можем пожениться.

Его горячность ошеломила ее. Джанет помолчала некоторое время, силясь понять, чем это вызвано. Должно быть, он воспринял ее возражения против брака слишком близко к сердцу. Или за этим кроется что-то еще? Может быть, ему указали на различие в их статусе?

Почему-то у Джанет возникло такое чувство, как будто Юэн бросил ей вызов. И, несмотря на его недавнее прозрение, она не была уверена, что хотела принять его. Делить постель, как он выразился, — это одно, но доверить свою судьбу мужчине — другое дело. Хотела ли она действительно выйти за него замуж?

Глава 19

После того как их преследовали в течение нескольких дней, путешествие в Эйршир из небольшой деревни Куинджилак, расположенной среди холмов, как ни странно, проходило без каких-либо происшествий.

Они прошли через холмы между Дугласом и Санквароm и продолжили путь на запад через болота Эрдс-Мосс. К концу дня они приблизились к цели своего путешествия.

Хотя присутствие англичан давало о себе знать, это были земли Уильяма Уоллеса, и многие подвергшиеся гонениям патриоты перешли отсюда на сторону Брюса. Некоторые родственники Уоллеса жили в Сандраме, включая кузена, помощью которого пользовались хайлендские гвардейцы в подобных случаях.

Юэн мог слегка расслабиться. Его задание было выполнено — точнее, будет выполнено, когда они встретят Ястреба и Вождя в Эйре и погрузятся на корабль. Он вернет Джанет в ее семью, а сам вернется к своим основным обязанностям в гвардии, выслеживая врага или отыскивая пропавшего друга. Брюс будет благодарен ему, и Юэн на шаг приблизится к восстановлению доброго имени Ламонтов. Кроме того, он надеялся получить в награду земли.

Это то, чего он желал и за что боролся.

Тогда почему же Юэн старался продлить это путешествие? Почему у него возникало чувство, что как только он расстанется с Джанет, все будет кончено?

Ведь ничего не было и не будет. Она не могла принадлежать ему. Он ясно дал ей понять, что не может жениться на ней, и, казалось, она в конце концов смирилась с этим.

Тогда почему он испытал разочарование, оттого что она не возражала? Почему где-то в глубине души он полагал, что мысль о браке с Джанет не так нелепа?

Юэн остановился около небольшого ручья, чтобы напоить лошадь последний раз перед прибытием в Сандрам. Его нога уже не так сильно болела, с тех пор как он обзавелся лошадью, но онемела без движения, и неплохо было бы размяться.

Он не стал медлить.

Джанет вернулась, справив свои нужды, и села на камень у ручья, грызя кусочек вяленой говядины, в то время как Юэн подвел лошадь к воде.

— Расскажи мне о Хелен.

Юэн удивленно взглянул на нее. Он не ожидал такого начала после их последнего разговора. Юэн слегка напрягся, размышляя, не заметила ли она неудобства, которое приносила ему рана. Он старался не подавать виду, что испытывает боль, но эта девушка была чертовски наблюдательной.

— Что ты хочешь знать?

Джанет пожала плечами.

— Она хороша в своем деле?

Хелен была одной из лучших целительниц.

— Ты говорил, что она могла бы стать врачом? Как это может быть? Ведь она же женщина.

— Такое редко бывает, но нельзя сказать, что это невозможно. Брат вашего зятя, граф Сазерленд, женат на женщине, которая до замужества училась в Эдинбурге в одной из гильдий. Хелен тоже могла бы там учиться.

— Но она вышла замуж за Магнуса?

Юэн не понимал, куда она клонит.

— Да, но Хелен никогда не хотела учиться в гильдии. Она довольна тем, что делает.

— А чем она обычно занимается?

Юэн закончил поить лошадь, отвел ее от ручья и привязал поводья к дереву. Он скрестил руки на груди и посмотрел на Джанет, понимая, что ступил на опасную почву. Она, несомненно, пыталась выведать у него что-нибудь о гвардии и о том, какое положение он в ней занимает.

— Хелен ухаживает за больными — что еще она может делать?

— Она участвует в сражении вместе с вами?

— Нет.

— Но находится поблизости?

— Почему тебя это интересует?

Topreading.ru

Джанет пожала плечами.

— Просто так. Ты должен признать, что для леди необычно исполнять роль целительницы.

— Хелен — необычная женщина.

— Как и ее муж. Редкий мужчина может позволить своей жене подвергаться такой опасности.

Юэн засмеялся.

— Маккею ужасно это не нравится.

Джанет была явно удивлена.

Юэн засмеялся.

— Маккею ужасно это не нравится.

Джанет была явно удивлена.

— Тогда почему он мирится с таким положением вещей?

— Потому что он знает, что воины нуждаются в ее помощи. И…

Он замолчал.

— И — что?

Юэн неловко пожал плечами.

— И потому, что он любит ее.

— О! — Это был явно не тот ответ, какого она ожидала.

Его губы тронула улыбка.

— Конечно, ты слышала, что мужчина может любить женщину?

Их взгляды встретились, и между ними промелькнула искра взаимопонимания.

Джанет покраснела и опустила глаза.

— Да, но только не в браке.

Нарочитый тон не мог скрыть печали в ее голосе.

— Твои родители не были счастливы в браке?

Она тяжело вздохнула.

— Мой отец обращался с моей матерью как с невольницей. Порой, казалось, он забывал о ее существовании. А когда она осмеливалась заговорить с ним, он грубо обрывал ее. В конечном счете она начала верить, что действительно так глупа, как он ее убеждал.

Юэн поморщился, поскольку знал немало подобных семей.

Topreading.ru

— Однако не все браки бывают такими.

Джанет цинично скривила губы.

— Да, иногда они, как, например, у моей сестры Мэри, исполнены несчастья, страдания и недоверия, а другие, как у моего брата Дункана, сопровождаются постоянными раздорами и враждой. Он и Кристина могли ссориться часами. Потом он часто затаскивал ее в спальню и Бог знает что делал там с несчастной женщиной.

Сознавая, что она говорит о серьезных вещах, Юэн тем не менее разразился смехом.

Джанет рассердилась.

— Не вижу в этом ничего смешного.

Заметив душевную боль, отразившуюся на ее лице, он перестал смеяться.

— Прошу прощения. Я смеялся не над первым браком Мэри. Я знал графа Атолла и, поскольку он был отличным воином, не обращал внимания на его отношения с женщинами, в том числе и с женой. С Сазерлендом я знаком недолго, однако, насколько мне известно, он всегда был верен вашей сестре с первого дня их знакомства. — Юэн опустил то, как друзья потешались над Сазерлендом, когда Мэри сначала отвергла его ухаживания. — Меня рассмешило то, что ты сказала о Дункане. Всем хорошо известно, какую страсть он испытывал к своей жене — как в спальне, так и вне ее. Думаю, они мирились в своей комнате так же страстно, как и ссорились.

Глаза Джанет расширились, а щеки покраснели, когда до нее дошло значение его слов.

Она сдвинула брови.

— Откуда тебе известно так много о моем брате?

«Проклятье». Это была не та тема, какую он хотел бы с ней обсуждать.

— Я сражался вместе с ним некоторое время.

Джанет выглядела ошеломленной.

— Ты? Почему ты ничего не рассказывал об этом прежде? — Казалось, она поняла все раньше, чем задала следующий вопрос. — Ты был вместе с ним в Лох-Райане, да?

Юэн кивнул.

Она медленно выдохнула. У Юэна сжалось сердце при виде страдальческого выражения ее лица. Ему захотелось обнять и утешить ее, но он сдержался.

Джанет помолчала некоторое время, видимо, стараясь взять себя в руки.

— Как он погиб?

Юэн помнил, как на солнце блеснул меч и опустился на шею Дункана. Однако ей необязательно знать это.

— Он погиб как настоящий храбрый шотландский воин. Я горжусь тем, что сражался рядом с

ним.

Джанет поняла, что Юэн не говорит ей всего, но впервые она не стала расспрашивать о подробностях.

— Должно быть, все это было ужасно, — сказала она. — Там многие погибли. Тебе повезло остаться в живых.

— Да.

Это действительно была резня. Людям Макдауэлла сообщили о прибытии воинов, и те поджидали их. Юэн был на одном из двух судов, на которых удалось спастись оставшимся воинам. В этом сражении погибли около семисот человек. Когда-нибудь тот, кто предал их, заплатит за все.

Джанет увидела, как помрачнело лицо Юэна, и пожалела, что пробудила в нем печальные воспоминания. Однако ей стало немного легче от сознания того, что Юэн был вместе с Дунканом, когда тот погиб. Хотя потеря брата оставила неизгладимый болезненный след в ее сердце, Юэн отчасти смягчил эту боль.

Правда ли то, что он рассказал о Дункане и Кристине? Может быть, она неправильно толковала чувства, существовавшие между ними? Что на самом деле происходило за закрытыми дверями?

По-видимому, совсем не то, что она воображала.

Внезапно все те долгие часы, которые супруги проводили в спальне, приобрели совершенно иное значение — скорее чувственное, чем мрачное. Ее брат всегда выглядел потом крайне опустошенным. Джанет считала его достойным сочувствия, но что, если такое состояние Дункана объяснялось совсем иными причинами?

Ее смущало, что она так мало она знала о том, что происходило прямо у нее под носом.

Джанет задумчиво наблюдала, как Юэн возится с мешком, привязанным к седлу, и в конце концов извлекает из него мех. Откуда все-таки он так много знал об ее брате?

Сделав большой глоток, он сел рядом с ней. Было так приятно сидеть здесь с ним, не чувствуя никакой опасности. По-видимому, никто не спешил продолжить путешествие, и она решила спросить его:

— Твои родители любили друг друга?

Юэн чуть заметно напрягся, и она почувствовала, что этот вопрос ему неприятен. Однако он ответил:

— Да, хотя их любовь была запретна.

— Что ты имеешь в виду?

— Когда мой отец увел мою мать у главы клана Ламонтов — правда, с ее согласия, — это едва не погубило отца и наш клан. Если бы не вмешательство Джеймса Стюарта, то так и случилось бы.

— И все же есть что-то, несомненно, романтичное во всем этом. Твой отец, должно быть, действительно очень любил твою мать, если отважился на такой поступок.

Лицо Юэна приобрело суровое выражение.

— Мой отец был безответственным человеком, позволявшим себе делать все, что захочется, не задумываясь о последствиях. Он неистово сражался, неистово напивался и, по-видимому, неистово любил. Долг и верность ничего для него не значили. Он похитил невесту вождя клана, хорошо понимая, что это приведет к войне.

То, что Джанет услышала о его отце, многое объясняло. Юэн делал все возможное, чтобы не быть на него похожим. Его сдержанность, честь и ответственность были чертами, противоположными качествам его отца. Тогда как его отец был необузданным и безответственным человеком, Юэн представлял собой образец солдата, делавшего то, что от него ожидали.

— А что ты скажешь о своей матери?

Его пальцы сжали мех, который он продолжал держать в руке.

— Безответственность отца погубила ее.

Джанет тяжело вздохнула.

— Что случилось?

— Он не мог оставить ее в покое. Едва она родила меня, как снова оказалась на сносях. Она умерла при вторых родах, спустя десять месяцев после дня моего святого. При этом ребенок — девочка — родилась мертвой.

У Джанет сжалось сердце, когда она услышала, каким тоном он произнес «девочка».

— О Юэн, мне так жаль. Это ужасно. Должно быть, нелегко расти без матери.

Он пожал плечами.

— Я не знал ничего другого. К счастью, Стюарты взяли меня в обучение, иначе я мог бы вырасти таким же необузданным и недостойным уважения, как мой отец. Когда он не сражался и не пьянствовал, он искал смерти, заключая глупые пари. И добился своего. Глава клана Ламонтов в конце концов осуществил свою месть, поспорив с отцом, что тот не сможет забраться на скалу вблизи замка Дандоналд во время дождя.

— Наверное, он был крайне опечален смертью твоей матери.

— Он строил для нее замок, когда она умерла. В течение многих лет он говорил только о том, что должен достроить его, но так и не завершил начатое. Будучи мальчиком, я с ненавистью смотрел на эти недостроенные стены.

Сердце Джанет снова сжалось. Должно быть, Юэну больно вспоминать о неудачах отца.

Он тряхнул головой.

— Но знаешь, что хуже всего в этом деле? Ему удалось возложить на меня ответственность за строительство замка. Поэтому теперь, помимо того, чтобы вернуть утраченные земли

Topreading.ru

Ламонтов, я должен заработать достаточно денег, чтобы завершить это проклятое строительство.

Джанет охватило необычайно проникновенное чувство, и она впервые призналась себе, что это любовь. Она любила Юэна всем своим существом. Как странно, что после стольких лет она наконец влюбилась.

Юэн смотрел куда-то в пространство, погрузившись в воспоминания, и суровые черты его красивого лица отливали золотом в лучах заходящего солнца. Нет, нельзя сказать, что она полюбила его только теперь. Ее сердце всегда принадлежало ему.

— Ты очень хороший человек, Юэн Ламонт, — тихо сказала она.

Он повернулся и посмотрел на нее, что-то странное отразилось в его глазах. Что-то похожее на чувство вины. Затем он задумчиво улыбнулся.

— Я чувствительный глупец. Мне кажется, ты провела слишком много ночей на твердой земле. — Он встал и протянул ей руку. — Пойдем. Тебя ждет теплая ванна, горячая еда и удобная постель.

Джанет мечтательно вздохнула, вложила свою руку в его ладонь и позволила ему помочь ей встать.

— Звучит божественно. Однако, Юэн… — Их взгляды встретились. — Все это не изменит моего решения.

Он смотрел ей в глаза и молчал. Затем произнес то, чего она не поняла, но восприняла как тревожный сигнал:

— Надеюсь, ты не передумаешь через несколько дней.

Вид оштукатуренных и побеленных известью стен фермерского домика, примостившегося на склоне небольшого холма вблизи озера Лохенд, вселял радостное чувство. Это была последняя остановка в конце их путешествия. Здесь они будут в безопасности.

Однако для Юэна окончанию путешествия сопутствовал возврат к горькой действительности. После всего того, что им пришлось пережить, он испытывал чувство вины, когда понял, как важно было для Джанет ее место в королевской сети осведомителей.

Она возненавидит его за то, что он не сказал ей правду. За то, что позволил ей поверить, будто она действительно сможет вернуться в Роксборо через несколько дней. За то, что не сказал ей о намерении короля выдать ее замуж за Уолтера Стюарта.

То, что казалось ранее благоразумным и не касавшимся его лично, теперь воспринималось им как предательство. Он не мог расценивать это иначе. Их отношения изменились. Греховное влечение, которое Юэн испытывал к «сестре Дженне», превратилось в более глубокое, сильное чувство, по мере того как он ближе узнавал Джанет и заботился о ней. Если бы у него была возможность исправить свою ошибку, он, не задумываясь, сделал бы это.

Он знал, что она будет крайне разгневана, и теперь понял, как важно для него ее отношение.

Topreading.ru

Юэн хотел рассказать ей правду, полагая, что так будет лучше. Возможно, если она возненавидит его, ему будет не так тяжело расстаться с ней? Может быть, тогда он перестанет думать о том, чему не суждено сбыться? Может быть, тогда ему будет не так тяжело видеть ее замужем за кем-то другим?

Юэн ощутил жжение в груди. От этой мысли у него все переворачивалось внутри. Он непроизвольно сжал поводья и плотнее обхватил талию Джанет.

Какой выбор был у него, черт возьми? Король не намерен пренебречь обручением Джанет со Стюартом и позволить ей выйти замуж за одного из гвардейцев — не говоря уже о Ламонте, — даже если Юэну удастся убедить ее, в чем он не был уверен. У него оставался единственный выход, но он не принимал его в расчет. Он не хотел походить на своего отца. Он не способен «похитить» невесту своего сюзерена. Он не готов рисковать всем ради женщины, независимо от того, как сильно ее желал.

О Боже, как же он хотел обладать ею! После стольких часов, в течение которых он обнимал ее, сидя на лошади, все его существо томилось от настоятельной потребности. Запах ее волос, тонкость талии, тяжесть грудей, округлость ее ягодиц — все это возбуждало его и туманило сознание.

Он не хотел отпускать ее.

Джанет повернулась и посмотрела на него.

— Что-то не так?

Юэн вздрогнул.

— Нет, почему ты спрашиваешь?

— Ты не собираешься спешиться? Полагаю, мы достигли цели нашего путешествия?

Он выругался себе под нос, стараясь скрыть свое замешательство. Как долго они будут оставаться здесь?

Юэн убрал руки с ее талии и спрыгнул на землю. Затем помог Джанет спешиться и привязал поводья к стойке.

— Подожди здесь, пока я удостоверюсь, что нас примут, как полагается. — Она кивнула, но он на мгновение задумался и добавил: — Важно, чтобы ты называла меня только по имени.

Она нахмурилась.

— Почему?

— В этих местах не у всех имя Ламонт вызывает одобрение. Некоторые до сих пор убеждены, что мои родственники приложили руку к убийству отца Уильяма Уоллеса. — При этом он не упомянул, что его кузен, изгнанный глава клана Ламонтов, был вассалом графа Монтейта, человеком, ответственным за выдачу Уоллеса англичанам.

Обычно он пользовался своей военной кличкой — Охотник. Но в присутствии Джанет это был неподходящий вариант. Она и так уже знала слишком много.

К счастью, ответ, казалось, удовлетворил ее.

— Хорошо. А кто тогда я?

Он понял, что она имела в виду, но не хотел снова делать вид, что она его жена. Он не выдержит, если придется опять спать рядом с ней ночью.

— Ты просто Джанет. Это все, что им необходимо знать. Я не хочу ставить этих людей в неудобное положение, если они узнают, что оказывали услугу невестке короля в таком непритязательном жилище.

— Я не хочу никого смущать. Прошло много лет с тех пор, когда кто-то оказывал мне услугу. Я ничего такого не жду и не желаю. Уверяю тебя, это непритязательное жилище покажется дворцом по сравнению с теми местами, где мне приходилось останавливаться.

— Я не хочу никого смущать. Прошло много лет с тех пор, когда кто-то оказывал мне услугу. Я ничего такого не жду и не желаю. Уверяю тебя, это непритязательное жилище покажется дворцом по сравнению с теми местами, где мне приходилось останавливаться.

От него не ускользнул мягкий упрек с ее стороны. Если бы она попыталась сказать, что разница в их статусе для нее не имеет значения, он сделал бы вид, что не понял ее. Возможно, для нее это не имело значения, но для короля было чрезвычайно важно. В этом Юэн был вполне уверен.

Бросив на нее взгляд, похожий на прощальный, Юэн отправился к фермеру.

Как только Джанет осознала, какое чувство испытывает к Юэну, казалось, все сразу встало на свои места. Если бы она хотя бы немного сомневалась в своих желаниях, они едва ли задержались бы на этой ферме.

Она села за стол перед очагом, наслаждаясь окутавшим ее теплом. Это было тепло не только от пламени и от хорошей еды, но и от общества. Уоллесы оказались гостеприимными хозяевами, и счастье, которое излучали супруги, было заразительным.

Юэн был прав: не все браки ужасны. И Уоллесы были тому доказательством. Их добродушное подшучивание, нежные взгляды и непроизвольные прикосновения друг к другу многое говорили об их отношениях.

Роберт Уоллес был дальним родственником Уильяма Уоллеса. Он сражался вместе со своим знаменитым дядей шесть лет назад, когда Роберт потерял руку в стычке с англичанами в Ирнсайде. Маргарет была значительно моложе своего мужа и очень хороша собой. Изящная, темноволосая женщина с тонкими чертами лица и стройной фигурой, казалось, никак не подходила седеющему сорокалетнему воину, который был таким же высоким, как его знаменитый родственник, и имел такую же внушительную фигуру. Но они тем не менее прекрасно дополняли друг друга. Ее веселый смех и открытая, жизнерадостная натура удивительным образом сочетались с грубоватой, неразговорчивой манерой поведения мужа. Было ясно, что он души не чаял в своей молодой жене. В своей молодой беременной жене.

Странное чувство возникло у Джанет, когда она поняла, что Маргарет носит ребенка. Это чувство становилось более определенным по мере того, как продолжался вечер. Это было страстное желание. Острое, болезненное желание.

До собственной «беременности» Джанет никогда так остро не чувствовала отсутствия у нее детей. Конечно, на протяжении нескольких лет она время от времени задумывалась о ребенке и о том, что в этом случае ей придется отказаться от монашеской одежды. Однако чтобы

родить ребенка, требовался муж, а учитывая важность ее дела, такая перспектива была маловероятной. Хотя теоретически все возможно. Впрочем, это не казалось таким невозможным сейчас, когда Джанет сидела рядом с сияющей беременной женщиной с одной стороны и с любимым мужчиной — с другой стороны.

Джанет чувствовала, что с ним она могла бы иметь детей. И сидеть вот так же уютно перед огнем, обмениваясь нежными взглядами и прикосновениями. Она хотела того же, что было у Уоллесов.

Она понимала, что это означало бы замужество.

Джанет замерла на несколько секунд, ожидая, как отзовется в ее душе эта мысль, однако не почувствовала неприятного вкуса во рту, как это обычно бывало, когда она думала о браке. «Должно быть, это потому, что я действительно полюбила», — подумала Джанет, слегка улыбнувшись. С Юэном счастливый брак казался вполне возможным.

Она знала, что существовали определенные препятствия. Во-первых, король, а во-вторых, ее занятие. Роберт был меньшей преградой из двух. Если Юэн действительно состоял в секретной гвардии короля, как она подозревала, то это должно помочь преодолеть сопротивление Роберта. Юэну не нравилась ее идея продолжать свое дело, но он понимал, как это важно для нее. Он не был похож на ее отца и брата, поскольку не собирался запереть ее в четырех стенах. Он ценил способности Джанет и не раз говорил ей об этом. Если он на самом деле любил ее, они найдут способ действовать совместно — как Магнус и Хелен.

Джанет наконец встретила мужчину, которому хватало духу позволить ей быть самой собой. Он обладал не меньшей силой воли, чем она. Между ними, несомненно, будут стычки, но она была к этому готова.

Конечно, не только она должна была убедиться в том, что это хорошая идея. Джанет не сомневалась, что Юэн страстно желал ее и заботился о ней. Но хотел ли он жениться? Он говорил, что это невозможно. Что, если это действительно так?

Ее взгляд устремился на Юэна. Он был поглощен беседой с Робертом Уоллесом о войне, в то время как Джанет и Маргарет доедали свой ужин. Последняя прислушивалась к тому, о чем говорили мужчины.

— Тебе нас хорошо слышно, жена? Я не хочу, чтобы ты пропустила что-нибудь в нашей личной беседе, — сказал Роберт, подняв голову. Выражение его лица было суровым, но во взгляде чувствовалась мягкость.

Маргарет отразила выпад.

— Ты очень тактичен, Роберт. То, о чем вы говорите, выше моего женского понимания, но если вы будете говорить чуть громче, может быть, я даже что-нибудь пойму.

Глаза ее лукаво блестели, когда она наклонилась к Джанет и прошептала:

— Хотя я бы едва ли назвала этот обмен сплетнями и ворчание беседой. Даже не знаю, что из этого хуже.

Джанет расхохоталась.

Роберт сузил глаза, глядя на свою жену.

— Что вас так развеселило?

Маргарет улыбнулась и подмигнула Джанет, затем встала из-за стола.

— Боюсь, это очень личное.

Роберт укоризненно покачал головой, однако Джанет заметила легкую улыбку, тронувшую его губы, когда он вернулся к разговору с Юэном.

Маргарет начала очищать блюда от остатков еды. Когда Джанет поднялась, чтобы помочь ей, она жестом остановила ее.

— Вы гостья, — сказала она и затем добавила шепотом: — Кроме того, вы должны будете рассказать мне, если в их разговоре будет что-нибудь интересное.

Джанет заговорщически улыбнулась.

— Я постараюсь. Однако полагаю, в их разговоре «интересного» гораздо больше, чем мы думаем.

Маргарет усмехнулась.

— Наверное, вы правы. Тогда постарайтесь не заснуть.

— Не могу обещать, — сказала Джанет. — Я не помню, когда в последний раз мне было так уютно. У вас прекрасный дом, Маргарет.

Джанет увидела, что ее замечание явно было приятно хозяйке.

— Думаю, пришло время яблочного пирога.

Джанет засмеялась.

— Пожалуй.

Маргарет двинулась в другой конец комнаты, а Джанет расслабилась и тайком наблюдала за двумя мужчинами в дальнем конце стола. Должно быть, у нее не было такого опыта в подслушивании, как у Маргарет, потому что она с трудом могла расслышать, о чем они говорили. Она привыкла к громкой и резкой речи Юэна, но в этот вечер он говорил необычно тихо.

Видимо, что-то случилось.

Возможно, он старался не подавать виду, хотя был очень обеспокоен тем, что его друзья не прибыли в назначенное место? Впрочем, казалось, он был уверен, что они скоро появятся. Или его беспокоило что-то еще?

Она нахмурилась, когда Юэн вновь наполнил свой кубок. В этот вечер он пил больше обычного. Его лицо слегка раскраснелось.

Джанет дождалась перерыва в разговоре мужчин.

— С твоей ногой все в порядке, Юэн?

Topreading.ru

Он взглянул на нее.

— Все хорошо. Почему ты спрашиваешь?

Джанет покраснела, не желая признаваться, что наблюдала за тем, как он поглощал эль.

— Ты давно ничего не говорил о ране, и я подумала, хорошо ли она заживает.

— Нормально.

— Вы ранены? — спросила Маргарет, приблизившись к столу.

— Все уже проходит, — ответил Юэн.

— Однако рана не обработана должным образом, — вставила Джанет.

Юэн бросил на нее сердитый взгляд. Она улыбнулась.

Маргарет нахмурилась.

— У меня есть немного целебной мази…

— В самом деле? — сказал Юэн. — Это хорошо.

— Оставь человека в покое, Маргарет, — проворчал Роберт. — Он достаточно взрослый, чтобы решить, нужна ему помощь или нет.

Маргарет и Джанет переглянулись, закатив глаза. Мужчины, независимо от возраста, никогда не признаются, что нуждаются в помощи.

— Однако я очень устал, — сказал Юэн, откидываясь назад. — Думаю, пора отдохнуть.

— Уже? — удивилась Джанет, не скрывая своего разочарования. — А как же пирог?

Она не хотела окончания этого вечера — и их путешествия, раз уж на то пошло. Джанет знала, что, как только они вернутся, Юэна призовут к выполнению другого задания, а она должна будет немедленно отправиться в Роксборо, чтобы успеть к дню Святого Дростана.

Убедить Роберта будет, несомненно, сложнее, учитывая, с какими трудностями им пришлось столкнуться во время путешествия. Но сведения, которые она получала, были так важны, что Джанет была убеждена: король пойдет ей навстречу. К тому же Юэн и его соратники будут отвлекать от нее внимание.

Кроме того, была другая причина, касающаяся ее и Юэна.

Юэн взглянул на Маргарет.

— Я съем кусочек утром. — Его взгляд наконец остановился на Джанет. — Тебе тоже следует отдохнуть. Мы отправимся рано, и впереди нас ждет трудный день.

Джанет кивнула, и он ушел. Она тоже пойдет отдыхать, но только после того, как выскажет ему все, что было у нее на душе. Он должен знать, какие чувства она испытывает к нему. Надо только дождаться подходящего момента.

Topreading.ru

Глава 20

Юэн сел на стул перед железной жаровней, которую Маргарет предусмотрительно поставила в сарае, чтобы ему было тепло, и начал точить клинок о промасленный оселок медленными, размеренными движениями. Он всегда делал это перед сражением, чтобы успокоиться и не думать о том, что ждет его впереди. Это был своеобразный ритуал. Они все так делали. Большинство гвардейцев тщательно ухаживали за своим оружием. Кроме того, Максорли любил немного поплавать, Гарпун читал обтянутый кожей фолиант, который всегда носил с собой как талисман. В нем было несколько молитв, которые тот сопровождал большими глотками виски.

Но в этот вечер ни эль, ни купание в озере, ни обычный ритуал не способствовали успокоению. Ничто не могло отвлечь его от мыслей о Джанет и о том, что ожидало их впереди. Ничто не могло укротить бушевавшую внутри бурю. Он чувствовал себя, как на острие меча.

Юэн пытался объяснить такое состояние страстным желанием. Бог знает, каких усилий стоило ему себя сдерживать. Он до боли стискивал зубы — так ему хотелось увидеть Джанет.

Но не только похоть владела им, когда их взгляды встречались в этот вечер. От него не ускользнуло то, как ее взволновало положение Маргарет. Ей явно хотелось испытать то же самое, и он заметил, как она потом посмотрела на него.

Но это невозможно, черт возьми! Почему она мучит его тем, что нельзя осуществить?

Видимо, потому что не знает, что между ними ничего не может быть.

Еще один день, и все будет кончено. Он был уверен, что послезавтра она уже так не посмотрит на него и его желания уже не будут иметь никакого значения. Возможно, это к лучшему, и Юэн испытал некоторое облегчение от мысли, что Джанет возненавидит его.

Юэн выругался, когда его рука соскользнула и большой палец соприкоснулся с острым лезвием. На кончике пальца выступила кровь, и несколько капель упали на оселок, прежде чем он убрал его.

«Проклятье!» Это плохой знак.

Дверь внезапно отворилась в тот момент, когда он поднялся на ноги. Даже в полумраке он узнал Джанет.

— Что случилось? Ты… — Она остановилась, и глаза ее расширились при виде его окровавленного пальца. — Что с твоей рукой?

Она сделала шаг в сарай, но Юэн остановил ее.

— Ничего страшного. — Он оторвал кусочек от повязки на ноге и обмотал им большой палец. — Я порезался о свой клинок. Такое часто бывает, — солгал он, хотя порез и правда был неглубокий.

В отличие от раны на ноге, которая адски болела, хотя на вид не было никакого ухудшения. После купания в ледяной воде озера Юэн наложил на рану свежую повязку и почувствовал себя немного лучше. Однако он вынужден был признать, что рана вызывала у него беспокойство. Впрочем, не настолько, чтобы позволить Джанет прикасаться к нему, если она

пришла сюда помочь, хотя он не увидел в ее руках ни мази, ни чистой материи. Какова бы ни была причина ее появления, к добру оно не приведет.

— Зачем ты явилась сюда, Джанет? Должно быть, уже далеко за полночь. Тебе надо поспать. Возвращайся в дом.

Она пропустила его слова мимо ушей.

— Нам надо поговорить. — Тихо закрыв дверь, Джанет двинулась к нему. Подойдя ближе, она оказалась в круге света.

О Боже! Юэн был потрясен и испытал невероятное искушение. Она казалась ожившим видением, сиреной, увлекавшей его прямо в ад. У нее был вид женщины, только что поднявшейся с постели. Ее густые, слегка спутанные, золотистые волосы ниспадали на плечи волнами, блестевшими в мерцающем свете лампы. Плечи были укрыты его накидкой, края которой Джанет сжимала перед собой, но Юэн все-таки мог разглядеть тонкую льняную сорочку. Это все, что было на ней под накидкой. Он заметил также внизу ее обнаженные ноги и ступни, которые она поспешно сунула в туфли, не надев лосины.

Она остановилась в нескольких шагах от него, и он замер, едва дыша.

Впервые в жизни Охотник испытал, каково быть пойманным. Он не мог двинуться с места, словно олень под прицелом лучника.

Он наблюдал, как Джанет бросила взгляд на темные стойла, где было несколько животных и их лошадь. Затем она посмотрела в угол, где лежал приготовленный для него удобный соломенный тюфяк. Помимо жаровни и стула в помещении стоял небольшой стол с масляной лампой. В теплом душном воздухе пахло торфом.

Впервые в жизни Охотник испытал, каково быть пойманным. Он не мог двинуться с места, словно олень под прицелом лучника.

Он наблюдал, как Джанет бросила взгляд на темные стойла, где было несколько животных и их лошадь. Затем она посмотрела в угол, где лежал приготовленный для него удобный соломенный тюфяк. Помимо жаровни и стула в помещении стоял небольшой стол с масляной лампой. В теплом душном воздухе пахло торфом.

Вид Джанет заставлял Юэна думать о…

Черт возьми, все в ней заставляло его думать об этом. Он балансировал на тонкой грани. Юэн сжал кулаки.

— Ты должна немедленно уйти отсюда, Джанет. Разговор может подождать до утра. Тебе не следует находиться здесь наедине со мной в таком виде. Что если Уоллесы проснутся и заметят, что тебя нет в доме?

Жесткость его тона, казалось, не произвела на нее никакого впечатления. Джанет приподняла подбородок и смело встретила его взгляд.

— Мы были наедине почти два дня. А Уоллесы уже уснули, и даже если проснутся, думаю, они поймут, куда я ушла, особенно Маргарет. — Она сделала еще один шаг к нему, и Юэн с трудом заставил себя не отступить. Однако он весь напрягся. Его пульс участился, сердце неистово заколотилось. — То, что я должна сказать, очень важно и не может ждать до утра.

Он нахмурился, и тревога отчасти затмила его гнев из-за вторжения Джанет и желание выставить ее отсюда.

— Что-то случилось?

Она отрицательно покачала головой.

— Тогда в чем дело?

Джанет закусила губу, словно не знала, с чего начать. Тревога Юэна усилилась, ведь ему была известна ее способность всегда находить нужные слова в любой ситуации.

— Я изменила свое решение.

— Какое?

— Я больше не хочу становиться монахиней.

Юэн снова возмутился.

— И это так важно, что ты покинула постель среди ночи и явилась сюда ко мне?

Она бросила на него сердитый взгляд и поджала губы.

— Это значит, что при подходящих обстоятельствах я могу подумать о браке.

Юэн замер, затаив дыхание. Казалось, все тело его онемело.

Неужели она пыталась сказать этим, что считает возможным выйти за него замуж?

Судя по тому, как Джанет опустила глаза и щеки ее покраснели, именно это она и имела в виду.

О Боже! Хотя на нем была только туника и тонкие шерстяные штаны, на лбу его выступил пот. Что ей ответить?

— Джанет, ты знаешь, что все решает король. Если ты пожелаешь выйти замуж, Брюс найдет тебе подходящего мужа.

Она скривила губы.

— Роберт не такой. Он будет считаться с моими желаниями.

Юэн выругался себе под нос. Как ей сказать, что Роберт уже нашел ей мужа, вовсе не считаясь с ее желаниями? Не говоря уже о том, что король предупредил, чтобы Юэн держался от нее подальше.

Он неловко заерзал на стуле, внезапно почувствовав себя так, словно в его сапогах раскаленные угли.

— Он найдет для тебя мужа, у которого есть нечто большее, чем крошечный надел земли и недостроенный замок.

Как ни странно, слова Юэна, казалось, только вселили в нее еще большую уверенность.

Topreading.ru

— Что, если я смогу переубедить его? Ты не думаешь, что я смогу тебе помочь? Если ты женишься на мне, это укрепит твое положение, и Роберт вернет тебе земли…

— Остановись! — Юэн схватил ее за плечи и встряхнул, не сознавая, что делает. — То, что ты говоришь, — невозможно. Ты понимаешь, что значит слово «нет»? Этого никогда не будет.

Она тяжело дышала, а в глазах ее читалось множество вопросов.

— Почему нет? Я думала, что ты… — Ее глаза увлажнились. — Я думала, ты испытываешь интерес ко мне. Разве ты не хочешь меня?

«Проклятье!» Юэн отпустил ее так же внезапно, как и схватил, не доверяя себе. Он желал ее всем своим существом. Желал так отчаянно, что ему пришлось призвать на помощь всю свою силу воли, чтобы не заключить Джанет в объятия прямо сейчас.

— Все не так просто, Джанет.

— Почему?

Боль в ее голосе едва не надломила его волю. Юэн увидел, что глаза ее полны слез, и потому, запустив пальцы в свои волосы, зашагал туда-сюда перед жаровней.

— Просто поверь мне.

— Но я люблю тебя.

Он перестал ходить. Его сердце замерло. Казалось, все вокруг застыло в ожидании. Потребовалось несколько секунд, чтобы до него дошел смысл ее слов. В следующее мгновение его охватило чувство, похожее на счастье, какого он никогда не испытывал прежде. Однако затем оно уступило место горькому чувству долга и верности. Люди рассчитывали на него, черт возьми. К тому же Джанет предназначена другому мужчине.

Он не хочет походить на своего отца и не сделает того, что сделал тот.

Юэн повернулся и заставил себя взглянуть на Джанет. Все мышцы его тела напряглись. Он сжал челюсти и кулаки, и боль в груди заглушила боль в ноге.

Джанет смотрела на него огромными глазами и выглядела совершенно беззащитной.

— Ты не хочешь мне ответить что-нибудь?

— Что, по-твоему, я должен сказать? — Юэн не предполагал, что это прозвучит так грубо, однако он никогда не умел выражаться вежливо. И он никогда не был в таком затруднительном положении.

Джанет вздрогнула, и ее пальцы побелели, когда она крепче сжала накидку.

— Я думала… — Она замолчала, тяжело дыша. — Я думала, что ты испытываешь ко мне то же самое. Но теперь я вижу, что ошибалась. — Первые слезинки скатились по ее щекам, пронзив его сердце подобно копью. — Прости, я больше не побеспокою тебя.

Юэн едва расслышал последние слова, заглушаемые всхлипыванием. Он увидел, как сотрясаются ее плечи, когда она повернулась к двери.

Topreading.ru

Он не мог допустить, чтобы она ушла вот так.

— Подожди, Джанет.

Он протянул к ней руки и тем самым совершил роковую ошибку.

Джанет испытывала скорее обиду, чем унижение, хотя была уверена, что последнее придет позже. Боже мой, ведь она почти попросила его жениться на ней! Она отдала ему свое сердце, а Юэн не захотел принять его. Она испытывала боль в груди, словно на нее навалилась огромная тяжесть.

Она едва дышала, боясь, что чувства захлестнут ее и она разрыдается.

«Ты понимаешь, что значит слово “нет”?»

Да, она все поняла. Боже, как она могла так ошибиться? Может быть, для нее это был еще один пример того, что нельзя торопить события? Могла ли она представить, что Юэн так среагирует на ее слова?

Ее нижняя губа дрожала, а плечи тряслись, и слезы лились нескончаемым потоком. О Боже, надо немедленно бежать отсюда!

Джанет услышала, как Юэн окликнул ее, но все равно ушла бы, если бы он не поймал ее за руку.

— Отпусти меня! — Она попыталась вырваться, не желая, чтобы он увидел ее слезы и то, как сильно он ее обидел. Неужели он не понимает, что унизил ее, не оставив ни капли гордости?

По-видимому, нет. Юэн не отпускал ее, удерживая за предплечья своими сильными руками воина. Затем он развернул ее к себе лицом, но Джанет не смотрела на него. Перед ней оказался вышитый ворот его туники, и взгляд ее устремился на темный участок кожи под ним. Ей вдруг захотелось прикоснуться к нему.

Ее окутало тепло его тела, такого крепкого и привлекательного, терзая воспоминаниями о том, чему не суждено повториться.

— Я не хотел тебя обидеть.

У нее вырвался смех, похожий больше на прерывистые рыдания.

— Тогда чего же ты хотел, Юэн? — Джанет заглянула в его глаза, и новая вспышка гнева придала ей смелости. — О, подожди. Я знаю, чего ты хотел. — Она прильнула к нему, и все ее существо воспламенилось от этого соприкосновения. Но желание и любовь — разные вещи. — Как могла я спутать это с чем-то еще?

Из груди Юэна вырвался стон, и он обвил ее руки вокруг себя, вынудив Джанет прижаться к нему еще крепче, хотя едва ли сознавал, что делал.

— Прекрати, Джанет. Это неправильно.

Лицо его выражало внутренние муки, губы были плотно сжаты, а глаза потемнели.

Она ненавидела Юэна за то, что он возбуждал в ней страсть. Ее сердце болезненно сжималось, оттого что он был таким красивым, оттого что побудил ее изменить свои жизненные планы, оттого что заставил на мгновение поверить в сказку. И больше всего — оттого что не любил ее так, как она его.

— Что неправильно? — сказала Джанет с усмешкой. — То, что я тебе не нужна? — Она прижалась к его груди губами. — Мне кажется, твое тело не согласно с тобой. — Она посмотрела ему в глаза, дрожа от гнева, разочарования и обиды. Ей хотелось ударить его. Хотелось причинить ему боль. — Знаешь что, Юэн? Хватит, я больше не хочу тебя. Отпусти меня!

Юэна охватила паника. Она действительно намеревалась порвать с ним прежние отношения. Он видел это в ее глазах. Джанет больше не желала его. Он слишком много раз отталкивал ее. Но ведь именно этого он хотел, не так ли? Он так думал. Однако когда они стояли, прижавшись друг к другу и между ними вспыхивали искры гнева и желания в яростной борьбе, он понял, что не может позволить ей уйти. Если он отпустит ее сейчас, то потеряет навсегда. Она не вернется к нему, и все будет кончено.

Он мог побороть свое желание, но не страх при мысли о своем будущем без нее. Джанет разрушила его защиту, и он уже не мог ее восстановить.

Ну и пусть. Его губы накрыли ее рот горячим настоятельным поцелуем, не оставив у Джанет сомнения в его намерениях. Он хотел, чтобы она принадлежала ему. Впервые Юэн пренебрег сдержанностью, дав волю своему желанию.

Своими губами и языком он старался доказать ей, что она не права. Он целовал ее так горячо и требовательно, что в конце концов она ответила на его поцелуй с не меньшей страстью. Она явно хотела его.

Накидка, которую она сжимала перед собой, упала на пол к ее ногам, и ее руки обвили его шею. Ее хрупкое тело прильнуло к нему, и он прижал ее к себе сильнее, опаляя горячим дыханием.

Это невероятное ощущение. Она была такой теплой, такой мягкой. От ее волос исходил пьянящий аромат. Он обхватил ладонями ее голову, запустив пальцы в густые золотистые пряди, и погружал язык глубже и глубже в ее горячий рот.

Ему было этого мало. Он жадно вкушал ее сладость, а его руки блуждали по ее телу.

Она вздрогнула и застонала, ее пальцы впились в его плечи, доказывая силу ее желания.

Юэн ощутил прилив тепла в паху, и пульс его участился.

Он не мог больше медлить.

Подхватив Джанет на руки, Юэн отнес ее на тюфяк. Он прервал свой поцелуй только для того, чтобы уложить ее, после чего снял свою рубашку и опустился рядом с ней.

Она жадно смотрела на его обнаженную кожу. Точнее, — наслаждалась видом его обнаженного тела. Он привык к тому, что женщины восхищались его телом настоящего воина, но реакция Джанет имела для него особое значение.

Topreading.ru

— Боже мой, какой ты красивый, — невольно вырвалось у нее.

Он улыбнулся.

— Красивый — неподходящая характеристика для воина. Я думал, ты лучше владеешь словом.

Джанет покраснела, хотя понимала, что он поддразнивает ее.

— Ну, хорошо, тогда пусть будет — «совершенный». — Ее взгляд остановился на ране, которую Юэн получил в стычке с англичанами накануне утром. — Здесь уже не болит? — Юэн отрицательно покачал головой. Ведь он говорил ей, что это всего лишь царапина. — А это что? — спросила она, коснувшись пальцем метки на другом предплечье, означавшей принадлежность к Хайлендской гвардии.

«О черт».

— Ничего.

Джанет такой ответ не удовлетворил.

— Это лев, стоящий на задних лапах, с какой-то лентой и надписью. — Она прищурилась в свете лампы. — Or inveniam viam. «Я найду свою цель», — перевела она. — Подходящий девиз для следопыта. Звучит как надпись на мече.

— Так и есть, — сказал Юэн. Такая же метка была на его мече. Татуировка, изображающая стоящего на задних лапах льва, опоясанного лентой, была знаком отличия члена Хайлендской гвардии. Однако многие воины использовали такую метку в качестве своего девиза или ставили подобное клеймо на своем оружии. Юэн сделал и то, и другое. У него на мече позади льва были изображены две скрещенные пики, а внизу — соответствующая надпись.

Она провела ладонями по его груди и рукам.

— Ты словно сделан из стали. — Джанет робко подняла глаза и встретилась с ним взглядом. — Знаешь, мне никогда прежде не нравились мускулистые мужчины, но теперь, кажется, все изменилось. — Она провела ладонью по его предплечью и сжала его. — Да, — сказала она чуть хрипловатым голосом. — Теперь я смотрю на все иначе.

Юэн снова ощутил прилив тепла. Он выругался и прильнул губами к ее губам, пока ее слова окончательно не свели его с ума.

Он решил не спешить и наслаждаться каждой минутой, прежде чем…

Юэн прервал ход своих мыслей. «Не думай об этом».

Он сосредоточился на том, как приятно ощущать ее рядом, нависнув над ней так, чтобы не раздавить ее своим весом. При этом его рука могла свободно гладить ее, не оставляя нетронутой ни одной части тела. Он коснулся ладонью ее груди сквозь тонкий материал сорочки и потер большим пальцем напряженный сосок, прежде чем его рука скользнула вниз, к талии и бедрам. Затем он обхватил ее ягодицы и подтянул Джанет к себе так, что ее нога обвила его бедро.

Их стоны слились, когда он начал покачиваться, нежно прижимая ее к себе. Постепенно он ускорил движения, действуя в том же темпе своим языком. Юэн вытянулся во весь рост так,

что бы она ощущала его всем своим телом.

Но этого было мало: их разделяла одежда. Тем не менее сердце ее неистово билось и дыхание, сопровождаемое стонами, участилось.

Но этого было мало: их разделяла одежда. Тем не менее сердце ее неистово билось и дыхание, сопровождаемое стонами, участилось.

Тело Юэна испытывало невероятное напряжение. Он весь пылал, едва сдерживаясь, и его лоб покрылся потом. Он старался взять себя в руки, чтобы отдалить решающее мгновение.

Но медлить было нельзя. Юэн слишком сильно хотел ее. Он ждал этого момента с того дня, когда увидел ее в лесу, полуобнаженную и яростную, как валькирия. Он не хотел признаться в этом даже самому себе, но от правды не уйдешь. Видимо, это судьба.

Юэн понимал, что все это происходит слишком поспешно, слишком внезапно. Но он должен овладеть ею. Немедленно.

Одной рукой Юэн развязал тесемки и стянул штаны со своих бедер. Холодный воздух коснулся его горящей кожи, и он вздохнул с облегчением.

Тонкость обращения с женщиной не являлась его достоинством. Он протянул свою большую, неуклюжую руку к краю сорочки и приподнял ее, освободив путь к бедрам Джанет. Затем помедлил, прежде чем прикоснуться к ней. Однако она не хотела ждать. Она начала извиваться, стонать и приподнимать бедра навстречу ему.

Он должен дать ей то, чего они оба хотели. Его пальцы коснулись ее влажности, прежде чем слегка проникнуть в тесную женскую глубину. Юэн застонал. Она была такой мокрой, такой горячей.

Ему ужасно хотелось войти в нее, и он с огромным трудом сдерживал себя, чтобы не навалиться на нее всем телом. Сознание того, как приятно было до конца слиться с ней, вызвало очередной прилив тепла к его чреслам.

Но сначала нужно подготовить ее. Ведь она была девственницей, черт побери, и он должен сделать все наилучшим образом для нее, чего бы это ему ни стоило.

Юэн, прервав поцелуй, приподнял голову, чтобы видеть ее лицо.

Он почувствовал, как сжалось его сердце. Она была такой красивой. Ее щеки раскраснелись от наслаждения, золотистые волосы разметались по подушке, веки были наполовину опущены, а припухшие от поцелуя губы — слегка приоткрыты. У нее был вид чувственной богини. Сознание того, что причиной тому он, тешило его самолюбие. Это от его поцелуя припухли ее губы, от его недельной щетины покраснела кожа на ее подбородке, и это его ласки пробудили в нем страсть. Хотя еще не в полной мере.

Джанет чувствовала себя так, словно на нее обрушился горячий неистовый опустошающий ураган. За несколько минут она пережила сначала полное отчаяние, а затем невероятный экстаз.

То, что сдерживало Юэна, исчезло. Когда он поцеловал ее, она поняла, что он принял

окончательное решение и выбрал ее. Она не ошиблась, отдав ему свое сердце.

В его теплых объятиях она позволила себе отдаться страсти. Она отдавалась ему. При этом она никогда не чувствовала себя так хорошо. Его ласки доставляли ей огромное удовольствие.

О Боже, это невозможно выдержать! Джанет стонала и извивалась, испытывая неодолимое желание плотнее сжать его руку бедрами.

— Подожди немного, милая, — прошептал Юэн ей на ухо с легкой усмешкой. — Я хочу сначала попробовать тебя на вкус.

Джанет не хотела указывать ему, что надо делать, однако предпочла бы сейчас нечто другое, чем поцелуй.

Она слегка захныкала в знак протеста, когда он замедлил движения своих пальцев, и постаралась не проявлять раздражения, когда он усмехнулся.

— Обещаю, тебе понравится, девочка.

Ее охватило странное предчувствие, когда он сдвинулся не вверх, а вниз. Мой Бог, его лицо оказалось прямо между ее…

Внезапно смущение охладило ее пыл. Джанет инстинктивно сжала ноги.

— Нет! Не надо! Не делай этого.

Юэн взглянул на нее, его серо-голубые глаза озорно блестели. Темный локон густых волос упал ему на лоб, придавая ему игривый вид. Он прижался губами к вершине ее сдвинутых ног, и тепло его дыхания заставило ее охнуть. Он улыбнулся.

— Уверяю тебя, будет хорошо. — Юэн снова уткнулся в интимное место, осторожно раздвигая ее ноги. — Тебе понравится это, милая. Позволь мне попробовать тебя на вкус.

О Боже! Джанет содрогнулась — и уже не от стыда, — когда он прильнул к ней опять, на этот раз языком, отчего по телу ее волна за волной пробежала дрожь до самых кончиков пальцев ног. При этом она расслабилась и раздвинула ноги чуть шире, и ее смущение уступило место страстному желанию.

Когда он поцеловал ее там, прижавшись теплыми твердыми губами к самому интимному месту, она вскрикнула, испытав потрясение и необычайно острое наслаждение, которое распространилось по всему телу и затронуло нервные окончания внутри. Его прикосновение было невероятно горячим, чувствительным и возбуждающим.

Он продолжал ласкать ее языком и нежными поцелуями, пока она уже не могла больше терпеть. Джанет начала приподнимать свои бедра навстречу ему, желая большего.

— Тебе нравится это, любовь моя?

Нравится? Боже милостивый, она не могла даже представить себе ничего подобного. Джанет надеялась, что он не ждет от нее ответа; она тяжело дышала, не в силах что-либо сказать.

Она забыла о смущении и лишь издала единственный звук в знак протеста, когда он решительно устроился между ее ног, закинул их себе на плечи и приподнял ее ягодицы так, чтобы иметь полный доступ к ее женскому естеству.

Первое прикосновение его языка вызвало у нее сладостный трепет. А ласки его губ и трение небритого подбородка о нежную кожу между бедер заставили ее забыть всякий стыд. Она начала дрожать, выгибая спину и приподнимая бедра выше и выше к его губам и языку. Она умоляла его не останавливаться, делать это быстрее, глубже, сильнее.

О Боже, да… да! Горячая волна поднялась у нее между ног, в то время как он продолжал сосать ее. Казалось, Джанет вознеслась к вершинам блаженства, когда острое волнообразное наслаждение сотрясало ее тело.

Сквозь затуманенное сознание она услышала, как он бормотал:

— Я не могу больше ждать. Я должен войти в тебя. Прости.

Его голос звучал как-то сдавленно.

За что он извинялся?

У нее не было сил выяснить это.

Глава 21

Юэн не мог больше сдерживаться. Его контроль над собой исчез вслед за ее разрядкой. Он безумно желал Джанет, и она была готова его принять.

Это был самый чувственный опыт в его жизни. Он никогда прежде не доводил женщину до оргазма таким образом. Никогда не испытывал такого единения, когда спазмы наслаждения сотрясали ее тело. Она так откровенно отдавалась ему.

Он не мог больше ждать.

Бормоча извинения, Юэн навис над ней. Мышцы его рук и плеч напряглись в предвкушении, но он заставлял себя не спешить.

Она взглянула на него, затем заморгала, и глаза ее расширились. Он проследил за ее взглядом и увидел, что поразило Джанет: устрашающие размеры его восставшего естества. Он хотел успокоить ее, сказать, что все будет хорошо, но откровенно говоря, даже если бы ему удалось произнести сейчас какие-то слова, он не был уверен, насколько будет болезненно для нее то, что он собирался сделать. Хотя она была расслабленной и влажной после разрядки, тем не менее ее вход был все еще узким и тесным, а его плоть — очень большой и твердой.

Мысль о том, что должно сейчас произойти, заставляла его сердце учащенно биться. Юэн боролся с желанием запрокинуть голову назад и немедленно войти в нее.

Однако он проиграл эту битву. Его член был слишком возбужденным, а ее теплый скользкий вход — слишком привлекательным. Его самоконтроль улетучился, когда он потерся чувствительной головкой о ее шелковистую влажность. Не отрывая взгляда от лица Джанет, он слегка надавил, постепенно продвигаясь в глубину. Затем последовал легкий толчок и быстрое погружение до самого конца. Он полностью завладел ею, соединившись с ней неразрывной связью.

Юэн застонал, испытав истинное удовлетворение, чувство облегчения, а также ощущение правильности того, что свершилось. Словно он нашел то, что судьбой предназначено ему.

Topreading.ru

Ее тихий стон от боли, наконец, дошел до его затуманенного сознания. Однако было слишком поздно винить себя и отступать: он зашел слишком далеко. Теперь невозможно вернуть все назад, даже если бы он захотел сделать это. Джанет принадлежит ему.

По крайней мере в данный момент.

Юэн сжал зубы, стараясь сдерживаться, чтобы дать ей время привыкнуть к новому ощущению. Он испытывал невероятное удовольствие. Она была такой тесной и горячей, охватывая его естество влажной плотью, и его тело инстинктивно жаждало двигаться.

Он украдкой взглянул на Джанет и с удивлением увидел, что она не закрыла глаза и смотрела на него с чувством, которое он легко распознал.

Это была любовь.

Сердце Юэна сжалось, и волна нежности захлестнула его. Он наклонился и поцеловал Джанет.

— Извини.

Она улыбнулась.

— За что?

«За многое».

— Я причинил тебе боль.

— Сейчас уже не так больно.

Словно в подтверждение своих слов, Джанет двинулась навстречу, доставив ему новое удовольствие. Юэн застонал, не в силах противиться основному инстинкту, и тоже начал двигаться быстрыми толчками.

Она поморщилась от боли.

Он выругался.

— Проклятье. Извини. Я старался не двигаться, но ты такая приятная. Я не смог сдержаться.

Джанет улыбнулась, несмотря на боль, которую испытывала.

— В самом деле? Ты действительно так считаешь?

Юэн пристально посмотрел на нее, крепко сжав зубы.

— Тебе, должно быть, не очень-то приятно.

Она улыбнулась еще шире.

Он наклонился, чтобы опять поцеловать ее, и это движение заставило его погрузиться в нее глубже.

Джанет охнула, но на этот раз не из-за боли. Их взгляды встретились.

— О! Это такое ощущение…

Topreading.ru

Юэн догадывался, что она испытывала. Он снова двинулся: сначала наружу, а потом опять в глубину. Ее глаза расширились.

— О… — И еще раз. — О!

Когда она обвила руками его шею и теснее прижалась к нему, это было то самое приглашение, какое он ждал. Не отрывая взгляда от ее лица, он начал двигаться толчками, наблюдая, не больно ли ей. Однако не боль вызвала румянец на ее щеках.

Когда ее бедра поднимались ему навстречу, он не мог сдерживаться. Его толчки постепенно ускорялись, а ее стоны побуждали его проникать глубже и сильнее.

Удовольствие усиливалось. Юэн не мог даже представить ничего подобного. Джанет была такой горячей и тесной. Он весь вспотел, неистовые движения сделали свое дело. Напряжение нарастало, более сильное и мощное, чем когда-либо прежде. Ее тело сжимало его, втягивало в себя, сводило с ума.

И он продолжал неистово вжиматься в нее, обхватив ее бедра.

Наконец напряжение достигло наивысшей точки, и в следующий момент все тело его содрогнулось. Наслаждение было таким острым, что у него помутилось в голове. Спазмы один за другим сотрясали его, выжимая из него все соки.

— Я очень тебя люблю.

Эти ее слова отдавались эхом снова и снова в его голове и в сердце.

Когда последние содрогания затихли, Юэн, обессиленный, рухнул на тюфяк рядом с Джанет, наслаждаясь приятными ощущениями и странными чувствами, охватившими его. Казалось, он парил в воздухе, и голова его слегка туманилась, как будто от избытка выпитого виски. Боже! Он никогда не думал, что такое возможно.

Это было невероятное, ошеломляющее чувство. Они не просто соединились, но слились в единое целое. Он никогда ни с кем не чувствовал такой близости, как в тот момент, когда вошел в нее, глядя ей в глаза. Когда они вместе достигли пика наслаждения, удовлетворение получило не только его тело, но и душа. Эйфория не угасла вместе с разрядкой. Юэн испытывал незнакомое чувство, и ему потребовалось некоторое время, чтобы найти ему название. По-видимому, это было счастье. Он готов был лежать вот так рядом с Джанет целую вечность.

Она была невероятно красивой и приятной. И она любила его. Разве можно быть более счастливым?

Юэн обнял ее и прижал к себе, когда она заговорила:

— Если это то, что меня ожидает в браке, думаю, мне не на что будет жаловаться.

Если бы Джанет окатила его холодной водой, он испытал бы то же, что и от этих ее слов. Туман в голове рассеялся, эйфория и счастье обернулись ледяным холодом, когда реальность того, что он сделал, нанесла ему тяжелый удар.

«Мать твою!»

Topreading.ru

Ругательство было вполне к месту. Оно относилось не только к ней, но и к нему самому.

Юэн ослабил объятия и устремил свой взгляд в деревянную крышу сарая, осознав суровые последствия своего поступка.

Лишив Джанет невинности, он попрал доверие своего короля и своего сюзерена и подверг риску свое будущее и будущее своего клана. Едва ли теперь он вернет свои земли. Его имя будет замарано, когда Брюс узнает о том, что случилось. Недостроенный замок — памятник безрассудности его отца — так и останется недостроенным навсегда. Но все это не будет иметь для него никакого значения, потому что он будет мертв. Король обещал убить его, если он только приблизится к Джанет.

Юэн намеревался покорно делать свое дело, отдалиться от своего «необузданного» отца и мятежного кузена и не привлекать к себе внимания. Брюс, несомненно, узнает о том, что он сделал с Джанет. Юэн был рад, что сэр Джеймс умер и не увидит его позора.

Как мог Юэн забыть о долге, верности и дисциплине? Именно об этом он должен был думать всегда. Он хотел свалить все на эль, однако знал, что дело вовсе не в спиртном. Он испугался навсегда потерять Джанет и действовал, не подумав о последствиях. Он позволил чувству завладеть разумом. Проклятье, ведь он никогда не был таким чувствительным! Этого не должно было случиться с ним.

Он поступил не лучше, чем его отец! Всю свою жизнь Юэн старался никогда не поступать так, как Дикий Финли, и вот теперь в одно мгновение разрушил все.

Клан Ламонтов перестанет существовать в Ковале. Боже, что он натворил!

Он поступил не лучше, чем его отец! Всю свою жизнь Юэн старался никогда не поступать так, как Дикий Финли, и вот теперь в одно мгновение разрушил все.

Клан Ламонтов перестанет существовать в Ковале. Боже, что он натворил!

Джанет не поняла, что случилось. Все еще расслабленная, она, казалось, парила в облаках, и ее удивила внезапная перемена в настроении Юэна, ведь она думала, что он испытывает то же самое.

Она даже нисколько не обеспокоилась, когда он не ответил на ее шутку. Вероятно, он был ошеломлен, как и она.

Только когда он сел на краю тюфяка (предоставив ей возможность любоваться его широкой мускулистой спиной), натянул свои штаны и обхватил голову рукам, она осознала, что случилось нечто нехорошее.

Только теперь Джанет поняла, что Юэн не просто так пробормотал ругательство, которого она никогда прежде от него не слышала.

Джанет постаралась не принимать близко к сердцу его поведение. Что, если она неправильно представляла то, что должно последовать за их близостью? Не важно, что он обнимал ее, гладил ее волосы и говорил, как чудесно все было и как сильно он любил ее. А на самом деле чувствовал совсем другое.

Ее сердце сжалось до боли. Джанет была не восемнадцатилетней девственницей, а зрелой женщиной. Она не нуждалась в утешениях, хотя было бы неплохо услышать их. Джанет сдержала подступившие к глазам слезы.

Она попыталась думать трезво, оставив в стороне глупое девичье разочарование, наполнявшее ее грудь. Его реакция была понятна. Она знала Юэна и не сомневалась, что, лишив ее девственности, он воспринял это, как нарушение принципов морали и чести.

Джанет считала это нелепостью, а он относился к этому серьезно.

Усевшись позади Юэна, она положила руку ему на плечо. Его мышцы напряглись под ее ладонью. Она не позволит боли омрачить ее счастье.

— Пожалуйста, не расстраивайся. На самом деле нет оснований беспокоиться. Мы не сделали ничего плохого. — Джанет улыбнулась. — Ничего, что нельзя будет исправить. Как только мы прибудем на место, я пойду к Роберту и все объясню ему — ну, может быть, не все. — Возможно, Роберт, как и Юэн, относился по-рыцарски к таким вещам. — Он меня поймет. Он будет счастлив наконец увидеть меня замужней и, выдав меня замуж, поможет твоему клану. Вот увидишь.

Юэн резко отстранился от нее.

— Ты не понимаешь — король придет в бешенство!

Джанет отшатнулась от Юэна, потрясенная его горячностью. Она не рассчитывала на проявление нежных чувств с его стороны и в ответ на его резкость сказала:

— Возможно, мы не идеальная пара, но я уверена, Роберта можно уговорить…

Юэн схватил ее за руку и развернул к себе лицом.

— Черт побери, Джанет! Не все можно уладить с помощью милых улыбок и искусного владения речью. Когда ты наконец поймешь это? Ты не представляешь последствий того, что я сделал.

Она наконец поняла, что такое его поведение объяснялось серьезными причинами.

Юэн снова обхватил голову руками.

Внезапно почувствовав холод, Джанет подняла с тюфяка плед, оставленный Маргарет, накинула его себе на плечи и устроилась позади Юэна.

— Тогда объясни мне, в чем дело, — тихо сказала она.

Джанет подумала, что Юэн решил оставить ее вопрос без ответа, однако после нескольких минут раздумий, казалось, пришел к определенному решению.

— Король уже выбрал супруга для тебя.

Джанет ахнула, глядя на Юэна глазами, исполненными ужаса и неверия. Казалось, она перестала дышать. В ее голове вертелись тысячи мыслей. Этого она меньше всего ожидала. Роберт никогда ни с кем не делился своими планами…

Осознание предательства Юэна порвало в клочья завесу счастья, которой она окружила себя. И в этом виноват не только Роберт. Она пристально посмотрела на Юэна. Она полагала, что

знала этого человека, и думала, что он достаточно хорошо знал ее.

— Кто он? — холодно спросила Джанет.

— Уолтер Стюарт. — Она тяжело вздохнула. Ну, конечно! Юэн как-то вскользь упоминал это имя. Теперь она поняла всю важность того, что свершилось. Она хотела засмеяться, но опасалась, что вместо этого расплачется. Уолтер Стюарт был слишком молод, чтобы заслужить признание в обществе. — Он мой сюзерен и сын человека, которому я всем обязан, — добавил Юэн.

Джанет могла бы понять вину, которую он испытывал из-за своего предательства, однако была поглощена собственной болью и недоверием. Джанет пристально посмотрела на него, пытаясь найти то, что могло бы изменить неизбежное решение, отразившееся на его лице.

Затем она отвернулась и устремила свой взгляд на свои голые пальцы ног. В какой-то момент она, должно быть, сбросила обувь. Резкая боль пронзила ее сердце. Неужели всего лишь несколько минут назад она думала, что Юэн принадлежит ей?

— Ты мне об этом не говорил.

Это не был вопрос; ей было безразлично, по каким причинам Юэн умолчал о таком важном событии. Однако он ответил:

— Король подозревал, что ты не послушалась бы его и не вернулась назад, если бы узнала о его решении.

Ее удивление начало уступать место нарастающему гневу. Она снова посмотрела на Юэна с презрительной усмешкой.

— Однако как хорошо король знает меня. И ты, конечно, согласился с ним. Тебе, вероятно, легко было сделать это. «Это не мое дело», — так, кажется, ты говорил? Почему же тогда ты все-таки оказался вовлеченным в это дело?

Юэн сжал губы в ответ на ее издевку.

— К тому времени, когда я понял, что вовлечен, было уже поздно. Я знал, что ты разозлишься, и понимал, что моему молчанию нет оправданий, но тогда я был в большей степени озабочен тем, как сохранить жизнь нам обоим.

Его признание своей вины было слишком запоздалым.

— Ты мог сказать мне все это вечером. Ты должен был сказать.

— Да, но я не думал, что случится то, что случилось. Я полагал, будет лучше, если король сам объяснит тебе свое намерение. Я думал, наше расставание было бы менее… сложным.

— Если бы я возненавидела тебя?

Юэн посмотрел на нее.

«О Боже!» Лицо ее побледнело, этого следовало ожидать. Он вынужден отдать ее другому мужчине, не оглядываясь в прошлое. Ее сердце разбито, как стекло, упавшее на пол. И он был тому виной.

Topreading.ru

Внезапно Джанет открылась другая правда, другое предательство.

— Полагаю, мое пребывание в Шотландии не будет временным. Король не намерен позволить мне вернуться в Роксборо, не так ли?

Юэн не стал избегать ее холодного обвинительного взгляда.

— Нет, не намерен.

— Но ты позволил мне думать, что я могу переубедить его. Ты знал, как важно для меня мое дело, и все-таки допустил, чтобы я верила, будто бы смогу вернуться!

Юэн не стал избегать ее холодного обвинительного взгляда.

— Нет, не намерен.

— Но ты позволил мне думать, что я могу переубедить его. Ты знал, как важно для меня мое дело, и все-таки допустил, чтобы я верила, будто бы смогу вернуться!

Джанет увидела, что он вздрогнул, однако ей было недостаточно признания им своей вины.

Юэн пожал плечами. Его обнаженные руки даже сейчас вызывали у нее жгучие воспоминания. Она заметила царапины от своих ногтей — доказательство ее глупости.

— Мне казалось, что мне будет легче выполнить свою задачу, если ты не будешь знать всего этого. Я был уверен, что ты можешь отказаться ехать со мной, и не хотел снова за тобой бегать. То, что ты делала, было очень опасным…

— И, конечно, не таким важным, как то, что делал ты.

Она думала, что он не может обидеть ее более, чем солгав ей. Но она ошибалась. «Видимо, он никогда не верил в меня».

Джанет могла попытаться понять его попытку избежать раздора с королем, но не могла простить неуважительного отношения к ее делу. Юэн знал, как много значит для нее то, что она делала. Принижая значение выполняемой ею миссии и убеждая ее, что дело, которым она занимается, можно отсрочить, он тем самым показывал, как мало ее ценит. Какого низкого мнения он был о ней. Он никогда не даст ей того, чего она желала от мужа.

Джанет встала, чтобы уйти, но он остановил ее, схватив за руку.

— То, что ты способна благодаря хорошо подвешенному языку найти выход их любой ситуации, не означает, что следует рисковать. Ты самоуверенна до безрассудства. Ты должна помнить, что случилось со священником в Роксборо… Твое разоблачение — это только вопрос времени. Я не намерен извиняться за то, что не хочу подвергать тебя опасности.

— А как насчет того, что ты мне лгал?

«И заставил меня влюбиться в тебя?»

Его взгляд смягчился. Однако Джанет почувствовала странное безразличие. Час назад она могла бы воспринять это как проявление чувства, но сейчас она знала, что это ничего не значит.

— Я глубоко сожалею об этом. Просто я старался делать свою работу.

Из груди ее вырвалась усмешка.

— А дело всегда на первом месте, не так ли? — Юэн ничего не сказал на это. Она взглянула на его красивое лицо, выражавшее молчаливую просьбу понять его. С одной стороны, Джанет хотела пойти ему навстречу, а с другой — хотела подумать, есть ли какой-нибудь выход, чтобы все это не закончилось так ужасно. — И что теперь будет с твоим заданием, Юэн?

Разумеется, она не могла быть слишком несправедливой. Он не заслуживал выбора, но она намеревалась предоставить ему возможность выбирать.

Юэн не мог выдержать ее взгляда. Он видел рухнувшее доверие в ее глазах. Видел в них боль, разбитое сердце.

Это разрывало его душу.

Он не хотел терять Джанет. Но что он мог сделать? Он мог бы попытаться изо всех сил спасти свою честь и сохранить свое место в армии Брюса, однако не питал иллюзий относительно успеха переговоров.

— Я все объясню Брюсу, когда мы вернемся. Если он согласится, мы поженимся, как только будет объявлено о бракосочетании.

Джанет пристально посмотрела на него.

— Ведь ты на самом деле не думаешь, что сможешь добиться от него согласия?

Юэн действительно в это не верил. Его челюсти сжались.

— Я думал, ты уверена, что сможешь убедить его.

— Это было до того, как мне стало известно об обручении. Роберт едва ли наградит тебя за то, что ты вмешался в его планы.

— Я скажу ему, что другого выбора нет. Слишком поздно. Ведь я лишил тебя невинности, черт побери.

— Тогда приготовься защищаться с мечом в руках, потому что он захочет убить тебя. Роберт едва ли отнесется благосклонно к тому, что ты понизил ценность его приза.

— Не надо так говорить об этом, — сердито сказал Юэн. — Я не так отношусь к тому, что случилось.

— А как, Юэн?

— Как ты можешь задавать такой вопрос? Ведь ты должна понимать, как много значишь для меня!

Судя по разочарованию, промелькнувшему на ее лице, Джанет хотела бы услышать не только это. Тем не менее она положила руку на его предплечье и умоляюще посмотрела на него своими большими зеленоватыми глазами.

Topreading.ru

— Тогда давай вместе убежим. Мы найдем где-нибудь священника, который обвенчает нас. Это единственный выход. Роберт никогда не разрешит нам пожениться.

Все мышцы его тела напряглись от неприятия ее слов.

Неужели судьба сыграла с ним злую шутку, поставив его перед таким же выбором, как и его отца? Однако Юэн не собирался совершить такую же ошибку.

— Я не намерен убегать.

Джанет взглянула на него и обратила внимание на сжатые кулаки и напряженные мышцы.

— Любовь ко мне не сделает тебя похожим на твоего отца, Юэн.

Джанет смотрела на него с таким сочувствием и пониманием, что он на мгновение заколебался. Ему хотелось заключить ее в свои объятия и сказать, что все будет хорошо.

Однако в том, что она предлагала, не было ничего хорошего. Его чувства к ней могут дорого ему обойтись.

— Ты так считаешь? Возможно, ты права. Однако эта ситуация не похожа на ту, в которой оказался мой отец. Выйти из трудного положения ему помог Стюарт, а у меня нет никого.

— У тебя есть я.

Как будто это могло как-то улучшить ситуацию.

— Как мы будем жить? Без поддержки короля и Стюарта я ничего не смогу предложить тебе. Ни денег. Ни замка. Есть только пара сотен людей, зависящих от меня. Может быть, нам следует присоединиться вместе с моим кузеном и родственниками в Ирландии к остальным «мятежникам»?

Джанет решительно приподняла подбородок и поджала губы.

— Нам поможет Мэри. И Кристина тоже.

— Ты обратишься к ним с просьбой? Из-за тебя у них возникнут проблемы с Брюсом.

Этим аргументом Юэн усмирил ее.

— В бегстве нет ничего романтичного, Джанет. Это глупый и безответственный поступок, который не решит нашей проблемы, а лишь усугубит ее. У нас нет иного выхода. Мы должны попытаться договориться с Брюсом.

Юэн с болью в груди встретил ее взгляд, исполненный разочарования.

— Тогда ты должен сделать свой выбор.

— Я уже сделал его.

— Даже если это означает, что мы не сможем быть вместе? Даже если я должна буду выйти замуж за другого человека?

Он схватил Джанет за руку и повернул лицом к себе.

— Да, черт возьми, да!

Свет в ее глазах померк, словно он задул свечу. Юэна охватила паника. Он инстинктивно протянул к ней руки, но она резко отстранилась. Ее зеленоватые как море глаза пронзили его подобно острому кинжалу.

— Не прикасайся больше ко мне. Ты принял свое решение, теперь я приму свое. Я не выйду замуж ни за тебя, ни за Уолтера Стюарта. Я вообще ни за кого не выйду замуж. Я постригусь в монахини, прежде чем кто-либо заставит меня пойти под венец.

— Не прикасайся больше ко мне. Ты принял свое решение, теперь я приму свое. Я не выйду замуж ни за тебя, ни за Уолтера Стюарта. Я вообще ни за кого не выйду замуж. Я постригусь в монахини, прежде чем кто-либо заставит меня пойти под венец.

Сердце Юэна неистово забилось.

— Ты этого не сделаешь.

Джанет ничего не ответила. Она даже не смотрела на Юэна. Ее взгляд был прикован к двери позади него.

— Вопреки твоему убеждению, Юэн, я говорю все это осознанно.

Он выругался, понимая, что она ускользает от него, но не знал, как ее остановить. Юэн поднялся и качнулся от боли в ноге. Но эта боль казалась ничтожной по сравнению с бурей чувств, бушевавшей в его груди. Ему крайне не нравилось, что он потерял контроль над собой, испытывая гнев, чрезвычайное волнение и беспомощность.

Он накинулся на нее, как загнанный в угол зверь.

— Чего ты хочешь от меня, Джанет? Ты представляешь, во что мне обойдется это? — Он кивнул в сторону смятой постели позади них. — Я потеряю все, за что боролся. Разве этого недостаточно или я должен перерезать себе вены ради тебя?

Джанет была потрясена; лицо ее побледнело, голос дрожал.

— Я не думала, что надо платить такую высокую цену за то, что дается легко. Я хотела доставить тебе удовольствие и сожалею, если этого оказалось недостаточно. Не беспокойся, тебе не придется платить за это. Я ни за кого не выйду замуж, поэтому моя невинность — точнее, потеря ее — не имеет никакого значения. Ты предложил мне выйти замуж за тебя, а я отказалась. Ты исполнил свой долг, твоя совесть чиста. Нет причины сообщать что-либо Роберту. Твое положение в его армии будет в опасности только в том случае, если ты предпочтешь поставить его в известность относительно наших отношений.

Его гнев погас так же быстро, как и возник. Юэн едва слышал Джанет; он видел лишь, какую боль причинили ей его необдуманные слова. Ему не следовало обвинять ее. Это не ее ошибка. Он не собирался считать произошедшее между ними своего рода сделкой.

— Извини. Мне не следовало так говорить. Я никогда не думал, что между нами случится такое. Я просто старался делать свою работу.

— А я мешала тебе. Ты простой солдат, выполняющий свой долг, а я лишь усложняю твою задачу. — Юэн нахмурился. Это не то, что он имел в виду. — Извини за то, что создаю тебе

трудности, Юэн. Если бы ты сразу рассказал мне правду, возможно, ничего такого не случилось бы. Но поскольку ты решил самостоятельно принимать решения за нас обоих, боюсь, теперь тебе придется жить с этим. Ты воин и, я уверена, сможешь найти способ добиться всего, что пожелаешь. Думаю, тебе было бы легче, если бы мы никогда не встречались. Можешь утешиться, сейчас я хочу, чтобы между нами никогда ничего не было.

Боже! Что он наделал?

— Ты так не думаешь.

Взгляд, который Джанет устремила на него, говорил об обратном. Юэн внезапно похолодел.

— Ты сказал мне однажды, чего хотел бы от своей жены. Возможно, это самая большая моя ошибка, но я хотела изменить твое убеждение. Однако ты не Магнус, а я не Хелен. Я надеюсь, что однажды ты встретишь женщину, которая позволит тебе постоянно опекать ее. Но это не для меня.

Джанет встала и направилась к двери.

Юэн предпочел бы, чтобы она злилась. Но эта ее холодная, невозмутимая отчужденность испугала его. «Я теряю ее. Что же делать?»

Он чувствовал себя так, словно падал с горы, не имея опоры. Склон был крутым, обледенелым и скользким, и он никак не мог упереться ногами, чтобы замедлить скольжение.

— Подожди. — Джанет обернулась. — Ты не можешь просто так уйти.

На мгновение Джанет подумала, что Юэн хочет вернуть ее, потому что изменил свое мнение. Потому что будет бороться за их совместное будущее так же упорно, как он сражался за короля и свой клан. Но она опять ошибалась.

— Я не могу допустить, чтобы ты попыталась убежать, — сказал он.

К тому разочарованию, которое испытала она, казалось, уже нечего было добавить. Однако оказалось, что есть. Ну, конечно, он думал о своем задании, но не о ней.

Возможно, Юэн понял, что Джанет не намерена возвращаться с ним в Данстаффнэйдж. Прежде всего, ей не следовало позволять ему увезти ее из Роксборо. Она должна вернуться туда. Нельзя было рисковать пропустить что-то очень важное там.

Джанет распрямила спину, вспомнив, что она дочь графа. Хотя Юэн возвышался над ней на несколько футов, она посмотрела на него продолжительным величественным взглядом.

— Это значит, что я пленница? — Она вытянула руки, скрестив их у запястий. — Ты закуешь меня цепями или веревки будет достаточно?

Юэн выругался. Джанет увидела, что он поморщился, когда переступил на больную ногу. Видимо, боль была сильной, но она сдержала слова заботы, готовые сорваться с ее языка. Обычно он не желал принимать от нее помощь, когда она предлагала ее. Он вообще ничего не хотел от нее. И Джанет не хотела услышать отказ. Она решила, что так будет лучше.

По крайней мере, пострадала только она. Если, конечно, Юэн ничего не расскажет Роберту.

Она надеялась, что он не настолько глуп, чтобы сделать это. Он ничего не должен потерять за то, что она добровольно отдала ему. Джанет хотела, чтобы то же самое можно было сказать о ней. В течение двадцати семи лет она никогда не терпела неудачу в достижении своей цели. И вот теперь это случилось.

— О Боже, Джанет, это не то, что ты подумала. Просто я не хочу, чтобы ты совершила опрометчивый поступок.

Юэн продолжал разочаровывать ее. Она надеялась, что они в конце концов перестанут причинять друг другу боль.

— Как мне повезло, что ты будешь за мной присматривать.

— Черт побери. Я не это имел в виду. Ты можешь дать мне слово, что не будешь пытаться сбежать?

— Да.

Он молча пристально посмотрел на нее.

— Ты сбежишь, как только я повернусь к тебе спиной.

Она подняла подбородок, не отрицая этого.

— Так, значит, я все-таки твоя пленница?

Юэн поджал губы.

— Ты женщина, забота о безопасности которой возложена на меня. Я не намерен отпустить тебя одну.

От этих слов по спине Джанет пробежала дрожь, однако она понимала, что не стоит придавать этим словам большое значение. На самом деле он с радостью избавился бы от нее.

— Я буду бороться за наше будущее, Джанет. Поверь мне.

Она поверила бы ему, однако он ясно дал понять, что она для него лишь женщина, которую он должен доставить в Данстаффнэйдж, и больше ничего.

— Считай, что я не спала здесь с тобой, — сказала Джанет дрожащим голосом.

Он сжал челюсти.

— Что было, то было.

— Тебе придется силой тащить меня в Данстаффнэйдж, так как я не поеду туда с тобой добровольно.

На его скуле угрожающе пульсировал мускул.

— Я так и сделаю, если понадобится.

— Я возненавижу тебя за это.

Topreading.ru

Их взгляды встретились, и если бы он не излечил ее от иллюзий, она могла бы подумать, что в его глазах отразилось истинное чувство.

— Надеюсь, этого не произойдет.

Джанет понимала, что битва проиграна. Его невозможно переубедить. Юэн был тверд, как каменная стена. Внезапно силы оставили ее. Казалось, последствия событий минувшего дня одновременно навались на нее. Она чувствовала себя разбитой и задетой до глубины души. Ей хотелось свернуться калачиком и уснуть. Но Юэн даже этого ей не позволил бы.

Джанет взглянула на постель, и сердце ее болезненно сжалось. Она все еще ощущала Юэна между своих ног, и тупая боль породила воспоминание о том, что они разделяли.

— Ты ведь не думаешь, что я снова лягу с тобой в постель?

Он покачал головой и выглядел таким печальным, каким она никогда не видела его прежде.

— Ты можешь поспать на тюфяке. Я не думаю, что усну.

— Такова обязанность охранника?

Юэн не ответил на ее укол и поморщился, непроизвольно потерев больную ногу.

Джанет отвернулась, чтобы не поддаться искушению проявить заботу о нем.

— Прости, Джанет. Я не хотел обидеть тебя.

Однако обидел. Непоправимо.

По пути к постели она подняла его рубашку и бросила ему. Она не могла видеть его обнаженную грудь, которая несколько минут назад вызывала у нее восхищение. Он безмолвно надел рубашку.

Джанет легла на постель, а Юэн сел у огня, прислонившись спиной к стене и вытянув свои длинные ноги перед собой. Джанет не собиралась спать. Она завернулась в плед и наблюдала за Юэном из-под чуть прикрытых век.

Он извлек свой мех перед тем, как сел, и, судя по тому, какой большой глоток он сделал, это был виски.

Если ей повезет, он напьется до бесчувствия.

Глава 22

Джанет внезапно проснулась и содрогнулась. Господи, как здесь холодно!

Она заморгала, вглядываясь в полумрак, и узнала неотесанные деревянные стены сарая. Внезапно все, что произошло, вернулось к ней с прежней болью и разочарованием.

Как он мог так поступить?

Джанет выругалась себе под нос. Она не собиралась спать. Слава Богу, ее разбудил холод.

Жаровня, должно быть, давно погасла.

Внезапно она осознала, что это значит. Ее взгляд устремился туда, где у стены расположился Юэн. Он сидел с поникшей головой, словно тряпичная кукла. Ей не надо было видеть его лицо, скрытое густыми темными волосами, чтобы понять, что он спал глубоким сном, о чем свидетельствовал валявшийся рядом мех.

Джанет не могла поверить в это. Образцовый солдат уснул на посту. Это было так необычно, что она невольно задержала на нем свой взгляд. Возможно, Господь услышал ее молитвы. Однако она сказала себе, что не надо слишком радоваться своей удаче.

Джанет осторожно встала с импровизированной постели. Ее сердце гулко билось. Она неотрывно наблюдала за Юэном, но он оставался совершенно неподвижным.

Она вздохнула и замерла, проверяя, не проснулся ли он. Малейший звук отдавался в ее ушах как колокольный звон, но Юэн не шевельнулся.

Боже, сколько же он выпил?

Джанет остановилась, напомнив себе, что нужно быть осторожной.

Она снова взглянула на него, затем на свои сапоги и на мешок рядом с Юэном. Она знала, что в этом мешке находятся ее другие платья, деньги и то, что осталось от их продуктов. Она посмотрела на лошадь в стойле в дальнем конце сарая.

Способна ли она сделать это?

Ее сердце дрогнуло и снова застучало. Да, способна. По крайней мере, стоит попытаться. Она не могла оставаться с Юэном.

Она не знала, сколько времени у нее в запасе, однако надеялась, что несколько часов до рассвета у нее есть. Передвижение на лошади можно легко отследить, и она не сомневалась, что Юэн пойдет по ее следу. Но у нее будет преимущество в скорости, так как ему придется двигаться пешком. Кроме того, она узнала от него многое, что должно помочь ей не оставлять следов.

Джанет сглотнула, думая о предстоящем путешествии. Оно будет долгим и опасным, но не опаснее тех, которые она много раз совершала прежде. Так почему сейчас она испытывает страх? Почему вдруг мысль о том, что она покинет Юэна, вызывала у нее беспокойство?

Потому что в последние несколько дней она привыкла чувствовать его рядом. Она не нуждалась в его заботе, однако по достоинству оценила то удобство, которое он предоставлял ей.

Ее сердце сжалось. Почему она так болезненно переживает расставание? Как он мог так лгать ей? Не только про обручение, но главным образом о том, что ей не удастся вернуться в Роксборо. Он знал, как это важно для нее. И все же, несмотря на его предательство, она могла бы попытаться понять и простить его, если бы он любил ее.

Но Юэн не любил — или любил недостаточно. Он был готов допустить, чтобы она вышла замуж за другого мужчину, но не готов был рискнуть и поступить так же, как его отец. Хуже всего то, что Джанет понимала мотивы его поведения. Она даже не обвиняла его, однако знала, что в будущем ее не ждет ничего хорошего.

По щекам ее потекли слезы. Будь он проклят за то, что сделал с ней! Пока он не ворвался в ее жизнь подобно осадному орудию, она чувствовала себя счастливой и была довольна своей жизнью.

Джанет смахнула слезы яростным движением, решив быть такой, как прежде. Теперь для нее имело значение только ее занятие. Это единственное, что у нее осталось.

Ей лучше быть одной. Разве она всегда так не считала?

Отбросив ненужные мысли, Джанет приняла решение. Ей потребовалось несколько минут, чтобы собрать необходимые вещи. Выводя лошадь из стойла, она бросила прощальный взгляд на Юэна. Слезы застилали ей глаза, когда она покинула сарай, не оглядываясь назад.

Кто-то кричал, расталкивая его. Голова Юэна болталась влево и вправо. «Перестаньте трясти меня».

— Юэн! Проснись, парень!

Он открыл глаза. Ему потребовалось мгновение, чтобы узнать стоящего перед ним крупного седовласого мужчину с обветренным, испещренным шрамами лицом. Это был Роберт Уоллес.

Сознание Юэна было заторможенным.

И, о Боже, он испытывал необычайный жар.

Юэн застонал и снова погрузился бы в сон, если бы Роберт опять не встряхнул его.

— Где девушка?

Это мгновенно отрезвило его. Туман, застилавший сознание, рассеялся. «Джанет». Юэн бросил взгляд на тюфяк и выругался, поняв, что случилось. Он уснул, и она сбежала.

Как это могло произойти? Ведь он дежурил, черт побери! Он никогда не допускал подобных ошибок.

Юэн попытался подняться на ноги, однако что-то было не в порядке. Конечности плохо слушались его. Проклятие, он был слаб, как новорожденный жеребенок.

Юэн попытался подняться на ноги, однако что-то было не в порядке. Конечности плохо слушались его. Проклятие, он был слаб, как новорожденный жеребенок.

— Что с тобой, парень? — спросил Роберт, подавая ему руку. — Ты весь горишь, хотя здесь довольно прохладно.

— Я не знаю…

Слова Юэна замерли. Он почувствовал острый приступ боли, когда попытался перенести вес на раненую ногу.

— Твоя нога. Должно быть, дело обстоит гораздо хуже, чем ты думаешь. Сядь, — приказал Роберт и позвал жену. — Маргарет осмотрит твою рану.

Юэн отстранил его и огляделся в поисках своих вещей, как человек, лишенный зрения.

— Я не могу. Я должен последовать за ней.

— Почему она уехала? — спросил Роберт.

Потому что он был слепым глупцом.

— Чтобы избавиться от меня.

Если с ней что-то случится, он никогда не простит себе этого.

Юэн протянул руку к своему мечу и едва не упал. Боже, он чувствовал себя ужасно! И без помощи Хелен он понимал, что с его ногой не все в порядке. Как быстро все изменилось! Ему казалось, что рана заживает, но на самом деле стало значительно хуже.

Юэн принялся собираться к путешествию, несмотря на боль и жар, охвативший его тело. Он успел надеть часть своих доспехов, прежде чем появилась Маргарет.

По ее тихому вскрику он понял, что выглядел даже хуже, чем чувствовал себя.

— Вы очень больны! — сказала она.

Юэн не стал возражать. Взглянув на оставшийся мешок, он понял, чего ему недостает.

— Мне нужно немного еды и воды, а также денег — столько, сколько вы можете дать.

Джанет забрала все это. Он опять выругался: как он мог упустить ее? Ведь он знал, что она готовилась к побегу. Ему следовало принять все меры предосторожности. Надо было привязать ее. Надо было сделать все необходимое, чтобы обеспечить ее безопасность.

Надо было сделать все, чтобы она осталась с ним.

О, дьявол! Он снова выругался. Даже лихорадка не могла затмить правду, которую он осознал.

— Вы никуда не можете идти в таком состоянии, — сказала Маргарет.

— Я должен, — возразил Юэн сквозь стиснутые зубы, сопротивляясь некой силе, которая, казалось, пыталась сломить его. Решение было за ним. Утреннее солнце уже светило в полную силу. — Должно быть, Джанет в пути уже несколько часов. — Он не должен потерять следы, пока они свежи.

Юэн поднял мешок и двинулся к выходу. Ноги у него подкосились, и он упал бы, если бы Роберт не поддержал его за руку.

— Держись, парень.

— Мне нужна лошадь, — сказал Юэн, с трудом сдерживая подступившую к горлу тошноту. — Помогите мне сесть на нее.

— Лошадь исчезла, — сказал Роберт.

Его очередная неудача была унизительной. В то время, когда он должен был быть начеку, она увела лошадь у него из-под носа.

— Тогда я пойду пешком.

— В таком состоянии вы не дойдете даже до соседней деревни, — сказала Маргарет.

Юэн не смог выйти даже из сарая. Темнота, подобно пасти огнедышащего дракона, поглотила его.

Джанет, не останавливаясь, поглядывала через плечо, ожидая, что Юэн помчится за ней как демон ада.

Она помнила, как он выглядел, когда впервые его увидела. Он был в темных кожаных доспехах со стальными заклепками, с необычной накидкой, в шлеме с наконечником и с целым арсеналом оружия, прикрепленного к его широкой мускулистой груди. Ее сердце сжалось. Она была так напугана. Ей следовало повернуться и бежать, как только она увидела его.

Однако сейчас никаких признаков погони Джанет не замечала. Видимо, Юэн не стал преследовать ее или она скрывала свои следы лучше, чем предполагала. Она помнила его советы: двигаться по твердой земле и по воде, если возможно, петлять, запутывать следы и стараться сбить с толку преследователя. Она двигалась по дороге, стараясь по возможности не оставлять следов. Однако она знала, что главным ее преимуществом являлась скорость, поэтому не тратила время на то, чтобы скрыть следы так хорошо, как могла бы.

Может быть, сыграл свою роль ее выбор пути? Джанет помнила, как Юэн поступил, когда первый раз забрал ее из Резерфорда, и поэтому не стала возвращаться на восток, а направилась на север в Глазго, надеясь затеряться в большом городе, прежде чем двинуться в восточном направлении по главной дороге.

К сожалению, Юэн имел преимущество, зная цель ее путешествия. Даже если ей удастся ускользнуть от него во время пути, он достаточно скоро настигнет ее в Роксборо.

Несмотря на то что она сказала Юэну о своем намерении стать настоящей монашкой, мысль опять надеть монашескую одежду, не привлекала Джанет. Придя в сарай в одной сорочке, которую Мэри предусмотрительно прислала ей, Джанет оказалась перед выбором между экстравагантной внешней одеждой из дорогого материала и темно-коричневым шерстяным платьем «новообращенной Элеоноры». Хотя Джанет выбрала последнее — женщине, путешествующей одной в красивом наряде, было бы трудней объяснять цель своего путешествия, — она тем не менее не надела белые наплечники и головной покров. Вместо этого Джанет завернулась в накидку, наподобие плаща с капюшоном — в ту, которую дала ей Маргарет, и постаралась избегать других путешественников на дороге.

В это время года, в холодные мрачные дни приближающегося Рождества, путешественников было немного. Те, кто встречался ей на пути, удовлетворялись ее объяснением, что она акушерка, идущая, чтобы принять первые роды у своей сестры в деревне, расположенной впереди.

Несколько раз Джанет на время присоединялась к группе других путешественников, в том числе к фермеру и его жене, направлявшихся на рынок в Глазго, чтобы продать мясо домашней птицы. А также к старику, шедшему в Ланарк к сыну. В компании путешествовать было безопасней. Однако когда ей задавали слишком много вопросов, Джанет была вынуждена расставаться с попутчиками.

Чаще всего она оставалась одна со своими мыслями, которые возвращались к Юэну, хотя и старалась не думать о нем. Все не так ужасно, убеждала она себя. Однако впервые Джанет

смогла понять страдания сестры в ее первом браке. Каково любить кого-то безответно! Каково пережить предательство мужчины, которому ты отдала свое сердце!

Это было долгое и трудное путешествие. Более трудное, чем Джанет ожидала, хотя ее не преследовали англичане и она двигалась по главной дороге, избегая холмов. Тем не менее оставалась вероятность наткнуться на английский патруль.

За два долгих дня путешествия через Разерглен, где она провела первую ночь, до Пиблза, где она ночевала второй раз, Джанет удалось избежать такой опасности. Однако на третий день, когда она вместе с купцом и его женой приблизилась к окраинам Мелроза, где впервые встретилась с Юэном, судьба опять вмешалась в ее планы. На дороге впереди появилась дюжина английских солдат.

Джанет похолодела. Ей захотелось убежать, хотя она понимала, это было бы нелепо. У нее нет причины убегать. Она не сделала ничего плохого.

Она заставила себя дышать глубоко и ровно. Сколько раз ей приходилось оказываться в подобной ситуации? Трудно сосчитать.

В качестве курьера Джанет много раз сталкивалась с английскими солдатами на дорогах, и это не было чем-то особенным для нее. Почему же сейчас она так нервничала?

Приняв сигнал от купца и его жены, Джанет сделала вид, что не увидела ничего необычного, и продолжила путь. Если ее спутники и заметили ее некоторое колебание, они не обратили на это особого внимания. Тем не менее купец, достаточно пожилой мужчина, годящийся ей в отцы, задержал свой взгляд на ее лице дольше обычного. Заметил ли он, что она побледнела под самодельным капюшоном своей накидки? Затем он перевел взгляд на ее руки. Осознав, что она слишком сильно сжимает поводья, Джанет ослабила пальцы. Однако мужчина определенно обратил на это внимание.

Когда расстояние до англичан значительно сократилось, купец направил свою телегу к обочине дороги, чтобы пропустить солдат. Джанет сделала то же самое и остановила свою лошадь позади телеги своих спутников, где, по ее мнению, она будет менее заметной.

Биение ее сердца громко отдавалось в ушах, когда мощные боевые кони англичан оказались рядом. От их копыт дрожала земля, и Джанет надеялась, что это скроет ее собственную дрожь.

Купец поднял руку в приветствии, когда первый конь проследовал мимо.

Сердце Джанет замерло. «Проезжайте мимо, — молилась она. — Не останавливайтесь».

Первый… второй… третий… миновали их. Ее сердце вновь забилось. Кажется все в порядке. Но внезапно стук прекратился — не ее сердца, а подков коней.

— Стой, — раздался резкий голос англичанина. — Вы. Как ваше имя? Что вы делаете здесь на дороге?

«Спокойно, — сказала себе Джанет. — В этом нет ничего необычного».

— Уолтер Хендриз, милорд. Я торговец и еду в Роксборо, где я и моя жена надеемся открыть лавку.

— Какого рода лавку?

Купец жестом указал на телегу.

— Мануфактурную, милорд. У меня в Эдинбурге имеются прекрасные шерстяные ткани. Взгляните, если хотите.

Джанет отважилась украдкой бросить взгляд на солдата. Ее сердце упало. Это был не простой солдат, а рыцарь, хотя ей был незнаком геральдический знак, состоящий из шести птиц, разделенных широкой золотой лентой. Это был внушительный мужчина, и не потому, что имел тяжелые доспехи и кольчугу. Он отличался высоким ростом, широкими плечами, тяжелым квадратным подбородком и темными глазами, пристально смотревшими из-под стального шлема.

Он сделал знак молодому человеку рядом с ним, который, как предположила Джанет, был его сквайром. Парень спрыгнул на землю и подошел к телеге. Откинув промасленное кожаное покрывало, он кивнул.

— Да, сэр Томас. В телеге ткани.

Затем сквайр внезапно посмотрел в сторону Джанет. Это грозило ей катастрофой, потому что с того места, где он стоял около телеги, можно было отчетливо видеть ее лицо.

Он ахнул.

— Леди Мэри! Что вы здесь делаете?

Джанет побледнела. О Боже, этого она никак не ожидала. Парень принял ее за ее сестру.

— Ты знаешь эту женщину, Джон? — спросил сэр Томас.

Парень нахмурился, пристально глядя на Джанет. Должно быть, что-то заставило его засомневаться в своем впечатлении.

— Это я, леди Мэри. Джон Редмейн. Я был другом вашего сына при дворе. Помните — мы встречались в замке Бамбург в прошлом году. Я прибыл туда вместе с лордом Клиффордом.

Сэр Роберт Клиффорд бы одним из главнокомандующих короля Эдварда, сражавшихся против шотландцев. Кровь застыла в жилах Джанет от страха.

После долгого молчания она наконец обрела дар речи.

— Боюсь, вы приняли меня за кого-то другого.

Парень нахмурился и посмотрел на нее с недоверием.

— Выйдите вперед, чтобы я мог вас рассмотреть, — приказал рыцарь. — Если вы не та, за кого принял вас мой сквайр, то кто вы тогда?

— Я Кейт, милорд, — спокойно сказала Джанет, используя имя, под которым представилась купцу.

Рыцарь сузил глаза.

— Откиньте ваш капюшон.

Она сделала то, что он приказал, надеясь, что не выказала страха, который испытывала. В тот момент, когда она откинула импровизированный капюшон, наступила тишина. Рыцарь и его люди смотрели на нее, потрясенные, с нескрываемым восхищением.

За исключением сквайра. Он широко улыбнулся.

— Это она. Леди Мэри, графиня Атолл.

Парень, очевидно, не знал о предательстве сестры и ее втором браке. Однако рыцарь знал. То, как блеснули его глаза и губы изогнулись в медленной улыбке, заставило Джанет похолодеть.

— И что мятежная леди Мэри делает в Мелрозе?

Джанет изобразила на лице робкую улыбку.

— Боюсь, юноша ошибся, милорд. — Она захлопала ресницами, глядя на него и надеясь, что это придаст ей невинный вид. Однако что-то подсказывало ей, что этого мужчину не так легко обмануть. — Я…

— Она наша дочь, милорд.

Джанет вздрогнула, но не показала виду, что удивлена, когда купец приблизился к ней и взял ее за руку.

Юэн боролся с убаюкивающей темнотой, в которую погрузился. «Ты не должен спать». Он попытался открыть глаза, но веки отяжелели, словно кто-то положил на них груз.

«Ты должен что-то сделать». Он не знал, что именно, но чувствовал, что надо сделать что-то очень важное.

«Вставай. Ты должен последовать за ней. О Боже, Джанет!»

Юэн слепо барахтался в темноте, пытаясь сесть. Но что-то мешало ему. Казалось, чьи-то сильные руки стальными тисками сжимали его запястья и лодыжки, пригвоздив к постели.

Он закричал, корчась от боли и разочарования, когда попытался освободиться. Однако стальные руки, казалось, умножились, как у страшного паука.

«Ты должен встать. Она в опасности. Она нуждается в моей помощи. О Боже, Джанет… прости».

— Держи его. — Тихий женский голос проник сквозь его затуманенное создание. Голос Ангела. — Ему стало еще хуже. Держи ногу.

— Нет! — Юэн попытался брыкаться, но боль подавила его сопротивление, и он снова погрузился во тьму.

Юэн опять попытался разглядеть что-то — или кого-то — в темноте.

«Я должен найти ее…»

Юэн вздрогнул и открыл глаза, затем быстро закрыл, когда яркий свет резанул их подобно кинжалу. Он застонал и отвернулся, с удивлением почувствовав, что его руки могут свободно двигаться.

— Он очнулся, — раздался знакомый голос.

«О Боже, Джанет!»

Юэн опять открыл глаза и заморгал, глядя в лицо, которое постоянно являлось ему во снах.

— Он очнулся, — раздался знакомый голос.

«О Боже, Джанет!»

Юэн опять открыл глаза и заморгал, глядя в лицо, которое постоянно являлось ему во снах.

Он протянул руку и коснулся ладонью ее щеки.

— Ты здесь, — сказал он глухим, слабым голосом. Значит, Джанет в безопасности. — Прости меня.

Она улыбнулась, и Юэн вдруг осознал, что что-то здесь не так.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она.

Другое знакомое, но хмурое лицо возникло рядом с ней. Несмотря на то, что мужчина грозно смотрел на него, Юэн по какой-то причине почувствовал, что можно расслабиться.

— Я понимаю, что ты и так едва живой, — сказал мужчина. — Однако снова окажешься на грани смерти, если не уберешь руки от моей жены.

«Сазерленд. Значит, он жив».

Он убрал руку от лица женщины. От лица Мэри, а не Джанет.

Мэри бросила на мужа сердитый взгляд.

— Он был без сознания почти четыре дня. Ты не думаешь, что мог бы обойтись без своего низменного собственнического инстинкта хотя бы несколько минут?

«Четыре дня?»

Сазерленд пожал плечами, не чувствуя раскаяния.

— Нет, не думаю, если он будет продолжать смотреть на тебя так. Черт побери, мне показалось, он собирается прижать тебя к себе. Я устрою ему трепку, когда он поправится.

Юэн, несмотря на слабость, усмехнулся.

— Скорее в аду наступят холода.

Мэри откашлялась.

— Очевидно, он принял меня за мою сестру.

Topreading.ru

— Где она? — спросил Юэн, мгновенно встревожившись. — Где Джанет?

Сазерленд успокоился.

— Мы надеялись, что ты нам это скажешь.

— Ты хочешь сказать, что ее здесь нет? — Он огляделся вокруг, внезапно осознав, что не знает, где находится.

Мэри поняла, чем вызвано его замешательство.

— Ты в замке Данстаффнэйдж.

Здесь находилась штаб-квартира Брюса в графстве Аргайл, отвоеванная у мятежного Джона Макдугала, лорда Лорна, пару лет назад.

— Мы нашли тебя вскоре после того, как ты потерял сознание у Уоллесов, — сказал Сазерленд. — Я сожалею, что оставил тебя и девушку, но иначе нельзя было поступить. Когда англичане атаковали нас во второй раз, я постарался не допустить, чтобы они преследовали вас. Затем я встретился с Маккеем и Маклином, которые нашли Дугласа. Мы прибыли бы сюда быстрее, но у Дугласа возникли трудности, о которых нам надо было позаботиться. — Юэн предположил, что это были трудности, связанные с англичанами. Лицо Сазерленда помрачнело.

— Ты был очень плох. Мы не думали, что с тобой случится такое. Святой и Ястреб вовремя доставили тебя к Ангелу.

Ангел. Значит, это она ухаживала за ним, когда он был в бреду…

Юэн похолодел от ужаса, когда к нему вернулась память. Он боялся смотреть на свою ногу. Он сделал глубокий вдох, устремив свой взгляд на покрывавшее его одеяло, и выдохнул, когда увидел два бугра, образованных его ногами под одеялом.

— Вспомнил? — спросила Мэри.

Юэн кивнул.

— Тебе повезло, что рана оказалась в этом месте, — сказал Сазерленд. — Ангел решила, что было бы опаснее отнимать тебе ногу из-за такой раны, чем позволить тебе бороться с нагноением.

Юэн похолодел, но не из-за того, что едва не лишился ноги.

— Почему никто за ней не поехал?

— Гарпун и я искали ее, — сказал Сазерленд. — Мы вернулись только прошлой ночью. Мы полагали, что напали на ее след, ведущий на север в Глазго, но затем потеряли его.

— В Глазго? Какого черта она направилась туда? — Однако он понял, в чем дело, еще не закончив вопроса.

Проклятье! Она хорошо усвоила его уроки.

Юэн сел в постели и, вероятно, избавился бы от содержимого своего желудка, если бы в нем

было что-то. Он качнулся, почувствовав головокружение.

— Постой! — крикнула Мэри, пытаясь уложить его. — Что ты делаешь? Тебе нельзя вставать.

Юэн стиснул зубы.

— Я должен найти ее. Это моя вина.

Дверь распахнулась, и в комнату стремительно вошли три человека.

— Мы услышали голоса… — Хелен ахнула, но тут же взяла себя в руки. Ее глаза сузились. — Я вижу, что допустила ошибку, развязав тебя. — Она сердито взглянула на мужа, оказавшегося рядом с ней. Ее взгляд как бы говорил: «Я же предупреждала, что надо следить за ним».

Но был еще третий человек, вошедший в комнату, отчего сердце Юэна упало, и на лбу выступил пот.

Роберт Брюс, король Шотландии, остановил на нем свой острый, как бритва, взгляд.

— Где Джанет и в чем твоя вина?

Глава 23

Монастырь Резерфорд, пограничный район Шотландии, 14 декабря 1310 года

— Назови мне хотя бы одну причину, по которой я не должен немедленно бросить тебя в тюрьму! — резко сказал король.

— Я нужен вам, чтобы найти Джанет и убедить вас, что она в безопасности, — ответил Юэн.

Однако ему никак не удавалось напасть на след Джанет. «Прошло пять дней, черт побери!» За эти пять дней он прочесал всю сельскую местность, заглядывал под каждый камень, под каждый лист, но не обнаружил никаких признаков пребывания девушки. Джанет оказалась гораздо лучшей ученицей, чем он мог представить, и использовала против него навыки, которые приобрела благодаря ему.

Оставалась последняя и единственная надежда найти ее. Приближался День Святого Дростана, и Юэн вернулся в Резерфорд, вспомнив, что Джанет по какой-то причине хотела прибыть туда к этому времени.

Однако с того места, где он засел среди деревьев в дюжине ярдов от входа в монастырь, трудно было различить лица монахинь, проходивших мимо. Он сжал кулаки, стараясь набраться терпения.

— Я не разгляжу ее отсюда. Мне надо войти внутрь.

Маклин встал перед ним.

— Ты только навредишь ей, если тебя поймают. Вспомни, что сказал король: оставайтесь незаметными, наблюдайте и не вмешивайтесь, если в этом не будет необходимости. Я не

думаю, что есть необходимость врываться во все церкви, расположенные между Роксборо и Бериком.

— Иначе можно напугать всех торговцев, и они перестанут торговать орехами в сахаре, — саркастически заметил Сазерленд со своей позиции позади Юэна.

Юэн поморщился. Это была его ошибка. Однако торговец, к которому он однажды обратился, оказался крайне неприятным человеком. Юэна вывели из себя его наглые ответы. Он, сам того не сознавая, схватил мужчину за горло и прижал к деревянной стене лавки. Неудивительно, что потом этот человек стал более вежливым, отвечая на вопросы Юэна. Возможно, такой способ добиться информации был незаконным, но очень действенным.

— Это моя последняя надежда, — сказал Юэн сквозь стиснутые зубы. — Я не хочу упустить шанс найти ее. Уйди с моей дороги, черт побери.

— Включи голову, Охотник, — сказал Маклин.

Однако Юэн был неспособен здраво мыслить. Он обошел Маклина, хотя ему хотелось оттолкнуть его в сторону, но другой его соратник преградил ему путь.

— Ты туда не пойдешь, — сказал Маккей.

— Пойду, чего бы это мне ни стоило, — сказал Юэн, готовый драться с Маклином, если тот не уйдет с дороги. Через его плечо он заметил другую группу монахинь, появившихся из монастыря. Однако среди них не было той, кого он хотел увидеть.

— Что ты собираешься делать? — спросил Маккей. — Войти в монастырь в таком виде? Увидев тебя, монахини с криком разбегутся. Ты выглядишь как злобный дикий волк. — Он покачал головой. — Тебе надо поесть и поспать несколько часов. Твоя нога еще не полностью зажила, и ты не поможешь девушке, если вдруг потеряешь сознание и умрешь. Я начинаю думать, что Хелен права. Тебя следовало привязать к кровати.

Юэн понимал, что Маккей прав, но не отступил от своего намерения. Всю свою жизнь он старался избегать сравнения со своим отцом, но сейчас своим безумством и сумасбродством напоминал Дикого Финли.

— Пока ты не надел женское платье и не заставил меня называть тебя матерью, мой сон и еда тебя не касаются. У меня нет времени на это!

Маклин предположил, что Юэн намекал на предстоящее прибытие короля в Селкеркк для мирных переговоров.

— У нас будет еще несколько дней. Переговоры продлятся недолго. Брюс потребует признания его королем Шотландии, сторонники Эдварда откажутся, и мы продолжим свое дело. Если не удастся вернуть девушку к тому времени, мы можем снова попытаться найти ее.

Хотя переговоры были посвящены перемирию, Роберт Брюс хотел, чтобы гвардейцы составляли часть его эскорта. Предполагалось, что они должны присоединиться к остальным сопровождающим, прежде чем те достигнут Селкеркка.

Юэн плотно сжал губы и ничего не сказал. Он не хотел признаваться, что не поедет в Селкеркк и больше не является членом Хайлендской гвардии.

Topreading.ru

Сазерленд подошел и бросил на Юэна тяжелый взгляд.

— Почему у меня такое чувство, словно есть что-то, о чем ты нам не рассказываешь? О чем именно ты говорил с королем?

Беседа с королем была именно такой, как ожидал Юэн. Когда все покинули комнату, он понял, что произошло. Брюс выпустил бы из него кишки или, может быть, лишил того, что находилось ниже, если бы Юэн не лежал на спине, безоружный и слабый от лихорадки. Тем не менее его худшие опасения оправдались. Король лишил его земли, наград и места в гвардии. Он лишил бы его и свободы, если бы Юэн не убедил короля позволить ему найти Джанет и удостовериться, что она в безопасности.

Король согласился с решением Джанет, которое высказал Юэн. Если она считала важным свое пребывание в Роксборо, Брюс не хотел терять связь с осведомителем и лишиться сведений, которые тот мог передать. Несмотря на настояния Юэна, король не раскрыл личность осведомителя. Он сказал лишь, что это некто из высшего круга Роксборо, связанный с помощниками Эдварда. Видимо, это тот человек, который последнее время передавал данные, позволявшие гвардейцам точно знать, где следует атаковать англичан?

Юэн был потрясен. Значит, Джанет имела к этому непосредственное отношение? Он понял, что недооценил важность ее миссии. Он должен извиниться перед ней, если она когда-нибудь выслушает его.

Однако, зная теперь, какую важную роль играла Джанет, Юэн испытал еще большее беспокойство. Вернее, это было не просто беспокойство, а невероятный, пробирающий до костей страх. Ставки были слишком высоки, если англичане раскроют ее роль.

Он верил в нее так же, как Брюс, но, в отличие от короля, его вера была слепой. Теперь, потеряв все, Юэн осознал, что его долг и верность мешали ему понять главное. Чувство, которое жгло его грудь, имело вполне определенное название. Ничто иное не могло заставить его испытывать такой страх и такое страдание. Он любил Джанет. И он взял ее любовь, а потом бросил ее ей в лицо.

«У тебя есть я».

Эти ее слова терзали ему душу. Как он мог подумать, что этого ему будет недостаточно? Она была для него всем. Без нее ничто не имело значения.

Впервые в жизни Юэн подумал о своем отце без стыда и гнева, но с восхищением. Отец сделал то, чего Юэн не смог: он осмелился рискнуть всем своим состоянием ради женщины, которую любил.

А любимая женщина Юэна находилась сейчас бог знает где, потому что он был слишком глуп и не сделал ничего, чтобы удержать ее. Ему становилось нехорошо, когда он вспоминал, как отвернулся от нее после любовных ласк и как сообщил, что собирается вернуть ее и отдать в руки другому мужчине.

Неудивительно, что она сбежала. Он провел бы остаток жизни, заглаживая свою вину, если бы Джанет позволила.

Но что, если у него не будет возможности объясниться с ней? Что, если с ней что-то случится и он не сможет сказать, как сильно любит ее?

Юэн непременно должен ее найти. Если потребуется, он разнесет все монастыри по обе стороны границы.

Опасность, грозящая Джанет, заставила Брюса пойти на уступки, но не полностью. Сейчас роль Юэна сводилась только к наблюдению.

— Разговор между мной и Брюсом останется между нами, — сказал он Сазерленду.

— Джанет теперь моя сестра, — возразил Сазерленд, и его печально известный горячий нрав проявился в сверкающих глазах. — Если ты сделал что-то бесчестное по отношению к ней…

Юэн сжал челюсти. Ход мыслей Сазерленда был понятен.

— Да, я лишил ее девственности. Но я стараюсь поступить по отношению к ней так, как полагается в таких случаях. — Он умолк, когда еще одна монашка вышла из монастыря. Но с такого расстояния Юэн не мог как следует разглядеть ее. Надо было подойти ближе. Он нетерпеливо повернулся к Сазерленду. — Я не намерен продолжать этот разговор сейчас. Как только мы найдем ее, я отвечу на все твои вопросы. А сейчас не пытайся остановить меня и уйди с дороги.

Результатом этой угрозы явилось то, что все трое мужчин преградили ему путь. Они посмотрели ему в глаза и, должно быть, узнали знакомую решимость в его взгляде. Или, может быть, их убедил холодный, дикий, на грани безумия взгляд.

Маклин покачал головой и вздохнул, затем первым отступил в сторону.

— Тебе лучше знать, что делаешь.

Юэн не знал, но делать что-то было нужно. Он не мог стоять и просто ждать.

Он окинул взглядом местность перед собой и двинулся сквозь деревья. С восточной стороны монастырь огибала река. Оттуда он мог приблизиться к монастырю так, чтобы видеть двор.

Юэн мог бы снять доспехи и притвориться рыбаком…

Внезапно он остановился. Его взгляд устремился туда, где он до этого что-то заметил.

— Что это? — прошептал Маклин, становясь позади него.

— Какой-то парень, — сказал Юэн. — Сидит на камнях у реки.

— Что скажешь о нем? — спросил Маккей.

— Я видел его прежде. — Юэн почувствовал легкое покалывание в загривке. — Когда был здесь первый раз и несколько дней назад.

Сазерленд нахмурился.

— Что подозрительного в этом местном рыбачке?

— Ничего, — ответил Юэн. — Если не обращать внимания на то, что он делает. Смотри, его леска не в воде, а на берегу, и он не следит за рыбой. — Действительно, парень наблюдал за входом в монастырь, как это делал Юэн, только не так явно.

— Что, по-твоему, он там делает? — спросил Маклин.

— Не знаю, но хочу это выяснить.

Юэн продолжал наблюдать за входом в монастырь, и парень делал то же самое оставшуюся часть дня. Каждый раз, когда у дверей появлялась какая-нибудь монашка, парень, казалось, внимательно изучал ее лицо, как и Юэн. При этом мальчишка ни разу не взглянул на леску, лежавшую рядом с ним. Либо он был плохим рыбаком, либо за кем-то следил. Но за кем именно?

Даже если это было случайное стечение обстоятельств, оно все равно чертовски тревожило Юэна. А он полагал, что это не случайное совпадение.

Его подозрение вскоре подтвердилось, когда дверь монастыря закрылась на ночь и парень покинул свой пост. Последовав за ним, Юэн ощутил, что биение его сердца немного участилось.

Паренек не пошел к дому, расположенному поблизости, а направился в Роксборо. Более того, он двинулся прямо в замок.

У Юэна не было необходимости следовать за ним через ворота замка. С вершины ближайшего холма он мог отчетливо видеть двор. Прежде чем паренек приблизился к строению, Юэн догадался, куда тот направляется. «Проклятье, это часовня!»

Юэн похолодел, вспомнив о столкновении Джанет со священником из замка на рынке.

Если этот священник установил слежку за монастырем, Юэн знал, что это означало. Видимо, монах, найденный мертвым на дороге в Берик, успел многое рассказать, прежде чем его убили. Личность Джанет была раскрыта. Вот почему англичане начали преследовать их две недели назад.

Это означало также, что Юэн не единственный, кто охотился за Джанет, и если он не найдет ее первым, опасность станет вполне реальной.

Благодаря купцу и его жене Джанет нашла способ установить контакт с осведомителем, не возвращаясь в монастырь в Резерфорде, где она представлялась новообращенной Элеонорой.

Ее головная накидка и наплечники оставались спрятанными в мешке. Вместо них она надела льняную шапочку и слилась с многочисленными лавочниками и купцами, которые двигались толпой в город. В феодальном обществе купцы стояли ниже аристократов, но выше остального сословия, но не духовенства. В качестве дочери купца Джанет пользовалась такой же свободой, как монашка, и могла перемещаться, оставаясь незаметной.

Джанет не знала, что побудило купца назвать ее своей дочерью, однако это спасло ее в чрезвычайно трудной и опасной для жизни ситуации, из которой она не знала выхода.

Даже после заявления Хендриза сэр Томас продолжал сомневаться, пока жена купца, Элис, не выступила вперед и не начала ругать дочь за то, что та строит глазки красивому рыцарю, когда почти обручена с другим мужчиной. При этом Джанет разразилась слезами, причитая, что не хочет выходить замуж за пожилого человека, годящегося ей в отцы. Сквайр признал, что ошибся, и сэр Томас позволил им продолжать движение. По-видимому, он пожелал как можно

скорее избежать семейной драмы и умоляющего взгляда Джанет, как бы говорящего: «Спасите меня».

Однако Джанет продолжала испытывать волнение даже после того, как они благополучно прибыли в Роксборо. Она поблагодарила Хендризов за то, что они сделали для нее, и почувствовала облегчение, когда супруги без лишних вопросов предложили ей место, где она могла бы оставаться, сколько пожелает.

Джанет отплатила им за их доброту напряженным трудом, помогая обустроить магазин на нижнем этаже строения на Хай-стрит, в котором расположились также галантерейщик, виноторговец и ювелир.

Как ни странно, столкновение с солдатами близ Мелроза обернулось для нее неожиданным благом. Она приобрела то, что ей было необходимо, — возможность установления связи со своим осведомителем в замке, избегая тех мест, где она побывала раньше. Она хорошо усвоила уроки Юэна и не хотела связывать каким-то образом «новообращенную Элеонору» или «сестру Дженну» с Кейт, купеческой дочерью.

В первую субботу после возвращения, когда дамы из дворца как обычно совершали обход рыночных палаток, Джанет уже была готова к встрече. «Случайное» столкновение, извинение и многозначительный взгляд — этого было достаточно. Джанет медленно направилась в магазин Хендризов, где, она была уверена, осведомитель ее увидит.

Чувство вины Джанет, оттого что она подвергает опасности Хендризов, оставаясь у них, немного смягчилось успехом, который приобрели супруги, когда в их магазин вошла толпа благородных мужчин и женщин из замка и заявила, что их шерсть «самая лучшая в Роксборо». Хендризы вскоре получили многочисленные заказы, включая от самого коменданта крепости, сэра Генри Бьюмонта.

В один из таких визитов Джанет удалось коротко переговорить с осведомителем, пока показывала великолепную ткань красного цвета.

— Могу я чем-то помочь вам, миледи? — спросила она, тщательно выбирая слова на случай, если их подслушивают.

Женщина покачала головой.

— Боюсь, пока нет. Однако впереди много важных праздников. Я уверена, что скоро найду повод купить эту превосходную шерсть. — Она улыбнулась. — С приближением Рождества вокруг замка чувствуется значительное оживление.

Джанет достаточно легко истолковала это сообщение: пока ничего особенного не происходит, но готовится что-то очень серьезное.

— Да, миледи. Даже в деревне ощущается волнение. Завтра я впервые посещу торжество в монастыре Святого Дростана. Я слышала, там состоится большое празднование.

— Да, в замке тоже будет праздник, — сказала леди.

К ним подошла другая дама и прервала их разговор. Группа вскоре покинула магазин, осведомитель успела пообещать, что увидится с ней в следующий субботний, базарный день.

Разочарованная тем, что пока нечего докладывать и ее пребывание в Роксборо продлится еще

на несколько дней, Джанет занялась делами в доме.

Тяжелая работа отвлекала ее от мыслей о разбитом сердце и предстоящем трудном разговоре с Робертом, когда она наконец вернется в Северную Шотландию. Перспектива снова надеть монашескую одежду не привлекала ее, так же как и вступление в брак с Уотером Стюартом. Будь он благородных кровей или нет, она не выйдет замуж за мальчика, у которого едва обозначились волосы на подбородке. Джанет невыносима была даже мысль о том, что она должна будет… вступить с ним в интимные отношения.

Но главное — она старалась не думать о том, какую страсть пробудил в ней Юэн там, в сарае, в ту памятную ночь. Какое невероятное ощущение она испытала, чувствуя его в своем теле, и какое блаженство охватило ее. Но теперь все это в прошлом.

Джанет никогда не разделит это с другим мужчиной. Она понимала это всем своим существом, своим разбитым сердцем.

Однако, по-видимому, она недостаточно умело скрывала свои сердечные муки.

— Праздник улучшит твое настроение, — сказала Элис Хендриз, вернувшись утром из монастыря Святого Дростана. Она внимательно посмотрела на Джанет. — Кем бы он ни был, он не стоит твоих мучений.

Зная проницательность Элис, Джанет не стала отрицать. Однако ей не хотелось говорить об этом. Ее раны были еще слишком свежи.

— Вы очень добры, но думаю, будет лучше, если я останусь дома. Вы и хозяин Уолтер можете пойти и насладиться рождественскими представлениями. Надеюсь, вы потом обо всем расскажете мне.

Элис уперлась руками в свои широкие бока.

— Ну нет.

Джанет растерянно заморгала.

— Нет?

— Нет. Ты пойдешь с нами на праздник и будешь веселиться. И не надо возражать.

Коренастая, с некрасивым лицом, жена купца была похожа на чопорную няню, которая когда-то была у Джанет.

Элис родила пятерых дочерей, и все они были послушными девочками. Она не хотела слышать никаких оправданий и объяснений. Джанет понимала, что могла бы целый день упрашивать Элис Хендриз оставить ее в покое, но та осталась бы непоколебимой.

Необычное чувство охватило Джанет. Как ни странно, но настойчивость и властность этой женщины не смутили ее, напомнив лишь, что совсем недавно другой человек обращался с ней подобным образом.

С трудом сдержав слезы, Джанет кивнула в знак согласия.

Позднее, вечером, она была благодарна Элис Хендриз за ее настойчивость. Впервые за последние дни и даже недели Джанет смеялась и впервые за многие годы танцевала.

Topreading.ru

На освещенной огнями главной улице царило веселье. Там были установлены подмостки для представления мимов, а также большие столы на козлах с едой и питьем. Музыканты отвечали за танцы.

Элис настояла, чтобы Джанет надела красивое платье, которое прислала ей Мэри, а пожилая женщина украсила ее голову небольшой вышитой шапочкой, оставив свободным каскад золотистых локонов, ниспадавших на спину.

У Джанет не было недостатка в партнерах, и, кружась вокруг костра, она с раскрасневшимися щеками вдыхала свежий воздух полной грудью. В этот момент она снова ощущала себя девочкой, красивой, подвижной и беззаботной.

Джанет не знала, как много внимания привлекала к себе.

Она незаметно удалилась на минуту в пивную, чтобы воспользоваться уборной, которая представляла собой проем в стене с деревянным сиденьем поверх выгребной ямы. При выходе из помещения на пути ее возникла закутанная в плащ фигура.

Ее сердце замерло. Однако Джанет потребовалось всего несколько секунд, чтобы распознать в свете факела стройную женщину. Боже, это был ее осведомитель!

Джанет быстро огляделась, ища место, где можно укрыться от толпы, и устремилась в узкий проулок рядом с пивной. Там было темно и менее вероятно, что кто-нибудь увидит их.

Сердце Джанет взволнованно билось в предчувствии, что, должно быть, что-то важное заставило осведомителя прийти.

— Я боялась, что не смогу вас найти, — сказала леди. — Но затем увидела, как вы танцевали. — Свет факела недостаточно распространялся в проулке, и лицо женщины было скрыто тенью от капюшона плаща, но по голосу Джанет чувствовала, что она улыбается. — Признаюсь, я не сразу узнала вас. Хорошенькая, улыбающаяся купеческая дочка совсем не похожа на итальянскую монашку.

Джанет была рада, что эта женщина не видела, как она покраснела.

— Вы очень рисковали, придя сюда.

— Я должна была прийти. Это не может ждать. — Женщина протянула Джанет сложенный листок пергамента, и та быстро спрятала его в сумочку на поясе. — Передайте это ему как можно скорее. Боюсь, что уже слишком поздно. Послезавтра состоятся переговоры. Вы должны найти его, прежде чем он прибудет в Селкеркк.

Джанет была только курьером. Обычно ее не посвящали в секретную информацию, но, судя по тому, что сказала женщина, речь шла о чем-то очень серьезном.

— В Селкерк?

— Да, там должны состояться переговоры о мире. — Женщина взяла Джанет за плечо и приблизила к себе. Джанет увидела необычайное волнение в ее больших глазах. — Это ловушка. Англичане хотят захватить Брюса.

Topreading.ru

Ее здесь не было. Проклятье, Юэн был уверен, что она прибудет сюда.

«Я должна вернуться к Дню Святого Дростана», — говорила Джанет. Так где же она, черт побери? Ее нет ни в монастыре, ни в богадельне. Юэн оставил Сазерленда наблюдать за монастырем, а сам отправился вслед за группой монашек в богадельню после утренних молитв. Несмотря на приказ, он перестал исполнять роль наблюдателя прошлым вечером, когда понял, что священник организовал слежку за Джанет. Притворившись обычным бродягой, он изучил каждого, кто появлялся в богадельне: прокаженного, монашку, бродягу, больного или немощного человека и даже группу дам из замка, которые прибыли, чтобы раздать милостыню в день святого.

Но Джанет там не было.

Юэн не представлял, где теперь ее искать. Он никогда не чувствовал себя таким беспомощным и опустошенным. Впервые, когда возникла необходимость найти человека, способности следопыта подвели его.

Хуже того — он не мог отделаться от неприятного чувства, что допустил промах. Как мог он сразу не догадаться, что кто-то следил за Джанет? Ему следовало понять, что солдаты из Дугласа не могли так быстро пуститься в погоню за ними, не имея нужной информации. Он обвинял Джанет в беспечности, когда сам не заметил тревожных признаков.

Было уже темно, когда он покинул богадельню, чтобы присоединиться к Сазерленду у монастыря. Маклин и Маккей покинули пост накануне поздней ночью, имея на то веские причины.

— Королю не понравится, если мы не явимся к нему вовремя, — сказал при этом Маклин. — Он приказал нам вернуться к завтрашнему дню. Ты даже не знаешь, здесь ли она. Ты можешь вновь прибыть сюда завтра вечером, если будешь ехать быстро.

Юэн плотно сжал губы. Он очень хотел, чтобы Джанет действительно здесь не было. Чтобы она была в каком-нибудь безопасном месте подальше отсюда. Но он хорошо знал ее. Если она считала важным свое присутствие в Роксборо, ничто не могло ее остановить.

— Она здесь, — сказал он решительно. — Мне плевать на приказы. — Его товарищ удивленно приподнял бровь, но Юэн не обратил на это внимания. — Вы трое возвращайтесь, если хотите. Я не оставлю ее.

— Она здесь, — сказал он решительно. — Мне плевать на приказы. — Его товарищ удивленно приподнял бровь, но Юэн не обратил на это внимания. — Вы трое возвращайтесь, если хотите. Я не оставлю ее.

Маккей скептически взглянул на него.

— Ты сознаешь, что делаешь? Если ты ошибаешься, король едва ли будет доволен.

Король и сейчас недоволен. И Юэн не ошибается.

— Кто из вас оставил бы свою жену?

Маккей ничего не ответил.

— Я бы тут же оставил, — резко заявил Маклин.

Юэн бросил на него неприязненный взгляд.

— А я ее не оставлю.

Никто из воинов не стал констатировать очевидное: Джанет не была его женой и, по всей видимости, не собиралась ею становиться.

В конце концов Маккей и Маклин уехали, чтобы присоединиться к остальным гвардейцам и доложить королю о том, что произошло. Сазерленд настоял на том, чтобы остаться с Юэном.

— Если я уеду и что-то случится с Джанет, моя жена никогда не простит мне этого. Думаю, у меня будет возможность объяснить все Брюсу.

Зная Мэри, Юэн заключил, что это разумное решение. Так или иначе, Юэн был рад дополнительному мечу и дополнительной паре глаз.

Юэн свистнул, чтобы дать Сазерленду знать о своем приближении. Новый член Хайлендской гвардии, человек, который мог внезапно возникнуть ниоткуда; который выполнял опасную работу, связанную с порохом, после смерти одного из их собратьев, ответил криком совы, прежде чем появиться из-за дерева.

— Есть что-нибудь? — спросил Юэн.

— Нет. Настоятельница монастыря заперла дверь час назад. Судя по твоему тону, ты тоже не узнал ничего нового.

Юэн мрачно покачал головой.

— Этот парень появлялся здесь опять?

В свете луны блеснула белозубая улыбка Сазерленда.

— После прошлого вечера? Не думаю, что он теперь приблизится к этому месту, даже если бы ты не заплатил ему, чтобы он держался подальше отсюда. — Сазерленд усмехнулся. — Я не предполагал, что у нас столько поклонников среди английских шпионов.

— Парень не знал, что делал.

Накануне вечером, перед тем как Маккей и Маклин уехали, Юэн и Сазерленд дождались, когда парень выйдет из замка, и, последовав за ним, окружили его в лесу. Репутация призраков сослужила им хорошую службу. Парень лет шестнадцати или семнадцати пришел в ужас. Он сразу признался, что работал на священника, прежде чем они закончили задавать ему вопрос. Больше месяца он зарабатывал пенни в день за то, что следил за новой монашкой в монастыре и немедленно докладывал священнику, если она выходила куда-нибудь или что-нибудь делала. Мальчик не понимал, почему надо продолжать наблюдать за этим местом, когда монашка две недели назад ушла отсюда с каким-то мужчиной, однако был рад получать деньги так долго, пока священник платил.

Он был ошеломлен, узнав, что работал на англичан.

— Я не предатель, — настаивал он. — Я шотландец.

Парень был так обижен и пристыжен, что, вероятно, Сазерленд был прав: не было необходимости платить ему. Однако Юэн решил дать парню немного денег, чтобы тот не

передумал.

Они приказали ему держаться подальше от монастыря, но продолжать докладывать священнику каждый вечер, как прежде. Потом он должен встретиться с ними, и тогда получит шиллинг — это больше, чем его семья, вероятно, зарабатывала за неделю.

Поскольку стало ясно, что они не собирались причинить ему вред, парень повел себя так, как будто перед ним явились полубоги, и начал засыпать их вопросами, пока они не отправили его восвояси.

— Вы действительно можете появляться из тумана? Правда, что ваши мечи из Валгаллы? У вас есть головы под масками или у вас только глаза демона, святящиеся из темноты? Куда вы деваетесь, когда исчезаете?

— Может быть, возьмем его в качестве еще одного новобранца? — спросил Сазерленд.

Юэн посмеялся бы над этим, если бы ему в голову не пришла мысль, что, возможно, этот парень им понадобится.

— Как знать, — сказал он.

— Так что будем делать теперь?

— Вернемся в Роксборо и подождем, когда парень доложит нам обстановку.

— А потом?

Юэн не знал. Он не представлял, на что надеяться сегодня. Но одно было вполне определенным: он не собирался отступать, пока не найдет ее.

Джанет смотрела на своего осведомителя с недоверием. Англичане намеревались захватить в плен Роберта в Селкерке под предлогом переговоров о мире? Это противоречило понятию о чести. Это было нарушением негласного кодекса, определявшего поведение воинов во время войны. В соответствии с давней традицией во время переговоров о мире прекращались всякие враждебные действия.

— Вы уверены?

— Я не стала бы так рисковать, если бы не была уверена. Там есть все доказательства, — сказала женщина, указывая на листок пергамента. — Мне повезло, что я обнаружила это до наступления вечера. Празднество помогло мне незаметно ускользнуть из замка. Однако я должна вернуться, пока меня не хватились. Вы успеете передать ему это?

Джанет уже думала, что надо сделать. Она должна подготовиться к немедленному отъезду: собрать вещи, попрощаться с Хендризами и раздобыть лошадь. Празднование поможет ей в этом.

— Да, успею, — ответила она.

Едва она произнесла эти слова, как послышались чьи-то шаги и голоса.

— Куда она пошла? — сердито спросил мужчина.

Джанет почувствовала тревогу, однако решила, что это еще ничего не значит. Должно быть, очередной партнер по танцам искал ее.

Взгляды обеих женщин встретились в темноте.

— Уходите, — сказала Джанет. — Кто-то идет.

Женщина кивнула.

— Желаю удачи, — прошептала она и, к удивлению Джанет, обняла ее, прежде чем повернуться и уйти.

Однако едва она сделала несколько шагов, как случилась беда.

— Она там! — крикнул мужчина. — За ней! Не дайте ей уйти.

Мужчина, крупного телосложения, бросился к ним. У Джанет не было времени на раздумья. Она действовала инстинктивно, и первым ее порывом было защитить женщину. Когда мужчина приблизился, она встала на его пути.

Ее намерением было поставить ему подножку и отойти в сторону. Однако это не сработало так, как она планировала. Она запуталась в юбке, он схватил ее, и они вместе упали на землю.

От удара воздух с хрипом вырвался из ее легких, но она быстро пришла в себя и тотчас поднялась на ноги. К сожалению, грузный мужчина сделал то же самое. Он был выше даже Юэна, но от него воняло так, словно он весь день работал в свинарнике.

Джанет попыталась вырваться, но его большие руки держали ее как ручные кандалы.

— Что это значит? Отпустите меня! — крикнула она.

К ее удивлению, он послушался. Должно быть, ее властный тон испугал его. Мужчина был большим и тучным, с простым грубоватым крестьянским лицом и шеей, которая, казалось, вдавилась в его плечи. Он выглядел тупоголовым олухом.

Джанет попыталась вырваться, но его большие руки держали ее как ручные кандалы.

— Что это значит? Отпустите меня! — крикнула она.

К ее удивлению, он послушался. Должно быть, ее властный тон испугал его. Мужчина был большим и тучным, с простым грубоватым крестьянским лицом и шеей, которая, казалось, вдавилась в его плечи. Он выглядел тупоголовым олухом.

Джанет немного расслабилась. Выпутаться из этого положения оказалось не слишком трудно.

— Как вы осмелились напасть на меня! Посмотрите, что вы сделали! — Она приподняла свою юбку. — Вы порвали мне платье. Вы знаете, сколько оно стоит? Можете быть уверены, я пришлю вам счет за его починку.

Он отступил на пару шагов, и Джанет с трудом сдержалась, чтобы не рассмеяться.

— Я не хотел…

Она не дала ему закончить фразу.

— И часто вы нападаете на невинных женщин в темных переулках?

— Нет, мне сказали… Он сказал…

Мужчина посмотрел в сторону улицы, и Джанет, взглянув туда, увидела приближающегося человека. Это был тот, кто отдавал приказы.

Он находился на расстоянии около двадцати шагов и смотрел прямо на нее.

— Это вы, — сказал он. — Я так и думал, но не был уверен. Значит, говорите, вы прибыли к нам из Италии, сестра Дженна.

Кровь отхлынула от лица Джанет. О Боже, это тот священник с рынка! Теперь ей не отделаться словами.

Оставалось единственное, что она могла сделать. Прежде чем тучный олух сообразил, что происходит, и протянул к ней руки, она бросилась бежать.

Глава 24

— За ней! — крикнул священник. — Стража! Не дайте ей уйти.

Джанет изо всех сил бежала по проулку. Ее сердце неистово билось, когда, оглянувшись, она увидела мужские фигуры позади. Полдюжины, а может быть больше, солдат находились ближе, чем она думала.

Ее немного утешало сознание того, что женщина, передавшая ей информацию, вероятно, скрылась, однако не давала покоя мысль о том, как высока была ставка в этой опасной игре. Если она не выберется отсюда и не передаст сообщение Брюсу вовремя, катастрофа неминуема.

Зная, что у нее всего несколько минут, чтобы покинуть деревню, прежде чем англичане перекроют все пути, Джанет свернула за угол и устремилась в другой темный проулок.

Она слышала позади шаги преследователей, но старалась не думать об этом. Ее легким не хватало воздуха, и ноги ослабели, но она продолжала бежать. Она сосредоточила все свои мысли на том, чтобы выбраться из деревни. Если ей удастся сделать это и скрыться в лесу, у нее появится шанс выполнить свое задание.

Но преследователи были уже близко.

Ей нужна лошадь. Но здесь ее не найти. Надо добраться до Резерфорда, где это возможно.

А может быть…

Ее сердце сжалось, и не только от недостатка воздуха в легких. У нее не было основания думать, что Юэн там, но если он последовал за ней, то есть шанс встретить его в Резерфорде. «Я обязательно найду тебя». Джанет снова вспомнила эти слова.

— Она бежит в лес!

Внутри у нее все сжалось, когда она услышала приближающийся стук копыт и голоса

всадников.

Но она была уже почти у цели. Мгновение спустя Джанет оказалась в густой тьме, которая поглотила ее, как могила. Она надеялась, что только в переносном смысле.

Джанет обнадежила мысль, что деревья замедлят продвижение лошадей, и она с новой силой бросилась бежать сквозь кустарники и сломанные ветки, раздвигая листву на своем пути и не обращая внимания на царапины.

Звуки позади нее начали стихать. Она продолжала двигаться в прежнем направлении, моля Бога, чтобы оно оказалось правильным, поскольку темнота и деревья мешали разбирать дорогу.

Через несколько минут Джанет была вынуждена остановиться, тяжело дыша. Она способна ходить целыми днями, но двадцать минут быстрого бега вымотали ее.

Тем не менее надо двигаться дальше.

Она опять побежала, теперь гораздо медленнее, пробираясь сквозь деревья. «Ради Бога, пусть это будет правильное направление».

Как же ей хотелось, чтобы рядом с ней оказался Юэн. Он бы не заблудился, чего она не могла сказать о себе. Даже звезд не было видно на облачном небе, чтобы как-то ориентироваться. Джанет двигалась по наитию, пытаясь разглядеть какие-нибудь знакомые признаки. Расстояние между Роксборо и Резерфордом было не менее пяти миль, и значительная часть пути пролегала через лес. Дорога, как она полагала, находилась где-то севернее от нее.

Шум преследователей теперь совсем стих. Однако Джанет не позволяла себе расслабиться, зная, что лес заглушает звуки так же хорошо, как и свет.

Вот почему она не услышала приближение человека, пока не стало слишком поздно.

Мужчина схватил ее сзади, прижав ее руки к бокам своей большой сильной рукой, а другой рукой в кожаной перчатке закрыл ей рот, прежде чем она смогла закричать. Она яростно брыкалась, но ее ноги бессильно болтались в воздухе.

— Я поймал ее! — крикнул он.

Что-то случилось. Юэн начал беспокоиться час назад. Парень опаздывал.

— Он должен быть уже здесь, — сказал Юэн.

— Может быть, он задержался из-за праздника? — предположил Сазерленд. — Судя по огням, это большое торжество.

Со своей позиции на холме они могли видеть главные ворота и двор крепости. Замок Роксборо был расположен на небольшом полуострове в месте слияния рек Твид и Тевиот. Деревня находилась позади замка и была скрыта от взора, но им были видны многочисленные огни.

Обычно в это ночное время ворота замка были закрыты, но, благодаря празднику, люди продолжали свободно входить и выходить.

— Я пойду туда, — сказал Юэн.

— С ума сошел? Замок Роксборо — самый защищенный в пограничном районе. Сейчас там по меньшей мере пятьсот английских солдат, ожидающих возобновления войны, и их главная цель — убийство членов секретной армии Брюса. А ты собираешься пойти туда без определенного плана, в надежде, что они не заметят тебя?

Юэн заскрипел зубами.

— Да. Я не намерен стоять здесь без дела. Сейчас, во время праздника, есть хороший шанс проникнуть туда. И у меня есть план. Я воспользуюсь одеждой одного из воинов, празднующих в деревне.

— И это твой план? Он равносилен самоубийству.

— Если Джанет имеет связь с кем-то в замке, то сейчас она, возможно, находится там. Праздник для нее прекрасная возможность проникнуть туда.

— Ты очень рискуешь.

— Сейчас это единственная возможность найти Джанет. Может быть, у тебя есть идея получше? — вызывающе сказал Юэн.

Сазерленд сжал челюсти и пристально посмотрел на него.

— Хорошо, я иду с тобой.

Юэн покачал головой.

— Хорошо, я иду с тобой.

Юэн покачал головой.

— Ты нужен мне здесь. Если что-то пойдет не так, мне потребуется, чтобы ты воспользовался своим порохом для отвлечения внимания.

Сазерленд выругался.

— Хотелось бы, чтобы Змей был здесь.

Юэн не мог не согласиться. Лахлан Макруайри обладал уникальной способностью находить выход из любого положения. Но сейчас Юэн был бы благодарен, если бы рядом оказался любой из его сотоварищей — точнее, бывших сотоварищей. Если что-то случится, два меча против пятисот — не слишком обнадеживающее соотношение.

Проклятие, трудно поверить, что он больше не является членом Хайлендской гвардии. Сражаться в такой команде было для него главным делом в жизни. И эти люди…

Они были его ближайшими друзьями. Они были для него как братья. Расстаться с ними для него невероятно тяжело.

Он и Сазерленд как раз закончили обсуждать детали его плана, когда Сазерленд уловил какое-то движение на склоне холма.

Topreading.ru

— Никакой осторожности, — сухо сказал он. — Парень нисколько не пытается скрыть свое старание добраться сюда.

Пульс Юэна участился, когда парень приблизился настолько, что можно было видеть выражение его лица.

— Это не старание. Что-то случилось внизу.

Глаза парня были широко раскрыты, когда он достиг вершины холма.

— Простите… опоздал… леди… — задыхаясь, произнес он между глотками воздуха.

Юэн схватил его за плечи и заставил выпрямиться, услышав слово «леди».

— Что с леди? Ты видел ее?

Глаза парня расширились так, что казалось, готовы были вылезти из орбит. Он беззвучно шевелил губами.

— Успокойся, — сказал Сазерленд, обращаясь к Юэну. — Ты пугаешь его.

«Проклятье». Юэн отпустил мальчишку и постарался умерить свой пыл.

— Что случилось?

Паренек смотрел на него с опаской, стараясь восстановить дыхание.

Наконец он произнес слова, от которых кровь застыла в жилах Юэна.

— С-священник… он нашел леди.

Джанет пыталась сопротивляться, но солдат, казалось, почти не замечал ее попыток, продолжая тащить ее через лес. Дорога оказалась ближе, чем она предполагала. Через пятьдесят ярдов они выбрались из леса, и солдат толкнул ее вперед, заставив упасть на колени. Джанет огляделась и обнаружила, что окружена людьми на лошадях. Помимо священника и олуха, с которым она столкнулась ранее в проулке, она насчитала полдюжины солдат.

Но никто не выглядел более опасным, чем священник. Ничего святого не было в его угрожающем взгляде, устремленном на нее.

— Ты хорошо бегаешь, дорогая.

Джанет почувствовала приступ паники, но постаралась сдержать его. Надо подумать. Она не собиралась сдаваться без борьбы. В ее мозгу промелькнули несколько вариантов, но у нее не было времени взвешивать каждый из них. Она остановилась на первом, пришедшем ей в голову: надо притвориться, что она не знает, кто он.

— Вы священник? — спросила Джанет, поднимаясь на ноги. — Слава Богу! А я думала, что вы с тем человеком, который приставал ко мне. — Она жестом указала на толстяка.

Священник покачал головой.

— Хватит ломать комедию, дорогая. Я знаю, кто вы на самом деле. Ваш друг, монах, оказался более общительным, правда, пришлось применить некоторые методы убеждения. — От его улыбки по спине Джанет пробежали мурашки. «Бедный Том». — Мне известно о вашем преображении из итальянской монашки в новообращенную Элеонору. Я подозревал вас в том, что вы помогали королю-узурпатору, передавая сообщения, но представьте мое удивление и радость, когда вы вывели нас прямо на его тайную армию. Меня очень заинтересовали имена мужчин, с которыми вы путешествовали.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — сказала Джанет. — Должно быть, вы путаете меня с кем-то.

Священник сузил глаза. Солдаты сдвинули своих лошадей плотнее вокруг нее, и Джанет с трудом подавила желание прошмыгнуть между ними и побежать. Это был первобытный инстинкт: бежать от грозящей опасности.

— Вы решили, что можно обмануть меня, сняв монашеский головной покров и переодевшись в красивое платье? — сурово спросил священник. — Это на мгновение ввело меня в заблуждение, когда я увидел вас танцующей, но я никогда не забываю лица. Особенно такие хорошенькие, как ваше. Стыдно понапрасну растрачивать такую красоту.

Джанет не нравился этот разговор. Она не знала, что сказать. Ее язык, казалось, присох к нёбу. Этот человек не рыцарь и не сквайр, и рядом нет купца и его жены, чтобы помочь ей. Не было никого, кто пришел бы ей на помощь. Боже, чего только не сделала бы она, чтобы Юэн и его друзья оказались сейчас здесь.

Оставалось надеяться только на свой разум и кинжал. Надо выждать момент и все-таки попытаться убежать.

Джанет решила заговорить с солдатами.

— Кажется, произошло какое-то недоразумение, — обратилась она к одному из них. — Может быть, будет лучше, если мы вернемся в город…

Священник не дал ей договорить.

— Нет никакого недоразумения. Что вы делали вместе с некой женщиной в проулке? Кто она?

— С женщиной? — повторила Джанет словно в недоумении. — О, вы имеете в виду нищенку?

— Вы всегда обнимаетесь с нищенками? — спросил священник с прозорливым блеском в глазах.

Джанет мысленно выругала себя за свою ошибку: она забыла о мимолетном объятии.

— Я сама была удивлена, святой отец. Но она внезапно проявила таким образом свою благодарность за то, что я дала ей монету.

— Я так не думаю, Дженна, или Элеонора, или под каким еще именем вы выступаете теперь. Меня не интересует ваша истинная личность. — Очевидно, погибший монах не знал ее настоящего имени. Она полагала, что священнику на самом деле было очень интересно, кто она такая. — Мы подозреваем, что кто-то из замка сообщил вам некоторые сведения, и вы скажете нам, кто это. Но сначала — главное. — Джанет не понравилась его улыбочка, когда он обратился к солдату, державшему ее. — Обыщите ее.

От этих его слов по спине Джанет пробежал холодок. Она поняла, что ни в коем случае не должна допустить, чтобы солдат нашел листок пергамента в ее сумке на поясе. Если это случится…

Она не хотела даже думать об этом. На кону была не только ее жизнь, но жизнь осведомителя, короля и будущее Шотландии. Если Брюса захватят в плен, война будет проиграна. Кто еще сможет храбро противостоять самому могущественному королевству в христианском мире? Король Эдвард посадит на шотландский трон свою марионетку или сядет сам.

Джанет не допустит, чтобы англичане нашли пергамент; надо немедленно бежать.

Время разговоров закончилось. Она протянула руку к кинжалу, но сделала это недостаточно быстро. Солдат схватил ее за руки и резко повернул к себе лицом.

— Отпусти меня! — Джанет удалось высвободить одну руку, и она ударила солдата по лицу. Ногтем она расцарапала ему щеку, отчего тот разозлился еще больше.

Она впервые взглянула на него в свете факела, но лучше бы он оставался в темноте. Он не был таким высоким, как тот мужчина, который схватил ее в проулке, но недостаток в росте компенсировался шириной плеч и крепким телосложением. Он был как дуб — толстым и сильным. Из-под шлема выступал кривой мясистый нос, который выглядел так, как будто он навсегда изменил свою форму после удара кулаком. Нижнюю часть лица и значительную часть шеи покрывала густая черная борода. Его темные пронзительные глаза смотрели на нее гневно.

— Ах ты тварь! — Он схватил Джанет за запястье и сжал так, как будто хотел раздавить кость. Затем отпустил ее руку и ударил кулаком в челюсть.

Голова Джанет откинулась назад, и она вскрикнула от боли и потрясения. Он опять ударил ее, на этот раз сбоку по щеке. По лицу потекла кровь, и на глазах выступили слезы. Тем не менее она инстинктивно сопротивлялась, нанося ответные удары, которые солдат легко отражал. Он снова и снова бил ее за непокорность по лицу и по ребрам. Ее голова болталась, боль была непомерной. И все же она оставалась стоять на ногах.

— Достаточно, — сказал другой солдат, и в его голосе чувствовалось отвращение. По-видимому, не всем солдатам доставляло удовольствие избиение женщины. — Посмотри сначала, есть ли у нее что-нибудь.

Жестокий солдат снова повернул ее к себе лицом и одной рукой, подобно тискам, сжал оба ее запястья, а другой рукой начал лапать ее тело с явным удовольствием.

— Сумка, — нетерпеливо сказал священник. — Дай мне ее сумку.

Джанет вскрикнула и предприняла отчаянное усилие спасти письмо, но солдат сорвал кожаный ремешок с ее талии и бросил сумку священнику.

Сквозь слезы и кровь Джанет наблюдала, как священник извлек пергамент из кожаной сумки. В его глазах появился победный блеск, когда один из мужчин поднес к нему факел, и он прочитал письмо.

Затем священник свернул листок пергамента и сунул его в свое облачение.

— Я вижу, что был прав относительно вас и той леди. Думаю, с этой уликой лорд Бьюмонт

сможет выяснить, от кого происходит утечка информации. Хотя, думаю, Рендольфу доставит удовольствие узнать это непосредственно от вас. Он обладает особенным талантом в этом деле.

Испытывая боль от побоев во всем онемевшем теле, Джанет похолодела от ужаса. «Будут пытать! Господи, дай мне силы». Джанет знала о грозящей ей опасности и понимала, что может ожидать ее в случае провала, однако надеялась, что этого с ней никогда не случится.

Священник, должно быть, заметил страх в ее глазах, потому что улыбнулся.

— Я не хочу лишать его развлечения. — Он посмотрел на Рендольфа. — Ты знаешь, что надо узнать. Если она будет молчать, убей ее.

Сердце Джанет замерло.

— Подождите. Вы не можете это сделать. Ведь вы духовное лицо.

— А вы предательница. Человек, которого вы называете королем, — убийца, отлученный от церкви Папой. Господь немилосерден к бунтовщикам.

Джанет повернулась к солдату, который заступился за нее ранее.

— Пожалуйста, прошу.

Но он лишь холодно отвернулся в ответ на ее мольбу. Его рыцарское благородство закончилось после обнаружения письма.

Некоторое время спустя священник, его толстый приспешник и остальные солдаты двинулись прочь, оставив ее с мучителем и палачом.

— Не тяни слишком долго, — бросил священник через плечо, прежде чем они исчезли из виду.

Солдат потащил ее назад в лес. Сердце Джанет неистово колотилось, и инстинкт побуждал ее воспользоваться оставшимися силами для борьбы. Однако надо потерпеть и дождаться удобной возможности. У нее был только один шанс преподнести ему сюрприз. Для этого требовалось напрячь все мышцы, которые размякли от погони, а ее руки болтались, как у тряпичной куклы.

Когда они достигли небольшой поляны, он бесцеремонно бросил ее на землю. Она смотрела на него снизу вверх, стараясь сдержать охватившую ее панику.

К горлу подступила тошнота.

Солдат сунул руки под кольчугу и начал развязывать тесемки своих штанов.

— Не двигайся, глупая тварь. Я никогда еще не имел женщину, чтобы заставить ее говорить то, что я хочу услышать, и никогда не допрашивал такую красавицу, как ты. Вернее, такую красавицу, какой ты была. Сейчас твое лицо не слишком привлекательно. — Он засмеялся.

Джанет старалась не слушать то, что он говорил, сосредоточившись на своей руке, которая медленно продвигалась к сапогу.

Еще несколько дюймов…

Она охнула, когда он перешагнул через нее и попытался раздвинуть ее ноги своей ступней. При этом он неосознанно помог ей. Ее рука, наконец добралась до цели.

Она сжала рукоятку кинжала, когда солдат опустился на колени перед ней.

Джанет видела в лунном свете холодный блеск его улыбки.

— Разве ты не собираешься сопротивляться? Это было бы так забавно.

Ее сердце замерло, и она задержала дыхание, дожидаясь подходящего момента.

Он задрал кольчугу. Глаза Джанет устремились на его вздыбленную плоть, и она содрогнулась от отвращения.

Мужчина заметил ее реакцию.

— Да, это впечатляющее зрелище, не так ли? — Он посмотрел вниз и обхватил свой член рукой.

Настало время для нанесения решающего удара. Джанет вытащила кинжал из ножен и вонзила его в ногу солдата.

Он вскрикнул от неожиданности и боли. Его глаза расширились, затем его руки сомкнулись вокруг ее горла.

Джанет пронзительно закричала, пока еще хватало воздуха.

Из сбивчивого рассказа мальчишки Юэн понял, что священник увидел леди в деревне и послал человека в замок за солдатами, чтобы арестовать ее, но леди убежала, прежде чем он смог схватить ее, и, возможно, потом преследовал ее с отрядом конных солдат в лесу.

Оставив мальчика наблюдать за дорогой, Юэн и Сазерленд двинулись по следам через лес. Поскольку было темно, он вынужден был воспользоваться факелом.

Они достигли того места, где появились другие следы, ведущие от дороги, и Юэн похолодел. Через несколько шагов его страхи подтвердились: кто-то последовал за Джанет и захватил ее. Он двинулся по следам туда, куда мужчина поволок ее, когда услышал звук, от которого его сердце замерло. Это был пронзительный женский крик.

Юэн не стал колебаться, даже когда Сазерленд предупредил его об опасности, и бросился в лес. Звук был мучительно сдавленным. Юэн молился так страстно, как никогда в жизни. «Господи, помоги мне успеть найти ее. Не допусти, чтобы было слишком поздно. Прошу тебя, еще несколько секунд…»

Юэн ворвался на поляну с поднятым мечом, и когда увидел, как хрупкая фигура пытается выбраться из-под тела лежащего ничком мужчины, казалось, сердце его остановилось.

Его рука опустилась.

— Джанет?

Джанет взглянула на него, и из его горла вырвался болезненный стон. Юэн зашатался от охвативших его чувств. Нечто подобное он испытал после первой своей битвы, когда вид окровавленных тел шокировал его. Но это было ничто по сравнению с видом избитой и окровавленной женщины, которую он любил.

— Юэн? — тихо произнесла она. — Ты все-таки нашел меня.

Она качнулась, и он устремился вперед, чтобы поддержать ее. Его сердце колотилось так сильно, что он едва мог дышать. Он бережно прижал ее к себе. При мысли о том, как близок он был к тому, чтобы потерять ее, у него ослабели колени.

— О Боже, как ты себя чувствуешь? Что произошло?

Джанет уткнулась головой ему в грудь и ухватилась за него, как испуганный котенок. Однако, взглянув на тело мужчины у ее ног, он понял, что у этого котенка сердце льва. Она была избита, но не побеждена, и, несмотря на душевные муки, Юэн испытал чувство гордости за нее.

Он поцеловал Джанет в макушку, ощутив шелковистость ее волос и запах колокольчиков, напомнивших ему о доме и о семье. Теперь его семьей была она. Как он до сих пор не понял этого?

— Все хорошо, — прошептал Юэн успокаивающе. — Я с тобой. Все будет хорошо, обещаю.

Сазерленд подошел к ним с факелом и выругался, когда увидел ее лицо. Оба мужчины пришли в ярость.

Внезапно на окровавленном лице Джанет отразилась тревога.

— Вы должны перехватить их, прежде чем они достигнут замка.

— Кого именно? — спросил Юэн.

Она не успела ответить, как вдруг ночную тишину пронизал резкий свист. Мужчины переглянулись. Сазерленд засвистел в ответ, и через несколько минут они встретились со своими друзьями.

Джанет была потрясена произошедшим. Она все еще чувствовала мужские руки, сжимавшие ее горло. Она поняла, что солдат намеревался убить ее. Он так и сделал бы, если бы ее кинжал не угодил в нужное место. Мужчина рухнул на нее, истекая кровью.

В этом кошмаре Юэн появился подобно ночному видению. Джанет потребовалось некоторое время, чтобы осознать, что это происходит на самом деле.

Он нашел ее. Он обнимал ее, и ей хотелось, чтобы он никогда ее не отпускал.

Но затем она вспомнила о священнике. Они должны найти его, прежде чем он прибудет в замок. На кону была жизнь ее осведомителя.

Однако ее объяснение было прервано прибытием еще троих призраков в шлемах с забралами. При обычных обстоятельствах Джанет, возможно, почувствовала бы некоторый испуг, даже зная, что они друзья, но Юэн держал ее в своих объятиях, и она не испытывала никакого страха.

— Мы услышали крик, — объяснил один из воинов причину их появления здесь. Джанет по голосу узнала Магнуса.

Когда она повернулась и посмотрела на него, прижимаясь к груди Юэна, огромный шотландец выругался.

Она облизнула губу и, почувствовав кровь, поняла, что, должно быть, ее лицо выглядит ужасно.

— Что случилось, дорогая? — спросил Юэн мягким тоном, какого она прежде не слышала от него.

Должно быть, Джанет действительно выглядела плохо.

— У меня нет времени на объяснения. Отряд из пяти английских солдат, священник и с ним еще один человек возвращаются в замок. Надо перехватить их, прежде чем они прибудут туда. У них письмо, предназначенное Брюсу. Если оно будет доставлено в замок, это повлечет смерть преданного нам человека. — Она почувствовала движение одного из людей со стороны Магнуса и инстинктивно прижалась к груди Юэна. Даже под забралом было видно, какой гнев выражало лицо этого мужчины.

— Назад, Змей, — сказал Юэн. — Что с тобой, черт побери?

Воин проигнорировал его. Не отрывая сурового взгляда от Джанет, он спросил:

— Когда они уехали?

— Несколько минут назад. — Джанет немного подумала. — Возможно, минут пять назад?

— Я еду, — сказал воин, которого Юэн назвал Змеем.

Джанет повернулась к Юэну.

— Ты тоже должен поехать. Ты должен убедиться, что эти люди найдут их и никто не ускользнет.

Юэн сжал челюсти. Он казался непоколебимым, как каменная стена.

— Я не оставлю тебя.

— Пожалуйста, — сказала Джанет. — Ты должен сделать это ради меня. Прошу тебя.

Он встретился с ее взглядом.

— Не требуй этого от меня. Ты серьезно пострадала. Боже, Джанет, ты вся в крови, и твое лицо… — Его голос оборвался. В лунном свете казалось, что его глаза блестели от слез.

Она улыбнулась, губы ее дрожали от боли.

— Мое лицо излечится, а кровь не моя. — По крайней мере, большая часть была не ее. — Мне необходимо, как можно скорее найти Роберта, но я не могу сделать это, пока не узнаю, что женщина из замка в безопасности.

— Змей позаботится об этом, — сказал Юэн. Однако, по-видимому, он прочитал что-то на ее лице. — Это очень важно для тебя?

Она кивнула.

Topreading.ru

— Переговоры в Селкеркке являются ловушкой. Англичане намереваются нарушить перемирие. — Мужчины, услышав эту новость, выругались.

— Ты уверена? — спросил Юэн. — Нарушение мира во время переговоров за гранью даже обычного вероломства англичан.

Джанет опять кивнула.

— Да, я уверена. Доказательства содержатся в том письме.

Воин по кличке Змей прервал их разговор.

— Нам надо немедленно ехать, если мы хотим перехватить их до прибытия в замок, который находится не так далеко.

И все же Юэн колебался. Он не хотел отпускать Джанет.

Ее сердце сжалось.

— Все будет хорошо, — тихо сказала она. — Мой зять обеспечит мне безопасность. Не так ли, сэр Кеннет?

Муж Мэри улыбнулся и выступил вперед.

— Я буду беречь вас, как собственную жизнь, миледи.

Сэр Кеннет протянул руку, и Юэн неохотно отпустил Джанет.

— Я надеюсь на тебя, Лед, — сказал он с чувством.

Юэн, Змей и мужчина, в котором Джанет узнала Маклина, двинулись в путь, но Магнус остановил их.

— «Лучше умереть, чем сдаться!» — провозгласил он их лозунг. Затем обратился к Юэну: — Послушай, Охотник. — Тот повернулся и посмотрел на него. — Поскорее возвращайся. Мне кажется, ты забыл кое-что рассказать нам.

Лицо Юэна помрачнело при мысли о том, что случилось с Джанет. Бросив на нее прощальный взгляд, который выражал то, что осталось невысказанным, он вместе с двумя товарищами двинулся в путь.

Джанет хотела вернуть его. Хотела чувствовать его объятия. Хотела уткнуться головой в его грудь, свернуться калачиком, и пусть он пошлет все к черту.

Но они оба должны делать свою работу.

Но они оба должны делать свою работу.

Когда только все это кончится…

Впервые с тех пор, когда она оставила Юэна в ту памятную ночь в сарае, у нее возродилась надежда на то, что они смогут быть вместе.

Topreading.ru

Глава 25

Замок Данстаффнэйдж, Лорн, Северная Шотландия, канун Рождества 1310 года

Джанет сидела на сундуке в изножье кровати. Служанка только что закончила укладывать ее волосы золотистым венцом, когда раздался стук в дверь.

Она разрешила войти, и в комнате появилась ее сестра-близнец, Мэри. Их взгляды встретились. Мэри покачала головой в ответ на ее немой вопрос, и плечи Джанет опустились.

Удивительная бессловесная связь, которая установилась между сестрами с детства, вернулась к ним, когда они вновь воссоединились.

Эмоции переполняли грудь Джанет. Она не представляла, как сильно соскучилась по сестре, пока Мэри не ворвалась в комнату, где Джанет находилась по прибытии и где леди Хелен, жена Магнуса, обрабатывала ее раны. Сестры взглянули друг на друга и разразились слезами. Потребовалось некоторое время, прежде чем Хелен смогла продолжить лечить лицо Джанет, ее ребра и сломанную кисть.

Джанет все еще не могла поверить, что сестра простила ее. И если Мэри говорила правду, она никогда не осуждала ее. Сестра не представляла, как много ее прощение значило для Джанет. Казалось, с ее плеч свалился огромный груз. К ее удивлению, разговор о том, что произошло в ту ночь, когда погибли люди Калеба и Макруайри, не возобновлялся. Она будет сожалеть о погибших людях всю оставшуюся жизнь, однако была готова окончательно закрыть эту тему.

Несмотря на радость от встречи с сестрой, отрицательное покачивание ее головы заставило сжаться сердце Джанет.

— Все еще никаких известий о нем?

Это была скорее мольба, чем вопрос. Вскоре после того, как Джанет удалось остановить короля всего в нескольких милях от Селкеркка и предупредить его о предстоящем предательстве, Змей — теперь она знала, что это военная кличка Лахлана Макруайри, — и Йен Маклин встретились с ними. Их миссия оказалась успешной. Они забрали письмо для короля и обеспечили безопасность информатора. Однако Юэн покинул их в Роксборо ради цели, которую не назвал. Он передал письмо для нее, в котором сообщалось, что он скоро вернется, однако прошло больше недели, и Джанет начала терять надежду.

Она ничего не понимала. Она думала, что, когда он нашел ее в лесу, когда держал в своих объятиях, когда смотрел в ее глаза с такой нежностью, с таким трогательным чувством, он изменил свое мнение. Казалось, он понял, что любит ее и намерен бороться за их будущее.

Но где же он? Почему не пришел за ней? Что случилось?

Ее преследовала мысль о его ноге и о том, как близок он был к смерти. Она не могла простить себе свою ошибку, когда приняла его лихорадочное состояние за результат излишнего потребления эля и покинула его, такого больного.

Мэри опять покачала головой.

— Кеннет разговаривал с королем, но никто не знает, где он. Даже Роберт.

Джанет поморщилась, забыв о своих ранах на лице. Хотя Хелен сказала, что раны заживают, суровые испытания все-таки оставили свой след в виде небольших шрамов, порезов и синяков.

Однако необходимо решить с Робертом проблему, которая вызвала у нее такую реакцию. Она не разговаривала с ним с тех пор, как сообщила новость о предательстве англичан. Он был чрезвычайно благодарен и в то же время зол от того, что с ней случилось, но они не обсуждали будущее ее и Юэна.

— Не могу поверить, что друзья оставили его, когда он еще не полностью выздоровел, — сказала Джанет, теребя руками свои юбки. — Что, если он опять слег где-нибудь…

— Его друзья говорили, что он чувствовал себя достаточно хорошо, — успокоила ее Мэри. — Белла тоже была недовольна Лахланом, когда узнала, как тот поступил. Однако Лахлан заявил, что он не нянька; к тому же Юэн настаивал на своем.

— Юэн никому не сказал, что король исключил его из гвардии? — спросила Джанет.

Мэри рассказала ей, что секретная армия Брюса — или «призраки», как она их назвала — известна людям как Хайлендская гвардия. Хотя Джанет не была посвящена, кем являлись все эти воины на самом деле, у нее были определенные подозрения относительно известных ей личностей. Если бы король Эдвард был достаточно сообразительным, то устроил бы слежку за каждым шотландцем, имеющим рост свыше шести футов, крепкое телосложение и красивое лицо.

— Нет, — ответила Мэри, — но как только его друзья узнали об этом, они попытались убедить короля пересмотреть свое решение.

Зная, каким упрямым мог быть Роберт, Джанет спросила:

— Им удалось это сделать?

Мэри пожала плечами.

— Не знаю, но, видимо, у них нашлись убедительные доводы.

— Нелепо рассчитывать на это. — Джанет встала и направилась к двери.

Мэри взглянула на нее, сидя на краю кровати.

— Куда ты идешь?

— Узнать, какое решение принял Роберт.

Даже если Юэн не хотел иметь дело с ней, он не должен потерять все из-за нее.

* * *

С годами Роберт Брюс очень изменился: он уже не был тем молодым красивым рыцарем, который завоевал сердце Изабел, старшей сестры Джанет. Он по-прежнему оставался красавцем, но выглядел гораздо старше своих тридцати шести лет. Война, трудности, с которыми он столкнулся после катастрофического поражения в битве при Метвене, и последующий крах оставили на его лице глубокие морщины. Но больше всего изменилось

выражение его лица. Веселый, общительный рыцарь исчез навсегда. Теперь он стал серьезным, грозным, закаленным в боях воином и королем.

Сидя напротив него в его личных покоях — люди короля оставили их по ее просьбе, — Джанет внезапно испытала мрачное предчувствие. Она считала его просто Робертом, но человек перед ней, несомненно, был истинным королем. Однако вопрос в его темных глазах, устремленных на нее, придал ей храбрости.

— Надеюсь, ты чувствуешь себя лучше? Полагаю, Хелен делает все необходимое? Я сказал ей, чтобы она обеспечила тебя всем, что ты пожелаешь.

— Я чувствую себя намного лучше. Хелен заботится обо мне, как если бы я была ее сестрой. Но есть одна вещь, о которой я хотела бы попросить.

Он улыбнулся и явно расслабился.

— Проси, чего хочешь. Я в долгу перед тобой, Джанет. Мне известно, что тебе пришлось испытать, чтобы доставить мне то письмо. И я слышал, как ты защитила нашего осведомителя в замке, задержав мужчину в проулке.

Их взгляды встретились, и Джанет увидела, какой искренней была его благодарность. Этот информатор был важен для него. Однако ее удивило, откуда король мог узнать подробности того, что с ней произошло. Должно быть, кто-то еще общался с ее осведомителем.

Их взгляды встретились, и Джанет увидела, какой искренней была его благодарность. Этот информатор был важен для него. Однако ее удивило, откуда король мог узнать подробности того, что с ней произошло. Должно быть, кто-то еще общался с ее осведомителем.

— Я до сих пор не могу поверить, что англичане замышляли предательство во время мирных переговоров, — продолжил он. — Глостер и Корнуолл дали мне слово. Я мог бы ожидать нечто подобное от Гавестона, но только не от сына Монтимера.

Граф Корнуолл, Пирс Гавестон, был фаворитом короля Эдварда. А граф Глостер, Гилберт де Клэр, являлся преданным сторонником короля, но он был также пасынком одного из бывших друзей Роберта, Ральфа де Монтимера.

— После Метвена я уже ничему не удивляюсь. — Лицо Роберта помрачнело, и Джанет заметила искры гнева в его глазах. — Из того, что я прочитал в письме, следует, что они планировали окружить нас ночью всем гарнизоном, размещавшимся в Роксборо. — Он умолк, собираясь с мыслями, прежде чем снова посмотрел на нее. — Так чего ты хочешь, Джанет? Я сделаю все, что в моей власти.

Джанет, не отрывая от него глаз, ответила, не колеблясь:

— Я хочу Юэна.

Глаза Роберта вспыхнули.

— Ты не должна оборачивать мои слова против меня, Джанет. Я уже дал ответ Ламонту, когда он приходил ко мне с просьбой.

Джанет не испугал его гнев.

— Я прошу вас заново пересмотреть недавние события. Я никогда ни о чем не просила вас, Роберт, но сейчас прошу.

Он сидел в своем кресле, как на троне, изучая ее пытливым взглядом.

— Чем вызвана твоя просьба?

— Я не хочу, чтобы Юэн был наказан за то, что произошло. Верните ему его земли и место в гвардии, и… — Ее щеки густо покраснели.

— И что? — спросил Роберт.

— И если он все еще хочет жениться на мне, дайте нам свое благословение.

— Ты ведь не хочешь, чтобы я приказал ему жениться на тебе?

Джанет покачала головой.

— Я не хочу, чтобы его заставляли вступить в брак, и не хочу также, чтобы принуждали меня.

Король нахмурился, от него не ускользнул дерзкий упрек в ее словах.

— Он лишил тебя невинности, и я не собираюсь награждать его за это.

— Вы совсем не знаете меня, если думаете, что он сделал это без моего желания.

— Он воспользовался твоей невинностью в своих интересах, — сказал Роберт немного смущенно. Очевидно, ему было неловко обсуждать такие интимные вещи с женщиной, которая была для него как сестра.

— Я не девочка, Роберт. Я женщина двадцати семи лет, которая давно ждала этого. Я люблю Юэна.

— Любовь не повод для брака. Он не имеет ни достаточно земель, ни титула, ни будущего.

— Но вы можете дать ему все это, — сказала Джанет. — Если то, что я сделала для вас, не заслуживает награды, тогда что вы скажете по поводу того, что он сделал для вас? — Она дала ему возможность обдумать ее слова в течение нескольких секунд. — Что касается любви, то что вы скажете относительно своих браков, Роберт? Неужели для вас вступление в брак выглядит не более чем уведомлением своей избранницы о своем желании жениться на ней?

Выражение лица Роберта ничем не выдавало, что ее слова достигли своей цели, однако Джанет знала, что так оно и есть. Всем было хорошо известно, что Роберт в обоих случаях женился по любви.

Спустя мгновение он покачал головой и посмотрел на нее таким сердитым взглядом, который она помнила с тех времен, когда жила под одной крышей с ним и Изабел.

— Тебе следовало быть адвокатом, Джанет. Жаль, что ты не мужчина. Я сделал бы тебя своим личным советником.

Джанет усмехнулась, вспомнив подобные слова Юэна, когда впервые познакомилась с ним.

— Может быть, ваше величество.

Он задумался, нахмурив брови. Зерно сомнения пустило корни, когда внезапно раздался громкий стук в дверь. Спустя мгновение в комнату вошел военачальник, который редко покидал Роберта.

Внушительный, грозный, устрашающий, властный, ужасный — всех этих эпитетов недостаточно для описания Тора Маклауда. Командир Хайлендской гвардии выглядел лордом, а не подчиненным, даже в присутствии такой величественной персоны, как Роберт Брюс.

— Поскольку вы прервали наш разговор, полагаю, что-то очень важное привело вас сюда? — сказал Роберт.

— Да, — ответил Тор. — Здесь человек, который хочет повидать вас.

— Скажите ему, чтобы он подождал.

Тор взглянул на Джанет, и легкая улыбка тронула его губы.

— Думаю, вы захотите увидеть его.

Он выглянул за дверь и жестом позвал кого-то войти. У Джанет перехватило дыхание, и сердце бешено забилось, когда в комнату вошел Юэн.

— Ты вернулся! — воскликнула она и бросилась бы в его объятия, если бы не заметила мужчину, который вошел вслед за ним.

Ее сердце, воспарившее мгновение назад, упало. Она похолодела и раскрыла от потрясения рот.

Хотя мужчина выглядел значительно старше, чем когда она видела его последний раз, Джанет узнала в нем долговязого Уолтера Стюарта, нового управляющего Шотландии.

Ее взгляд устремился на Юэна с молчаливым ужасом, ища поддержки. Зачем он привел его сюда?

Юэн хотел сразу подойти к Джанет, как только вошел в комнату, однако сдержался, заметив человека, сидевшего в кресле на противоположной стороне стола. В прошлый раз их разговор прошел неудачно, но сейчас Юэн должен сделать все правильно.

При виде Джанет он испытал невероятное облегчение. Он убеждал себя снова и снова, что Хелен позаботится о ней, что она находится в хороших руках, и позволил себе расслабиться, когда наконец увидел ее.

Он обратил внимание на повязку на ее запястье, на ребрах под платьем и на небольшие швы на щеке. Опухоль на скуле и носу спала, оставив желтоватые, с темно-синими оттенками следы от синяков. Два темных полумесяца под глазами свидетельствовали о том, что ее нос был сломан, хотя выглядел прямым, как прежде.

Их взгляды встретились, и выражение неуверенности в ее глазах изменило намерение Юэна вести себя сдержанно. «К черту Брюса!» Он подошел к Джанет и протянул ей руку. Она вложила свою ладонь в его, и он помог ей подняться на ноги.

Юэн продолжал держать ее, а другой рукой приподнял голову Джанет, чтобы лучше осмотреть

ее лицо, поворачивая его то в одну сторону, то в другую.

— Ты в порядке?

Она кивнула, и он позволил себе нежно провести большим пальцем по контуру синяка на подбородке, прежде чем отпустил ее и повернулся к королю. Юэн с трудом сдержался, чтобы не поцеловать Джанет, и, судя по выражению лица короля, он был близок к тому, чтобы выйти отсюда в цепях.

— Кажется, я приказал тебе вернуться сюда к дню Святого Дростана вместе с остальными людьми, — сказал Брюс, гневно глядя на него.

Юэн не стал напоминать королю, что тот на самом деле приказал не появляться ему на глаза.

— У меня было важное дело, о котором я должен был позаботиться.

Взгляд Брюса метнулся в сторону Уолтера, затем снова вернулся к Юэну.

— Кажется, ты и прежде не раз нарушал приказы.

Юэн не стал возражать.

Король задержал на нем продолжительный взгляд, потом обратился к Уолтеру.

— Полагаю, он привел вас сюда по какой-то причине?

— Да, ваше величество, — сказал Уолтер и сделал шаг вперед с поклоном. — Ламонт обратился ко мне с неожиданной просьбой. Он попросил у меня разрешения жениться на моей нареченной.

Юэн услышал, как Джанет тяжело вздохнула, и почувствовал на себе ее взгляд, однако сам не отрывал глаз от Брюса. Король откинулся на спинку кресла с непроницаемым выражением лица.

— Он действительно сделал это? А он не упомянул о том, что я отказал ему в подобной просьбе?

— Да, — сказал Уолтер. — Он сообщил мне и об этом.

— И что вы ответили ему? — спросил Брюс.

Уолтер с извиняющимся видом посмотрел на Джанет, прежде чем ответил.

— Я сказал, что готов оказать ему поддержку и аннулировать обручение, если это является также желанием леди.

— Да, таково мое желание! — Джанет подалась вперед, чтобы уверить в этом короля, но тот сдержал ее порыв поднятием руки.

Юэн мысленно поблагодарил Бога. До этого момента он не был уверен, что окончательно убедил Уолтера Стюарта.

— Полагаю, он все вам рассказал? — спросил Брюс.

Topreading.ru

Стюарт, которого очевидно смущало присутствие Джанет, покраснел.

— Да, ваше величество.

Король помолчал минуту, затем обратился к Джанет.

— Маклауд отведет тебя в твою комнату. Леди Анна приготовила сегодня торжественный ужин в канун Рождества. Мы поговорим позже.

Джанет хотела возразить.

— Но…

Юэн прервал ее, взяв ее руки в свои и нежно пожав.

— Иди. Я найду тебя. Помнишь, что я говорил тебе?

Она кивнула.

— Доверься мне, — тихо сказал он, не отрывая от нее взгляда. — Я не допущу, чтобы ты снова исчезла.

Джанет подняла раненую бровь.

— Я не всегда буду такой послушной.

Юэн улыбнулся.

— Я содрогаюсь при мысли об этом.

Он поднес ее руку к своим губам и поцеловал, прежде чем окончательно отпустил ее, поклявшись, что это было в последний раз.

Джанет с трудом двинулась к двери. Взглянув через плечо, она сказала на прощание Брюсу:

— Помните о вашем обещании, Роберт.

— Я не давал никаких обещаний, — возразил король.

— Да, но я знаю, что вы готовы были это сделать. — Она улыбнулась ему и поморщилась от боли.

Юэн и король подались к ней.

— Ты в порядке? — спросили они одновременно.

Джанет снова улыбнулась.

— Все хорошо.

Плутовка! Она умышленно состроила такую гримасу, и оба мужчины поняли это. Когда Джанет покинула комнату, Юэн и король переглянулись. Юэн подозревал, что он выглядит так же раздосадованно, как и король.

Topreading.ru

Глава 26

Джанет ждала достаточно долго. Юэн покинул помещение короля час назад. Леди Анна Кэмпбелл, жена Артура Кэмпбелла, королевского хранителя замка Данстаффнэйдж, любезно сообщила ей об этом, а также то, где Джанет может найти Юэна.

Она восприняла это сообщение как хороший признак: значит, Юэну выделили комнату в замке вместо того, чтобы отправить его в тюрьму. Тогда почему он не пришел к ней?

В замке царило предпраздничное возбуждение. Джанет миновала многочисленных слуг, двигаясь из своей комнаты на третьем этаже в комнату Юэна — на первом. Она нахмурилась, заметив молодую и весьма хорошенькую служанку, которая направилась к той же двери, что и она, с большим ведром воды в руках.

Девушка уже собиралась открыть дверь, когда Джанет остановила ее.

— Я сделаю это сама.

Служанка была поражена. Она покачала головой.

— Это нехорошо, миледи. Лэрд… — ее щеки покраснели, — купается.

— Прямо сейчас? — Джанет надеялась, что не выдала голосом своего раздражения.

Девушка кивнула.

— Леди Хелен настаивает, чтобы он омывал свою ногу по меньшей мере один раз в день. — Джанет почувствовала угрызения совести из-за своей ревности, но эта ревность мгновенно возродилась, когда девушка добавила: — Я должна помогать ему во всем, пока леди Хелен заботится о маленьком Уильяме.

Джанет видела своего очаровательного племянника несколько дней назад. Ребенок доставлял много хлопот, так как уже начал ползать.

— С ним что-то случилось?

— Малыш ударился головой о стойку кровати, но леди Хелен говорит, что с ним все в порядке. Нет даже синяка.

Джанет удовлетворенно кивнула, не скрывая своего облегчения.

— Я сама отнесу ведро лэрду. Мы должны скоро пожениться. — По крайней мере, она надеялась на это. — Но если не возражаете, я хотела бы, чтобы вы сначала сделали кое-что.

Когда Юэн отозвался на стук в дверь, ответила служанка.

— Ваша вода, милорд. — Однако в комнату вошла Джанет. Она закрыла за собой дверь и подошла к обнаженному мужчине, сидящему спиной к ней в ванне. Джанет была достаточно раздражена и потому без стыда смотрела на его загорелое тело.

— Помыть вам спину, милорд? — спросила она тихим певучим голосом, непохожим на ее обычный голос.

Topreading.ru

— Если хотите, — сказал он безразличным тоном.

«Негодяй! Он мог бы сам помыться!» Джанет с особым удовольствием вылила ему на голову целое ведро воды. Холодной воды, как она успела заметить.

— Какого черта! — Он вскочил в ванне и повернулся с разгневанным видом. Его гнев утих, едва он увидел, кто стоит перед ним. Он нахмурился. — Какого черта ты здесь делаешь, Джанет?

Она поджала губы и скрестила руки на груди, внимательно разглядывая его могучее тело, слегка расслабившееся, в то время как довольно большая часть его начала твердеть и подниматься под ее неотрывным взглядом.

Юэн выругался, схватил сухую тряпку, лежащую на кровати, и обернул ее вокруг пояса.

Однако он просчитался, надеясь прикрыться ею. Намокшая ткань облепила его тело и чресла. Боже, как здесь жарко и душно.

— Перестань смотреть на меня так, черт побери.

Их взгляды встретились.

— Хочешь, чтобы я позвала сюда служанку?

Юэн задумался на мгновение, затем широко улыбнулся. Он выглядел таким красивым, что сердце Джанет сжалось.

— Ты явно ревнуешь.

Джанет не стала отрицать.

— Теперь ты можешь мыться сам.

Он усмехнулся и скрестил перед собой руки — вероятно, чтобы отвлечь ее внимание. Это возымело действие. Она глубоко вздохнула, впечатленная видом его мускулов.

— А что, если мне потребуется помощь?

— Я тебе помогу, — сказала она, стиснув зубы и понимая, что поступает нелепо.

— Думаю, мне понравится покорная и услужливая женщина. Кажется, я уже сделал из тебя подходящую жену.

Джанет посмотрела ему в глаза. Ревность, шутливое настроение, восхищение его мускулистым телом — все это исчезло. Сейчас имело значение только одно — самое важное.

— Король согласился?

— Да, — хрипло произнес он. В его глазах она увидела то же чувство, какое переполняло ее сердце. — Однако он поставил одно условие.

Джанет насторожилась.

— Какое условие?

Topreading.ru

— Я должен получить твое согласие.

Ее глаза наполнились слезами, когда Юэн опустился перед ней на одно колено. Он взял ее руку и заглянул в ее глаза.

— Прошу прощения за то, что лгал тебе. Мне следовало сразу рассказать тебе правду. Я сожалею, что не удержал тебя в своих объятиях, после того как мы занимались любовью, и не сказал, как сильно люблю тебя. Я сожалею, что не проявил достаточно храбрости, чтобы бороться за наше будущее, и сразу не предложил тебе стать моей женой. Я боялся потерять все, чего добился, и не сразу понял, что без тебя ничто не имеет значения. Я знаю, что не могу изменить то, что было. Однако постараюсь искупить свою вину, если ты согласишься стать моей женой.

Джанет стояла, ошеломленная, и молчала. Казалось, они поменялись ролями. Мужчина, который всегда говорил коряво, сейчас выражался красиво, а женщина, которая всегда знала, что сказать, не находила слов.

Юэн начал немного беспокоиться, нерешительно глядя на нее.

— Джанет?

Ей требовалось выяснить еще кое-что.

— Что, если я захочу продолжить свою работу?

Он немного помолчал.

— Ты собираешься продолжать свое дело даже после того, что случилось?

— Что, если так?

— Я постараюсь отговорить тебя. Пусть тот священник мертв, но есть другие люди, которые в конечном счете смогут разоблачить тебя, как это сделал он.

— А если ты не сможешь переубедить меня?

Юэн выглядел чрезвычайно озадаченным.

— Я уступлю, хотя очень неохотно, твоему желанию. И вероятно, мне будет крайне неприятно, как Маккею, когда Хелен настаивает на том, чтобы сопровождать нас.

Широкая улыбка преобразила ее черты. Если ей были нужны доказательства его любви, она получила их сейчас.

— Значит, тебе всего лишь будет неприятно? В это трудно поверить.

Юэн шлепнул ее по заду, и она засмеялась.

Затем лицо ее вновь стало серьезным.

— Я хотела бы продолжать помогать Роберту, однако думаю, моя роль курьера окончена. Ты прав, я была слишком самоуверенной относительно своих способностей и возможностей, — признала Джанет, — и даже немного наивной, не представляя, что может случиться. Мне следовало быть более осторожной. После того, как я дважды чудом уцелела, думаю, мне не

следует появляться в пограничном районе, не говоря уже о том, что мои возможности преображаться иссякли.

— Дважды чудом уцелела? — глухо повторил Юэн.

— О, кажется, я забыла рассказать, как случилось, что я стала работать в мануфактурной лавке?

— Да, забыла.

Джанет кратко пересказала эту историю, не обращая внимания на помрачневшее выражение лица Юэна, когда она упомянула о рыцаре и его сквайре, и закончила тем, как она вынуждена была исчезнуть, не попрощавшись с Хендризами.

— Может быть, надо послать им сообщение и убедиться, что они в безопасности?

— Считай, что это уже сделано.

— Благодарю, — сказала она, почувствовав, какой груз свалился с ее плеч.

— Я рад, что ты не собираешься снова надеть монашескую одежду.

Джанет улыбнулась.

— Не ожидала, что тебя это обрадует. Кроме того, это было бы неуместно при данных обстоятельствах.

— Каких обстоятельствах?

Она не была готова сообщить ему. Это был ее последний решающий довод, если бы Роберт отказал ей в ее просьбе.

— Не думай, что я закончила свою деятельность. У меня есть другой план относительно моей работы.

Юэн застонал.

— Я даже не хочу спрашивать, какой план.

— Не беспокойся, он не слишком страшный.

На лице Юэна появилась болезненная гримаса.

— Какое облегчение, — сухо сказал он. — Джанет, если ты не заметила, я все еще стою на одном колене. — Он поморщился.

Ее взгляд устремился на его ногу.

— О Боже, я совсем забыла о твоей ноге. — Она помогла ему подняться. — Сильно болит? Извини за то, что я оставила тебя тогда в таком положении. Я не знала, что ты был болен в ту ночь, когда я ушла. Я думала, что ты просто пьян.

Юэн откинул ее волосы с лица.

Topreading.ru

— Я редко злоупотребляю спиртным.

Она посмотрела на него.

— Из-за отца?

Он кивнул.

— Мне следовало помнить, что у тебя больная нога, — сказала Джанет.

Юэн покачал головой.

— Я не хотел, чтобы ты знала об этом. Черт возьми, я не думал, что все так плохо.

— Слава Богу, Хелен помогла тебе, — сказала Джанет.

К Юэну снова вернулось сентиментальное настроение. Он приподнял ее подбородок и заставил Джанет посмотреть ему в глаза.

— Ты не ответила на мой вопрос.

Она улыбнулась.

— Да… да!

— Слава Богу, — произнес он со стоном и заключил ее в свои объятия.

Нежный поцелуй, предназначенный скрепить их будущее, быстро обернулся чем-то другим. Чем-то пылким и требовательным. Джанет обвила руками его шею и прижалась к нему всем телом.

Горячее прикосновение его языка к ее губам заставило ее вздрогнуть. Тепло проникло до глубины ее естества и распространилось по всем телу настойчивыми волнами. Боже, как ей нравились его поцелуи.

Движения его языка проникали глубже, становились более горячими и чувственными. Его тело напряглось и затвердело от желания.

Она застонала, и он прервал поцелуй.

— О черт. Я причинил тебе боль? — Он провел пальцем по порезу на ее щеке и по синяку на подбородке.

Джанет покачала головой.

— Жаль, что ты убила его, — сказал Юэн. Джанет удивленно посмотрела на него. Его лицо выражало свирепость, какую она не видела прежде. — Я хотел бы заставить его страдать за то, что он сделал с тобой.

Она приподнялась на мысках и поцеловала его в губы.

— Все это в прошлом. А сейчас меня больше беспокоит будущее — наше будущее.

Джанет просунула руку между ними и начала водить кончиками пальцев по его животу,

постепенно приближаясь к отвердевшей плоти под высохшей тканью. Его глаза потемнели, и мышцы на животе напряглись.

Юэн хотел схватить ее за запястье, чтобы остановить, но она умышленно воспользовалась поврежденной рукой, и это помешало ему.

Юэн хотел схватить ее за запястье, чтобы остановить, но она умышленно воспользовалась поврежденной рукой, и это помешало ему.

— Джанет… — хрипло предупредил он. — Перестань трогать меня так, иначе я могу забыть о своих благородных намерениях и о твоих ранах.

Она улыбнулась и посмотрела ему в глаза.

— Все хорошо. Я в порядке, правда. Пожалуйста, я хочу этого. Я хочу тебя.

Не встретив иных возражений, она продвинула свою руку чуть ниже и коснулась ладонью его чресел.

Юэн судорожно вдохнул.

— О Боже, Джанет, так нечестно.

Она озорно улыбнулась.

— Ты ведь можешь быть нежным, не так ли?

Он подхватил ее и отнес на постель.

— Надеюсь, что смогу.

С поврежденной кистью она не могла сама раздеться, и Юэн был рад оказать ей такую услугу.

— Я не думала, что ты можешь выполнять обязанности служанки, — сказала Джанет, поддразнивая его, когда он расстегивал ее платье, напомнив о подобной просьбе, с которой она обратилась к нему не так давно в лачуге рыбака.

Он засмеялся.

— Думаю, я изменил свое мнение. Если ты намеревалась помочь мне в купании, то я, по крайней мере, могу помочь тебе с твоей одеждой.

— Твоя убежденность относительно равенства в браке поистине изумляет меня, — сказала она.

Юэн усмехнулся.

— Я делаю это также в собственных интересах.

Когда последняя одежда Джанет была снята, он отступил назад и смотрел на нее так долго, что ей захотелось прикрыться руками. Однако он ласково отвел их в стороны.

— Не делай этого, — сказал Юэн чувственным голосом. — Ты такая красивая. — Он начал, едва касаясь, скользить пальцами по ее обнаженной коже. — Я хочу прикоснуться к каждой частичке твоего тела.

Topreading.ru

Дыхание Джанет участилось, когда он наклонился и вобрал в рот ее напряженный сосок. Затем начал втягивать его, скользя языком вокруг. Его темные шелковистые волосы касались ей обнаженной кожи. Джанет запустила в них свои пальцы, прижимая его голову к себе, а он обхватил ладонью ее грудь, сжимая и одновременно втягивая все глубже и глубже в рот.

Забыв о своих поврежденных ребрах, Джанет со стоном выгнулась дугой, когда возбуждение начало нарастать.

Юэн поднял голову.

— Ты ведешь себя так, что я уже не могу медлить.

— И кто в этом виноват?

Он улыбнулся, и ее сердце сжалось.

— Мне нравится, когда ты улыбаешься, — тихо сказала она. — Но ты редко это делаешь.

— У меня не было причины улыбаться. Но думаю, теперь все изменится.

Джанет не сомневалась, что так и будет, особенно, когда…

Юэн наклонился и поцеловал ее. То, что она хотела сказать, исчезло в чувственном тумане, охватившем ее вместе с приливом нежности.

Жар его тела, его запах, ощущение его кожи — все это чрезвычайно возбуждало ее.

Он прижался грудью к ее груди, стараясь не давить на поврежденные ребра, но Джанет привлекла его плотнее к себе, желая чувствовать жар и вес его тела.

Юэн убрал с талии высохшую ткань, и Джанет ощутила в полной мере его горячее пульсирующее возбуждение на своем животе. Она обхватила его бедра своими ногами, стараясь придвинуться к нему еще ближе.

Он застонал и усилил поцелуй, лаская ее языком так, что она не могла уже больше терпеть. Ей хотелось, чтобы он вошел в нее. Хотелось почувствовать, как он заполняет ее.

Ее сердце гулко билось, дыхание участилось, и местечко между ног содрогалось от желания.

— Пожалуйста, — простонала Джанет.

Юэн поднял голову и посмотрел ей в глаза. Она почувствовала, как он устраивается между ее ног.

— Скажи, если будет больно, — произнес он глухо, все его мышцы напряглись.

Он начал медленно и осторожно погружаться в нее, растягивая вход. Джанет охнула и застонала, принимая его.

Она совсем не испытывала боли. Это было невероятное ощущение. Джанет почувствовала, как он заполнил ее, обладал ею, любил ее.

Его глаза потемнели от страсти.

Topreading.ru

— Ты такая приятная, — сказал Юэн.

— Ты тоже, — ответила она хриплым голосом.

— Я люблю тебя, моя милая.

Она улыбнулась, и слезы счастья выступили у нее на глазах.

— И я люблю тебя.

Постепенно его тело начало совершать медленные движения. Это было чрезвычайно приятное ощущение. Он полностью завладел ее телом и душой. Это было не просто слияние двух тел, но слияние двух душ. Юэн любил ее. Он стал частью ее естества, и Джанет не хотела отпускать его.

Наконец она приблизилась к вершине. Ее тихие стоны становились все более неистовыми. Казалось, Юэн слышал ее молчаливую мольбу и отвечал на нее. Его проникновения стали более глубокими, быстрыми и сильными. Джанет чувствовала, как напряглось его тело, в то время как она достигла предельного возбуждения и последующей за ним разрядки.

Джанет вскрикнула, испытав наивысшее наслаждение, которое распространилось по всему ее телу медленными пульсирующими волнами.

— О Боже, — простонал Юэн, излив в нее свое горячее семя, которое смешалось с ее влагой. Спазмы продолжали сотрясать ее тело.

Когда все кончилось, он скатился с нее на бок как раньше, но на этот раз крепко обнял ее и держал так, словно никогда не хотел отпускать.

Прошло довольно много времени, прежде чем Юэн вновь обрел силы и способность говорить. Он был потрясен и испытывал благоговейный трепет после того, что произошло. Он не знал, что так бывает. Он никогда ни с кем не испытывал такой близости. У него было много женщин, но только одну он любил по-настоящему: женщину, которая должна стать его женой. Он до сих пор не мог в это поверить.

Словно прочитав его мысли, Джанет спросила:

— Как тебе удалось убедить Роберта согласиться?

Джанет лежала, прижавшись щекой к его груди и теребя его темные волосы у основания шеи, но когда задавала вопрос, оперлась подбородком на тыльную сторону ладони и посмотрела ему в глаза.

— Ты до меня уже многого добилась, — сказал он, поглаживая пальцами ее обнаженное плечо. — И мои собратья тоже.

Юэн не мог поверить, что они отказались выполнять дальнейшие задания, пока его снова не примут в гвардию.

— Как ты смог убедить Уолтера приехать в Данстаффнэйдж, чтобы помочь тебе уладить твое дело?

— Это было нелегко. Но я дал ему понять, что буду более полезен ему в качестве его человека, чем если не буду таковым. К тому же я подсказал ему, кто может стать его другой невестой.

Уолтер Стюарт был молодым, но очень честолюбивым человеком, как его родственники Джеймс Дуглас и Роберт Брюс.

Джанет приподняла бровь, явно заинтригованная.

— Более достойной невестой, чем дочь Мара?

Юэн засмеялся, уловив в ее словах обиду.

Юэн засмеялся, уловив в ее словах обиду.

— Я полагал, что ты хотела расторгнуть помолвку, и поэтому решил, что лучше не обсуждать с ним твои достоинства, — он сжал ее ягодицу, — которых немало.

Она слегка поморщилась, затем рассмеялась.

Юэн поцеловал ее в лоб и прижал к себе плотнее.

— А что ты сказала королю? — спросил он.

Джанет пожала плечами.

— Я просто напомнила ему, что мы сделали для него.

— И все?

— А также напомнила о его собственных браках.

— Всего лишь?

Она опять пожала плечами.

— Этого оказалось достаточно. Однако я приготовилась просить его войти в мое положение и была уверена, что он пойдет мне навстречу. Кроме того, у меня имелся аргумент, который убедил бы его взглянуть на вещи иначе.

Юэн посмотрел на нее с недоверием.

— Мне казалось, ты была слишком самонадеянна. Я никогда не видел короля таким разгневанным.

— О, хорошего адвоката всегда спасает последний, убедительный довод.

— Что ты имеешь в виду?

Их взгляды встретились, и Юэн почувствовал, как что-то екнуло у него внутри, прежде чем она заговорила. Джанет положила руку на свой живот.

— Мои регулы задерживаются.

Юэн замер. Его тело среагировало на важность ее слов, но до мозга дошло не сразу.

Topreading.ru

— Ты беременна?

Она кивнула, на глазах ее блестели слезы.

— Думаю, да. Это… это хорошо?

Боже, как могла она спрашивать такое! Горячая волна чувств захватила Юэна, распирая грудь и подступая к горлу. Он не знал, что сказать. Он никогда не отличался умением говорить. Но в данном случае это не имело значения. Джанет поняла его без слов.

Он сказал ей все своим телом.

Это было не просто хорошо. Она дала ему все, что может пожелать мужчина. Он отыскал в конце концов то, что не надеялся когда-нибудь найти, и теперь ни за что не отпустит эту женщину от себя.

Эпилог

Ардламонт, Коваль, Шотландия, декабрь 1315 года

Джанет намеревалась строго поговорить с маленьким голубоглазым дьяволенком.

— Джеймс! Джеймс Финли Ламонт, немедленно иди сюда! — Она бегала из комнаты в комнату и остановилась, лишь когда вошла в детскую и увидела мужа. Он стоял в нескольких шагах от Джанет с двумя маленькими детьми под мышками, а позади него выглядывали еще две маленькие ножки.

Даже после пяти лет замужества ее сердце по-прежнему замирало, когда она видела Юэна, словно все еще не могла поверить, что он принадлежит ей. Однако, несмотря на свои чувства, она давно научилась не позволять ему отвлекать ее. Джанет сложила руки на груди и пристально посмотрела на Юэна.

— Не пытайся спрятать его. Я вижу тебя, Джеймс.

Маленькая светлая головка выглянула из-за ног Юэна. Джанет не подкупило невинное выражение лица мальчугана.

— Отдай мне это, Джейми.

— Что отдать, мама?

— Письмо, которое ты взял с моего стола. — Она склонилась к маленькому мальчику, стараясь сохранять строгое выражение лица. — Это очень важное письмо, Джейми. Мне необходимо отдать его королю.

Мальчик скорчил гримасу, сунул руку в свой сапожок и извлек теперь смятый кусок пергамента.

— Меня не интересует король. Я не хочу, чтобы ты сегодня работала. Я хочу, чтобы ты поиграла со мной.

Topreading.ru

Упрямое, недовольное лицо мальчика было так похоже на отцовское, что Джанет невольно взглянула на Юэна. Тот только пожал плечами.

— Не смотри на меня так.

Джанет вздохнула и посадила четырехлетнего сына себе на колени. Будет ли когда-нибудь легче? Она старалась совмещать работу на короля в качестве его «советника» и обязанности матери. Однако бывали дни, как сегодня, когда работа вступала в противоречие с домашними делами.

Теперь, когда война с Англией закончилась победой, Роберт был озабочен признанием Шотландии независимым королевством, и Джанет напряженно работала над соответствующими доводами, которые следовало тщательно изложить в письмах, адресованных королю Франции и Папе Римскому. В них также содержалась просьба отменить отлучение от церкви Роберта, наложенное с тех пор, когда он заколол Джона Комина в францисканской церкви четыре года назад. Латынь, которую она когда-то изучала, теперь пригодилась.

— Я думала, ты собирался сегодня поиграть с мячом на улице с папой? — тихо сказала Джанет, поглаживая сына по голове.

— Да, но потом они помешали нам. Они всегда мешают.

Джанет сдержала улыбку и посмотрела на визжащих двухлетних девочек, которых отец держал под мышками. В отличие от Джейми у них были темные волосы, как у Юэна.

— Что они сделали на этот раз? — спросила она у сына.

— Мэри бросила мяч в озеро, и тогда Айза начала кричать. Я не могу терпеть, когда она кричит.

«Я тоже, — подумала Джанет. — Айза ужасно громко кричит». Она обратилась к Юэну за помощью.

— Я стараюсь унять их, — сказал он. — Но, как видишь, у меня руки заняты, и Джейми ускользнул от меня.

— Кажется, кто-то говорил, что с детьми будет легко справиться.

— Я ожидал, что во второй раз родится один ребенок, а не два, — сказал он. — Думаю, мне пора снова идти на войну.

— Война закончилась.

— Не напоминай мне об этом, — сказал Юэн, преувеличенно закатив глаза. — Кажется, Стюарт зовет меня.

— Уолтер может подождать, — сказала Джанет. — Кроме того, у него молодая жена, о которой следует позаботиться. — Она до сих пор не могла поверить, что благородная женщина, вышедшая замуж за Уолтера, была ее племянницей, Марджори Брюс — дочерью Роберта и Изабел. Марджори держали в Англии почти восемь лет и освободили лишь в прошлом году после битвы при Баннокберне. — Кстати, что мужчина посеет, то и пожнет, — напомнила она мужу.

Он лукаво усмехнулся.

— Посев доставляет удовольствие, а вот насчет жатвы я не уверен. — Юэн тут же опроверг свои слова, пощекотав и поцеловав двух маленьких херувимчиков в своих руках, и те громко засмеялись.

— Мы собирались искать тебя, — сказал Юэн, когда девочки наконец оказались на кровати. — Если у тебя найдется минутка, я кое-что тебе покажу.

Джанет вопросительно посмотрела на мужа. После пяти лет брака она научилась различать оттенки его голоса и сейчас уловила в нем необычайное волнение.

— Ты сделал это наконец? — спросила она, затаив дыхание.

Их взгляды встретились, и Юэн кивнул.

Не говоря ни слова, он взял ее за руку и повел вместе с тремя детьми к выходу из старой крепости.

— Не смотри пока, — сказал он, когда Джанет попыталась взглянуть на соседний холм.

Наконец он остановился.

— Теперь смотри.

Джанет подняла голову и ахнула. Яркие лучи послеполуденного солнца освещали заново отстроенный замок, который сиял, как драгоценный камень. По углам возвышались четыре башни, окруженные внушительной стеной. Это была впечатляющая крепость, построенная в классическом стиле, но не это придавало ей особую важность.

Джанет подняла голову и ахнула. Яркие лучи послеполуденного солнца освещали заново отстроенный замок, который сиял, как драгоценный камень. По углам возвышались четыре башни, окруженные внушительной стеной. Это была впечатляющая крепость, построенная в классическом стиле, но не это придавало ей особую важность.

Джанет вложила свою руку в руку мужа, который изменил ее полную опасностей жизнь, когда она исполняла роль курьера, на жизнь, наполненную радостью, смехом и любовью.

— Красивый замок, — сказала она. — Ей он понравился бы.

Юэн взглянул на жену и кивнул. Он закончил строительство замка, который когда-то начал возводиться для его матери, и тем самым исполнил свой долг. Новые поколения Ламонтов наполнят этот замок любовью и смехом.

Взявшись за руки, в окружении детей, Юэн и его жена шли в свою цитадель и в будущее.

Topreading.ru